

Эгберт ЯН

**СПОРНЫЕ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ВОПРОСЫ
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
СОВРЕМЕННОЙ
ИСТОРИИ**

Эгберт ЯН

**СПОРНЫЕ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ВОПРОСЫ
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
СОВРЕМЕННОЙ
ИСТОРИИ**

Egbert JAHN

**POLITISCHE
STREITFRAGEN
IN ZEITGESCHICHTLICHER
PERSPEKTIVE**

Эгберт ЯН

СПОРНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ

РОССПЭН

Москва

2014

УДК 94
ББК 66.2
Я60

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Фонда им. Фридриха Эберта (Германия)*

Ян Эгберт
Я60 Спорные политические вопросы с точки зрения современной истории / Эгберт Ян ; [пер. с нем. М. А. Елизарьевой]. – М. : Политическая энциклопедия, 2014. — 359 с.

ISBN 978-5-8243-1923-1

В демократическом споре необходимо приводить весомые аргументы. По мнению Эгберта Яна, политология может участвовать в этом споре в первую очередь благодаря компетентному анализу событий, освещающему современный исторический контекст спорных вопросов. В данном сборнике представлены лекции, посвященные конфликтам вокруг политики памяти в конце Второй мировой войны, жертвам массовых убийств и изгнаний. Автор затрагивает проблемы политики мультикультурализма и страха перед засильем иностранцев, особенно выходцев из исламских стран, а также вопрос о границах расширения Европейского союза. Кроме того, в сборнике рассматриваются международные аспекты длительных этнонациональных конфликтов в Боснии и Герцеговине, Косово, на Южном Кавказе, в Ираке и на Ближнем Востоке, а также конфликты вокруг ядерного вооружения Северной Кореи и Ирана.

УДК 94
ББК 66.2

ISBN 978-5-8243-1923-1

© Ян Э., 2014
© Елизарьева М. А., перевод на русский язык, 2014
© Политическая энциклопедия, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к русскому изданию	7
Спорные политические вопросы. О смысле и цели политологического цикла лекций по современной истории	11
Еще раз: поражение или освобождение Германии 8 мая 1945 г.	28
От западноевропейских воспоминаний об Освенциме к общеевропейским воспоминаниям об Освенциме и Архипелаге ГУЛАГ – неизбежное следствие расширения ЕС на восток в области политики памяти	46
Гонители и гонимые. О соответствующей форме памяти	64
«Мультикультурализм» или «ведущая немецкая культура» как максимы «интеграции» иностранцев	82
Преступление и наказание Тило Саррацина. Об ограничении политической свободы слова в Германии	101
Спор из-за головных платков. О конфликте между лаицизмом (движением за отделение церкви от государства) и религиозной терпимостью	131
Структуры конфликта и сотрудничества на востоке Европы	150
Босния и Герцеговина – политика ЕС в тупике	180
Косово, Ливия и другие случаи вооруженной интервенции ради защиты прав человека («гуманитарные интервенции»)	198
Вторая попытка демократизации в Сербии, Грузии и Украине	216
Граница дальнейшего расширения Европейского союза. О спорах по поводу приема Турции, Украины и других государств	235
Образование новых фронтов России и Запада на Южном Кавказе	254
Напоминание о массовых убийствах как политическое оружие в наши дни (на примере османского геноцида армян)	271
Еврейско-арабский конфликт вокруг образования и упрочения государства на Ближнем Востоке	288

Всемирно-политические аспекты перманентного иракского кризиса	306
Иранская атомная программа – вызов для размещения противоракет в Европе или для новой военной интервенции США?	324
Эскалация корейского конфликта с помощью ядерных вооружений? Или перспективы национального воссоединения?	341

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Предлагаемый читателю сборник содержит восемнадцать лекций на тему «Спорные политические вопросы с точки зрения современной истории», которые я регулярно читаю в Германии, если конкретнее, с мая 2004 г. в Мангейме, а с октября 2009 г. – во Франкфурте-на-Майне. Тексты всех лекций были обновлены летом 2014 г. Лекции посещают как обычные студенты, так и многие люди преклонного возраста, участники образовательной программы «Университет третьего возраста жизни». Кроме того, предполагается поездка в Россию, где я планирую выступить с лекциями на некоторые темы.

В своей вводной лекции я хочу озвучить задачу курса в целом: изложить свое понимание политологии и новейшей (современной) истории, которую я интерпретирую как еще не завершившуюся, простирающуюся в будущее эпоху постепенно претворяющейся в жизнь идеи народного суверенитета в его демократической и авторитарной формах. На настоящий момент эта эпоха делится на три периода. Это «длинный век» с 1776 (1789) по 1917 г., когда медленно нарастают силы, сформировавшие современную либеральную и социальную демократию; «короткий век» с 1917 по 1991 г., который характеризуется антагонизмом между либеральной демократией и ее коммунистическим и национал-социалистским/фашистским антиподами; и, наконец, начавшийся в 1991 г. «новый век», в котором появились новые, по всей видимости, серьезные вызовы демократии, например, такие как исламский теократизм, которые будут угрожать демократии в ближайшие десятилетия. Милитаризм и политика с позиции силы не исчезнут с повестки дня и всегда будут заставлять задумываться о возможностях политики мирной. Найти ответ на этот вопрос – задача исследования мира и конфликтов.

Из всех форм правления демократия единственная предполагает наличие политически активных граждан, имеющих собственное мнение и несущих ответственность. Граждане, считающие себя аполитичными, все равно неизбежно включены в политический процесс поскольку своим отказом проголосовать за альтернативу они поддер-

живают проводимую политику. Для демократии более, чем для другой формы правления, справедливо утверждение, что каждый народ имеет то правительство, которое он заслуживает; если народ хочет, чтобы его правительство было лучше, то прежде всего он сам должен измениться в лучшую сторону, то есть изменить свою способность политически мыслить и действовать, поскольку все совершеннолетние граждане обладают правом голоса, которое у них не отнять.

В качестве тем лекций, вошедших в данный сборник, были выбраны крайне актуальные события международной политики, которые могут привести к насилию или которые в недавнем прошлом решались с применением насилия. Тексты, на первый взгляд касающиеся только Германии, затрагивают вопросы, по поводу которых и в России также можно встретить крайне различные точки зрения. Это касается, например, отношения к 8 и 9 мая, когда принято вспоминать о насилии национал-социализма, или к такой дате, как 23 августа, Дню памяти жертв коммунизма и национал-социализма и порабощения этими режимами Центрально-Восточной Европы. К подобным проблемам можно отнести также противоречия в отношении к геноциду армян, осуществленному Османской империей в 1915 г., а также к изгнанию немцев и представителей других народов после Второй мировой войны.

Три лекции посвящены конфликтам, связанным с мусульманскими мигрантами в Западной Европе. Тило Саррацин в своей книге «Германия. Самоликвидация», более миллиона экземпляров которой были раскуплены за несколько недель в октябре 2010 г., рассматривает последствия резкого снижения рождаемости в Германии, тему, которая касается всей Европы и особым образом России. Иммиграция людей из стран с высокой рождаемостью, прежде всего из исламских стран, должна компенсировать недостаток рабочей силы, однако она приводит к значительным изменениям в этнической, конфессиональной и социальной структуре общества. Это влечет за собой острые конфликты, в том числе имеющие отношение скорее к символам, например, конфликт по поводу запрета носить головной платок.

Значительное внимание в данном сборнике уделяется межэтническим конфликтам, которые являются источником насилия и войны чаще, чем межгосударственные. Подробно разбираются подобные конфликты на Балканах, в Грузии, Ираке и на Ближнем Востоке. На примере Косово и Ливии будут затронуты также основные вопросы, связанные с военной интервенцией в целях защиты прав человека. Этот раздел сборника открывается статьей о структурах конфликта и сотрудничества в Восточной Европе, обобщающей итоги моей работы за последние десятилетия. При этом я расскажу о социоистори-

ческом подходе, своем понимании новейшей истории, о взаимоотношении конфликта и кооперации, а также об исторической эволюции понятий «Европа» и «Восточная Европа». В последующих лекциях будет рассмотрен вопрос о границах будущего расширения Европейского союза и противостоянии России и НАТО на Южном Кавказе после войны в Южной Осетии. В заключение я остановлюсь на международных последствиях предполагаемого обладания Ираном и Северной Кореей ядерного оружия.

Основой для лекций послужила моя сорокалетняя научная и преподавательская деятельность в Германии и некоторое время в Дании, США и Литве. С 1993 по 2005 г. я возглавлял кафедру политологии и новейшей истории в университете имени Иоганна Вольфганга Гёте во Франкфурте-на-Майне, а с октября 2009 г. являюсь ее внештатным сотрудником. Во Франкфурте-на-Майне с 1975 по 1993 г. я был профессором политологии и политической социологии, кроме того, с 1971 по 1991 г. – научным сотрудником и руководителем исследовательской группы в Гессенском Фонде по исследованию мира и конфликтов. Некоторые мои работы, написанные в то время, когда я работал в институте исследования мира, опубликованы в России в сборнике «Исследования проблем мира в период и после конфликта “Восток-Запад”. Статьи последних 20 лет» (Мюнстер-Москва: ЛИТ – Прогресс, 1997).

На протяжении двадцати лет основной сферой моих интересов являлись отношения Восток–Запад и социально-структурные условия внешней политики, особенно политика разрядки и гонки вооружений в социалистических странах. С 1989 г. я снова, как и во время окончания своего обучения в университете, обратился к проблемам образования национального государства, национализма и национальных движений. Результатом моих исследований стали три тома книги «Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе», которая была опубликована и на русском языке в издательстве РОССПЭН в 2009–2010 гг.

В своих лекциях я отважился затронуть также темы, которыми ранее самостоятельно не занимался, при рассмотрении которых я опирался исключительно на литературу вопроса, газетные статьи и документы. Для проверки своих знаний и оценки позиций конфликтующих сторон я посылаю текст каждой лекции с характеристикой страны и предмета исследования – своим коллегам – специалистам по данной теме и прошу их дать свои комментарии и сделать критические замечания. Я сердечно благодарю всех друзей и коллег (к сожалению, не могу перечислить здесь всех) за их участие и заправки. Также я благодарю слушателей, которые полезными вопросами и

ценными замечаниями внесли свою лепту при окончательной редакции этого сборника. Благоприятные отклики и вопросы слушателей и читателей за последние годы привели меня к решению продолжать и далее мой эксперимент по чтению (на данный момент уже пятидесяти) лекций на тему «Спорные политические вопросы с точки зрения современной истории».

Я хотел бы очень сердечно поблагодарить издательство РОССПЭН и в особенности Андрея Константиновича Сорокина за многолетнее плодотворное сотрудничество, а также отделение Фонда Фридриха Эберта в Москве, которое своим спонсорством способствовало публикации данного сборника.

Я хотел бы призвать русского читателя задавать свои вопросы и делать критические замечания, естественно, и на русском языке. Для этого вы можете связаться со мной по одному из моих электронных адресов: streitfragen@uni-mannheim.de или e.jahn@soz.uni-frankfurt.de. Новые лекции на немецком языке вы найдете по ссылке: <http://www.fb03.uni-frankfurt.de/46500564/montagsvorlesung>

Э. Ян

Мангейм – Франкфурт-на-Майне, май 2014 г.

СПОРНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ. О СМЫСЛЕ И ЦЕЛИ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ЦИКЛА ЛЕКЦИЙ ПО СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ

Краткое содержание

Новый цикл лекций «Спорные политические вопросы с точки зрения современной истории» запланирован на достаточно долгий срок. Первые тридцать лекций под указанным названием были прочитаны в университете Мангейма в период с лета 2004 по зиму 2009 г., а следующие двадцать – во Франкфурте-на-Майне. Первый сборник прочитанных лекций был опубликован в 2008 г. под названием «Спорные политические вопросы». Следующие два тома вышли в свет в 2012 г. В данном вступлении будут изложены общие характерные черты курса лекций, которые определили выбор тех или иных спорных политических вопросов.

Под политологией понимается наука о политике, наука, которая не может быть ни равнодушна по отношению к ценностям, ни свободной от них, но которая при этом должна воздерживаться от оценочных суждений в политике и от использования эмоционального языка, содержащего оценочные суждения. При политическом консультировании рекомендации должны быть четко обоснованы таким образом, чтобы анализ прошлого и прогнозирование возможных событий в будущем, с одной стороны, и нормативные высказывания – с другой – были четко друг от друга отделены. Кроме того, должно быть уделено внимание политической обоснованности выбора того или иного предмета, методов и результатов анализа и синтеза результатов последнего. Новейшая (современная) история рассматривается как неотъемлемый раздел политологии.

В нашем курсе лекций современная история (история, простирающаяся в будущее) будет пониматься как всемирная история эпохи постепенно претворяющейся в жизнь идеи народного суверенитета. Эту эпоху, как уже было сказано выше, можно разделить на три периода: «длинный век» с 1776/1789 по 1917 г., «короткий век» с 1917 по 1991 г. и начавшийся в 1991 г. «новый век». В качестве политического про-

екта нашего времени, во многих отношениях еще не востребованного, будет рассмотрена универсальная демократия, то есть народное правление, а в качестве основной темы – ее развитие до форм правового государства, представительной, либеральной и социальной демократии, а также ее борьба с конкурирующими формами господства.

Далее будет рассмотрено отношение между лекцией, ее письменным вариантом, а также желаемой коммуникацией докладчика со слушателями и читателями лекции и ее записью. В конце будут представлены критерии выбора политических конфликтов, способных привести к насилию и войне, для анализа последних в лекции. При анализе мы будем опираться на традицию Центра исследования структур конфликта и кооперации в Восточной Европе, учитывая шансы на сотрудничество в международном сообществе.

1. Предварительные замечания о смысле и цели курса лекций

Это введение перед последующими лекциями предусмотрено для того, чтобы облегчить слушателю критическое восприятие информации, прослушанной или прочитанной в связи с данным курсом. Кроме того, оно – в определенной степени – должно задать «правила игры» нашего курса лекций.

Согласно плану, сегодня я начну читать серию регулярных лекций, которые не предусмотрены для последующей сдачи экзамена и которые не являются обязательной частью учебной программы. Иными словами, я надеюсь, что слушателями данного курса станут те, кто хочет и может, но не обязан его посещать, те, кто не ожидает, что за то, что они отсидят лекции, получат сертификат с пометкой «зачтено», печатью и подписью. Тем не менее в конце семестра все желающие могут получить сертификат участника. Я лелею старомодную университетскую надежду, что на всех факультетах университета еще есть студенты разного возраста и обоих полов, которые приходят в аудиторию чисто из желания вместе в научном ключе поразмышлять на тему актуальных политических проблем и начать лучше разбираться в щекотливых социальных вопросах.

Ввиду того, что темы, избранные предметом лекции, требуют значительной подготовки, наш курс будет продолжаться всего четырнадцать дней. Таким образом, запланировано еще семь лекций по актуальным политическим спорным вопросам в этом семестре и шесть в следующем. На некоторых занятиях я буду обращаться к материалам лекций, прочитанных ранее в Мангейме. В остальных случаях это

будут темы, выбранные мной спонтанно или же, наоборот, заранее, причем я, возможно, буду время от времени следовать инициативам слушателей. В любом случае, я хотел бы призвать вас высказывать свои предложения, естественно, оставаясь в рамках нашего круга тем, который, как вы можете предполагать, я хотел бы донести до вас как специалист, использующий для этого свои научные наработки и желающий оправдать потраченное на это время. Я постараюсь говорить понятным для всех языком и использовать лишь некоторые специальные термины, которых невозможно избежать, поскольку наука, которая обращена только к ученым, представляет собой не что иное, как неплодотворное коллективное ментальное самоудовлетворение. Наука и общество – взаимосвязанные партнеры. Исходя из данного понимания функции науки, я буду благодарен каждому указанию на то, что я без необходимости нарушаю принцип понятности. Я не могу и не хочу уберечь вас от необходимости самостоятельных мыслительных упражнений.

В первых четырех частях каждой лекции я рассмотрю предмет политического спора, основные положения проблемы, исторические корни спора и возможные последствия разных вариантов ее решения. В этот раз я изменю своей привычке избегать в лекциях оценочных политических суждений, напротив, в данном курсе я регулярно, в пятой, отличной от остальных четырех, части каждой лекции, наряду с возможными вариантами буду высказывать и обосновывать также свое собственное мнение, представляя, что я нахожусь на месте того, на ком лежит ответственность за принятие решения. В конце, в шестой части, я хочу попытаться спрогнозировать возможное развитие конфликта, что, конечно же, с большой вероятностью может оказаться ошибочной оценкой.

Политический процесс в демократических государствах постоянно определяется спорными вопросами, в той или иной степени актуальными и затрагивающими интересы общества, а иногда даже порождающими насилие и войны. Предпочтительными темами наших лекций станут те проблемы, которые роковым образом могут привести к расколу или поляризации внутри одной отдельной страны или международного сообщества и в конечном итоге стать причиной насилия, войны или массового убийства. Политологи часто обходят молчанием темы современной политики, если они сами не являются одновременно политиками и журналистами. Во-первых, это связано со спорным или неправильным развитием политологии и подходом к взаимоотношению между политикой и наукой, с другой стороны, также с тем, что изучение в высшей степени запутанных политических проблем с применением научных методов является делом отнюдь

не легким и отнимает много времени, поскольку речь идет не о личном мнении политолога, а о как можно более обоснованном анализе спорного политического вопроса. Подобный анализ должен облегчить вам – как слушателям и читателям – формирование собственного политического мнения на основе имеющихся у вас общих знаний, ценностных установок и интересов, а также, что неизбежно, на основании ваших подсознательных стереотипов. В то же время этот анализ сделает более очевидными для вас предпосылки, взаимосвязи и возможные последствия того или иного политического решения. Лекция не достигнет своей цели, если вы будете оценивать лишь мои заключения по политическим проблемам, которые я как лектор могу сделать более или менее уверенно и однозначно. Гораздо более важно то, насколько вы будете способны самостоятельно видеть новые аспекты, предпосылки и возможные последствия политической проблемы, ранее остававшиеся вне поля вашего зрения. Лекция оправдывает себя, если вы сможете несколько повысить степень ответственности вашего политического суждения и действий.

Из всех форм правления демократия единственная предполагает наличие политически активных граждан, имеющих собственное мнение и несущих ответственность. Граждане, которые считают себя аполитичными, все равно неизбежно включены в политический процесс, так как они поддерживают проводимую политику тем, что не хотят проголосовать за альтернативу. Для демократии более, чем для другой формы правления, справедливо утверждение, что каждый народ имеет то правительство, которое он заслуживает; если народ хочет, чтобы его правительство было лучше, то прежде всего он сам должен измениться в лучшую сторону, то есть изменить свою способность политически мыслить и действовать, поскольку все совершеннолетние граждане обладают правом голоса, которое у них не отнять. Политика до тех пор остается грязным делом, пока граждан эта грязь хоть сколько-то волнует. В демократическом государстве самая большая вина гражданина, ошибочно считающего себя вне политики, заключается в том, что он считает себя невинным и аполитичным.

Политология может оказаться на ложном пути, если сама себе внушает, что она должна знать, какая политика является лучшей при решении конфликта, поскольку при принятии решений политик должен учитывать факторы, возможно, не известные политологу, который не может знать их все. Политик, необдуманно следующий советам политолога, выбрал себе не ту профессию. Ему приходится иметь дело с вызовами, неопределенностью и рисками в ограниченных по времени ситуациях, для которых никакая наука не может порекомендовать необходимый образ действий. В лучшем случае ученые могут,

ссылаясь на ценностные установки, исключить некоторые варианты действий как невозможные для реализации и как те, за которые нельзя нести ответственность, или же, наоборот, признать их теми, за которые нести ответственность можно. Каждый носитель политического действия, не важно, рядовой гражданин или профессиональный политик, должен делать выбор между кажущимся и реально возможным, он то и дело может подвергаться риску того, что случится нечто маловероятное.

Может показаться, что лекции, посвященные актуальным спорным политическим вопросам, могут специально склонить слушателей к поддержке конкретной политики, или же, наоборот, мотивировать их использовать авторитет докладчика-профессора для укрепления своей веры в определенную политику. Это мы можем наблюдать каждый день в СМИ, редакции и журналисты которых используют профессоров для того, чтобы последние озвучили то, что СМИ сами хотели бы высказать и что могли бы сказать и сами, но не подкрепленные авторитетом ученых. В таких случаях профессура опускается до того, что одалживает свое «облачение» для высказывания некоторых предвзятых политических воззрений. В таком случае она уже не служит обретению новых знаний.

Ученые обладают большой привилегией говорить, что они что-то не знают, то есть либо они еще этого не знают, либо они не могут этого знать. Таким образом, наука позволяет получить знание, которое значительной частью состоит из незнания или невозможности что-либо знать, частью – из предпосылочного знания. Начало любой науки происходит из того, что человек сомневается в чем-то само собой разумеющемся, в абсолютном знании. Граждане демократического государства, которые наделяют политиков и слуг политики (попросту говоря – министров) политическими полномочиями, напротив, как и последние, должны много знать, по меньшей мере, считать, что они знают о своих действиях или бездействии. Политический процесс протекает непрерывно, поэтому ни один профессиональный политик или гражданин не может себе позволить не знать, какие решения и как он их должен принимать, ибо если он решает не предпринимать ничего, то он выбирает молчаливое согласие с тем, что происходит, и бездействие.

Одной из существенных функций политологии является разложение (анализ) обретенного ранее политического знания, что может поколебать или разрушить нашу уверенность в тех или иных вещах, поэтому наука по необходимости связана и с разрушением. Однако ее деятельность и задачи этим не исчерпываются. Анализ должен дополняться синтезом, мысленным познанием взаимосвязей частей

одного целого, разделенного ранее в процессе анализа. Каждое слово, каждый текст, каждое действие имеет определенный контекст, поэтому наука не должна останавливаться только на разложении, анализе, но и включать в себя составление, соединение и построение.

Политические конфликты «разлагают» общество, при обострении раскалывают его на две противоборствующие стороны, причем та, которая побеждает, навязывает проигравшей свою волю. В демократическом государстве в идеальном случае это происходит посредством убеждения в процессе духовного обмена, свободного от давления, в реальности же – часто только через диктатуру большинства, людей, находящихся у власти и занимающих государственные посты. Наука не должна быть пристрастной, потому что в этом случае она останется наукой лишь отчасти, она не будет способна и не отважится оспаривать информацию, исходящую от одной части общества. Если же наука, напротив, хочет быть наукой точного знания, то есть отражать полное знание в определенном времени и пространстве в конкретном спорном вопросе, тогда она должна как можно более точно проанализировать знания, аргументы, интересы, ценностные представления и предрассудки, цели всех участвующих в конфликте сторон, чтобы затем представить общую картину политического конфликта в обществе. В связи с этим точка зрения политолога никогда не может совпадать с точкой зрения политической группировки, включенной в политическую систему; только границы сторон, конфликтующих в связи с определенным вопросом, могут как совпадать с границами политических партий, так и пересекаться. Поскольку политолог является не только ученым, но и гражданином, который придерживается определенных политических взглядов и постоянно принимает политические решения, то в своем политическом поведении он может руководствоваться своими политологическими познаниями. Вот только поступает он так далеко не всегда, несмотря на то что как добропорядочный ученый и гражданин политолог должен уметь проводить границу между своими научными и политическими воззрениями.

Принимая во внимание вышесказанное, слушатель этих лекций не должен ожидать от меня подтверждения правоты той точки зрения, с которой он пришел на лекцию, или, наоборот, что я помешаю формированию его собственного политического мнения из-за того, что он пришел на лекцию политически неподкованным или, как это обычно бывает, неуверенным или колеблющимся в своих взглядах на какой-то спорный вопрос. В ходе своего курса лекций я хочу заставить вас усомниться в ваших знаниях и благодаря вашей реакции на данный

курс усомниться самому, а также добиться, чтобы все слушатели могли прийти к осмысленному мнению по каждому спорному вопросу. Если это будет временами удаваться, то лекция оправдывает себя.

Потребность в проведении подобных лекций я объясняю тем, что в результате своей многолетней деятельности я убедился в том, что, как правило, непоколебимые и влиятельные позиции обеих сторон резко разрастающегося конфликта в тех спорных вопросах, которые произвели на меня большое впечатление, являются, на мой взгляд, неудовлетворительными. Это может быть связано с тем, что под миром я понимаю нечто отличное от «победного мира», от победы одной стороны конфликта над другой, некий третий вариант, который был бы приемлем для обеих сторон. Жизнь научила меня, что, в принципе, мир может находиться только между двух стульев, на которых восседают те, кто обладает оружием и словом, а иногда и впереди или сзади них, но при этом всегда, как представляется, только на полу. Но далеко не всегда этот мир лежит в так называемой золотой середине, нередко он находится ближе к одному или другому стулу. Поэтому уверенность исследователя мира и конфликтов в том, что он неизбежно будет вынужден сидеть между двумя стульями, связана с незнанием того, куда его заведет поиск правильного местоположения, поиск, который иногда может привести в отчаяние. В связи с этим мирные методы решения конфликта являются не просто альтернативой насильственным, военным методам; выбор мирных методов обязательно требует готовности частично пересмотреть поставленные перед собой цели в пользу противоположной стороны конфликта.

Далее я изложу некоторые свои общие рассуждения на тему отличий политологии от политической науки и продолжу их обоснованием того, почему даже сегодня новейшая история является (или должна являться) неотъемлемым разделом политологии. Затем я перейду к основной общественно-политической теме нашего времени, благодаря которой современная, или новейшая, история может рассматриваться как еще не заверченный, включающий в себя и будущие события период истории, отличный от истории прошлого как заверщенного исторического этапа. Из этого следует, что в анализ новейшей истории должны быть включены также прогнозирование возможного и вероятного развития и перспективы, даже если они характеризуются меньшей точностью, чем научные суждения о прошлом. К этому я добавлю некоторые замечания о лекции как о форме коммуникации между говорящим и слушателем, а также некоторые рассуждения о принципах выбора спорных политических вопросов, которые будут предметом лекций.

2. Политология или политическая наука

Я всегда воспринимал политологию как науку, которая изучает в первую очередь политические вопросы и политическую ситуацию, вызовы, спорные вопросы и ответы на них, а также, конечно, политические институты, правила и методы постановки проблем и методы их временного (как всегда) решения и, наконец, общественные структуры, которые обуславливают политику и которые под влиянием политики подвергаются значительным преобразованиям.

Политология при близком рассмотрении ни в коем случае не есть политическая (т. е. напрямую связанная с политикой) наука, даже несмотря на то что английское ее название *political science* часто при дословном переводе и использовании этого англицизма приводит к неверному обозначению. Это касалось, кстати, даже официального названия моей кафедры в Мангейме, переименование которой не состоялось по бюрократическим причинам. *Natural science*, конечно же, никакая не натуральная наука. *Political science* это наука о политике или же политология. Будучи наукой, она может и должна оставаться такой же аполитичной, как и любая другая отрасль научного знания; если она хочет оставаться наукой, ее методы и достижения не должны определяться возникшими изнутри или навязанными извне политическими потребностями, нормами и ценностями, иными словами, пред-рассудками*. Таким образом, политология, неизбежно и необходимо связана с политикой, как и любая другая гуманитарная или естественная наука, поскольку ее существование, способ функционирования, методы постановки вопросов, ее свобода или несвобода, возможное использование ее достижений обусловлены политикой. Иными словами, существование не связанной с политикой политологии также маловероятно, как существование не связанной с политикой физики или биологии. Все отрасли науки имеют отношение к политике, поскольку их достижения намеренно или ненамеренно сказываются на политике; каждый ученый, по возможности, должен принимать это во внимание, если он осознает свою ответственность как член общества и участник политического процесса.

Политология не может быть нейтральной по отношению к ценностям, в таком случае она могла бы стать аполитичной. Во-первых, нейтралитет это заметная политическая позиция, которая иногда дорого обходится. Во-вторых, постоянно предпринимаются попытки свести науку к простой идеологии, к отрицанию науки под именем науки.

* Использование дефиса здесь и далее в подобных случаях – авторское. (Прим. пер.)

В-третьих, бывают ситуации, когда нейтралитет означает молчаливое согласие с бесчеловечностью, отказ присоединиться к сопротивлению этой бесчеловечности. Когда же человеческое существование выступает условием, необходимым для существования науки, тогда никакая наука не может игнорировать условия своего существования и быть по отношению к ним нейтральна.

В послевоенной Германии политология и новейшая история – как основополагающая часть и отрасль последней – были введены намеренно как наука оценивающая, основывающаяся на ценностях и делающая акцент на ценностях, как демократическая наука, как намеренное противопоставление любой равнодушной к ценностям науке, которая в прошлом необдуманно, очень часто наивно (но бесцеремонно и бессовестно – никогда) позволяла использовать себя в качестве инструмента варварской политики. По мере расширения общественного одобрения демократии в Западной Германии в сознании общества и самих политологов связь политологии как демократической науки с ценностями потерялась. В крайнем случае, в то время, когда получили распространение устремления «отважиться на расширение демократии», то есть расширить существовавшую на тот момент недостаточную, по некоторым оценкам, демократию, сторонники таких устремлений вновь акцентировали связь политологии с системой ценностей, в то время как их оппоненты, напротив, призывали пожертвовать ценностями во имя нейтральности.

Требование нейтральности науки в высшей степени амбивалентно. С одной стороны, эта нейтральность может быть использована для того, чтобы законсервировать существующие порядки и защищаться от прогрессивных, гуманных, демократических, мирных и эмансипационных устремлений изменить существующую реальность. С другой стороны, при подавляющем господстве в стране одной общественной или государственной идеологии нейтральность может способствовать созданию пространства для развития диссидентской, оппозиционной мысли. Таким образом, когда совершаются научные открытия, являющиеся представлением меньшинства общества или даже отдельного индивида о том, что нечто есть истина, выясняется, что необходимо защищать постулат нейтральности ценностей как имеющий смысл самообман в процессе научного познания.

Любая оценивающая наука подвергается опасности деградировать до простой идеологии, если она не решается постоянно подвергать пересмотру свои ценностные ориентиры, не подвергает их критике разума и принимает на веру. Политологию от политических и религиозных учений, которые по своим общественно-значимым функциям незаменимы, отличает то, что любые положения, принятые за истину,

понимаются как нечто возникшее в ходе социально-исторического процесса, нечто изменившееся и способное к дальнейшим изменениям. Вместе с тем не исключено также, что человеческий разум может быть в состоянии способствовать условиям своего существования, то есть переходу от общества людей к человеческому, человеческому обществу. Про эти устремления, возможно, являющиеся бесполезными, как труд Сизифа, и вряд ли способными привести к окончательному прекращению всех человеческих страданий, ни в коем случае нельзя сказать, что в 1989 г. они достигли конца своей истории. Поиск более гуманных общественных структур и политических систем, чем те, которые существуют на данный момент, остается предметом научных изысканий и политической борьбы.

Политология не может быть наукой, не связанной с ценностями, поскольку уже само использование языка повседневного общения в науке неизбежно влечет за собой употребление оценочных понятий, которые не теряют это качество даже тогда, когда ученый хочет их существенно изменить или оспорить. Все слова в разной степени выражают похвалу или порицание и таким образом всегда являются оценочными или выражают по отношению к чему-то равно-значимость или равно-ценность данного объекта по отношению к другим.

Тем не менее, несмотря на то что политология, как и любая другая наука, в конечном счете не может быть нейтральной по отношению к ценностям и свободной от них, внешняя сдержанность при выражении оценочных суждений и прочих мнений о том, как все должно быть, является разумным «благом» наук, предотвращающим вероятность того, что аналитическая точность научной работы не станет жертвой слепой веры в предвзятые позитивные или негативные оценочные оценки. Последнее особенно запрещено в нашем курсе лекций, посвященном оценочным и предметным высказываниям, которые являются предметом жарких политических дискуссий. В лекциях будут приведены весомые аргументы главных конфликтующих сторон по соответствующим спорным вопросам и по возможности будут описаны и объяснены в соответствии с логикой их ценностных представлений и мировоззрений.

3. Новейшая история как раздел политологии

Я не знаю ни одного спорного политического вопроса, который можно было бы разумно проанализировать и объяснить без обращения к его социально-историческим истокам, общественно-историческим факторам, а также к реальным и возможным послед-

ствиям. Современная история – живая история, это значит, что мы, люди, живущие в данный отрезок времени, видим в ней то, что является сущностной характеристикой нас самих и нашей эпохи. Не вся история может быть современной, лишь небольшая ее часть.

Еще не так давно университет Мангейма был одним из немногих университетов, в которых пять основных разделов политологии были представлены в полном объеме. Основное ядро политологии образуют такие дисциплины, как внутренняя политика (сравнительная политология), внешняя политика (международные отношения) и политическая теория (история политических учений, политическая философия). Эту классическую политологическую триаду дополняют современная история и политическая социология, поскольку они обе являются научными дисциплинами, которые изучают государство и политику в историческом и социальном контексте. Политическая социология в самом широком смысле включает в себя политэкономия и политическую психологию, в то время как государственное право традиционно входит в сравнительную политологию, а международное право – в международные отношения. Резкое сужение специализации исследований в последние годы привело к возросшей дифференциации политологии и ее пяти основных разделов и выделению в них поддисциплин, а также смежных дисциплин, выходящих за традиционные рамки. Синтезирование достижений научных дисциплин происходит уже по большей части за рамками научной деятельности, в лучшем случае данное поле деятельности предоставлено философам; кроме того, этим занимаются некоторые журналисты, освещающие научную тематику, а также политические писатели.

На вопрос о том, что именно отличает нашу эпоху от других, однозначного ответа нет. Я не рассматриваю различные варианты понимания современной истории как лично пережитой истории (как, например, Эберхард Йекель), я исхожу из того, что современная история – это история современной нам эпохи. То, что отличает современную нам историю от истории других эпох, обычно связывается с неким знаменательным событием. Однако одну эпоху от другой отличает скорее не само выдающееся или драматическое событие, а его предпосылки и последствия. Американская декларация независимости вряд ли была бы достойной упоминания, если бы британской короне удалось подавить движение штатов за независимость. Французская революция могла так и остаться одним из многочисленных бунтов, если бы она была удачно задушена старым режимом. Только события последующих десятилетий и столетий сделали четвертое и четырнадцатое июля вехами в истории. Таким образом, эпоха определяется основной общественной, прежде всего политической, темой,

ключевой проблемой, на долгое время определяющей ход событий, который различные политические группировки понимают по-своему (и оспаривают в жарких дискуссиях), поддерживают своими действиями и на который они реагируют тем, что предлагают собственные решения актуальных проблем. И только пока некий вопрос остается спорным, он действительно представляет собой основную тему, поскольку то, что само собой разумеется, то, что человек не замечает, не может являться предметом спора. Так как наше настоящее, эпоха, в которую мы живем, непосредственно связано с прошлым и будущим, современная история включает в себя также и некоторую часть будущего, что является радикальным отличием от остальной истории, основные события которой уже нашли свое завершение в прошлом. Это еще одна причина, по которой современная история занимает свое место именно в политологии, а не в исторической науке, несмотря на то что методы исследований скорее схожи с методологией последней.

4. Современная история как глобальный политический процесс

Живая история, однако, разворачивается не только во времени, но и в пространстве. Все происходящее в этом мире имеет четыре измерения и носит пространственно-временной характер. История это всегда геоистория, как, в свою очередь, земное пространство при ближайшем рассмотрении есть пространство историческое, однако ни в коем случае не неизменный объект вне времени и истории. Пространство, в котором в наше время протекают политические процессы, есть вся Земля вместе с окружающей ее и доступными человеку атмосферой и частью космоса. Мировая политика как глобальная политика, уходящая корнями в конец XV в., с 1880-х гг. стала определяющей для местной и региональной политики. Именно поэтому параллельно с пониманием современной истории как универсальной (Ханс Ротфельс) появились многочисленные работы, посвященные современной истории, в которых акцентируется лишь локальный, региональный и национально-исторический аспекты. Некоторое время назад появился новый, именуемый глобализацией, импульс к «объединению» мира, прежде всего в сфере экономики и финансов. В моих предыдущих лекциях, как и в ряде лекций, который я начинаю сегодня, я стараюсь сделать акцент на общечеловеческой стороне вопросов, которые интересуют нас здесь – во Франкфурте, в Гессене, в Германии и в небольшой провинции под названием Европа, которая ни в коем случае не является придатком Азии.

Пространственное измерение современной истории, как и любого другого исторического отрезка, обычно ограничивает историю «нашего» общества определенным местом, регионом, государством, континентом или всей планетой, а в социальном плане – определенным этническим, религиозным и другим типом общественного пространства и соответствующим самосознанием. К сожалению, на сегодняшний день современная история понимается преимущественно как национальная история, несмотря на то что декларативно утверждается существование истории всемирной. Даже единое европейское историческое самосознание находится все еще в зачаточном состоянии, не говоря уже об общечеловеческом, над становлением которого будущим поколениям еще предстоит потрудиться.

5. Основная тема нашего времени

Со времен Американской и Французской революций, имевших место в конце XVIII в., основной темой нашего времени служит осуществление народного суверенитета внутри государства и на международном арене. Демократия и национальное государство – это две стороны одной медали: права народа на самоуправление. Национализм – это конструкт, который определяет совокупность людей, желающих называть себя народом и иметь собственное государство. Демократия – это конституционно-правовая форма народного правления, в отличие от охлократии как противоправной формы народного правления. Древняя идея о единстве человечества под единым источником духовной или светской власти, выросшая из идеи о княжеском союзе, в конечном итоге сменилась идеей союза народов. Этот мирный союз в определенной степени суверенных национальных государств подчиняется им же самим созданному международному праву.

На первом этапе современной истории, на протяжении долгого века с 1776 (или же 1789) по 1918 г. ведущей темой было противостояние между сторонниками национальной демократической республики и приверженцами сословного государства-княжества, особенно имперской аристократии или монархии, в том числе таких ее выродившихся форм, как олигархия и тирания. В некоторых странах эта борьба продолжается и по сей день. Первая мировая война в целом способствовала закату устаревших аристократически-монархических режимов, абсолютно суверенных княжеств, что в 1917 г. открыло новый этап в эпохе народного суверенитета. И хотя в некоторых странах победила демократия, зачастую с аристократиче-

ской и монархической окраской, а с началом процесса формирования союза народов, еще не охватывавшего весь мир, начали свой отсчет история организованного сотрудничества национальных государств и международно-правовое ограничение прав суверенных государств на ведение войны в национальных интересах, возникла в то же время и выродившаяся форма демократии, ибо такая конституционно-правовая форма правления как демократия всегда может скатиться до противоправной охлократии, власти толпы, которая мгновенно открывает дорогу новой, замаскированной под демократию тирании или олигархии. Охлократию в форме тирании или олигархии в XX в. часто обозначали как тоталитаризм, являющийся современной формой тирании или олигархии, диктатуры одного человека или меньшинства. Диктатура (которая в античности представляла собой ограниченную по времени концентрацию чрезвычайных полномочий в руках олигархического меньшинства или одного отдельного лица в трудное время) как современная устойчивая форма правления основывается на мнимом единении народа с диктатором и утверждении себя посредством элитарно-олигархического меньшинства, которое в XX в. обычно организовано в политическую партию. Антагонизм демократии и коммунистической (в некоторых случаях – фашистской) диктатуры определил характер короткого века между 1917 и 1991 г.

Нашей эпохе, как и всем предыдущим, присущи смешанные формы правления, однако прежде всего это представительная демократия с элементами аристократии и монархии, с одной стороны, и склонной к тирании и олигархии охлократии – с другой. В противостоянии сторонников разных форм правления даже приверженцы демократии то и дело склоняются к олигархическим, тираническим и особенно охлократическим элементам, попирая установленное ими же самими право или даже снова превращая исторически достигнутый конституционный и правовой стандарт в противоправную законодательную норму. При этом подобное «анти-право» признается конституционным и легализуется. Соответственно, ООН может рассматриваться всего лишь как конгломерат разнообразных измененных и извращенных демократий и охлократий и оставшихся от более раннего времени форм правления. После распада в 1988–1991 гг. коммунистической партийной системы практически во всех странах, где она господствовала, можно говорить о закате этой распространенной формы охлократии с чертами аристократии и олигархии, в которой на протяжении долгого времени присутствовали лишь минимальные конституционно-правовые и демократические элементы. Вместе с этим идея о существовании социалистической демократии, которая охватывала бы экономику и гражданское общество, на неопределен-

ное время потеряла популярность. Однако на третьем этапе нашей эпохи, который берет отсчет от 1991 г. и характеристики которого еще не совсем отчетливы, против глобальной гегемонии либеральной демократии в новой форме охлократии нарастает новое мощное сопротивление, в котором участвуют миллионы людей, причем это происходит не только за пределами либерально-демократических государств, но и внутри них. Исламистские движения являются основной, но не единственной, движущей силой среди оппонентов либеральной демократии. Даже либерально-демократические правительства и партии не могут избежать склонности к охлократии. Вместе с тем демократия, правовое государство и государственное право, союз народов остаются незавершенными, но вполне реализуемыми политическими проектами нашего времени, эпохи народного суверенитета. Согласно изложенной в данных лекциях концепции, временной отрезок с 1917 по 1991 г. не был отдельным этапом, а представляет собой лишь часть более протяженной эпохи. Таким образом, современные спорные политические вопросы могут пониматься только как вариации основной политической темы, начиная с эпохи Просвещения, Американской и Французской революций, и в связи с этим могут быть объяснены только в данном контексте. Начинаясь сегодня курсом лекций я хотел бы внести свою лепту в политологический анализ нашего времени, затронув тем самым некоторые представляющиеся важными спорные политические вопросы современности.

6. Лекция как форма коммуникации

Подобного рода идея организовать курс лекций появилась у меня уже давно. Наряду со всем прочим источником вдохновения для меня стали впечатляющие лекции «Час новостей мировой политики» Адольфа Грабовски* (1880–1969), к тому моменту уже давно носившего звание почетного профессора политологии, одного из основателей «Политического журнала» (1907). Самую первую лекцию, на которой я в качестве свежее испеченного студента Марбургского университета присутствовал в один апрельский понедельник 1961 г. в 9 часов утра, читал почти 81-летний Грабовски. Насмешливо-восхищенным тоном старшие студенты посоветовали послушать «ископаемого» Грабовски, который в свободной речи чрезвычайно отчетливо и структурированно излагал свои знания о политике, в

* Адольф Грабовски – один из основателей немецкой геополитической школы. (Прим. ред.)

том числе мировой. Во время лекции он словно сморщившийся гномик болтался туда-сюда перед большой доской, смотря своими почти ослепшими глазами на скрипящие доски потолка аудитории, полностью сконцентрировавшись на своих мыслях и их речевом выражении, почти никогда не глядя на аудиторию и то и дело рисуя на доске штрихами мела схемы отношений между государствами.

13 декабря 1993 г., то есть спустя полтора месяца с начала моего пребывания в Мангейме, я предпринял первую попытку организовать по понедельникам курс дневных лекций на тему первых демократических выборов в России после 1917 г. Аргументы против подобной лекции уже были приведены выше. Лекция на тему спорных политических вопросов предполагает, что я буду выражать свой взгляд на те политические проблемы, которые я лично не исследовал и по которым я не всегда вовремя читал доступные научные анализы, проблемы, для понимания которых я в принципе не могу освоить все необходимые базовые знания. В конце концов, даже если я буду выбирать исключительно те политические проблемы, по которым я уже владею основными знаниями, время, которое я могу посвятить подготовке каждой новой темы лекции, достаточно ограничено тем, что я занят работой над иными научными публикациями. Эти ограничивающие факторы необходимо будет учесть, если я не смогу оправдать справедливые ожидания слушателей, а также мои собственные, от этого курса лекций.

Раньше, когда подготовка к темам выбранных актуальных политических проблем постоянно оставляла неприятное чувство некой незавершенности, от лекции меня удерживало также ощущение, что я трачу слишком много времени на выступление перед небольшой и случайной аудиторией, в которой связанные учебными обязанностями студенты составляли меньшинство, а слушатели преклонного возраста – большинство. Сейчас же интернет открывает новые возможности для того, чтобы некоторые элементы моей лекции смогли найти свою аудиторию вне зависимости от времени и пространства. Именно элементы, потому что никакой письменный текст не обладает таким воздействием на адресата как устная речь, в высшей степени зависящая от слушателей, места и вообще ситуации, в которой находится выступающий, прежде всего – от содержания доклада и событий минувшей недели. Интонация, мимика, жестикауляция и паузы в потоке речи, выделение отдельных слов и предложений, пояснение сказанного, если на лице слушателя появляется выражение непонимания, или если слушатель перебивает вас своими вопросами, повторы и оговорки, сознательные и бессознательные паузы – все это вместе с ходом аргументации решительным образом определяет воз-

действие живой лекции и отличает его от восприятия письменного текста.

Я никогда не подходил к своим лекциям как к «зачитыванию», прочтению вслух ранее написанного, даже если я до этого работал над текстом на смежную тему или публиковал его. Таким образом, в данном курсе лекций я буду стараться в свободной речи развивать случайно пришедшие в голову идеи и реагировать на утренние и вечерашние события. Однако это не исключает письменных попыток приблизиться к теме и подготовки к темам лекций. Так что вы можете не рассчитывать на полное соответствие между моими устными выступлениями и их письменными текстами, хотя бы уже потому, что между устной и письменной речью существуют фундаментальные различия. К сожалению, я не обладаю умением записывать устную речь, или же не пытался привить себе его ранее.

Как и всех предыдущих слушателей моих лекций, я хочу призвать вас во время лекции вовремя перебивать меня вопросами и высказывать свои замечания. В конце, после моего доклада, 30–40 минут будет отведено на вопросы, замечания и дополнительные аргументы. Кроме того, я хотел бы попросить вас – после размышления над услышанным – дать ваши комментарии о предмете лекции. Я собираюсь выложить в интернете письменный вариант лекций, при данных обстоятельствах смирившись не только с расхождениями между устной и письменной речью. Ибо у меня не было еще ни одного доклада, в ходе которого я тотчас же не развивал, не перепроверял, не опровергал или, наоборот, не подкреплял новыми аргументами то, что я только что сказал. Если выступление закончено, это для меня совсем не значит, что доклад я считаю окончательно завершенным.

Таким образом, эта лекция является для меня экспериментом, поскольку я хочу заставить себя, как всегда изменив форму и содержание, разместить в интернете в письменной форме ключевые идеи того, что я развивал в своих устных выступлениях. Благодаря вашим замечаниям и аргументам, а также моим последующим размышлениям, я считаю необходимым как следует пересматривать ранее сказанное.

Для того чтобы еще более усилить интерактивность лекции, я хотел бы предложить вам сообщить ваше мнение об услышанном и прочитанном по электронной почте или традиционным способом.

ЕЩЕ РАЗ: ПОРАЖЕНИЕ ИЛИ ОСВОБОЖДЕНИЕ ГЕРМАНИИ 8 МАЯ 1945 года*

Краткое содержание

Освобождение или поражение? Этот вопрос уже не был предметом обсуждения в 2010 г. в Германии во время празднования 8 мая, которое в большинстве стран Европы отмечается как день окончания Второй мировой войны, несмотря на то что в Восточной Азии эта война закончилась лишь 9 сентября. С 1985 г., когда в бундестаге прозвучала речь тогдашнего президента ФРГ Рихарда фон Вайцзеккера, тезис об освобождении стал господствующим в историческом и политическом восприятии Германии и в то же время исходным моментом ее политики принятия на себя ответственности за последствия господства немецкого национал-социализма на значительной территории Европы. Таковым данный тезис остался в Германии и после ее объединения. Хотя ГДР еще в 1950 г. объявила 8 мая днем освобождения от национал-социализма, она отказалась при этом взять на себя ответственность за национал-социалистское прошлое Германии. В ФРГ тезис об освобождении созрел в ходе политического переосмысления и смены поколений.

Впечатляющая речь Вайцзеккера вызвала огромный резонанс внутри страны и за ее пределами благодаря поразительному описанию тех несчастий, которые принес национал-социализм многочисленным народам и социальным группам, а также благодаря ясному определению места ФРГ и всей немецкой нации в мировой истории. В своей речи Вайцзеккер назвал 8 мая также и днем освобождения Германии от национал-социализма. Однако в 1985 г. это выступление было не только встречено резкой критикой со стороны праворадикального политического лагеря ФРГ, но и осуждено консервативным крылом ХДС/ХСС. Даже спустя 25 лет на фоне высокой оценки речи

* Эта лекция была прочитана 17 мая 2010 г. (*Прим. автора.*)

вне поля зрения остаются некоторые посвященные заблуждению и вине ее отрывки, в которых Вайцеккер возлагает вину за захватническую войну и массовые убийства на несколько человек, тем самым снимая эту вину с немецкого народа в целом. До сегодняшнего дня понятие политической вины нуждается в уточнении.

Следует видеть разницу между реальными событиями, произошедшими 8 мая, а также до и после этой даты, и их интерпретацией в контексте исторической политики и политики памяти. Освобожденными могли почувствовать себя только подчиненные национал-социализму народы и узники немецких концентрационных лагерей и лагерей для военнопленных, каторжные и заключенные, а также люди, занимавшиеся принудительным трудом. Для миллионов других немцев, напротив, конец войны стал началом многолетнего пребывания в лагерях для военнопленных, бегства, изгнания, арестов и голода, которые часто влекли за собой смерть. Однако в основном конец войны был встречен с облегчением. Войска, оккупировавшие Германию, хотели ее победить, они пришли не как освободители. Противоречивость не должна быть вычеркнута из исторической памяти о событиях, связанных с поражением национал-социализма и Германского рейха.

Поражение или освобождение Германии – имеющий смысл спор или мнимая альтернатива?

Согласно точке зрения, господствующей в Европе и США, Вторая мировая война ограничена временными рамками: с 1 сентября 1939 по 8 мая 1945 г. В СССР и в странах-союзниках* с 1945 г. 9 мая, день, когда Германия капитулировала перед Красной армией, празднуется как День Победы, завершивший Великую Отечественную войну (1941–1945), при этом агрессивное нападение Советского Союза на Польшу (1939) и на Финляндию (1939–1940) остается забытым. По сути, Вторая мировая война, которая была совокупностью нескольких региональных войн, началась уже 7 июля 1937 г. с японско-китайского вооруженного столкновения в Китае. Региональные войны разрослись до масштабов мировой войны, когда 7 декабря 1941 г. Япония совершила нападение на размещавшийся в гавани Пёрл-Харбор флот США. Эта война закончилась лишь 9 сентября 1945 г. капитуляцией японских войск перед представителями китайского правительства Чан-Кайши. Неделями ранее представители японского правительства подписали с США акт о безусловной капитуляции.

* Имеются в виду страны бывшего соцлагеря. (Прим. ред.)

В 2010 г. в Германии в память событий 8 мая никакие особые мероприятия не проходили. Тем не менее 9 мая канцлер Ангела Меркель приняла участие в праздничных торжествах на Красной площади в Москве, причем она была здесь единственным высокопоставленным политическим представителем западных держав, несмотря на то что в параде на площади впервые принимали участие американские, британские, французские и даже польские войска. Предшественник Ангелы Меркель на посту федерального канцлера Герхард Шрёдер пятью годами ранее также получил из Москвы аналогичное приглашение. Таким образом, Россия подхватила заложенную ранее празднованиями Дня Победы и дня высадки войск союзников в Нормандии традицию выражать общее желание держав-победительниц и демократического государства-правопреемника побежденной Германии – не допустить новой войны и поддерживать мир в Европе и на всей планете. Но должны пройти еще годы, прежде чем войска бундесвера получат приглашение принять участие в празднованиях 9 мая на Красной площади или в празднованиях в память высадки союзнических войск в Нормандии*. Однако мы не можем предсказать, будут ли это празднования в честь победы или же в честь окончания войны. Тем не менее однажды президент Д. А. Медведев употребил формулировку «окончание Второй мировой войны», а не «Великой Отечественной войны», причем в присутствии президента Китая Ху Цзиньтао и исполнявшего обязанности президента Польши Бронислава Коморовского.

На протяжении предыдущих десятилетий в Германии еще велась оживленная полемика о правильной интерпретации окончания войны. Было ли для Германии это поражением или же освобождением от национал-социализма? Если в советской оккупационной зоне и впоследствии в ГДР с самого начала официально говорили об освобождении, то в ФРГ тезис об освобождении впервые отчетливо прозвучал только в речи федерального президента перед бундестагом по случаю сорокалетия со дня окончания войны и вызвал большой международный резонанс. Эта речь Рихарда фон Вайцзеккера многими обозревателями оценивается как самая значимая и лучшая политическая речь в истории ФРГ. По их мнению, она крайне точно отразила взгляд немецкой послевоенной демократии на саму себя. Лишь недавно (11 мая 2010) газета «Frankfurter Allgemeine Zeitung» (далее FAZ. – *Пер.*) сообщила о том, что в целом еще за несколько недель

* На празднование 70-летия высадки союзников в Нормандии были приглашены также ветераны бундесвера – в знак того, что немецкий народ также был жертвой нацизма. (*Прим. ред.*).

до речи Вайцеккера федеральный канцлер Гельмут Коль выступил с очень похожими идеями, но его слова остались без внимания. Со времен речи Вайцеккера, в которой он определил место Германии на политической арене, ничего не изменилось и после объединения Германии. До 1960-х гг. утверждение «8 мая было днем освобождения» было практически немислимым в речи президента Германии. Понимание истории, которое Вайцеккер изложил в своей речи, должно было дозреть еще на протяжении нескольких десятилетий.

Некоторые ключевые высказывания из этой речи следовало бы процитировать. Она начинается словами: «Многие народы вспоминают сегодня тот день, который принес Европе конец Второй мировой войны [президент принимает во внимание и военные действия в Восточной Азии! – Э. Я.]. Каждый народ, смотря по тому, что он испытал, связывает с этим разные чувства. Победа или поражение, избавление от беззакония и чужого господства или попадание в новую зависимость, разделение, новые союзы, насильственная смена власти». И далее: «8 мая было днем освобождения. Для нас это прежде всего день памяти о том, что пришлось испытать людям. Он освободил всех нас от человеконенавистнической системы – диктатуры национал-социализма... Мы не можем отделить 8 мая 1945 г. от 30 января 1933 г.» Вайцеккер подробно и с чувством перечисляет совершенно разные страдания народов и общественных групп: немцев, евреев, советских граждан, поляков, цыган, гомосексуалистов, душевнобольных, противников национал-социалистского режима, пленных, переселенцев, солдат и женщин. Президент хотел охранять и чтить «память немецкого движения Сопrotивления – гражданско-го, военного, религиозно мотивированного, сопротивления рабочих и профсоюзных кругов, сопротивления коммунистов». В 1985 г., когда в ФРГ коммунистам был закрыт доступ к государственной службе, в годы коммунистического господства в ГДР и противостояния Восток–Запад, упоминать их в таком контексте не было чем-то само собой разумеющимся и привычным. Однако для Вайцеккера однозначно приоритетным является понятие «освобождение», хотя он не обходит молчанием и значение 8 мая как поражения.

Президент вплотную подошел к проблеме вины немцев, которая позднее станет предметом для дискуссий. Он говорит о произвольности возложения на немцев ответственности за войну и разделения их на виновных и невиновных, изгнанных, переселенцев и оставшихся на родине. Он утверждает: «Любовь изгнанника к родине не есть реваншизм» и при этом четко дает понять, что статус изгнанника не передается по наследству. О детях изгнанных он сказал так: «Их бабушки и дедушки или родители некогда были изгнаны, однако их потомки вновь обрели родину». Вайцеккер подчеркивает единство

немцев как нации и народа: он ставит понимание выше противоречивых притязаний, миролюбие – выше любви к родине: «С немецкой земли обоих государств будет исходить лишь мир и добрососедские отношения со всеми странами». Мирный характер речи, снимающий политическую напряженность, без сомнения предопределил ее широкий международный резонанс.

Несмотря на то что речь Вайцзеккера 1985 г. в Германии и за рубежом была встречена с большим одобрением, на протяжении многих лет она оставалась предметом споров. Тезис об освобождении резко критиковался, в первую очередь – правым политическим лагерем и консервативным крылом ХДС/ХСС. Прежде 8 мая связывалось лишь с поражением или вообще с крахом Германии. В действительности конец национал-социалистского режима ассоциировался с концом существования Германского рейха, возникшего в 1871 г. в качестве монархии и в 1918 г. преобразованного в республику.

В 2000 г. Петер Кильмансегг опубликовал «историю разделенной Германии» под названием «После катастрофы». В своей книге он интерпретирует 8 мая как символ «двенадцати лет национал-социализма», как некий провал в истории, «самый глубокий провал в немецкой истории в целом». Он рассматривал поражение Германии 8 мая как катастрофу, которая сделала ее способной установить демократию и научила, как «интегрироваться в сообщество европейских государств». При всем согласии с Рихардом фон Вайцзеккером в том, что для Германии это был шанс начать новый демократический и свободный этап в своей истории, Кильмансегг избегает понятия «освобождение».

Была ли это мнимая альтернативная точка зрения, возобладавшая в дискуссиях по вопросу «поражение или освобождение»? Разве нельзя было просто сказать, что 8 мая было и тем и другим – и днем поражения, и днем освобождения? Однако подобный легкий ответ отменяется, если задаться вопросом, кто потерпел поражение и кто был освобожден? Кто сражался против поражения и тем самым – против освобождения? А кто сражался за? И почему в России и других странах до сих пор празднуется победа над Германией, а не ее освобождение? Почему фон Вайцзеккер утверждает, что «для нас, немцев, 8 мая не является днем празднования»? Получается, день освобождения – не повод для праздника?

2. О какой Германии и о каких немцах идет речь?

Незадолго до окончания войны немецкие солдаты саркастически говорили: «Наслаждайтесь войной, мир будет ужасным». Страх пе-

ред неизвестностью, перед тем, что будет в Германии и с Германией после войны, был не меньше, чем обеспокоенность за судьбу немцев и боязнь мести победителей за несчастья подчиненных немцам народов, за чудовищные преступления и злодеяния, совершенные во время немецкой захватнической войны. Многие критики тезиса об освобождении – как во времена речи Рихарда фон Вайцзекера, так и сегодня – утверждают, что они или их родственники, будучи солдатами, до самого конца, до 8 мая, защищали Германию, а не национал-социализм. Консервативный гессенский лидер ХДС Альфред Дреггер оправдывал защиту Германского рейха до самого конца как защиту родины от советских войск. Но разве можно было защищать Германию, не защищая тем самым национал-социализм?

Сторонники тезиса о поражении настаивают на том, что 8 мая Германия пережила тяжелый разгром, потерпела катастрофу и крах. При этом они гораздо чаще имеют в виду не крах Германии как независимой могучей мировой державы – как, например, в России многие оплакивают крушение Советского союза или Великой России как мировой державы, – а распад государства, объединявшего всех немцев. К концу войны и спустя некоторое время после ее окончания под этим государством понимали Германию не в современных ее границах, и даже не в границах 1937 г., а в границах 1938 г., то есть, включая Австрию и Судеты, а иногда и Мемельланд (с марта 1939) и Эльзас-Лотарингию (июнь 1940). Таким образом, крушением или катастрофой, пережитой Германией, было отторжение у нее земель, присоединенных в 1938 г. и потеря восточно-немецких областей (Силезия, Померания, Восточная Пруссия) не только как государственной территории, но как территорий, населенных немцами; и последовавшее разделение оставшейся части Германии на четыре оккупационные зоны, а после – на западную Федеративную Республику Германия и на Германскую Демократическую Республику. Кроме того, возник вопрос: если 8 мая Германия была освобождена, то является ли ГДР частью этой освобожденной Германии? К тому же критики тезиса об освобождении указывают на ограниченность суверенитета обоих немецких государств.

3. Медленное созревание тезиса об освобождении

О том, насколько тяжело было определить место демократической Германии в истории и на политической арене, свидетельствует неудачная попытка председателя бундестага Филиппа Йеннингера, принадлежавшего к той же партии, что и Рихард фон Вайцекер-

кер (ХДС), 10 ноября 1988 г. в речи перед бундестагом по случаю 50-летия событий Хрустальной ночи (1938) подыскать однозначные и в то же время исторически правдивые слова об отношении немцев к национал-социализму*.

В ГДР 8 мая как государственный праздник освобождения немецкого народа от национал-социализма начали отмечать еще в 1950 г., но это продолжалось лишь до 1966 г. ГДР, согласно своей идеологии, ставила себя на сторону держав-победительниц и считала, что только в ФРГ фашисты еще находятся при деле, несмотря на то что сама пыталась с помощью Национально-демократической партии Германии интегрировать в свою управленческую систему «не обремененных» членством в СЕПГ бывших членов НСДАП и служащих Вермахта. ГДР, несмотря на изначальное самовосприятие как общенемецкого государства, не считала себя наследницей национал-социалистской Германии, которая взяла бы на себя ответственность за последствия захватнической войны и преступления национал-социалистов. В 1975 г. 8 мая отмечалось уже как День Победы, а в 1985 г. – снова как день памяти, государственный праздник.

В ФРГ, напротив, для сторонников тезиса об освобождении Германия была не просто территорией, населенной немцами, а общностью с собственной традицией и идентичностью, отраженной в идее либерального, правового и социального государства, идентичностью, носителями которой 8 мая 1945 г., без сомнения, была лишь меньшая часть немцев, но которая за долгие послевоенные годы вновь обрела себя. В связи с этим речь фон Вайцзеккера не могла быть произнесена ни в 1946 г., ни даже в 1966-м, поскольку к тому времени осознание Западной Германией себя как либерально-демократического государства еще не утвердилось. Рихард фон Вайцзеккер был для этой речи подходящим оратором, поскольку как бывший член гитлерюгенда и солдат, участвовавший в мировой войне с 1 сентября и практически до 8 мая, будучи также сыном высокопоставленного дипломата Третьего рейха, он олицетворял собой немцев, способных и готовых политически учиться. При этом в его устах тезис об освобождении не интерпретировался как политизированный конфликт поколений, в котором дети хотят поквитаться со своими родителями и дистанцироваться от них.

* Стилистически речь Йеннингера была настолько неуклюжей, что многие слушатели восприняли ее как оправдание национал-социализма, несмотря на то что она однозначно таковым не являлась. Филиппу Йеннингеру тут же пришлось отказаться от всех своих политических должностей, после этого в политику он уже не вернулся (*Прим. автора*).

К тому же в мае 1985 г. осмысление ГДР самой себя и своего государства как коммунистического уже несколько поколебалось, так что Вайцеккер без особых возражений мог озвучить право ФРГ быть единственной представительницей всех немцев как освобожденной нации без заметного упоминания несвободы в ГДР. Когда президент говорил «мы, немцы», то в зависимости от контекста он мог подразумевать как немцев в ФРГ, так и немцев, живущих в обоих немецких государствах. Таким образом, тезис об освобождении отражает скорее не исторические факты, а исторически-политическую программу для всех западно-немецких демократических партий.

Следует проводить грань между историческими событиями, непосредственно предшествовавшими 8 мая и событиями, произошедшими за годы до этого, между чувствами немцев и врагов, в том числе жертв национал-социалистской Германии в других странах, и политическим осмыслением этих событий в послевоенной Германии. Понятно, что большая часть населения в оккупированных немцами странах действительно была освобождена, и эти люди праздновали освобождение и радостно встречали своих освободителей. События, предшествовавшие 8 мая, принесли освобождение немногим выжившим в концентрационных лагерях, на каторге и в тюрьмах. Их тоже наполняли чувства свободы и радости. Это было также освобождением миллионов военнопленных и занятых на принудительных работах, даже несмотря на то что в Советском Союзе многих из них ждала неизвестность, возможно, снова плен или даже смерть.

Конечно же, для многих немцев 8 мая в определенном смысле тоже принесло свободу: окончание войны, бомбардировок, обстрелов, страха быть раненым или погибнуть. Это было скорее облегчение, чем радость. Больше всего немцев погибло в последний год войны. Однако облегчение, вызванное окончанием войны, сопровождалось страхом перед абсолютно неизвестным будущим. Для миллионов немцев 8 мая означало начало или продолжение пребывания в военном плену, иногда до десяти лет; для сотен тысяч – смерть как месть за политические преступления, смерть от голода, особенно тяжелой зимой 1946–1947 гг., или же от болезней, которые могли быть вылечены, если бы была оказана медицинская помощь. Сотни тысяч пережили унижительные акты насилия и надругательства. Тысячи немцев, не только национал-социалисты, но и антифашисты, были отправлены на долгие годы в бывшие концентрационные или иные лагеря, тысячи депортированы в Сибирь или на север России, где многие из них нашли свою смерть.

Союзники же ощущали себя не освободителями, а победителями. Страны-победительницы обращались с немцами, соответственно, не

как с освобожденными, они изначально по праву полагали, что большая часть немцев приняла и терпела национал-социализм, будучи членами НСДАП и родственных ей организаций (около 10 миллионов членов), как «попутчики» режима, симпатизирующие и приспособленцы. Союзники ожидали даже, что в Германии начнется партизанская война против оккупации страны. Требовалось огромное напряжение для того, чтобы найти борцов немецкого сопротивления и противников национал-социализма, с помощью которых можно было восстановить послевоенную Германию и сформировать ее новый облик. Неизвестно, чтобы в Германии 8 мая 1945 г. по случаю освобождения от национал-социализма состоялись какие-либо торжества, в том числе, которые могли быть организованы союзниками. Даже в 1985 г. Рихард фон Вайцеккер считал, что «для нас, немцев, 8 мая не является днем празднования».

В 1985 г. тезис об освобождении стал в ФРГ преобладающей исторической интерпретацией и остался таковым в объединенной Германии. Причиной этому стало, естественно, падение национал-социалистского режима с арестом его последнего правительства 23 мая 1945 г. Если не учитывать это «внешнее» освобождение, внутреннее политико-психологическое освобождение от национал-социализма было крайне длительным процессом, который, взятый в отдельности, практически не изучен, а в ГДР протекал совсем иначе, чем в ФРГ. Несмотря на то что на уровне федеральных земель, а затем в правительствах и СМИ обоих немецких государств на ведущие позиции были назначены убежденные противники национал-социализма, в ФРГ из-за недостатка квалифицированных кадров государственное управление осталось в руках бывших национал-социалистов. Я помню одну, проходившую 8 мая подиумную дискуссию с участием бывшего бургомистра, а впоследствии обер-бургомистра Висбадена социал-демократа Георга Буха (1954–1968). В ходе дискуссии молодые участники протестов 1968 г. спросили его с упреком, почему он, сам некогда подвергавшийся преследованиям нацистского режима, назначил столько национал-социалистов на государственные посты. Георг Бух ответил, что нуждался в профессиональных управленцах, чтобы организовать помощь умирающему от голода населению, а кроме бывших национал-социалистов, никого другого не было. ГДР пошла другим путем и в новую систему управления ввела много идеологических конформистов без особых знаний в этой области, что часто имело для населения весьма неблагоприятные последствия.

Частичная замена убежденных нацистов и лиц, скомпрометировавших себя тем, что вели себя в соответствии с требованиями, насаждавшимися нацистским режимом, представителями послевоен-

ного поколения была важной предпосылкой постепенного отхода западно-германского общества от национал-социализма. Этому же способствовал медленный процесс политического переосмысления у тех людей, которые в юношеском или уже во взрослом возрасте восприняли и приняли национал-социалистский образ мышления и которым после войны были открыты глаза на политику насилия национал-социализма. Этот же процесс переосмысления затронул и молодых людей, еще в 1945 г. воодушевлявшихся национал-социализмом, но после 8 мая враз лишившихся своих иллюзий и понявших, что в своем идеалистическом запале они были введены национал-социализмом в заблуждение. Это отличало их от старшего поколения, которое уже в ходе войны утратило внутреннюю веру в национал-социализм и в свои возможности приспособиться к этому режиму. Многие люди в Западной Германии, не готовые принять новую, либеральную демократию, воспринимавшие ее как привилегию держав-победительниц влиять на политику и говорившие о насильственном перевоспитании, которое претерпевали они и их дети, были такого же невысокого мнения о больших и не очень «шишках» канувшего в лету национал-социалистского режима. Такие люди, уходили от политической и общественной жизни и находили убежище в возрождении своего домашнего очага и семьи, восстановлении карьеры и обретении скромного достатка, преодолевая социальные, духовные и материальные последствия разрушительной войны.

Освобождение от идей национал-социализма и далеко не всегда насильственного приспособления к навязываемым сверху моделям поведения в различных социальных группах и в разных регионах страны, у беженцев, изгнанных и оставшихся на родине немцев протекало неодинаково. Придерживались ли одни люди национал-социалистских представлений дольше, чем другие? Детям и внукам поколения, пережившего национал-социализм, тем, кому выпало «благо позднего рождения» (известное выражение Гельмута Коля, часто несправедливо критиковавшееся), было, конечно же, намного легче (иногда даже удобно) социально, политически и психологически дистанцироваться от национал-социализма, чем их родителям, бабушкам и дедушкам, которые в преклонном возрасте должны были прилагать усилия для переосмысления прошлого и отречься от прежнего образа мышления и поведения. Многие в душе сожалели об изменениях, но не хотели этого показывать, другие же, несмотря на внешнее приспособление к правилам «новых господ» демократической Германии, до конца жизни не изменили свои взгляды. Таким образом, лишь смена поколений подготовила почву для принятия тезиса об освобождении.

Поколениям, выросшим в разделенной Германии, было гораздо проще воспринимать 8 мая как освобождение от Третьего рейха с его милитаристским духом, рабским менталитетом и великодержавной политикой. Потеря значительной части государственной территории, которую они никогда не знали и знать не хотели, не была для них болезненной, в их стремлении к материальному благополучию она не имела для них экономического значения. Это государство с его обременительными или даже раздражающими обычаями, старомодным, специфическим языком, совсем иной литературой и музыкой, государство, образ которого они видели в современных им фильмах, прессе и бытовавших исторических представлениях, казалось им совсем чужой и какой-то подозрительной Германией, оказавшейся восприимчивой к национал-социализму. Это объясняет, почему в девяностые годы западногерманская молодежь выступала против объединения страны под лозунгом «Нет Германии!» Не только Гюнтер Грасс понимал освобождение Германии от национал-социализма еще и как освобождение немцев и европейцев от великого объединенного немецкого государства, то есть от повторного искушения начать независимую великодержавную политику. Среди населения Западной Германии доля противников объединения ФРГ и ГДР была выше, чем среди населения Германии Восточной, которая долгое время подвергалась коммунистическому перевоспитанию.

Несомненно, и среди поколения современной молодежи, в первую очередь с территории бывшей ГДР, есть те, кто возмущенно реагирует на тезис об освобождении, но совершенно по иным причинам, чем поколение, пережившее национал-социализм и являвшееся носителем его идей. Ненависть представителей молодого поколения к сложившимся в объединенной Германии, прежде всего в новых федеральных землях, обстоятельствам, которые они ощущают как гнетущие, заставляет их провокационно демонстрировать перед испуганной общественностью национал-социализм с его устрашающей символикой, заклеенный в ФРГ, как ее противоположность.

4. «Тезис о запутанности» превращает преступников в жертв

Двадцать пять лет назад речь Рихарда фон Вайцзеккера оставила во мне неприятный осадок, несмотря на ощущение и понимание того, что это было одно из лучших и выдающихся политических выступлений в истории ФРГ. Разве своими благотворно действующими словами она не сглаживала исторические противоречия и антагонизмы? Почему этой речи удалось получить всеобщее одобрение

у большей части немецкого общества и за рубежом? То, что произвело приятное впечатление, было уже упомянуто: трогательное и в рамках устного выступления достаточно полное описание страданий, перенесенных многими народами и социальными группами, и поразному отразившихся на судьбах отдельных людей. Понравились также некоторые основополагающие высказывания о вине: «Целый народ не может быть виновным или невиновным. Виновность или невиновность – понятия не коллективного характера, а личностного. Есть открытая или оставшаяся под спудом вина человека. Есть вина, которую люди признают или не признают». С этими словами нельзя не согласиться.

Однако фон Вайцеккер удивительным образом избегает вопроса о виновных в преступлениях, совершенных под флагом национал-социализма: «Каждый, кто был в это время уже в сознательном возрасте, пусть сегодня в одиночестве и тиши спросит себя, виновен он или нет». Но политическая вина – это вопрос, имеющий политическое и общественное значение, он должен рассматриваться открыто и публично, а не становится исходным моментом для морального самокопания в тишине. Виновность в преступлении должна быть установлена в ходе публичного судебного процесса. Слово «запутанность» может быть понято неправильно, как будто человек запутывается в каких-то сетях и становится жертвой. При таком понимании слова «запутанность» человек становится объектом и теряет свой статус субъекта политических действий. Конечно, каждое преступление, каким бы чудовищным оно ни было, совершается при фатальных, роковых обстоятельствах, обусловленных некоей зависимостью. Понятно, что молодые люди, которым выпало «благо позднего рождения», рады, что они не находятся в ситуации выбора, как это было со старшим поколением, пережившим национал-социализм или коммунизм. Сочувствие людям, которые приняли легкомысленное или имеющее роковые последствия решение, необходимо, однако это не снимает вопроса о правильном морально-политическом поведении и морально-политической вине, которая не должна устанавливаться в ходе судебного процесса, но является вопросом политическим и общественным, при этом сочувствие не должно сводиться лишь к пониманию и прощению.

Тезис о «запутанности в вине», по всей видимости, соотносится с ключевой идеей Вайцеккера. Он обобщает его в следующей фразе: «Я уверен, вряд ли существует хоть одно государство, которое за свою историю ни разу не увязло в войне и насилии». Неужели можно приравнять тех, кто начинает войну или применяет насилие, с теми, кто только на это реагирует и защищается? Тогда получается,

что преступников нет, есть только «запутавшиеся», жертвы обстоятельств? В речи Вайцеккера вопрос о преступниках сводится лишь к одной единственной личности: «В начале деспотического правления Гитлера его глубокая ненависть была обращена против наших сограждан-евреев. Гитлер не только никогда не скрывал ее перед общественностью, но и сделал целый народ орудием своей ненависти». Люди, ставшие орудиями, скорее жертвы, чем преступники, поскольку ими пользуются, нанося им таким образом ущерб. Разве был Гитлер единственным, кто ненавидел евреев? И кто сделал Гитлера рейхсканцлером и позволил ему превратить весь народ в свое «орудие»? Разве в этом процессе значительная часть народа не являлась тоже субъектом действия? Р. фон Вайцеккер утверждает: «Совершение преступления дело рук нескольких человек». Насчитывали ли эти несколько дюжину или все же сотни тысяч, или больше?

Идея Вайцеккера о вине в другом отрывке речи сформулирована как брутальный манипуляторский тезис: «Гитлер стал силой, толкавшей народ ко злу. Он породил и использовал массовое заблуждение». При полном признании манипуляторской власти это высказывание должно звучать наоборот: «Массовое заблуждение по крайней мере влиятельного меньшинства толкало народ ко злу и породило фюрера и рейхсканцлера Гитлера». Несомненно, что массовое заблуждение не свалилось с небес, так же как и Адольф Гитлер не стал рейхсканцлером и фюрером сам по себе. И то, и другое имеет многочисленные причины, но выяснение причин не может стать оправданием роковых поступков и бездействия. Любое приближение к пониманию исторических событий (больше изучение истории дать не способно) нужно уметь правильно оценивать. И хотя это противоречит общепринятому осуждению из ханжества и заставляет ужасаться заблуждениям и ошибкам «нормальных» людей, однако нельзя игнорировать рациональную оценку трагических последствий поведения и списывать все на «запутанность», которая губительно связывает всех.

5. Непроясненный вопрос о политической вине

Запутанным и, как мне кажется, до сих пор недостаточно обсужденным и проясненным вопросом является вопрос о том, какова же самая распространенная форма политической вины. Подсудным может быть политическое преступление, связанное с планированием и организацией войны и (массового) убийства. Также, в принципе, перед судом должны предстать те, кто участвовал в массовом убийстве. Это имело место в Германии после 8 мая, правда, в недостаточ-

ных масштабах. Но политическая вина тех, кто привел к власти или терпел правительство, которое начинает войну или совершает массовые убийства, не должна караться, в ней можно лишь раскаяться и в лучшем случае искупить ее покаянием. С того момента, как народ обретает суверенитет и высшую правовую и политическую власть, он несет ответственность за все свои поступки. Между правительством и управляемыми устанавливается двусторонняя зависимость, даже при диктаторском режиме.

Мохандас Ганди однажды высказал жесткое и стоящее осмысления утверждение, звучащее достаточно логично: «Каждый народ имеет то правительство, которое он заслуживает. Если народ хочет, чтобы его правительство было лучше, то он сам прежде всего должен измениться в лучшую сторону». Это высказывание является неверным, если понимать его буквально и при этом не принимать во внимание историческую действительность чужого господства и насильственного подчинения. Но эта мысль М. Ганди верна, если ее понимают как призыв к народу нести ответственность за свое правительство. Ганди отвергает удобный тезис о невиновности народа и испорченности правящей верхушки и предупреждает народ о том, какое зло может творить правительство от его имени. Примерно то же самое имел в виду Мартин Лютер Кинг, говоря, что с рабством покончено тогда, когда рабы расстаются со своим рабским поведением. Он не утверждает, что рабское поведение выступает единственной причиной рабства, но он хочет придать мужества объекту порабощения, чтобы тот смог стать свободным и уверенным в себе субъектом своих жизненных условий.

В какой мере избиратель или гражданин, симпатизирующий правительству, в эпоху народного суверенитета может нести ответственность за деятельность правительства? Может ли народ (или большинство, обладающее избирательным правом) в демократическом государстве быть виновным, в то время как народ в диктаторском государстве – недееспособным и невиновным, поскольку из-за сложившихся обстоятельств он не избирал своего диктатора, или же не выбрал бы его повторно, если бы пришлось еще раз делать выбор? Что может знать народ о том, как будет поступать терпимое им правительство, что мог бы или должен народ об этом знать? Пример из современности: насколько американские избиратели виновны в той политике, которую избранное большинством населения правительство Джорджа Буша стало проводить в Ираке? Виновны ли они в том, что повторно избрали это правительство после начала войны и разоблачения его лжи об иракских военных арсеналах и возможном производстве в Ираке оружия массового поражения, о поддержке Ираком

Аль-Кайеды? Насколько виновны сербские избиратели в преступлениях и ужасных действиях правительств Слободана Милошевича и Радована Караджича? Виновата ли в геноциде в Сребренице только горстка командующих отрядами и стрелков? Какова заслуга немецких избирателей (или только наводнения в восточной Германии)* в том, что немецким солдатам не пришлось убивать и погибать самим в Ираке, потому что большинство отдало свой голос СДПГ Герхарда Шрёдера, а не настроенной на военные действия ХДС/ХСС, возглавляемой Ангелой Меркель? Более десяти миллионов немецких национал-социалистов и миллионов сочувствующих, в той или иной степени воодушевленно видевших в Гитлере своего фюрера, в большинстве своем, как это показывают многочисленные исторические исследования, не хотели никакой войны и геноцида евреев. Но разве большинство немецкого народа не несет политическую вину за установление нацистского режима, разжегшего войну и учинившего геноцид?

Даже когда отдельный индивид не может быть напрямую виновным в деяниях правительства, которое он не выбирал, не поддерживал и не одобрял, все равно, как дееспособный гражданин он несет вину за то, что не принимал участия в избрании определенных лиц или партий, пришедших к власти, которые впоследствии совершали то, что гражданин не знал, не хотел или не мог знать заранее. Еще сложнее ситуация, когда в вину ставятся не действия, а бездействие, несовершенство возможного действия. В современном обществе народного суверенитета не существует аполитичного поведения граждан, есть лишь иллюзия, что можно быть аполитичным, но в реальности быть аполитичным означает не интересоваться тем, на что можно оказывать влияние своим политическим действием или бездействием. В демократическом государстве абсентеизм может стать, например, фактической поддержкой большинства избирателей и правительства, поскольку воздержавшиеся от участия в выборах тем самым отказывают в поддержке оппозиции, которая решала бы ту или иную проблему не так, как действующее правительство, например, начать или завершить войну или же воздержаться от нее. В современном обществе для гражданина нет никакой возможности отказаться от ответственности за собственное политическое поведение, игнориро-

* В августе 2002 г. от этого внезапного наводнения пострадало много городов и деревень, а также берега реки Одер, что привело к большому материальному ущербу. Федеральный канцлер Г. Шрёдер немедленно занялся организацией помощи пострадавшим от наводнения, благодаря чему месяц спустя на выборах в бундестаг он получил много голосов. (*Прим. автора.*)

вать политическую природу своего поведения. Поскольку граждане провозгласили себя исторически созревшими для того, чтобы нести ответственность, они не могут это отменить.

Положение о том, что бездействие тоже является действием, соответственно, влечет за собой вопрос о тех границах, в которых разумно говорить о бездействии. Каждый человек постоянно не совершает многочисленные действия, которые он мог бы совершить, приложив небольшие или, напротив, огромные усилия. Как провести грань между необходимыми возможными действиями и теми, в которых нет необходимости? В этом случае важен не столько частый вопрос о не оказанном или недостаточно оказанном сопротивлении национал-социалистскому режиму с его войной и убийствами, на который в ответ обычно задается встречный риторический вопрос о готовности к отчаянному, угрожающему карьере и жизни сопротивлению. Это скорее вопрос о возможности альтернативного политического, еще не ставящего под угрозу жизнь поведения в период до 1933 г., когда надо было реагировать на последствия унижительного Версальского мирного договора и на экономические кризисы 1923 и 1929–1932 гг., на политический кризис в Веймарской республике, на запугивание группами вооруженных лиц. Конечно, тогда поднимается вопрос о смысле «бессмысленного» и «безответственного» сопротивления, то есть в целом о действиях, которые, если смотреть на вещи реально, не могут увенчаться успехом, а скорее наоборот, с большой долей вероятности принесут несчастье как тем, кто оказывал сопротивление, так и тем, кто в нем не участвовал. Эти общие политико-этические вопросы могут быть здесь поставлены, но на них не может быть дан ответ.

При поиске ответа на вопрос о крайне трудно анализируемой градации политической вины каждого отдельного гражданина, должны учитываться возраст, знания, возможности получить образование, сфера деятельности индивида, его социальные и организационные связи. Профессор, ввиду своей просвещенности и общественного положения, не может нести такую же ответственность как семнадцатилетний крестьянин, банкир – как швейцар его банка, начальник фирмы или депутат – как их секретарша. Но и «маленькие» люди точно так же ответственны за свои «маленькие» действия и бездействия, как и «большие» люди в силу их общественного и политического влияния за свои. Например, в истории национал-социализма с определенного момента шансы на успех имело лишь вооруженное сопротивление. Но сопротивление без шансов или с минимальными шансами на успех не является само по себе бессмысленным или вообще недостойным лишь потому, что некоторым – при определенных обстоятельствах – оно стоит жизни.

Общий ответ на этот вопрос можно дать уже сегодня. В современном мире, где вокруг нас каждый день совершаются противоправные деяния, которых можно было бы избежать благодаря определенным политическим действиям, при провозглашенном народном суверенитете, особенно в демократическом государстве, никакой дееспособный гражданин не может быть полностью свободен от политической вины. Каждый дееспособный гражданин несет в этом мире определенную вину. Однако мы не можем довольствоваться истолкованной в светском ключе общей и тривиальной идеей, что мы все до единого грешники. Речь идет об осознании конкретной индивидуальной вины отдельного человека согласно степени ответственности, которую он может нести в той или иной политической ситуации. Политически легитимно и даже правильно говорить о вине других, когда человек не забывает о своей собственной вине. Подобный образ мышления не должен вызывать у гражданина ощущение безрадостности своего существования, отягощенного виной, и постоянное раскаяние, а, наоборот, должен приводить к человеческому и политическому прощению вины, особенно если ему должна предшествовать просьба о политическом прощении и желание политического искупления вины.

Эти вопросы поднимаются здесь, ибо хотя тезис Рихарда фон Вайцеккера об освобождении имел благотворное, облегчающее и освобождающее воздействие на немцев, которые смогли представить себя на месте жертв, на месте прельщенных и введенных в заблуждение национал-социализмом, а также на месте принесших освобождение держав-победительниц, тем не менее он перекладывал вину за преступления на всемогущего, введшего нацию в заблуждение Адольфа Гитлера, а также на его немногочисленных соратников. Тезис об освобождении ошибочно может привести к стиранию фундаментальных различий между освобождением от нежеланного, внушающего страх, ненавистного чужого господства, которому оказывается сопротивление, и освобождением как медленным расставанием с национал-социалистскими представлениями. Логично говорить об освобождении Германии от национал-социализма как от системы господства и типа мышления, при этом необходимо проводить четкое различие между двумя видами освобождения.

Сложный вопрос о политической вине за участие в создании и допущении злодейского режима следует отличать от вопроса о вине с правовой точки зрения – вине тех, кто отдавал преступные приказы, и тех, кто их исполнял. Объяснение вопроса о своеобразии политической вины при изучении политических и государственных преступлений прошлого необходимо для того, чтобы понимать свою ответ-

ственность в настоящем и будущем лучше, чем ее осознает простой обыватель с улицы, искренне считающий свою совесть чистой.

6. Ограничено ли по времени существование тезиса об освобождении?

Возможно ли, что в Германии интерпретация событий 8 мая как освобождения когда-нибудь вновь подвергнется переосмыслению? Гипотетически это возможно. Естественно, это произойдет, если праворадикальная, националистически настроенная и недемократическая партия обретет духовную, а затем и политическую гегемонию в стране. Аргументы в защиту точки зрения, которая представляет новую интерпретацию 8 мая как катастрофу и крах Германского рейха и унижение немецкой нации в течение многолетнего господства услужливых и раболепных лакеев держав-победительниц, позволивших подвергнуть себя перевоспитанию и промыванию мозгов демократическими державами, можно встретить в праворадикальной литературе уже сегодня. Другая новая и менее радикальная интерпретация заключается в представлении о том, что Европейский союз должен распасться, а Германия вновь стать независимой великой державой на международной арене. В таком случае можно было бы говорить о послевоенной эпохе, когда немцы, забывшие о том, что такое могущество, объявили поражение могучего Германского рейха освобождением, которое затем было использовано как идеология для сдерживания независимой политики с позиции силы. Оба гипотетических варианта развития событий весьма маловероятны.

Вероятнее, что европеизация и интернационализация Германии будут продолжаться, и с уходом переживших Вторую мировую войну поколений и их детей пафос тезиса об освобождении исчезнет, и на смену ему и теме национал-социалистского прошлого придут другие проблемы общественно-политической жизни. Хотя в ближайшие двадцать и более лет тема 8 мая не исчезнет из общественного сознания и государственной политики, особенно если за это время не случится никаких мировых катастроф, которые затмят ужасы Второй мировой войны, она уже будет менее эмоционально окрашена.

ОТ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ ОСВЕНЦИМЕ К ОБЩЕЕВРОПЕЙСКИМ ВОСПОМИНАНИЯМ ОБ ОСВЕНЦИМЕ И АРХИПЕЛАГЕ ГУЛАГ – НЕИЗБЕЖНОЕ СЛЕДСТВИЕ РАСШИРЕНИЯ ЕС НА ВОСТОК В ОБЛАСТИ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ

Краткое содержание

Среди многочисленных причин надгосударственного объединения Западной Европы после Второй мировой войны главной было установление мира и стремление обеспечить безопасность, желание непременно завершить эпоху войн между европейскими национальными государствами и агрессивным и нетерпимым национализмом, а также воспрепятствовать началу третьей мировой войны. Для этого в демократической и основанной на рыночной экономике Западной Европе должно было быть создано сообщество государств, тесно связывающее своих членов друг с другом. Оно должно было оставаться открытым для всех европейских стран, особенно для восточно-европейских – когда они освободятся от господства коммунизма.

Государственно-институциональная интеграция Западной Европы должна была подкрепляться высокой экономической и социальной взаимосвязанностью и примирением разных наций, в первую очередь немцев и французов, а также способствовать формированию общеевропейского самосознания. Во время холодной войны принцип избегания войны был дополнен принципом антитоталитаризма и в особенности антинацизма. Политика, направленная на массовое уничтожение евреев и других народов, только в 1960-е гг. постепенно стала восприниматься общественным сознанием как особая характеристика национал-социализма. В то же время большое значение начали приобретать ставшие предметом споров историческая политика, политика памяти и осмысления.

В Израиле официально поминают убитых евреев с 1959 г. В 1996 г. в Германии 27 января официально было объявлено Днем памяти жертв национал-социализма. Осуждение геноцида евреев и политики насилия в целом стало центральным элементом политической

идентичности граждан Федеральной Республики Германия и Европейского союза. В 2005 г. ООН объявила этот день Международным днем памяти жертв Холокоста.

С принятием в Евросоюз посткоммунистических стран было также выражено желание наравне с жертвами национал-социализма помянуть жертв массовых убийств, осуществлявшихся коммунистами. В 2009 г. Европейский парламент объявил 23 августа днем памяти жертв тоталитарных и авторитарных режимов. Это вызвало ожесточенные споры, критики этого решения утверждали, что таким образом произошло отождествление национал-социализма и коммунизма, а также массовых убийств, проводившихся обоими режимами. Напротив, вполне возможно, что память о геноциде евреев или цыган как об уникальном историческом событии может быть связана с памятью о других многочисленных геноцидах и массовых убийствах, поскольку уже сама память об истреблении евреев должна в будущем предотвратить геноциды и массовые убийства.

1. Потребность в отождествлении массового истребления людей национал-социалистским и коммунистическим режимами и боязнь этого отождествления

За последние два десятилетия историческая политика, политика памяти и осмысления обрели большую значимость как в Германии, так и на международном уровне. Распад коммунистической партийной системы в Восточной Европе и особенно вступление в 2004 и 2007 г. десяти бывших коммунистических стран в ЕС существенно изменили официальное и общественное представление о коммунистической истории не только в Восточной Европе, но и в Западной. При этом открытие неизвестных ранее исторических фактов благодаря доступности архивов сыграло скорее второстепенную роль. Решающими были политические изменения, смена режимов и правительств, а также расширение Европейского союза и принятие в него стран, которые пострадали не только от национал-социализма, но и коммунизма, под господством которого они находились гораздо дольше.

Историческая политика – это прежде всего политика, некое событие в настоящем, которое должно оказать влияние на будущее. История, в первую очередь широко распространенное в массах и, если необходимо, достаточно общее представление об истории являются лишь средствами для достижения этой цели. Гораздо менее эффективно добытое исторической наукой, в высшей степени сложно орга-

низованное историческое знание, а также передающиеся вместе с ним научно обоснованные предположения, гипотезы и теории.

Уже во время перестройки, прежде всего в Прибалтике, а также в других советских республиках возникло желание пересмотреть господствовавшее во всей Европе понимание истории. В первую очередь должны были подвергнуться переосмыслению и закрепиться в общественном сознании массовые убийства граждан в эпоху Сталина, а также до и после его правления. Соответственно, история Второй мировой войны тоже должна была быть переписана. При пересмотре исторического значения договора о ненападении между Германией и Советским Союзом (известного также как «пакт Молотова-Риббентропа» и «пакт Гитлера-Сталина») от 23 августа 1939 г. главной целью было поколебать царившую в СССР уверенность в принадлежности стран Прибалтики и Молдавии к Союзу и поддержать эти регионы в их стремлении обрести государственную независимость. Другой целью являлось доказательство ошибочности принятого как на Востоке, так и на Западе тезиса о том, что в войне, начатой с нападения на Польшу, виновна лишь гитлеровская Германия, и акцентирование того, что часть вины за развязывание войны лежит на сталинском режиме, господствовавшем в Советском Союзе.

Теория тоталитарного общества, согласно которой, несмотря на все различия, национал-социалистская и коммунистическая системы по существу одинаковы, отступив в период «разрядки» 1970-х и 1980-х гг. на задний план, после распада СССР вновь получила распространение в общественном сознании, и в меньшей степени – в исторической науке и политологии. Сторонники этой теории не игнорировали глубокую вражду между обеими системами, которая лишь на первый взгляд была преодолена в период тактического сотрудничества в 1939–1941 гг. Многие восточноевропейские критики коммунистической системы хотели с помощью теории тоталитарного общества перенести на коммунизм распространенное на Западе однозначно негативное морально-политическое представление о национал-социализме и показать, что жертвы обоих режимов одинаково достойны памяти.

Данное желание с самого начала натолкнулось на резкое сопротивление не только в Израиле, но и в странах Западной Европы и Северной Америки, где многие выражали свое возражение против отождествления обоих режимов, их внешней и военной политики, либо проводимой ими политики массового уничтожения и стремились подчеркнуть фундаментальные различия между национал-социализмом и коммунизмом. Существовало опасение, что подобное

отождествление продемонстрирует относительность злодеяний нацистов и приведет к преумножению их масштабов. Все три аспекта сравнения или отождествления национал-социализма и коммунизма до сих пор играют важную роль в создании образа новейшей истории XX века, доминирующего в политике и общественной жизни во всем мире, в первую очередь в Германии и Европе.

На инициативу стран Балтии и Польши отреагировал Европейский парламент: в апреле 2009 г. европейские парламентарии приняли «Резолюцию о европейской совести и тоталитаризме», в которой 23 августа было объявлено Общеввропейским Днем памяти жертв всех тоталитарных и авторитарных режимов. Документ был принят 533 голосами за при всего 44 против и 33 воздержавшихся. Многие депутаты восприняли этот день памяти как дополнение к дню памяти 27 января, который связан с освобождением выживших узников Освенцима. В Германии этот день с 1996 г. служит национальным днем памяти жертв национал-социализма, в Великобритании и во многих других странах – с 2000 г. В Австрии существует день памяти 5 мая, день, когда в 1945 г. были освобождены узники концентрационного лагеря Маутхаузен под Линцем. После учреждения подобных дней памяти во многих других европейских государствах министры образования стран, представленных в Совете Европы, в 2003 г. объявили 27 января Днем памяти жертв Холокоста и предотвращения преступлений против человечества. Слово «Холокост» восходит к древнегреческому языку, в котором оно означало «жертва всеожжения». Это понятие получило распространение благодаря американскому фильму «Холокост» («Holocaust») и было англоязычено.

В 2005 г. Генеральная Ассамблея ООН по инициативе Израиля решила объявить 27 января Международным днем памяти жертв Холокоста и призвать страны-членов ООН разработать специальные воспитательные программы, с помощью которых будущим поколениям будет передаваться память о тех трагических событиях, чтобы не допустить повторения геноцида. На Ассамблее многие делегаты напомнили о том, что понятие «геноцид» и признание его преступлением вошло в международное право лишь в 1948 г. после злодеяний национал-социализма, а также, пользуясь возможностью, упомянули и другие геноциды, имевшие место до и после 1948 г., такие как геноцид индейцев, работорговля, Голодомор на Украине, геноцид корейцев во время Второй мировой войны, геноциды в Дарфуре, Сребренице, Камбодже и Руанде. Кроме евреев, прочие жертвы национал-социалистской политики геноцида, такие как цыгане, славяне, лица с ограниченными возможностями и т. д., на Генеральной Ассамблее ООН упомянуты не были. Согласие по поводу осуждения

геноцида евреев было естественным и возможным, потому что Холокост должен был служить заметным примером, напоминанием о других геноцидах и массовых убийствах. Таким образом, это не подчеркивало исключительность данного события, а, наоборот, по словам бразильского делегата, еврейский Холокост был интерпретирован как «парадигма для других геноцидов». Для Израиля, по всей видимости, было достаточно того, что ООН, во-первых, выбрала днем памяти 27 января, во-вторых, использовала в названии этого дня понятие «Холокост», которое в дальнейшем закрепилось как обозначение дня геноцида евреев.

В самом Израиле с 1959 г. 27 нисана по еврейскому календарю (по григорианскому календарю этот день в разные годы выпадает на март или апрель) отмечается как день памяти Шоа (слово, появившееся в современном иврите и обозначающее массовое истребление людей или целых народов). Примерно в этом временном отрезке, на который приходится израильский День памяти жертв и героев Холокоста (Йом ха-Шоа ве-ха-Гвур), отмечаются дни памяти Холокоста в США и Канаде.

2. Опасность «перегрузки» европейской политики памяти

Провозглашение Европейским парламентом в 2009 г. 23 августа Днем памяти жертв тоталитарных и авторитарных режимов возобновило и ужесточило полемику о возможности сравнения геноцида евреев в охваченной национал-социализмом Европе с другими геноцидами, о вине за развязывание Второй мировой войны и вообще о насильственном характере национал-социалистского и коммунистического партийных режимов. В повседневной (немецкой. – *Пер.*) речи под сравнением иногда ошибочно понимают уравнивание или отождествление. Для того чтобы утверждать, что национал-социалистский геноцид евреев был явлением единственным и не имеющим аналогов, прежде нужно сравнить его с другими массовыми убийствами – как с имевшими место в прошлом, так и с современными. В результате любого сравнения могут быть выявлены некоторые сходства и многочисленные различия.

Многие люди, в первую очередь в Восточной Европе, приветствуют общий день памяти жертв национал-социализма и коммунизма как признание равенства представлявших разные народы Европы жертв всех тоталитарных режимов, за что, например, еще много лет назад яростно выступала латвийский политик Сандра Калниете. В то же время есть те, кто рассматривает европейский день памяти

23 августа как своего рода анти-день памяти или как «антитезис» 27 января (например, Хайдемари Уль, австрийский исследователь, специалист по новейшей истории) и говорят о «фальсификации европейской истории», о «тривиализации» и «релятивизации» геноцида евреев. Этой точки зрения придерживается, например, израильский историк Холокоста Иегуда Бауэр. Он считает, что Вторую мировую войну начала нацистская Германия, а не Советский Союз, и что ответственность за 35 миллионов убитых жителей Европы лежит на первой. По мнению Бауэра, советская армия освободила Восточную Европу и спасла Европу и мир от национал-социализма, поэтому совершенно неприемлемо, чтобы в один день поминали жертв разных преступлений.

Для тех, кто считает национал-социалистскую и коммунистическую политику массовых убийств и подавления весьма схожими или одинаковыми по существу, важно то, что при обоих тоталитарных режимах систематически убивали миллионы людей только за их принадлежность к определенным социальным группам, в особенности к этническим, национальным и религиозным, к социальным классам или слоям, иногда за политические взгляды. Сторонники данной точки зрения указывают также на то, что к Второй мировой войне, начавшейся с немецкой и советской захватнической войны против Польши в сентябре 1939 г., привело заключение «пакта Молотова-Риббентропа». Так, Даниэль Коэрфер 17 сентября 2009 г. в газете FAZ опубликовал статью «Германско-советское хищническое партнерство», которая заканчивается словами «Но и в Германии [т. е. не только в современной России. – Э. Я.] на затронутое в данной статье красно-коричневое хищническое партнерство существует табу. В нашей стране нельзя, как Франсуа Фюре во Франции, утверждать: “Гитлер и Сталин вместе начали войну”. Напротив, большая группа немецких интеллектуалов и политиков в своем заявлении в газете “Восточная Европа” утверждает: “Нам больно осознавать, что если бы Германия не начала Вторую мировую войну, то в Восточной Европе не установились бы коммунистические диктатуры и не произошло бы разделения континента и самой Германии”». Здесь не упоминается роль Советского Союза в разжигании мировой войны, хотя несколько раньше в тексте утверждается следующее: «Нападение Германии и Советского Союза на Польшу было прологом к беспрецедентной завоевательной и направленной на уничтожение войне. Этой войной Германия принесла соседним странам и всей Европе неизмеримые страдания, начиная с Польши и заканчивая Советским Союзом». Хотя согласно данному высказыванию Советский Союз и участвовал в нападении на Польшу, но при этом «завоевательная

и направленная на уничтожение война», принеся «неизмеримые страдания», ставится в вину лишь Германии.

Кроме того, в аргументации близости политических режимов играет роль акцентирование существенного сходства в методах управления и терроре обоих однопартийных режимов, упор на культ личности и схожие идеологические стратегии и пропаганду. Этой точки зрения придерживаются преимущественно жители стран Центральной и Восточной Европы, а также многие западные консерваторы, реже – либералы и социалисты.

Противники совместного поминовения жертв национал-социализма и коммунизма указывают также на особенности убийства евреев как систематического, бюрократического, масштабного стремления уничтожить всех представителей этого народа (при этом иногда упоминаются также цыгане). По их мнению, никакой другой режим, даже коммунистический, не хотел лишиться целый народ права на существование. Количество жертв каждого режима не играет при такой аргументации решающей роли. Кроме того, противники общего дня памяти единственным или основным виновником Второй мировой войны считают Германию, часто также обвиняют ее в том, что народы, населявшие Советский Союз, стали 22 июня жертвой захватнической войны на уничтожение, начатой национал-социалистской Германией. При этом подчеркивается, что в антигитлеровской коалиции именно они несли на себе основную тяжесть войны и внесли основной вклад в освобождение всей Европы от национал-социализма, а также что 27 января 1945 г. именно советские войска освободили выживших узников Освенцима. Эти аргументы приводят не только коммунисты, симпатизирующие им и бывшие советские граждане, но и многие израильтяне, евреи во всех точках земного шара, а также многочисленные либералы и социалисты, реже – западноевропейские консерваторы.

В споре о понимании истории и политике памяти три аспекта сравнения национал-социалистского и коммунистического режимов (политика массовых убийств, вопрос о виновности в разжигании войны и характер политических режимов) обычно рассматриваются вместе, однако часто лишь один или два. Только приверженцы и сторонники коммунизма или национал-социализма при оценке войны и репрессий против «врагов режима» исходят из фундаментальных различий и противоположных типов обеих систем.

Европейские дни памяти 27 января и 23 августа, без сомнения, являются центральным моментом в противоречивых устремлениях создать общеевропейское понимание истории, даже несмотря на то что отдельные народы Европы в разной степени пострадали от коммунизма и национал-социализма и в разной степени поддерживали эти

режимы. К тому же во многих странах одни политические силы были на стороне национал-социалистов, в то время как другие – на стороне коммунистов, а некоторые перебежали из одного лагеря в другой. В заключение можно констатировать, что в оценке событий прошлого до сих пор весомую роль играет решивший исход войны союз западных держав и СССР. Запад не хочет видеть в себе сторонника одного тоталитарного режима в борьбе против другого, поэтому склонен к более позитивному образу коммунизма, чем национал-социализма.

Общеввропейская культура памяти и борьба за создание общеевропейской идентичности и понимания истории сталкиваются зачастую с совершенно различными, иногда противоположными национальными культурами памяти и национальным восприятием истории. Вдобавок значимые дни памяти, связанные с политическими событиями, конкурируют еще и с многочисленными другими днями памяти. В европейском календаре памятных дат – наряду со всеми возможными датами, такими как, например, 19 марта – день учреждения Европейской парламентской ассамблеи – стоят, в частности, такие как европейский День памяти жертв терроризма (11 марта), День памяти жертв резни в Сребренице (11 июля), День памяти Чернобыльской катастрофы (26 апреля), европейский День против смертной казни (10 октября), День редких заболеваний (29 февраля), Международный день борьбы за права инвалидов (5 мая), День защиты информации (28 января), Европейский день языков (26 сентября), Всемирный день защиты прав потребителей (15 марта), Европейский день парков (24 мая), а также Европейский день борьбы с мигренью (15 сентября) и некоторые другие.

Если учитывать еще и многочисленные национальные дни памяти, то календарь оказывается забит светскими праздниками так же плотно, как и церковными. Это может повлечь за собой перегрузку как европейской, так и национальной политики памяти и непременно привести к обесцениванию, бессодержательной ритуализации памятных мероприятий и к растущему равнодушию к ним граждан, которые будут интересоваться этими датами, только чтобы знать, являются ли они выходными днями.

3. Разные страдания разных народов и восприятие политики геноцида

Историческая политика и политика памяти с древнейших времен играют важную роль в легитимации власти. Многие из самых первых письменных документов в истории человечества прославляют подвиги и достижения правителей. Как правило, считается, что военные

победы и завоевания, иногда и заключение мира должны закрепиться в памяти людей определенного культурного круга. Позднее для того, чтобы поднять народ на сопротивление чужим захватчикам и угнетателям, в коллективной памяти старались сохранить также и героические военные поражения. По всей видимости, только после Второй мировой войны жертвы чудовищных преступлений и злодеяний, порожденных режимом и совершенных гражданами одной страны, стали поминаться официально. Предпосылкой к этому стала не столько смена политического курса, сколько революционная или навязанная извне смена режима, которая позволила новому режиму дистанцироваться от старого с его преступлениями. Так, с 1960-х гг. осуждение преступлений национал-социализма, как и осуждение геноцида евреев, становилось все более существенным элементом идентичности граждан демократической ФРГ. Целью конструирования этой идентичности было не только предотвращение в стране повторного вопиющего нарушения прав человека – с точки зрения политической и моральной, – но и принятие ФРГ в круг западных держав.

Для многих других наций память о Холокосте выполняет чаще всего совсем другую функцию. С одной стороны, несчастья собственной нации, причиной которых стала политика национал-социализма (Польша, Чехия и др.) или вообще участие в войне (например, Великобритания) связывается с теми жестокими страданиями, которые пережили евреи. Однако иногда самокритично затрагивается и тема участия других народов в геноциде евреев. Тогда в памяти о Холокосте всплывает крайне актуальный внутривнутриполитический, по-разному оцениваемый аспект, значимость которого снижается с уходом поколения, пережившего эти события, поскольку поколению детей и внуков легче дистанцироваться от преступлений и бездействия представителей поколения своих предшественников.

Историческая политика направлена на закрепление в общественном сознании определенного взгляда на историю, по крайней мере в официальном ее понимании, принятом политиками, парламентом, отраженном в школьных и прочих учебниках, а по возможности и в сознании населения, которое еще хранит личные впечатления от пережитых событий или от современных этим событиям сообщений СМИ. Индивидуальное понимание истории зависит от личности человека, его семьи, круга друзей и знакомых, источников политической информации и политических взглядов, что создает богатую и противоречивую палитру представлений и препятствует стремлениям государства выработать единое национально-государственное, общеевропейское или общемировое понимание истории. Практически невозможно внушить один и тот же взгляд на историю тем, кто

находился на одной стороне политических баррикад или национального фронта в гражданской войне или в войне между государствами, и тем, кто был на стороне противоположной. Только после смены поколений взгляд на образ мыслей и эмоции обеих сторон может проясниться, при условии, что в обществе будет желание преодолеть историческую конфронтацию. Часто оно служит основой двусторонних (например, немецко-французских) конференций, посвященных проблеме создания учебников по истории, или же подобных многосторонних общеевропейских мероприятий.

Целью политики памяти является укоренение в общественном сознании выдающихся исторических событий посредством проводимых ежегодно или реже мероприятий, для того чтобы, пользуясь такой возможностью, в сжатой и краткой форме распространить преобладающий, подходящий актуальным политическим нуждам образ истории. Какие исторические факты лежат в основе упомянутых выше противоречий в политике памяти, связанной с 23 августа и 27 января (или его альтернатив)? Хотя представители совершенно противоположных идеологий, такие как догматичные коммунисты и национал-социалисты, не особо заботятся об исторических фактах, почти наверняка документированных и хорошо изученных в их историческом контексте, и отрицают эти факты или придумывают их «альтернативы», тем не менее центром разногласий в политике памяти, осуществляемой под влиянием разных идеологий, находятся скорее не исторические факты, а выделение некоторых из них как значимых, а также, что важнее, их политическая и моральная оценка.

Далее мы последовательно проанализируем три вышеупомянутых аспекта разногласий в политике памяти. Точное количество жертв массовых убийств неизвестно, поскольку государства и партии, которые их осуществляли, часто пытались отрицать и скрыть сам факт массовых убийств, а также потому, что многие группы пострадавших склонны завышать число жертв. Поэтому, что касается количественных данных, мы можем говорить лишь о приблизительных оценках. С научной, этической и юридической точки зрения необходимо знать как можно более точное число убитых, с точки зрения политики памяти важны не точные количественные данные, а сами масштабы.

Различают три типа массовых убийств. Понятие «геноцид» впервые было использовано лишь в 1943 г. польско-еврейским юристом Рафаэлем Лемкиным для обозначения массового убийства армян в Османской империи, а впоследствии и для обозначения истребления поляков и евреев во время немецкой и советской оккупации Польши. Изначально это понятие означало массовое уничтожение – полностью или частично – какой-либо этнической, национальной, расовой

или религиозной группы. В противоположность геноциду массовое убийство реальных или воображаемых политических противников можно обозначить как политцид, а массовое убийство представителей определенной социальной группы, слоя или класса как социоцид. Социоцидом было убийство душевнобольных и гомосексуалистов в Третьем рейхе, а также дворян, буржуазии и зажиточных крестьян (кулаков) в Советском Союзе. В настоящее время понятие «геноцид» употребляется иногда и для обозначения массового убийства представителей собственного народа. Более подходящим понятием для этого и для массовых убийств вообще будет понятие демоцид.

Американский исследователь демоцида Рудольф Дж. Руммель попытался подсчитать общее число людей, убитых в двадцатом веке (если точнее, с 1917 по 1987 г.) по политическим причинам. По его подсчетам, 203 000 миллиона человек стали жертвами войны и 169 000 миллионов – жертвами демоцида. Среди последних Р. Руммель насчитал два миллиона жертв демократических режимов, 29 миллионов – авторитарных, 138 миллионов – тоталитарных, из которых 110 миллионов отнятых жизней – на счету коммунистов. 62 миллиона человек были убиты в СССР, 35 миллионов – в КНР и 21 миллион – в нацистской Германии (среди которых шесть миллионов евреев, по данным Руммеля – 5,3 миллиона). Жертвами геноцида в Османской империи в 1915-1918 гг., согласно Руммелю, стали 1,4 миллиона армян.

Среди всех геноцидов и массовых убийств массовое истребление евреев, а также полумиллиона цыган, выделяется как особое и единое в своем роде. Этот тезис о единичности не связан с количеством убитых, поскольку во время господства национал-социализма славян было убито гораздо больше, чем евреев, не говоря уже о гораздо более крупных масштабах убийств в Советском Союзе и в Китайской Народной Республике. Исключителен скорее тот факт, что национал-социалистская расовая идеология лишала еврейский народ, то есть каждого отдельно взятого еврея, права на существование, а также то, что эта идеология систематически, с помощью государственного бюрократического аппарата реализовалась на практике. Существует, как минимум, политико-культурное различие между подобным тотальным геноцидом и избирательным геноцидом, направленным на истребление только части народа, либо в реальности искореняющим только часть народа, оставляя ему тем самым шансы на возрождение. Утверждение, что истребление шести миллионов евреев – преступление большего масштаба, чем убийство 62 миллионов советских граждан или 35 миллионов китайцев, представляется весьма спорным с этической и правовой точки зрения. Значительная часть еврейского

народа пережила национал-социалистскую политику истребления, поскольку она не находилась под немецким господством, в то время как некоторые народы, проживавшие практически только на территории Советского Союза и подвергшиеся проводимой коммунистическим режимом политике геноцида и массовых убийств, которая ни в коем случае не была направлена на искоренение всех крымских татар, казахов, чеченцев и т. д., потеряли почти такой же высокий процент своих представителей своего народа, как и евреи.

Политика уничтожения нередко практиковалась в Античности и в Средние века против городов-государств и племен, поэтому многие маленькие народы ушли с исторической арены. В настоящее время она, напротив, является исключением, а не правилом. Расистская идеология национал-социализма предусматривала лишение права на существование также цыган, однако, согласно расистскому пониманию истории, они рассматривались как менее опасные и губительные и на практике преследовались и истреблялись не так последовательно, как евреи. По отношению к славянам национал-социалисты следовали этнической и социальной программе экстерминации, согласно которой их интеллигенция и весь правящий класс должны быть уничтожены, а нижние социальные слои планировалось оставить для их эксплуатации «арийцами» (в первую очередь немцами, а также скандинавами, голландцами и т. д.).

Этнические или национальные лозунги, призывающие к истреблению определенной группы людей («Смерть...»), звучат на многих демонстрациях по всему миру. Они могут вылиться в отдельные теракты, погромы и военные столкновения. Но холодная, рациональная и на протяжении долгого времени систематически организованная политика уничтожения, начиная с Нового времени и по сей день, на практике была осуществлена только однажды – в национал-социалистской Германии и на оккупированных ею территориях.

Однако массовые убийства в коммунистическом Советском Союзе по своим масштабам тоже уникальны. Ни в одной стране государственными органами не было убито так много людей, как в СССР, и это по большей части в мирное время.

Обычно вину за разжигание Второй мировой войны приписывают исключительно нацистской Германии. Несмотря на то что эта война началась еще 7 июля 1937 г. военным столкновением между Японией и Китаем и продолжалась до 9 сентября 1945 г., в Европе ее начало было положено 23 августа 1939 г. «пактом Молотова-Риббентропа», за которым последовало нападение на Польшу 1 сентября Германии, а 17 сентября – СССР. Страна была оккупирована и поделена между этими двумя государствами. 30 ноября советские войска напали на

Финляндию. Великобритания и Франция считали себя не в состоянии вести войну одновременно против двух агрессоров, поэтому сконцентрировались на Германии, которая казалась им все более и более опасным врагом. Решая вопрос о виновности в разжигании войны, нельзя не заметить тот факт, что Германия являлась ведущей силой в завоевательной войне, а Советский Союз всего лишь воспользовался хорошей возможностью, чтобы достичь своей цели – расширения территории. Эти завоевания были сохранены за СССР после победы антигитлеровской коалиции, это решение было принято союзными державами на Ялтинской конференции*. К тому же в 1941 г. Советский Союз сам стал жертвой агрессии и благодаря этому союзником западных держав. Что касается интенсивности военных действий и числа жертв, то СССР вынес на себе основную тяжесть Второй мировой войны.

Оценка Западом итальянского фашизма, немецкого национал-социализма и советского коммунизма значительно колебалась в зависимости от внутренней и международной политической обстановки. Еще в 1920-е гг. была предпринята первая попытка проанализировать природу этих политических режимов. Согласно этому анализу, фашизм и советский коммунизм были признаны новыми политическими системами, отличавшимися от существовавших ранее диктатур (как ранее говорили – тираний). Для этих новых режимов были характерны политическая мобилизация масс, общая и обязательная государственно-общественная идеология, однопартийность с культом личности, централизованное управление средствами массовой коммуникации, террор и милитаризация общества, а также государственное регулирование экономики.

Наряду с большим сходством национал-социалистской и коммунистической однопартийных систем между ними существовали и значительные различия. Коммунисты стремились к бесклассовому обществу, а национал-социалисты – к «народной общности», основанной на межклассовом сотрудничестве. Коммунисты, по крайней мере на словах, придерживались принципов мира, демократии и гуманизма, в то время как национал-социалисты эти принципы презирали, поэтому внутри коммунистического движения существовала сильная оппозиция сталинизму, из-за которой сторонниками Сталина были убиты сотни тысяч коммунистов, в то время как лишь немногие национал-социалисты выступали против Гитлера и становились жертвами режима. Коммунистические режимы смогли отказаться от политики массовых убийств, национал-социалисты – нет. Универ-

* Состоялась 4–11 февраля 1945 г. (*Прим. ред.*)

сальные цели, которые ставило коммунистическое учение, позволили распространенному по всему миру движению укорениться в некоторых странах, расистские и националистические установки национал-социализма ограничили распространение его идеологии на немногие страны, несмотря на то что он находил поддержку среди общих врагов либерализма, демократии, социализма и коммунизма. Широкие масштабы убийств, осуществлявшихся коммунистами, связаны также с широким распространением коммунизма и длительностью его господства.

Вынужденная, вызванная необходимостью сопротивления национал-социалистской завоевательной политике кооперация западных держав в 1941–1945 гг. с Советским Союзом, осуществлявшим политику массовых убийств, привела к тому, что на Западе выработалось различное понимание истории и различные политические и моральные оценки национал-социалистской и коммунистической политики уничтожения, не говоря уже о том, что СССР – как одна из стран-победительниц с господствовавшим в ней коммунистическим режимом – и в дальнейшем оставался влиятельным участником международной политики и с 1963, а затем и с 1969 г. был участником политики «разрядки» и в определенной мере успешно умалчивал и скрывал информацию об архипелаге ГУЛАГ. Даже распространенная на Западе во время холодной войны теория тоталитарного общества мало изменила неравную осведомленность о немецких и советских концентрационных лагерях и политике массовых убийств, проводимой в Третьем рейхе и СССР. Особенно мало эта теория повлияла на либеральную и левую часть политического спектра западного общества. Потребность в дополнительной моральной интерпретации войны против Германии, Италии и их союзников сыграла достаточно большую роль в том, что национал-социалистская система оценивалась как значительно более варварская, чем коммунистическая система союзника – СССР. В заключение надо добавить, что отдельные народы в разной степени пострадали от национал-социализма и коммунизма, и отдельные слои их населения в большей или меньшей степени сотрудничали с их режимами, либо из тактических соображений, либо из симпатии к ним.

4. Роковая идеологизация пребывания нации в роли жертвы

Любая политика памяти избирательна по отношению к человеческим несчастьям. Поскольку любая политика, а следовательно, и политика памяти, по сути, является национальной, а не европейской и не общечеловеческой, то возникает опасность идеологизации событий,

приведших к многочисленным жертвам, которая не только искажает реальные (противоречивые и неоднозначные) исторические факты, но и может стать инструментом для достижения национальных и партийных политических целей. Если в старые времена в чести были победы, героизм и храбрость, то в последние десятилетия роль жертвы все более считается доказательством моральной силы и превосходства. С ее помощью легче выдвигать свои морально-политические притязания против других народов, иногда объяснять наличием у представителей одного народа общего национального сознания их участие в установлении преступного режима или сотрудничество с ним. В тех же целях иногда используется идеология виктимизма как оправдание особо нетерпимой и агрессивной политики, направленной против реальных или мнимых, старых или новых опасностей со стороны других народов. Таким образом, Европе угрожает опасный раскол в сфере исторической политики и политики памяти между нациями, которые хотят уделять внимание исключительно дням памяти о жертвах Холокоста, и теми, для которых первоочередное значение имеет лишь память о жертвах коммунизма, а также третьими, которые выступают за проистекающее из теории тоталитарного общества общее поминание жертв национал-социализма и коммунизма. Как писал Карл Шлёгел, «...память, которая не включает узников ГУЛАГа, в определенном смысле является избирательной, недостоверной и в малой степени европейской».

5. Признание сходства и различий травматического национального опыта

Существует ли решение для этого бесконечного и достаточно ошибочного спора и каково оно? Бесспорно то, что для каждого народа свой собственный травмирующий опыт войны и убийств в психологическом и политическом плане является более впечатляющим, чем любое знание о подобном опыте других. Геноциды небольших масштабов могут отразиться на малочисленных народах так же сильно, как и геноциды крупных масштабов на многочисленных народах, при условии, что жертвами политики уничтожения стала примерно одинаковая доля населения. У каждого народа есть право оплакивать в первую очередь своих соотечественников, которые погибли на войне или стали жертвами убийств. Существенным прогрессом в политической культуре Европы и всего мира станет способность народов научиться публично признавать совершенные их правительствами или политическими партиями преступления и, как следствие, каким-

то образом стараться возместить жертвам этих преступлений нанесенный им моральный ущерб. В будущем эта практика может стать способом предупреждать политические или организованные государством массовые убийства. По сути, спор о самом ужасном преступлении всех времен абсурден. Нет необходимости в шкале оценки геноцидов и в выделении одного особого и множества обычных геноцидов. Значение Холокоста ни в коем случае не становится относительным, если из сотен и тысяч геноцидов выделяются еще один или два. Масштабы массовых убийств в СССР так же уникальны, как и массовые убийства евреев и цыган. И многие другие геноциды обладают чертами, которые отчетливо отличают их от других. Массовые убийства собственного народа не более и не менее достойны осуждения, чем истребление других народов.

Политика памяти не слишком отягощает население Европы тем, что принято вспоминать как окончание Первой, так и Второй мировой войн, поминать 27 января евреев и других жертв национал-социализма и, наконец, воспринимать 23 августа как день, когда тактическое сотрудничество германского и советского режимов привело к развязыванию Второй мировой войны, новому разделу Европы на сферы влияния и к проведению политики массовых убийств по отношению к многим народам.

Дата 27 января хороша тем, что закрепляет в памяти слово «Освенцим» как метафору масштабной, организованной, хладнокровно проводимой политики геноцида и массовых убийств. Преимущество дня памяти 23 августа состоит в том, что события этого дня привели к началу Второй мировой войны и стали важной предпосылкой массового уничтожения евреев, поскольку в мирное время оно было бы менее вероятным. В сентябре 1938 г. западные державы упустили возможность привлечь Советский Союз для решения Судетского вопроса. Советский Союз, в свою очередь, в марте 1939 г. упустил возможность использовать расширение немецких границ за счет оккупации центральных областей Чехии для выражения общего, советско-западного ответа на нацистскую политику экспансии. Вряд ли это предотвратило бы Вторую мировую войну, но существенно ее укоротило и дало бы шанс избежать геноцида евреев.

Абсолютно неуместно противопоставлять 23 августа дню памяти 27 января. Оба эти дня с гуманных, либеральных и демократических позиций по-разному предостерегают от ужасов агрессивной завоевательной политики уничтожения. Поскольку круглые даты со дня событий 23 августа и 27 января приходятся на разные годы, можно легко избежать их наложения на календаре памятных дат и равнодушия населения из-за слишком частого напоминания об одном и том

же. Один только День памяти жертв геноцида армян (если Турция и Южный Кавказ будут восприниматься европейским самосознанием как часть Европы) как первая масштабная попытка изгнания и уничтожения этноса во времена варварской мобилизации масс в масштабах государства не должен обременять европейцев. Жители Западной Европы должны научиться более серьезно относиться к чувствам восточных европейцев, которые, в свою очередь, должны научиться понимать уникальность геноцида евреев и цыган как провала в истории развития цивилизации в Новое время. Европейская политика памяти не нуждается в едином понимании истории, но она нуждается в том, чтобы все народы уделяли внимание крайне противоречивому индивидуальному и национальному опыту пережитых массовых, организованных человеком убийств.

6. Медленное приближение к общеевропейскому политическому сознанию

Перспективы развития общеевропейской политики памяти не так уж и плохи. Тем не менее потребуется много лет для преодоления разногласий между посткоммунистическими и остальными странами Европы, которые не пострадали от господства коммунизма. Значительная часть стран континентальной Европы, в свою очередь, хранит общие для них воспоминания о пережитом национал-социалистском терроре. В Германии, несмотря на то что в ГДР господствовал коммунистический режим, приоритет имеют день памяти жертв Холокоста 27 января, День освобождения от национал-социализма и 8 мая – День окончания в Европе Второй мировой войны, а также (менее значительная дата) Международный день против фашизма, расизма и антисемитизма 9 ноября, а не День памяти жертв тоталитарных и авторитарных режимов, тем более что в ГДР сталинский террор по своим масштабам не может сравниться с тем, что происходило в СССР. Когда пройдет достаточно времени и знания о масштабах и характере коммунистической политики массовых убийств в Советском Союзе и Югославии получат широкое распространение, значение Дня памяти жертв тоталитарных и авторитарных режимов (23 августа) возрастет. Естественно, при условии, что в Европе не произойдет возрождения ни национал-социализма, ни коммунизма. Подобное представляется маловероятным, поскольку знание о массовых убийствах, проводившихся обоими режимами, крепко укоренилось в общественном сознании. Систематические и продолжительные массовые убийства не встретят поддержки у большинства народа, в крайнем случае, это

выльется в небольшой погром. Хотя нельзя исключать активизацию социалистических идей, которые смогут развиваться лишь в том случае, если их сторонники будут четко видеть разницу между социализмом и коммунизмом.

Следующим условием для развития общей исторической политики и политики памяти является то, что Европейский союз должен достаточно хорошо перенести настоящий и возможные новые кризисы и будет продолжать интеграцию, поскольку распад ЕС из-за существующих в настоящее время разногласий, несомненно, приведет к новой интерпретации истории и развитию проводимой государствами политики памяти в различных направлениях, при этом история национал-социализма и коммунизма как инструмент политики будет использоваться уже иным образом. И наоборот, выработка единого общеевропейского понимания истории национал-социализма и коммунизма с осуществлявшимися ими массовыми убийствами привлечет внимание к проблеме любой политики геноцида и массовых убийств, как к прошлому – в Османской империи, в странах бывшей Югославии, Камбодже, Руанде, Дарфуре и во многих других регионах, – так и к тем, которых с уверенностью можно ожидать в будущем.

ГОНИТЕЛИ И ГОНИМЫЕ. О СООТВЕТСТВУЮЩЕЙ ФОРМЕ ПАМЯТИ

Краткое содержание

В сентябре 2000 г. один из фондов Союза изгнанных, возглавляемый Эрикой Штайнбах (ХДС), с 1998 г. являющейся президентом Союза изгнанных, а также Петером Глотцем (СДПГ), предложил учредить в Берлине «Центр против изгнаний». Это вызвало многолетние острые политические дебаты в Германии, Чехии и особенно в Польше. Возникли опасения, что память о немцах, ставших жертвами в результате бегства и изгнания по окончании Второй мировой войны, может привести к релятивизации вины Германии за развязывание захватнической и направленной на уничтожение войны 1939–1945 гг., а также совершенных национал-социалистским режимом преступлений геноцида и изгнаний. Также возникли опасения, что немцы потребуют узаконить свои требования возврата собственности странами, из которых они были изгнаны, или же вообще выдвинут требования пересмотра государственных границ. В Германии возникла определенная политическая конфронтация между ХДС и СДПГ, которая в определенной мере затронула и все остальные партии.

В итоге правящая коалиция ХДС/ХСС и СДПГ в марте 2008 г. выдвинули совместный проект по созданию фонда «Бегство, изгнание, примирение», а также посвященного бегству и изгнаниям документационного и информационного центра в Берлине под рабочим названием «Зримый знак». Этот центр должен сохранять память о 60–80 миллионах европейцев, подвергшихся изгнаниям в первой половине XX века. Ранее возглавляемое Дональдом Туском польское правительство, отошедшее от критически настроенного к Германии и Европе курса своего предшественника, заявило о «дружественной отстраненности» по отношению к проекту. Польша хочет учредить в Гданьске свой музей истории Второй мировой войны, который должен также включать историю послевоенного коммунистического режима*.

* Торжественное открытие этого музея должно состояться 1 сентября 2014 г. (Прим. автора.)

В качестве альтернативы немецкому центру в Берлине или же вообще отказу от подобных инициатив Маркус Мекель (СДПГ) предложил основать в Брюсселе или во Вроцлаве европейский центр против изгнаний. Однако на тот момент Европа еще не созрела для общей политики памяти в отношении Второй мировой войны, геноцида и изгнаний, поэтому необходимо учитывать асинхронность и некоторую противоречивость национальной памяти и политики памяти, стараться принимать во внимание позицию других стран и отражать различия культур памяти этих стран, воплощая их в национальных мемориалах. Из-за боязни возможной релятивизации вины Германии в начале Второй мировой войны и геноциде неоднократно менявшееся отношение немцев к своим изгнанным из стран Восточной Европы соотечественникам нуждается в новом обсуждении и наиболее удовлетворяющем объяснении.

1. Боязнь пересмотра немецкой истории из-за памяти о подвергшихся изгнанию немцах

Тема, связанная с изгнанием немцев, приобретает все большую актуальность в политике. 31 октября 2009 г. министр иностранных дел Германии Гидо Вестервелле совершил свой первый после назначения на должность деловой визит не в Париж, как это принято, а в Варшаву, чтобы подчеркнуть желание установить дружественные отношения между Германией и Польшей. При этом он озвучил тот факт, что председатель Союза изгнанных Эрика Штайнбах не станет членом совета фонда «Бегство, изгнание, примирение». В 2009 г. главы государств и правительств ЕС постановили, что Хартия Европейского союза по правам человека имеет для Чехии ограниченное действие (ранее аналогичное решение было принято в отношении Великобритании и Польши). Этого потребовал чешский президент Вацлав Клаус для того, чтобы было легче отклонить притязания изгнанных судетских немцев на возвращение имущества. Без этого решения реформа ЕС на основе Лиссабонского договора грозила провалом.

В сентябре 2000 г. один из фондов Союза изгнанных публично выступил за учреждение в Берлине центра против изгнания. Председателями фонда в то время были Эрика Штайнбах и Петер Глотц, после смерти которого Э. Штайнбах стала единственным председателем и с 1998 г. – президентом Союза изгнанных. Эрика Штайнбах родилась в 1943 г. в Западной Польше (тогдашней западной Пруссии), аннексированной Третьим рейхом после германско-советской оккупации Польши (сентябрь 1939). Там ее отец служил в германских войсках

унтер-офицером, старшим сержантом Люфтваффе. Еще с 1990 г. во Франкфурте-на-Майне Эрика Штайнбах неоднократно избиралась в бундестаг депутатом от ХДС. С 2000 г. она – член федерального правления ХДС. Петер Глотц (1939–2005) родился в Богемии в семье судетского немца и чешки. В 1972–1977 и 1983–1996 гг. он был депутатом бундестага от СДПГ, в 1981–1987 гг. – председателем СДПГ; в 1974–1977 гг. он являлся также статс-секретарем при министре образования и науки и в 1977–1981 гг. – сенатором Берлина по науке и исследованиям. В политике П. Глотц получил известность как генератор идей. В 2003 г. он опубликовал книгу «Изгнание. Богемия как поучительная пьеса». Оба политика никогда не входили в правление партии и не были лидерами, однако безвестными заднескамеечниками тоже не являлись.

Среди целей «Центра против изгнаний» можно отметить следующие: дать полное представление о «судьбе более чем 15 миллионов немцев, ставших жертвами депортации и изгнания во всей Центральной, Восточной и Южной Европе», а также привлечь внимание к «изгнанию и геноциду других народов, особенно в Европе». Хотя самому фонду для осуществления своих целей не удалось собрать с помощью общественности достаточно средств, после продолжительной полемики в Германии и за ее пределами эта инициатива была подхвачена правящей коалицией ХДС/ХСС-СДПГ. В декабре 2008 г. бундестаг принял решение об основании фонда «Бегство, изгнание, примирение» как отдела Немецкого исторического музея, который будет находиться в компетенции Уполномоченного Правительства Германии по вопросам культуры и средств массовой информации. Этот фонд должен учредить в берлинском районе Кройцберг посвященный бегству и изгнаниям документационный и информационный центр под рабочим названием «Зримый знак». В совет фонда федеральным правительством были приглашены два представителя от бундестага, три представителя от министерств, по одному представителю от обеих крупных христианских церквей и от Центрального совета евреев в Германии, а также два представителя от Союза изгнанных. Первоначально в качестве третьего представителя от Союза изгнанных была предложена кандидатура его председателя Э. Штайнбах, однако под давлением польского правительства и общественности, а также немецкого правительства и, прежде всего, социал-демократов она отказалась от членства в фонде (возможно, лишь временно). Президенты фонда Немецкого исторического музея и Дома истории ФРГ в силу своих должностей являются членами правления фонда. Состав совета фонда и международный научный совет должны создать широкую общественную основу для центра, посвященного памяти жертв из-

гнаний, не только среди самих изгнанных, но и во всей ФРГ, а также научное обоснование существования центра.

Сначала на протяжении нескольких лет шли споры о самой идее основания центра, затем о вхождении главного инициатора создания центра Э. Штайнбах в совет фонда «Бегство, изгнание, примирение». Не только многие немцы, но и, в первую очередь, чехи и поляки опасаются того, что подобный общедоступный, открытый центр памяти, посвященный преимущественно изгнанным немцам, может привести к изменению восприятия немецкой истории, а также к появлению устремлений потребовать от изгнавших стран возвращения потерянной собственности, если не к требованию пересмотреть современные государственные границы Германии.

2. Немецкая или европейская память об изгнанных, или же их забвение

Первоначальное предложение фонда Союза изгнанных после его опубликования было встречено жесткой критикой, сначала со стороны СДПГ, а затем и за границей, особенно в Польше, где против проекта выступила большая часть общественности. Среди многочисленных немецких противников создания центра особенно можно выделить депутата бундестага от СДПГ Маркуса Мекеля, который в свое время был министром иностранных дел ГДР в составе ее последнего, избранного демократическим голосованием правительства. М. Мекель выдвинул встречное предложение по созданию «Европейского центра против изгнаний, принудительных переселений и депортаций – совместное осмысление истории Европы», которое было поддержано многими политиками и интеллигенцией, в первую очередь в Германии и Восточной Европе. В качестве города, где мог бы быть открыт центр, предлагались Вроцлав или Брюссель. Главный аргумент М. Мекеля сводился к следующему: «Учреждение подобного центра в качестве преимущественно национального проекта, как это планирует в Германии Союз изгнанных, вызовет недоверие соседних государств и не может быть в общих интересах наших стран. Это таит в себе опасность дать приоритет несчастьям одних над несчастьями других и упустить из внимания различные причины и исторические контексты изгнаний, принудительных переселений и депортаций».

В Германии особое значение приобрело возражение польских политиков и интеллигенции, которые уже на протяжении многих лет выступали за демократизацию Польши и ее примирение с Германией. Бывший министр иностранных дел Польши Бронислав Геремек,

сын погибшего в Освенциме раввина, ставший известным благодаря участию в движении «Солидарность» (Solidarność), назвал Центр изгнанных в Берлине «местом, где разжигается ненависть» и препятствием на пути развития отношений между Польшей и Германией. В качестве олицетворения врага в Польше была выбрана личность Эрики Штайнбах, по всей видимости, не только из-за занимаемого ею поста президента Союза изгнанных, но и как дочери участвовавшего в оккупации Польши унтер-офицера, а не урожденной восточной немки. На пике всеобщей обеспокоенности учреждением «Центра против изгнаний» польский журнал «Wprost» опубликовал изображение Э. Штайнбах в форме СС, сидящей верхом на тогдашнем канцлере ФРГ Герхарде Шрёдере. При правительстве Ярослава Качиньского, представителя право-националистской и консервативной партии Право и справедливость (Prawo i Sprawiedliwość), отношения между Польшей и Германией по многим причинам значительно ухудшились. Ситуация изменилась лишь в октябре 2007 г. после победы на парламентских выборах партии Гражданская платформа (Platforma Obywatelska) и назначения ее лидера Дональда Туска премьер-министром Польши. Новое правительство, очевидно, принимая во внимание, что улучшение отношений с Германией и Европейским союзом в его же интересах, смирилось с основанием в Берлине «Центра против изгнаний» и довольствовалось «дружественной отстраненностью» по отношению к проекту, который теперь находился преимущественно под контролем правительства и парламента ФРГ, то есть не только в руках Союза изгнанных.

Тем не менее в феврале и марте 2009 г. обеспокоенность ситуацией вокруг «Центра против изгнаний» возросла, когда Союз изгнанных выдвинул кандидатуру Эрики Штайнбах в качестве члена совета фонда. Штайнбах стала главной мишенью антинемецких настроений, и с ней были связаны многие опасения, поскольку в 1991 г. она проголосовала против закона о границах, согласно которому граница между Германией и Польшей устанавливалась по рекам Одер и Нейсе, а также против договора о добрососедстве с Польшей. Кроме того, многие поляки предполагают, что Э. Штайнбах в 2003 г. голосовала против принятия Польши в ЕС, как ранее – против ее вступления в НАТО. Также многие немецкие политики, в первую очередь социал-демократы, либералы и «зеленые», такие как Маркус Мекель, уполномоченная правительства ФРГ по вопросам польско-немецких отношений Гезина Шван, а также Вольфганг Тирсе, Ганс-Дитрих Геншер, Клаудиа Рот были против того, чтобы федеральное правительство назначило Э. Штайнбах членом совета фонда. В защиту Э. Штайнбах выступили, например, Отто Шили и Ральф Джордано.

Газета FAZ обвинила противников Штайнбах в неверной интерпретации ее политического поведения. Якобы она выступала не против утверждения границы Одер-Нейсе, а просто была против закона о границах, который оставлял в стороне урегулирование имущественно-правовых вопросов. Как писала FAZ, официально ФРГ не отказалась от притязаний отдельных немецких граждан подать виндикационные иски против стран, изгнавших немцев, и указала подобным гражданам, как решить проблему правовым путем, хотя немецкое правительство всегда декларативно дистанцировалось от частных исков. Германия, в отличие от Польши, которая взяла на себя возмещение убытков своим гражданам, изгнанным из СССР, не сделала этого в отношении немцев, изгнанных из стран Восточной Европы, что до сегодняшнего дня вызывает у Польши опасения, что Германия потребует возврата собственности. Также согласно FAZ, Штайнбах голосовала не против принятия Польши в ЕС, а за протокол, который содержал ограничения расширения ЕС на восток, поскольку в четырех из десяти восточноевропейских стран, собиравшихся вступить в ЕС, были приняты законы, якобы нарушавшие права человека и международное право, в связи с чем отмена этих законов становилась непосредственным условием принятия стран в ЕС. По утверждению FAZ, в Польше не заметили тот факт, что госпожа Штайнбах уладила в Союзе изгнанных ревизионистские настроения, отстранилась от деятельности компании «Прейсише Трейханд ГмБХ и Ко. Кг. А.А.» (Preußische Treuhand), а также она единственная в Германии организовала памятное мероприятие в честь 50-летнего юбилея Варшавского восстания в 1944 г.

Особое влияние на польский протест против назначения Э. Штайнбах оказала позиция Владислава Бартошевского, уполномоченного правительства Дональда Туска по взаимоотношениям с Германией. На выдвижение кандидатуры Э. Штайнбах в совет фонда «Центра против изгнаний» он прореагировал весьма эмоциональным, но на деле неверным сравнением ее назначения с тем, как если бы «Ватикан назначил отрицающего Холокост Уильямсона уполномоченным по взаимоотношениям с Израилем». При этом В. Бартошевский сослался на политические настроения в Польше, которые поддерживают скорее правонационалистические силы и могут ослабить новое проевропейское и прогерманское правительство. В ходе одного из проведенных в Польше опросов общественного мнения Эрика Штайнбах была названа в числе личностей в политике, вызывающих наибольший страх, второй после российского премьер-министра Владимира Путина, опередив даже иранского президента Махмуда Ахмадинежада.

В. Бартошевский родился в 1922 г., участвовал в сопротивлении немецкой оккупации, провел один год в Освенциме, позднее принимал участие в Варшавском восстании. При коммунизме много лет провел в тюрьме, впоследствии, как известный историк, преподавал во многих немецких университетах, присоединился к профсоюзному и общественному движению «Солидарность», а в 1995–1997 и в 2000–2001 гг. был министром иностранных дел Польши. В Германии В. Бартошевский стал пользоваться большим уважением после своей речи, произнесенной в бундестаге 27 января 2005 г. по случаю 60-летия со дня освобождения узников концентрационного лагеря в Освенциме. В речи он упомянул также изгнание немцев с бывших восточногерманских территорий и территории довоенной Польши: «Будучи народом, который в особой степени пострадал от войны, мы знакомы с трагедией принудительных переселений, а также со связанными с ними насилием и преступлениями. Мы помним о том, что это затронуло и значительную часть немецкого населения, и то, что Польша тоже несет вину. Я хочу открыто заявить: мы сожалеем о судьбе и страданиях ни в чем не виновных немцев, затронутых последствиями войны и потерявших свою родину». Далее В. Бартошевский присоединяется к словам эссеиста и социал-демократа Яна Йозефа Липски, произнесенным в 1981 г.: «Мы причастны к тому, что миллионы людей были лишены своей родины, из которых одни были виновны в том, что поддерживали Гитлера, другие в том, что позволяли совершать преступления, третьи в том, что не нашли в себе героизма бороться против государственной машины, и это в то время, когда их государство вело войну. Даже великое зло, причиненное нашему народу, не является и не может быть оправданием тому злу, которое мы сами причинили другим; изгнание людей с их родины в лучшем случае может быть небольшим злом, но ни в коем случае не хорошим поступком <...> выбор в пользу небольшого зла, однако, не должен делать нас нечувствительными к моральным проблемам. Зло – это зло, а не добро, даже если оно мало и неизбежно».

3. Путь от ревизионистских надежд через их вытеснение к новой политике памяти

Как международный, так и внутригерманский спор об учреждении центра в память об изгнанниках следует рассматривать в широком историческом контексте. Это касается как того момента, когда было высказано предложение и принято решение учредить центр в Берлине, так и в целом отношения к жертвам войны, геноциду и

изгнаниям. Предложение Союза изгнанных, прозвучавшее в сентябре 2000 г. после многолетнего умалчивания темы изгнания немцев, естественно, не было случайным. Ему предшествовали долгие споры о берлинском мемориале памяти убитых евреев Европы. Идея создания памятника была предложена Леей Рош в 1988 г., в июне 1999 г. она была поддержана бундестагом, а в мае 2005 г. состоялось открытие памятника. Несмотря на то что инициаторы «Центра против изгнаний», судя по всему, никогда не ссылались на мемориал памяти убитых евреев Европы, можно предположить, что после того, как в политике памяти предпочтение было отдано гражданским жертвам национал-социализма, в первую очередь евреям, далее цыганам, полякам, белорусам, русским и другим славянским народам, а также лицам, занятым принудительных трудом, коммунистам, социал-демократам, христианам, гомосексуалистам, душевнобольным, дезертирам и другим группам жертв, многие немцы захотели, чтобы память гражданских немцев, ставших жертвами войны и послевоенного времени, тоже поминалась. С этим связан и рост интереса к жертвам осуществлявшихся союзными державами бомбардировок Германии, особенно усилившегося после выхода в свет книги Йорга Фридриха «Пожар. Германия в воздушной войне 1940–1945 гг.», которая вызвала жаркие споры. В то же время судьба изгнанных немцев оказалась в центре активных общественных дискуссий, в первую очередь из-за опубликованной в 2002 г. новеллы Гюнтера Грасса «Траектория краба», посвященной затонувшему лайнеру «Вильгельм Густлофф», который должен был 30 января 1945 г. эвакуировать из Восточной Пруссии около десяти тысяч немцев, в основном гражданских, но также солдат. Обе книги стали темами многочисленных телевизионных и радиопередач и публикаций в прессе. Наряду с этим в последнее время в общественном сознании актуализировалась проблема психологической травмы детей, родившихся в период войны. Дополнительным импульсом к развитию указанных выше тем стали изгнания и геноцид в странах бывшей Югославии.

На протяжении тысячелетий солдат и повстанцев чувствуют как героев, павших в вооруженной борьбе или казненных по ее окончании, что среди прочего имеет целью повышение обороноспособности и готовности к сопротивлению будущих поколений. Только в результате определенной делигитимизации войны и дегероизации военного дела после обеих мировых войн и появления страха перед атомной войной, в обстановке «разрядки» отношений между Востоком и Западом составной частью политики памяти стала судьба незащитного гражданского населения – жертв войны и политики насилия. Геноцид, массовые изгнания и побуждение сотен тысяч и миллионов

людей к бегству являются обратной стороной массовой политизации общества и народного суверенитета как легитимации власти народом или же его большинством. Обретенная над определенной территорией власть может оставаться стабильной и длительной, если ей удастся обеспечить себе поддержку населения, которое признает ее легитимной. Если власти не хотят или не могут достичь этого с помощью социальной или толерантной и интегрирующей национальной политики, то в эпоху народного суверенитета это каждый раз приводит к попыткам олигархических элит или диктаторов с помощью принуждения к бегству или изгнания, в крайних случаях – с помощью массовых убийств и геноцида, сделать послушным оставшееся население, более однородного этнически, которое по меньшей мере терпит власть.

В Германии после 1945 г., принесшего изгнания и потерю территорий на востоке, отношение к изгнанным немцам менялось в зависимости от исторического периода. В ГДР, которой первоначально пришлось принять очень много выселенцев, после утверждения в 1950 г. границы с Польшей по Одеру и Нейсе тема изгнаний во внутренней политике была предана умолчанию, во внешней она служила одним из поводов для обвинения Западной Германии в реваншизме. Первое время население ФРГ встречало переселенцев из бывших восточных областей и из Восточной Европы не особо приветливо, они часто сталкивались с враждебностью и плохим обращением. Является спорным вопрос, можно ли спустя некоторое время считать, что общественная и политическая интеграция миллионов беженцев и переселенцев удалась и что не произошло их маргинализации, замыкания внутри своего круга и политической радикализации (как это было, например, с палестинцами в арабских странах).

Политически ФРГ долгое время рассматривала изгнание немцев из Силезии, Померании и Восточной Пруссии как временное, поскольку считала, что по решению держав-победительниц Германская империя в границах 1937 г. продолжает существовать, а восточно-немецкие области будут находиться под управлением Польши и СССР лишь до заключения мирного договора. Окончательным было признано лишь изгнание судетских и карпатских немцев, а также немцев из Венгрии, Румынии, Югославии и других стран. И хотя многие южно- и восточноевропейские немцы были не изгнанными, а беженцами, в реальности их бегство стало изгнанием, потому что они уже не смогли вернуться на родину.

Лишь незначительная часть изгнанных, немногим более одного процента, смогла организовать в объединения, принявшие в 1950 г. «Хартию изгнанных», которая провозглашала их право на родину,

то есть на мирное возвращение в страну происхождения, но вместе с тем и примирение с народами изгнавших их государств и единение Европы. В хартии, однако, не упоминается главная причина изгнания немцев, а именно германская политика уничтожения и изгнаний в Восточной Европе в 1939–1945 гг. В 1957 г. немецкие объединения изгнанных образovali Союз изгнанных, который по отношению к политическим партиям поначалу был нейтральным. Его первые президенты являлись членами ХДС, ХСС, а также Общегерманского блока/Союза изгнанных и лишенных прав, набравшего на выборах в бундестаг в 1953 г. 5,9 % голосов, в 1957 г. – 4,6 %. В 1961 г. Общегерманский блок/Союз изгнанных и лишенных прав объединился с Немецкой партией в Общенемецкую партию, которая быстро потеряла влияние. Последующие президенты Союза изгнанных были депутатами от СДПГ: Венцель Якш (1964–1966) и Рейнхольд Рес (1967–1970), покинувший ряды СДПГ из-за недовольства новой восточной политикой Вилли Брандта. На раннем этапе политики в отношении изгнанных были собраны документы, связанные с изгнанием немцев из Восточной и Центральной Европы и изданные федеральным министерством по делам изгнанных, беженцев и жертв войны в 1954–1961 гг. Новое издание этого сборника вышло в 2004 г., что подчеркивает повторное усиление интереса к немецким жертвам Второй мировой войны.

Всеобщее согласие партий в вопросах относительно изгнанных и объединения Германии нашло свое выражение также в создании в 1954 г. куратория «Неделимая Германия – комитет по вопросам объединения» (НКО), первым председателем которого в 1954–1967 гг. был депутат от СДПГ и бывший председатель рейхстага Пауль Лёбе. На протяжении долгого времени защитницей общегерманских национальных интересов была скорее СДПГ, чем ХДС/ХСС. Это было обусловлено тем, что родиной ХДС/ХСС был католический запад и юг Германии, в то время как на севере, в центре и на востоке страны преобладал протестантизм. Центральная часть Германии к тому же была колыбелью рабочего движения. Кураторий долгое время выступал под лозунгом «Германия, разделенная на три части? – Никогда!», то есть стремился не только к объединению ФРГ и ГДР, но и к возвращению бывших восточно-немецких областей. Наследником Лёбе на посту председателя куратория стал Вильгельм Вольфганг Шютц (1967–1972), советник Якоба Кайзера (ХДС), жестко критиковавшего политику Аденауэра, ориентированную преимущественно на западные страны. Аденауэр, в свою очередь, по отношению к кураторию был весьма равнодушным. Позже Шютц стал сторонником новой восточной политики Вилли Брандта, в 1972 г. вступил в

СДПГ и покинул кураторий, в котором стали преобладать противники социально-либеральной «остполитик».

Межпартийный раскол из-за политики в отношении изгнанных привел к медленным шагам в сторону признания окончательной потери восточно-немецких территорий и к разрядке в немецком и европейском сообществе. При этом большую роль в 1965 г. сыграли меморандум Евангелической церкви Германии «Положение изгнанных и отношение немецкого народа к своим восточным соседям» и «Пастырское послание польских епископов своим немецким братьям». В «Восточном меморандуме» ЕЦГ подчеркивалось, что человеческая сторона катастрофы, пережитой немцами из бывших восточных областей Германии, изображалась неподобающе лаконично, «с самого начала не были приняты во внимание индивидуальная и историческая судьба восточных соседей Германии. Для них конец и исход войны стали человеческой и национальной катастрофой. При этом немецкий народ несет политическую и моральную вину перед своими соседями. Несчастья, принесенные немцам, не могут быть оправданы политическими и моральными заблуждениями, в которые немецкий народ был введен национал-социализмом». Польские епископы, несмотря на резкое сопротивление коммунистической партии*, осмелились написать: «Мы прощаем и просим о прощении».

С переходом в 1969 г. к социально-либеральной новой восточной политике согласие в вопросе политики в отношении изгнанных окончательно исчезло. СДПГ отдала эту тему полностью на откуп ХДС/ХСС, надежными избирателями которых стали как изгнанные, объединенные в организации, так и некоторые переселенцы, в организациях не состоявшие. Даже после того как Гельмут Коль фактически продолжил новую восточную политику Вилли Брандта, переселенцы, объединенные в организации, остались верными правоконсервативному крылу ХДС/ХСС, незначительное их число перешло в Национал-демократическую партию Германии и в другие праворадикальные партии. Западногерманскому обществу потребовался многолетний процесс политического переосмысления для того, чтобы его большинство освободилось от идей ревизионизма и восстановления Германской империи в границах 1937 г., однако, оно не полностью примирилось с разделением Германии на два государства, несмотря на то что радикальный антиреваншизм в Германии и Европе этого требовал.

* ПОРП – Польская объединенная рабочая партия. (Прим. ред.)

Концентрация СДПГ и СвДП на односторонней политике разрядки в отношениях с правящими коммунистическими партиями привела к тому, что эти партии стали рассматривать гражданско-правовую оппозицию в Восточной Европе, а также немецких переселенцев как факторы, мешающие разрядке в отношениях Восток–Запад. По этой причине тема изгнаний, тесно связанная с правами человека и гражданина, в 1970-е гг. перестала быть предметом общественных дискуссий и стала толковаться в правоконсервативном и даже право-экстремистском ключе. Ни социал-демократы, ни либералы не предприняли попыток создать организацию мирно настроенных и одобрявших политику разрядки немецких переселенцев, которая была бы в состоянии «перекинуть мостик»: удерживать в общественном сознании память о несправедливых изгнаниях и в то же время продолжать курс на примирение и сотрудничество с восточными соседями на основе новых границ и условий жизни. Примечательно, что многие частные лица и объединения создали этот мостик тем, что выразили отказ от политических притязаний на бывшие восточные области Германии, в то же время, храня память о своих родных краях, посещая места, где прошло их детство, при этом иногда помогая поддерживать состояние зданий, а также завязывая знакомства с новыми обитателями своих домов и родных мест. В качестве выдающегося примера может служить Марион Дёнхофф*. Получивший популярность среди изгнанных «туризм на родину» вскоре перестал рассматриваться восточными соседями как политически опасное явление и даже наоборот, стал приветствоваться как чисто по-человечески, так и из экономических соображений.

Противоречивое отношение к переселенцам стало главной причиной острых противоречий внутри Германии, особенно между политическими партиями, а также причиной тесного объединения большинства политических представителей Польши и значительной части социал-демократов из-за неприятия идеи создания в Берлине «Центра против изгнаний» и особенно из неприязни к депутату бундестага от ХДС Эрике Штайнбах – президенту Союза изгнанных. Канцлер Ангела Меркель в создавшейся обстановке лавировала очень ловко.

* Графиня Марион Дёнхофф (1909–2002) – уроженка Восточной Пруссии, современной Калининградской области. В послевоенное время она смогла смириться с потерей родовых владений и никогда не задумывалась о возможности их вернуть. М. Дёнхофф считала своим долгом способствовать восстановлению политических и культурных связей ФРГ с Польшей и странами Восточной Европы. В 1988 г. она учредила собственный фонд с целью «содействовать развитию дружеских отношений между немцами и гражданами Восточной Европы, в частности, Польши и Венгрии, так же как и стран, образовавшихся после распада Советского Союза». (*Прим. ред.*)

С одной стороны, она за кулисами надавила на Эрику Штайнбах и заставила ее (возможно, временно) отказаться от членства в совете фонда «Центра против изгнаний», чтобы не усиливать напряжения в немецко-польских отношениях, с другой стороны, 22 августа (2009 г. – *Пер.*) канцлер приняла участие в праздновании Союзом изгнанных Дня родины, на котором она похвалила одобрение Союзом изгнанных расширения ЕС на восток, а также отметила вклад Эрики Штайнбах в создание центра в Берлине: «Вы, дорогая Эрика Штайнбах, на протяжении долгих лет вносили огромный вклад. Прежде всего это успех Ваш и Ваших соратников, много лет боровшихся за осуществление этого проекта. За это сердечное Вам спасибо». Тем самым Меркель пыталась не слишком задеть переселенцев – избирателей ХДС/ХСС.

4. Еще один толчок к общеевропейскому запрету этнических чисток

С точки зрения политики памяти демократическая Германия находится в необычном положении, поскольку она хочет и должна дистанцироваться от национал-социалистской, а также частично от вильгельмовской эпохи, чтобы тем самым снова добиться международного признания. Главными политическими памятными днями являются те, которые посвящены памяти жертв. 1 сентября и 8 мая принято поминать жертв направленной на завоевание и уничтожение начатой Германией Второй мировой войны, 9 ноября и 27 января – отдельно жертв Холокоста, 13 августа – жертв Берлинской стены и разделения Германии. 20 июля – тоже скорее день памяти жертв, чем героев. 3 октября – день официального объединения двух германских государств – также не стал слишком популярным праздником. Даже при праздновании дня принятия Основного закона ФРГ ни для кого не является секретом, что это событие не было радостным решением, принятым всем народом сообща. В сентябре 2009 г. в Берлине состоялось торжественное открытие мемориала погибшим солдатам бундесвера, что стоило немалых усилий и не вызвало широкого общественного резонанса.

Хорошая возможность сделать 9 ноября общенемецким национальным праздником была упущена. Этот день мог бы стать символом противоречивости немецкой истории: с одной стороны, нести память о демократической революции, об открытии первого немецкого парламента в 1848–1849 гг. и его конституции в честь годовщины со дня казни Роберта Блюма в 1848 г., о провозглашении демократиче-

ской республики в 1918 г., о падении в 1989 г. Берлинской стены благодаря ненасильственному гражданскому движению в ГДР. С другой стороны, этот день мог бы стать напоминанием о путче Гитлера и Людендорфа в 1923 г. против демократической республики как о предварившем захват власти национал-социалистами в 1933 г., напоминанием о Хрустальной ночи 1938-го – как о предвестнице последовавших вскоре массовых убийств евреев. Все темы немецкой политики памяти связаны с 9 ноября: отношение к демократии, республике, абсолютизму, национал-социализму, коммунизму, к сомнительным и противоречивым мечтаниям о великой демократической Германии и к реальной ограниченной и уменьшившейся в размерах, но все еще достаточно большой Германии 1990 г., которая впервые за свою историю утвердила собственные границы, признанные также другими государствами, и достигла гармонии как внутри страны, так и в отношениях с миром.

То, насколько неровно отношение немцев к своим же изгнанным, проявляется и в том, что за последние десятилетия эта тема редко становилась предметом исторических исследований. Содержащаяся в исторической литературе информация о количестве изгнанных и еще более впечатляющее число погибших в ходе депортации из-за истощения или просто убитых сильно колеблется, что еще удивительнее. Можно прочесть о 15, 14 или 12 миллионах изгнанных. Союз изгнанных говорит о 2,5 миллионах погибших, в то время как другие насчитывают 600 тысяч. До сих пор не предпринято попыток составить списки погибших. Насколько иногда велик страх перед злодеяниями, совершенными в отношении изгнанных немцев в качестве расплаты за преступления национал-социализма, показал случай с одной выставкой, посвященной изгнанию немцев. На ней вместо товарных вагонов и вагонов для скота, в которых в действительности в 1940-е гг. было депортировано большинство немцев, были показаны пассажирские вагоны. Это было оправдано тем, что показ на выставке товарных вагонов якобы мог вызвать невольное сравнение изгнания немцев с убийством евреев, поскольку последних доставляли в Освенцим как раз в таких вагонах. Можно подумать, немцы не смогли бы увидеть различия между тем, что одних людей эти вагоны увозили в газовые камеры, а других, несмотря на первоначальное бедственное положение, на новую родину – на свободный Запад или в ГДР.

Все еще живой и иногда акцентированный страх перед немецким реваншизмом, не только в Польше, но и в Чехии, и действительно широко распространенный в ФРГ вплоть до 1960-х гг., был и до сегодняшнего дня остается причиной острой реакции на намерение от-

крыть в Германии «Центр против изгнаний». Немецкого реваншизма в смысле желания реваншистской войны, чтобы отыграться за поражение во Второй мировой войне, никогда не существовало. Этот страх в Польше еще более велик потому, что до 1990 г. ФРГ упорно считала, что с правовой точки зрения Германская империя в границах 1937 г. продолжает существовать, в то время как принадлежность Судетов Чехословакии после 1949 г. никогда не оспаривалась. Однако требования отменить декрет Бенеша звучат и по сей день. Кроме того, всегда гораздо сложнее признать преступления, совершенные своим народом, даже если эти преступления были возмездием за пережитые несчастья, чем выставлять напоказ свою роль жертвы. В таких странах люди смиряются с тем, что их изгнанным землякам уделяется меньше общественного внимания.

Споры об учреждении берлинского или европейского центра, посвященного изгнаниям, или же о том, что вообще никакой центр не надо учреждать, уже закончены. Основание европейского центра оказалось невозможным: хотя за это выступили некоторые политики и многие представители интеллигенции, они не были поддержаны правительствами, политическим или общественным большинством за пределами Германии. Таким образом, было решено открыть немецкий центр в Берлине*, в деятельности которого на правах консультантов будут также принимать участие ученые из других стран. Остается открытым вопрос по поводу предусмотренного для президента Союза изгнанных места в совете фонда центра. Если Эрика Штайнбах достаточно умна и независима, она навсегда откажется от этого места**, поскольку нельзя не оценить ее инициативу и вклад в создание центра, а на деятельность центра она может влиять и опосредованно, поскольку оба ее представителя хорошо с ней сотрудничают.

Поскольку центр должен служить не только местом хранения исторической памяти об изгнании немцев и представителей других народов, но политическим предостережением от возможных в будущем изгнаний, которые чаще всего сопровождаются геноцидом и насилием, то он, возможно, поможет внести вклад в создание запрета

* Открытие документационного центра «Бегство, изгнание, примирение» должно состояться в 2016 г. (*Прим. автора.*)

** Это она сделала в феврале 2010 г., но при этом добилась увеличения числа представителей Союза изгнанных в совете фонда до шести человек, причем количество представителей бундестага и религиозных организаций было увеличено вдвое. Кроме того, теперь бундестаг выбирает членов совета фонда, которые ранее назначались правительством. Это было установлено в июне 2010 г. соответствующими изменениями в законе. (*Прим. автора.*)

этнических чисток не только в Европе, но и во всем мире. До сих пор неизвестно о какой-либо поддержке ревизионистских устремлений или разжигании ненависти немцев к своим восточным соседям.

5. Принятие несинхронности и противоречивости политики памяти, проводимой в разных европейских странах

Возражения против исключительно немецкой или против политики памяти как таковой в принципе неуместны, даже несмотря на то что национальная политика памяти любой отдельно взятой страны, конечно же, вызывает критику, поскольку она создает искаженное представление об истории или же очерняет при этом другие народы, поддерживает национальные стереотипы или же оправдывает насилие. Однако складывание общеевропейской политики памяти в таком щекотливом вопросе как осмысление переживаний, связанных с войной, и воспоминаний о ней, а также геноцида и изгнаний, еще долго не состоится. Было бы бесчеловечным уже сегодня ожидать от большинства сербов, хорватов, боснийцев и косовских албанцев общей политики памяти в отношении ужасных событий как недавних дней, так и давно ушедших в прошлое. Существует непреодолимая пропасть между сильными эмоциями и детальным знанием о насилии, пережитом нами самими или близкими нам народами, и простым сочувствием страждущим в других странах, с которыми у нас слабые связи или их вообще нет, с одной стороны, и склонностью замалчивать свои преступления или преступления близких нам – с другой. И что же должно подвигнуть большинство португальцев или норвежцев на то, чтобы проявлять больший интерес к людям, пережившим изгнания из Силезии или Восточной Галиции? Общеевропейская политика памяти должна ограничиться лишь некоторыми событиями, имеющими исключительное или общеевропейское значение. Например, памятью об обеих мировых войнах, Холокосте и национал-социалистском геноциде других народов, массовых убийствах в коммунистических странах, о геноциде армян в Османской империи как о первом геноциде крупных масштабов в XX в., а также о первых принудительных переселениях греков и турок, несмотря на то, что эти события затронули некоторые страны лишь незначительно.

В остальном политика памяти должна и будет оставаться национальной или бинациональной, поскольку она важна для общественного сознания отдельно взятой нации. Это не означает, что такая политика не может быть согласована с соседними странами, которых

она тоже касается, совсем напротив: исследования, проводимые совместно учеными из нескольких стран, должны рассматриваться как инстанция, от которой может исходить критика, ученые из других стран тоже должны быть услышаны. Общеευропейская политика памяти может быть реализована лишь в нескольких аспектах, но внутриевропейское сотрудничество в этой сфере в высшей степени уместно, в первую очередь для того, чтобы установить европейские и универсальные стандарты и основные направления национальной и региональной политики памяти.

6. Неизбежная противоречивость в отношении к памяти об изгнанных

Между политиками памяти отдельных стран неизбежны трения и противоречия, иногда из-за не проясненных или кажущихся не проясненными фактов, таких как, например, ответственность за расстрел польских офицеров в Катыни, существование тайных протоколов к «пакту Молотова-Риббентропа», число жертв войны, геноцида и изгнаний и многое другое. Гораздо важнее различия в оценках причин и цепочек вины. В конце концов вину за многие преступления, совершенные в Европе, можно свалить на Гитлера, Сталина и их приспешников, но разве можно все преступления, совершенные как расплата и месть в ответ на национал-социалистскую или коммунистическую политику массовых уничтожений, считать понятными и достойными оправдания? Или те, кто мстил, не несут личную ответственность за свои противоправные поступки, за ответное насилие? Может ли насилие быть осуществлено против возможного в будущем насилия со стороны какой-либо нации или этнической группы как превентивная мера на фоне недавно пережитых ужасов? Может ли депортация определенных этнических групп являться «правильным» ответом на геноцид и агрессивную войну, которые затрагивают преимущественно невинных людей, детей и сказываются на будущих поколениях? Признать вину перед своим народом, конечно же, куда легче, чем признание и осознание своей вины перед другими народами. Политически и морально проще быть жертвой, чем преступником, то есть тем, кто причиняет зло и насилие, убийцей.

У Германии было большое преимущество, которое часто оказывалось и оказывается недостатком. Оно заключается в том, что признание политической вины и преступлений в прошлом и вытекающая из нее политическая ответственность стали после 1949 г. *raison d'être**

* Смысл существования (франц.).

ФРГ – сначала по внешнему принуждению, а затем постепенно как результат внутренней убежденности большинства населения. Народам, которые в своей истории прославляют победы и мученичество, крайне сложно помнить о преступлениях, совершенных их политическими представителями или земляками в прошлом, особенно если эти люди долгое время почитались как герои. Этим народам требуется время, чтобы осознать свою истинную, противоречивую историю. После Второй мировой войны посол Монголии при установлении дипломатических отношений с Венгрией извинился перед ней за злодеяния, учиненные в XIII в. Но не должно быть так, чтобы прошли века, прежде чем у того или иного народа попросят прощения.

То, что немцы помнят об изгнании, бомбардировках и о событиях на фронте, вполне правильно и рационально. Мудрые жертвы национал-социализма еще много лет назад утверждали, что политические принципы, запрещающие немцам оплакивать страдания своего народа, лишают их способности сочувствовать чужому горю. Вполне достаточно того, что немцы помнят не только о жертвах национал-социалистского насилия, но и о немцах, ставших жертвами изгнаний и войны. Выявление преступников и духовное осмысление событий должно произойти в тех странах, которые в Ялте и Тегеране приняли решение об изгнаниях, а также в тех странах, которые эти решения привели в исполнение. Они должны сами для себя прояснить, были ли в то время другие варианты, кроме того, как реагировать на преступления национал-социализма собственными злодеяниями. Во многих случаях эти страны должны набраться мужества и признать преступлениями события, которые и по тогдашним международно-правовым и моральным критериям являлись преступлениями. Однако в Германии должна храниться память о храбрых поступках польских, чешских, венгерских, румынских, югославских и других шиндлеров, которые спасли многих изгнанных немцев от жаждущей мести и расправы толпы или от равнодушных бюрократов.

«МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ» ИЛИ «ВЕДУЩАЯ НЕМЕЦКАЯ КУЛЬТУРА» КАК МАКСИМЫ «ИНТЕГРАЦИИ» ИНОСТРАНЦЕВ

Краткое содержание

После убийства кинорежиссера Теодора ван Гога исламистским радикалом в ноябре 2004 г., нападений на двадцать мечетей в Нидерландах, а также совершенных исламистами терактов в Лондоне и Мадриде обеспокоенность по поводу интеграции в немецкое общество иностранцев и новых этнических меньшинств привела к обострению многолетней дискуссии вокруг разработки эффективной политики интеграции мигрантов – политической, социальной и культурной. В этих спорах высказываются абсолютно разные точки зрения на эту проблему. С одной стороны, многие немцы ожидают, что новоиспеченные жители и граждане Германии быстро интегрируются в немецкое общество, с другой стороны, сами мигранты готовы к интеграции в разной степени. Страх перед возможными терактами исламистов, насильственными конфликтами или погромами, подобными тем, которые периодически случаются в других европейских странах, или подобными тем, что произошли несколько лет назад в Ростове, достигает своей кульминации в пугающей картине возникновения нескольких «параллельных обществ», чему якобы способствует продвигаемая левыми политическими силами политика «мультикультурализма». Другим проявлением этого страха является стремление к гомогенности – в языковом плане – населения немецкого национального государства. Странники этого курса являются приверженцами приоритетности «ведущей немецкой культуры».

Оба эти понятия – «мультикультурализм» и «немецкая ведущая культура» – роковым образом приводят к расколу в немецком обществе. Злополучное выражение «ведущая культура» подразумевает, что немецкая культура занимает господствующее положение по отношению к другим, «ведомым», культурам. Не менее неудачное понятие «мультикультурализм» означает, по сути, политико-культурный релятивизм и игнорирование реалий современных национальных

государств, обеспечивающих господство, защиту и сохранение соответствующей национальной культуры, которая тем не менее может и должна постоянно развиваться и трансформироваться в процессе межкультурного обмена, а также в результате изменений, происходящих в мировом сообществе. Помимо этого, получившие распространение новые утверждения, например, такие как «Ислам (не) принадлежит Германии», упрощающие суть проблемы, вносят неясность и без того сложные отношения между религиозными, культурными, этническими и политическими традициями, с одной стороны, и новыми факторами, влияющими на общество и культуру Германии вследствие масштабной иммиграции из многочисленных европейских стран и других уголков планеты, – с другой. Эти два ключевых понятия («ведущая немецкая культура» и «мультикультурализм»), с одной стороны, обслуживают размытые настроения в обществе, а с другой – маскируют существующие и достаточно конкретные разногласия по отдельным политическим вопросам. Опасную поляризацию общества можно предотвратить, лишь озвучив различные интересы и точки зрения сторон в каждой отдельной критической ситуации с тем, чтобы избежать эскалации напряженности и выдвижения эмоциональных боевых лозунгов.

1. Интеграция путем ассимиляции или адаптации

Выражение «ведущая немецкая культура», иногда дополненное словами «с христианскими (или иудео-христианскими) ценностями», то и дело встречается в высказываниях и публичных выступлениях представителей партий ХДС и ХСС. Однажды его употребила Ангела Меркель в дискуссии, посвященной Тило Саррадину; затем в 2011 г. – Хорст Зеехофер в Пепельную среду, и наконец новый министр внутренних дел Ханс-Петер Фридрих (ХСС) сразу после своего назначения 3 марта 2011 г. отказался признать максимум «Ислам принадлежит Германии», федерального президента Кристиана Вульфа, впервые употребившего ее в своей речи в День немецкого единства 3 октября 2010 г.

Сторонники «ведущей немецкой культуры» в то же время охотно отграничивают себя от мультикультурализма, под которым они понимают признание права на существование и развитие – наряду с немецкими культурными традициями – иных культурных моделей в рамках «параллельных обществ». Они опасаются, что разделение населения на «общество преобладающего большинства» и множественные «параллельные общества» может породить серьезные со-

циальные конфликты с применением насилия. Время от времени такие конфликты уже происходят в соседних западных государствах (Франции, Великобритании, Нидерландах), а иногда уже и в самой Германии. Приверженцы тезиса приоритетности немецкой культуры считают, что продолжение политики мультикультурализма может привести к появлению сильного праворадикального движения и созданию партии, которая объединит противников мультикультурализма, выступающих против засилья чужих культур. В октябре 2010 г. Хорст Зеehoфер заявил, что «мультикультурализм мертв», а Ангела Меркель – что он «потерпел крах».

Такие события, как убийство исламистом-фанатиком кинорежиссера Теодора ван Гога в 2004 г., и последовавшие за этим нападения на двадцать мечетей в Нидерландах, теракты в Лондоне, совершенные британскими исламистами, а также жестокие беспорядки, учиненные в пригородах Парижа французами арабского происхождения и в Германии, вызывают серьезную обеспокоенность в связи с возможностью успешной интеграции в немецкое общество как иностранцев, давно проживающих на территории страны, так и новых этнических меньшинств. Это сопровождается опасением, что новые граждане и иноэтничные иностранцы будут подвергаться все большей изоляции и вызывать недовольство немецкого сообщества.

В споре об интеграционной политике можно выделить два аспекта: во-первых, это собственно проблема интеграции, во-вторых, настроенность политических партий на будущие выборы и возможная корректировка ими своей политики в зависимости от предполагаемых предубеждений и настроений избирателей. В этом контексте особое место занимают четыре ключевых понятия, которые могут использоваться для выражения разного содержания и вместе с тем определять отношение к этому содержанию в политике. В то время как понятие «интеграция» в смысле «создание общности и единства» весьма распространено и употребляется в позитивном значении, но понимается абсолютно по-разному, выражения «параллельное общество» и «ведущая культура» используются представителями консервативного и правого политического спектра, которые противопоставляют себя реальным или воображаемым сторонникам мультикультурализма. Но и внутри самой ХДС/ХСС вокруг этих концепций ведутся ожесточенные споры. Ранее сторонников мультикультурализма было много в рядах партии «Зеленых» и в леволиберальной среде, однако со временем их число значительно уменьшилось.

Понятие «мультикультурализм» появилось в Канаде в начале 1970-х гг., когда многие канадцы французского происхождения стали подчеркивать уникальность своей культуры по отношению к куль-

туре канадцев английского происхождения. За ними последовали индейцы и эскимосы (которых теперь по-английски называют инуитами). В итоге Канада стала образцом удачной политики мультикультурализма.

Термин «параллельное общество», как известно, был введен билефельдским социологом Вильгельмом Хайтмайером в начале 1990-х гг. для обозначения политического, социального, культурного и в определенной степени также и экономического замыкания внутри себя определенных этнических групп, их отстраненности от большинства населения. При этом население Германии легко воспринимается как совокупность «общества большинства» и нескольких «параллельных обществ» со своей собственной, отличной от других культурой, для которых иногда также свойственно неприятие других культур.

Термин «ведущая культура» появился в 1998 г. благодаря политологу Бассама Тиби из Гёттингена, для того чтобы способствовать формированию консенсуса по поводу европейских, демократических и светских ценностей и соответствующей идентичности, выходящей за рамки простого прагматичного правового и конституционно-патриотического послушания, как противоположность мультикультурализму, который, по мнению Бассама Тиби, игнорирует эти ценности и приносит их в жертву культурному плюрализму. Почетный редактор газеты «Die Zeit» Тео Зоммер впервые использовал термин «немецкая ведущая культура», но подразумевал под ней либерально-демократическую культуру. Выражение «немецкая ведущая культура» обрело политическую релевантность, актуальность и стало предметом споров только в 2000 г., когда председатель фракции ХДС/ХСС в бундестаге Фридрих Мерц употребил его в искаженном смысле, требуя от мигрантов приспособления «к сложившимся в этой стране основным культурным представлениям». Таким образом, значение термина «ведущая культура» пережило сдвиг от политического понимания культуры к этно-религиозному, от либерально-демократической культуры к немецко-христианской.

2. Немецкая ведущая культура и мультикультурализм как крайности политики интеграции иностранцев в Германии

В качестве средства предотвращения рокового и потенциально способного породить насилие и раскол общества на «общество большинства» и несколько отличных от него «параллельных обществ» со всех сторон настоятельно предлагается «интеграция», то есть включение в данное общество иммигрантов и новых граждан так, чтобы

они образовывали с ним единство и целостность. При этом обычно не учитывается, что существуют различные точки зрения на суть интеграции, причем не только среди коренных жителей страны, но и среди иммигрантов.

Представления об интеграции достаточно разнообразны и колеблются между двумя полюсами, причем концепция «немецкой ведущей культуры» находится на одном полюсе, а «мультикультурализма» – на другом. Для сторонников и первой, и второй общим, как правило, является требование признания немецкой конституции и законов и их изменение – в случае необходимости – только правовым и мирным способом. Конечно, есть как немецкие, так и иноэтничные праворадикалы (например, мусульмане), которые уже в течение долгого времени настойчиво добиваются установления – в качестве будущего правового порядка Германии – новой диктатуры немецкого народа или, в случае с исламистами, исламского шариата. Из тактических соображений, когда им это выгодно, подобные политические экстремисты говорят об интеграции, однако вовсе к ней не стремятся. Интеграция в смысле приобщения выходцев из недемократических или додемократических обществ к демократическому конституционному и правовому порядку не является специфической задачей лишь по отношению к таким иммигрантам, она должна охватывать также значительное число представителей коренного немецкого населения.

Согласно одной из крайних точек зрения, под интеграцией понимают полную ассимиляцию иммигрантов в процессе смены как можно меньшего числа поколений с коренным обществом, в котором сменилось бесчисленное число поколений, причем так, чтобы модель поведения иммигрантов не отличалась от принятых в ассимилировавшем их обществе, желательным считаются их браки с представителями коренной культуры, и чтобы в итоге разве что внешность и фамилия напоминали бы о происхождении некоторых из их предков. Представления об ассимиляции, которые озвучиваются в публичных дебатах и иногда в частных застольных беседах, тоже имеют большой диапазон и достаточно противоречивы. Многие критикуют иммигрантов за то, что они предпочитают вступать в браки между собой, но в то же время не хотят, чтобы их собственные дети заключали браки с мусульманами. Согласно одному распространенному утверждению, под интеграцией понимается глубокая языковая ассимиляция: сначала изучение первым поколением иммигрантов немецкого языка как иностранного, затем его утверждение во втором, в крайнем случае, в третьем поколении как первого языка; при этом, хотя родной язык и возможен как средство общения в семейном кругу, в государственных

детских садах и школах он не должен поощряться. Сторонники этой точки зрения считают, что использование иного языка, кроме немецкого, в общественном месте (например, на школьном дворе) должно быть запрещено. Требование фактически полной языковой ассимиляции детей и внуков иммигрантов сегодня объясняется в основном не стремлением сохранить немецкую этничность, а тем, что в Германии говорят на немецком, при этом подразумевается, что говорят все нормальные люди. Из этой нормы по историческим причинам исключаются датчане, лужицкие сербы, фризы и цыгане, для которых родными являются другие языки. Кто хочет надолго закрепиться в Германии и прежде всего тот, кто хочет получить немецкое гражданство, должен владеть немецким языком. Иными словами, данное понимание интеграции иммигрантов в немецкое общество основывается не на различном расовом и биологическом происхождении, а на роли языка как фактора социализации. В качестве оправдания часто говорят, что только тот, кто хорошо владеет немецким языком, будет иметь равные шансы с коренными жителями на рынке труда. В этом случае языковая ассимиляция должна служить средством социально-экономической интеграции так, чтобы среди иммигрантов тех, кто получает пособие по закону Hartz IV*, было меньше, чем среди коренных жителей. Дальнейшая передача родного языка детям и внукам в таком понимании рассматривается не как право человека, а просто как личное хобби, которым можно заниматься в свободное время, как, например, футбол или изучение любого другого иностранного языка помимо установленной школьной программы.

Кажется, никто всерьез не настаивает на полной религиозной ассимиляции, то есть обращении индуистов, мусульман, буддистов в христианство. Тем не менее под успешной интеграцией иногда понимается использование немецкого языка во время церковной службы в мечетях, синагогах и православных храмах; даже службы на итальянском, хорватском или испанском считаются нежелательными. Широко распространено также требование, чтобы религиозные постройки нехристианских религиозных общностей не выделялись из общей архитектоники города, то есть представители других религий должны довольствоваться скромными постройками, например, мечетями без минаретов, или с минаретами, которые ниже башен соседних христианских церквей. Эта потребность в символическом подчинении инаковерующих сильно напоминает времена воинствующей

* Закон о совмещении помощи по безработице и социальной помощи. Вступил в силу 1 января 2005 г. (*Прим. ред.*)

Реформации или католической контрреформации, когда в некоторых областях последователи преследуемой религии вынуждены были сооружать церкви без башен или только из дерева, а не из камня, потому что дерево легче горит. В некоторых регионах церковная служба разрешалась еретикам только дома, исповедовать свою религию открыто было запрещено.

Под адаптацией к немецкому обществу некоторые люди понимают выбор иммигрантами немецких имен для своих детей, родившихся в Германии. Наконец, под интеграцией понимают также и принятие элементов немецкого повседневного уклада жизни. Интеграция также считается успешной, если иммигранты вступают в немецкие объединения, союзы или партии или сотрудничают с ними, однако основание иммигрантами своих отдельных объединений не приветствуется.

Согласно противоположной точке зрения, интеграция есть простая адаптация (приспособление) иммигрантов к существующему в Германии правовому порядку, а также некоторые формы вежливого обращения с ними, при этом иммигранты создают обособленные, но равноправные этнические или религиозные группы, представляющие собой отдельный социальный организм, по возможности поселяются на определенных улицах или в своих кварталах, ходят в свои магазины за привычными им продуктами, консультируются у своих адвокатов или врачей. Примером могут служить итальянские и китайские городские кварталы в США, где можно прожить десятки лет с минимальными знаниями английского языка, при условии, что человек не старается достичь более высокого профессионального или социального статуса.

Иностранцы могут адаптироваться в немецком обществе, не стремясь получить немецкое гражданство, но желая при этом когда-нибудь вернуться на родину, когда там сменится политический режим или улучшится экономическое положение. Если иностранец находит в Германии работу, которая требует лишь владения родным языком или английским, тогда знание немецкого ему нужно максимум для того, чтобы читать дорожные указатели.

Для новоиспеченного гражданина Германии, который хочет остаться в стране на всю жизнь и воспитывать своих детей как немецких граждан, для адаптации к жизненным условиям и выживания на рынке труда знание немецкого языка гораздо более необходимо. Но с данной точки зрения приспособление к немецкому обществу ни в коем случае не требует того, что родным языком для детей иммигрантов должен быть немецкий, что надо стать атеистом или христианином, перенять хорошие или дурные привычки немцев, быть активным чле-

ном немецких союзов, объединений или партий. Иностранцы имеют полное право учреждать организации для своих соотечественников-единомышленников. В любом современном обществе есть социальные группы (знатные люди, бездомные, монахи, свидетели Иеговы и многие другие), общение которых с представителями других групп резко ограничено, но ведь эти группы никто не клеймит как «параллельное общество». И этнические группы точно так же имеют полное право общаться преимущественно в своем замкнутом кругу, если они не нарушают конституционный порядок и могут сами себя прокормить. В данном понимании интеграция это не односторонний процесс приспособления иммигрантов к чужой культуре, а обоюдное приспособление (адаптация) равноправных людей как представителей равноправных культур. При этом коренные жители меняются так же, как и иммигранты, и тем и другим приходится расстаться с некоторыми прежними привычками, препятствующими успешному и мирному сосуществованию. С этих позиций интеграция не является процессом, в котором только иммигранты являются объектом интеграции и носителями готовности к ней, она есть процесс, в котором задействовано и коренное население, от которого также требуется готовность к интеграции и адаптация к новым гражданам и живущим в стране иностранцам.

Критики концепции мультикультурализма видят в последнем опасную толерантность по отношению к недемократическим и противоречащим правам человека представлениям о ценностях, которые существуют в некоторых культурах, еще не переживших исторический процесс просвещения, либерализации и демократизации, а также установления правового государства. Мультикультурализм критикуют и за то, что он подразумевает акцентирование этнического аспекта в общественных отношениях в политике и провоцирует насильственные этнические конфликты между теми, кто хочет сохранить привычные общественные отношения, и теми, кто вмешивается в политическую и общественную жизнь со своими этнокультурными притязаниями. Противники мультикультурализма считают, что он ведет к уравниванию в правах исконную и имеющую долгую историю немецкую культуру и «импортированные» из других стран языковые и религиозные традиции, даже если эти страны уже давно демократические и в них соблюдаются права человека. Германия является национальным государством как «общность, основанная на единой исторической судьбе и правовом порядке» и не хочет стать официально «многонациональным государством», как об этом в 1999 г. заявил тогдашний баварский министр внутренних дел Гюнтер Бекштайн. Насчитывающая вековую историю исконная культура

должна иметь преимущество перед остальными культурами. Нельзя допустить, чтобы коренные жители в своей стране чувствовали себя скорее чужими и стали восприимчивыми к идеям нового националистического правого радикализма.

В свою очередь, критики концепции «ведущей немецкой культуры» видят в ней выражение опасной «националистической» этнизации немецкой политики, содействующей расколу общества на коренное население и приезжих, будирующей среди населения этнические и национальные чувства, предрассудки и образцы поведения. Эти критики во многих случаях не считают себя сторонниками мультикультурализма, который только немногими представителями и сторонниками партии «Зеленых» или некоторыми социал-демократами используется или использовался несколько лет назад как положительное обозначение для характеристики политики, обеспечивающей успешное сосуществование людей, относящих себя к различным этносам или культурам.

3. Идея этнически гомогенного национального государства и реально существующие этнические гибридные национальные государства

Важными причинами спора о немецкой ведущей культуре и мультикультурализме стали, с одной стороны, значительные изменения в этнической и конфессиональной структуре населения и в составе титульной нации Германии, являющиеся последствием обеих мировых войн и массовой иммиграции в последующие десятилетия, а с другой стороны, расхождения во взглядах на то, что такое государство и нация, представленные в общественном мнении, с одной стороны, и бытующие среди населения – с другой.

После обеих мировых войн немецкое государство потеряло значительные территории, для жителей которых немецкий не был родным языком и которые в основной массе не хотели, чтобы их родина была частью Германии, а стремились к присоединению к Польше, Франции или Дании. Потеря территорий привела к тому, что население Германии в языковом и этническом плане стало более однородным, чем оно было с 1871 г. В Германском союзе (1815–1866) и ранее, в Священной Римской империи германской нации (1512–1806), в языковом и этническом плане население было еще более разнородным, чем в Германской империи (1871–1918). Уничтожение евреев и цыган во времена национал-социализма повлекло за собой дальнейшую этническую гомогенизацию немцев в послевоенный период – в ФРГ

и ГДР. В качестве иноязычных этносов, обладающих особыми правами, были признаны только насчитывающие тысячи или десятки тысяч датчане, фризы, лужицкие сербы и пережившие национал-социализм цыгане. Кроме компактно проживающих этносов, а также еврейской и цыганской диаспоры, в Германии жили также разбросанные по всей стране и более или менее не выделяющиеся представители сотен других этносов, имевшие гражданство как Германии, так и других стран: русские, французы, венгры, сербы, японцы, камерунцы, бразильцы и др. Однако это не изменило восприятие Германии немцами и другими этническими группами как страны с преимущественно немецким населением, как в языковом, так и этническом плане.

С 1945 по 1955 г. население обеих частей Германии, как и некоторых других стран (Польша, Богемия в составе Чехословакии), было в этническом и языковом плане однородным, как никогда прежде. В 1950 г. в ФРГ жили 0,5 миллиона иностранцев, что составляло 1 % населения. В 1960-х гг. ситуация резко изменилась, и начался быстрый процесс языковой и этнической гетерогенизации как населения в целом, так и титульной нации. Сначала на ограниченное время в Германию были приглашены иностранные рабочие из Италии, Испании, Греции, Турции, Марокко, Португалии, Туниса и Югославии, многие из которых остались в Германии надолго. За период до 1973 г., когда в результате нефтяного кризиса трудовая иммиграция на время была приостановлена, число иностранцев возросло до четырех миллионов человек. На сегодняшний момент в объединенной Германии проживают 7,2 миллиона иностранцев, это составляет 8,8 % всего населения страны (конец 2012). Кроме того, в Германии проживает несколько миллионов граждан ненемецкого происхождения, среди них родственники поздних переселенцев из Советского Союза, Польши, Румынии и прочих стран Восточной и Центральной Европы. По оценкам, почти 20 % населения Германии имеют «миграционное прошлое», причем не всегда понятно, что под этим подразумевается: например, входят ли в эту категорию дети от смешанных браков, заключенных между коренными жителями и мигрантами; непонятно также, в каком поколении «миграционное прошлое» уже таковым не считается и человек становится коренным жителем.

В то время как исторические этнические группы пользуются в Германии, как и в некоторых других странах, особым общественным признанием и правовым статусом, от иммигрантов в последние десятилетия стали ожидать языковой и этнической ассимиляции, иногда они подвергаются даже некоторому давлению. Однако принудительная ассимиляция по отношению к отдельным этническим меньшинствам, как это было в Германской империи при Вильгельме II, позд-

нее в Третьем рейхе и происходит в некоторых странах сегодня, в демократической Германии не практикуется.

Языковая и этническая ассимиляция – это процесс, который растягивается на несколько поколений, обычно более чем на три. Как правило, полной этнической ассимиляции предшествует ассимиляция языковая, но это не значит, что этническая обязательно за ней последует. Под языковой ассимиляцией понимается смена родного языка в ходе смены поколений, причем переходной стадией перед обретением нового родного языка (язык матери или отца) может быть двуязычие или многоязычие. Ассимиляцию обычно ускоряют смешанные браки, которые, в свою очередь, становятся более возможными благодаря языковой ассимиляции, при этом язык ближайшего или дальнейшего социального окружения становится для детей и внуков родным языком. Ассимиляция очень сильно зависит от численного соотношения языковых групп не только в стране, но и в населенном пункте, городском квартале или районе. Языковой и этнической ассимиляции также способствует социальная мобильность и инклюзивный этницизм (готовность принять в свое общество людей иного происхождения). Сюда же относятся высокий престиж и широкая распространенность ассимилирующего языка. Наконец, языковая политика, проводимая государственными и частными образовательными институтами, может способствовать ассимиляции или же затруднить ее.

Языковая ассимиляция не ведет к полной этнической ассимиляции, если в языковой общности представители подвергшейся языковой ассимиляции группы не слишком часто вступают в браки с ассимилирующей группой. Ирландцы, преимущественно исповедующие католицизм, не стали англичанами, хотя они отчасти принудительно, отчасти добровольно перешли на английский язык и говорят на нем сегодня. В Америке негры не стали англоамериканцами, хотя они больше не говорят на родных африканских языках. Многие российские немцы не превратились в русских, хотя за прошедшие десятилетия русский стал их родным языком. Многие этнические и верующие евреи не стали этническими немцами, хотя немецкий язык теперь для них родной. Если с языковыми различиями исчезает территориальная, религиозная и, наконец, социальная дистанция, а вместе с ней препятствия на пути к смешанным бракам, то лингвистически ассимилирующаяся группа сливается с иноязычной группой и теряет свою самобытность. В конечном итоге иногда только фамилии могут свидетельствовать об этнической принадлежности некоторых предков по мужской линии, например, такие фамилии, как Саррацин или де Мезьер.

В качестве образца успешной языковой и этнической ассимиляции, произошедшей в ходе смены нескольких поколений, могут служить французы, которые, будучи гугенотами, подвергавшимися преследованиям на родине в конце XVIII в., поселились в Пруссии и прочих немецких землях (в некоторый период население Берлина на 20 % состояло из французов). Другим примером могут служить поляки, переселившиеся в Рурскую область в XIX в. во время индустриализации, как раз из-за миграционных процессов внутри Пруссии. Потомки этих французов и поляков, привнесших в немецкую культуру те или иные элементы – как из высокой культуры, так и мелкие повседневные привычки, – сегодня говорят на немецком языке как на родном, вступают в браки в основном с немцами и чувствуют себя не только гражданами Германии, но и коренными немцами.

Многие немцы, которые явно или неявно отстаивают концепцию немецкой ведущей культуры, считают, что иммигрировавшие в Германию итальянцы, хорваты, турки, арабы, вьетнамцы, эфиопы и др. в течение нескольких поколений должны начать говорить по-немецки, как это произошло с французскими гугенотами и рурскими поляками, даже если при этом они повлияют на немецкий фенотип и изменят некоторые нравы и обычаи. То есть они сначала должны пройти через языковую ассимиляцию, потом когда-нибудь начать вступать в брак с коренными немцами и впоследствии перенять их нравы и обычаи. Если же мигранты остаются мусульманами, то есть шиитами, суннитами или даже алавитами и не становятся, в отличие от многих немцев, атеистами, то тогда они должны стать особыми, немецко-европейскими, в значительной мере светскими, просвещенными и толерантными мусульманами, которые со временем начинают сильнее отличаться от турецких, египетских, индонезийских и нигерийских мусульман, чем все названные между собой.

Ожидания языковой и этнической ассимиляции и политика ассимиляции тесно связаны с классической, особенно западной, буржуазно-либеральной идеей национального государства, согласно которой все подданные не только являются равноправными гражданами одной нации, но и за некоторыми исключениями (Швейцария, Бельгия, Испания, Россия) представляют собой единую языковую и культурную общность. Сторонники этой идеи выступают за ассимиляцию как давно существующих, так и недавних иммигрантских меньшинств, причем должны быть устранены все социальные, пространственные или религиозные барьеры, препятствующие коммуникации и заключению смешанных браков. Еще во время существования Лиги наций политика в отношении этнических меньшинств рассматривалась как переходная фаза перед полной языковой и эт-

нической ассимиляцией как меньшинств, насчитывающих долгую историю, так и недавно иммигрировавших, для образования французской, британско-английской, американской (*melting pot**) нации, объединяемой языком, а затем и гомогенной нации-этноса.

В то время как доминировавший на Западе национализм старался сместить языковые границы так, чтобы они совпадали с государственными, национализм в Восточной Европе и во многих регионах Азии и Африки часто стремился и стремится подогнать государственные границы под языковые. Нередки случаи, когда в новообразованном государстве предпринимались попытки если не правовым способом, то посредством общественного и морального давления исключить существующие меньшинства из нации и не допустить их ассимиляции и доступа к желаемым общественным и политическим статусам (эксклюзивный национализм), рассматривая при этом государство как достояние доминирующего этноса. Нередко массовые переселения беженцев, изгнания и геноцид способствовали этнической гомогенизации нового национального государства.

Как уже было сказано, социально-экономическая глобализация – прежде всего открытых миру либеральных демократических государств, и тем более свобода передвижения внутри Европейского союза ведут к новой этнической гетерогенизации общества благодаря еще и транснациональной миграции. Темпы миграции гораздо выше, чем темпы ассимиляции. Таким образом, почти гомогенные этнически государства превращаются в гибридные национальные государства, своего рода гермафродиты, нечто среднее между государством, в котором по-прежнему доминирует один этнос, и многонациональным государством.

4. Опасность провокации радикального этнонационализма

Сторонники концепции «ведущей немецкой культуры» иногда предупреждают о том, что мультикультурализм таит в себе опасность распространения радикального этнонационализма, во-первых, со стороны иммигрантов, поскольку мультикультурализм укрепляет их традиционный и нередко недемократический и противоречащий правам человека образ мышления. Во-вторых, возникает опасность реакции в виде усиления немецкого правого радикализма, если де-

* Плавильный котел (англ.), теория «плавильного котла» (метафора для гетерогенного общества) доминировала у американских социологов и антропологов до середины 1970-х гг. (*Прим. ред.*)

мократические и, особенно, консервативные партии Германии оказываются не способными и не желающими сохранять исторически сложившуюся этнокультурную специфику Германии с ее христианскими ценностями. С этой точки зрения защита и активная пропаганда «ведущей немецкой культуры» служит не только для ориентации иммигрантов на интеграцию в немецкое общество, но и для купирования праворадикальных тенденций в обществе в целом и в политических партиях.

Многие критики «ведущей немецкой культуры», напротив, считают, что эта концепция, с одной стороны, мешает интеграции иммигрантов и лишь усиливает поляризацию, потому что она укрепляет широко распространенные предубеждения против иммигрантов и увеличивает дистанцию между ними и коренным населением, а с другой, служит источником аргументов для немецких правых радикалов и придает им авторитет в глазах общественности. Эти критики полагают, что мультикультурализм плохо влияет на готовность к интеграции как большинства коренного населения, так и многих иммигрантов, причем не только иностранцев, но и уже получивших гражданство Германии, толкая их в объятия этно-религиозных фанатиков.

Долгое время было распространено мнение, что этнические проблемы можно сгладить облегченной и ускоренной процедурой получения гражданства. Получение иммигрантами гражданства, если они действительно его хотят, может устранить некоторые социальные и эмоциональные проблемы, связанные с интеграцией. Но в целом большую часть проблем, связанных с совместным существованием коренного населения и иммигрантов, нельзя решить, просто превратив проблемы иностранцев в проблемы граждан страны. В этом позволяет убедиться опыт Нидерландов и других стран, где в отличие от Германии или Швейцарии можно быстро получить гражданство.

5. Возможности общественно-политической интеграции посредством признания этнических различий

Какое поведение, какая политика могут быть рекомендованы в этом спорном вопросе? На мой взгляд, обе упомянутые концепции неудачны. Термин «ведущая культура» подразумевает, что наряду с одной «ведущей культурой» якобы существуют подчиненные ей, менее ценные «ведомые культуры», обладающие меньшими правами. С термином «мультикультурализм» связывают полное равенство и равноценность всех представленных в Германии культур, но в этой

концепции игнорируется тот факт, что большинство граждан не хотят, чтобы Германия стала нейтральной площадкой для всех культур этого мира, они хотят жить в стране, в которой немецкая культура и язык, постоянно изменяющиеся благодаря импульсам, исходящим от других культур, занимают привилегированное положение. Это большинство желает, чтобы этнически и культурно Германия оставалась преимущественно немецкой страной.

Без сомнения, важно, чтобы действие конституции, права человека и гражданские права, исторически возникшие в Германии ценностные представления, а также существующие в обществе формы толерантности и внутренний мир здесь всегда подчеркивались, поощрялись и сохранялись. Эти нормы не должны быть отменены из-за того, что культурные нормы немцев и живущих в Германии иноэтничных иностранцев различаются. Но равное действие этих ценностей и норм в отношении всех граждан, по сути, не является отличительной чертой немецкой культуры, эти нормы универсальны, даже если в некоторых конституционных и законодательных конкретных формулировках они связаны с немецким государством.

Для любого демократа в Германии должно быть естественным сохранение демократической культуры как политической культуры ФРГ, которая в некотором отношении отличается и должна отличаться от политических культур других демократических государств. С точки зрения республиканцев сохранение общего сознания, которое можно назвать также национальным или патриотическим сознанием, необходимо каждый раз заново находить компромисс между индивидуальными интересами и интересами отдельных социальных групп. Такое национальное сознание должно основываться не на этнической общности, а на гражданской, то есть должно учитывать интересы и потребности граждан Германии не немецкого происхождения, также, само собой, нехристианского вероисповедания или атеистов. Сегодня в культуру Германии входят не только христианство, иудаизм, ислам, но и многие другие религии, даже если вчера они ей еще не принадлежали, и, естественно, атеизм. А завтра все эти религиозные культуры тоже станут и должны стать частью Германии, потому что значительная часть немцев хочет, чтобы их страна была либеральным, толерантным, демократическим и открытым миру государством.

Если под «немецкой культурой» понимать политическую, либеральную и демократическую культуру ФРГ, тогда ее не следует называть «ведущей культурой», тогда она является (и это обозначение требует дальнейшего уточнения) – «единственной культурой», наряду с которой не должно быть других культур; в ней нет места недемократическим и нелиберальным субкультурам. Если же под «не-

мецкой культурой» подразумеваются немецкая языковая культура в литературе и в повседневной жизни, передающиеся из поколения в поколение и изменяющиеся традиции и обычаи немецкоязычного населения, тогда нельзя назвать несправедливым, аморальным и противоправным то, что эта «немецкая культура» в общественной жизни и образовательных учреждениях однозначно пользуется привилегиями и явным доминированием по отношению к другим культурам, к французской так же, как и по отношению к турецкой, не важно, является ли она христианской или мусульманской, несет ли на себе отпечаток любой другой религии или же вообще является атеистической. Однако и эта немецкая языковая культура не нуждается в том, чтобы вести другую культуру. Выдающиеся носители этой культуры всегда проявляли интерес к межкультурному обмену. Они не раз следовали импульсу, данному им той или иной иностранной культурой, и благодаря этому немецкая культура постоянно изменялась, точно так же и немцы давали духовный импульс носителям других культур.

Мультикультурализм – неудачный термин не только потому, что он излишне подчеркивает простое соседство культур, исключая в то же время межкультурные отношения, но и потому, что он отрицает правомерную гегемонию одной или нескольких языковых культур в современном национальном государстве. В Европе, переживающей процесс интеграции, и в становящемся все более глобальным мире национальное государство выполняет функцию защиты и создания пространства для развития одной или нескольких языковых культур. Возможно, эта роль национального государства в международном сообществе, части которого становятся все более тесно взаимосвязанными между собой, будет даже возрастать, в то время как его функция в качестве независимого военного и экономического государства будет терять свою значимость, и оно передаст многие свои политические функции наднациональным и международным организациям. Против этого предположения можно возразить, аргументировав тем, что традиционные языковые и этнические культуры в процессе интеграции Европы и глобализации потеряют свое значение и что развиваться будут европейская и общемировая культуры. Кроме того, можно добавить, что будет оставаться все меньше единых, однородных культур, если таковые вообще когда-либо существовали; наоборот, в национальных, европейской и мировой культурах будут выделяться все новые субкультуры, так что культурная глобализация не должна означать культурную однородность и обеднение, это ей не грозит. С данным аргументом частично можно согласиться. Но поскольку язык – главное средство коммуникации, отличающее одну культуру от другой (хотя даже в рамках одного языкового сообщества

можно выделить субкультуры, а разные языковые сообщества могут иметь много общих культурных элементов), полная деэтнизация культуры представляется невыполнимой, если только Европа и мир не перейдут на общеевропейский или общемировой язык. Если же мы хотим сохранить этно-культурное разнообразие как источник культурного развития и как условие для творчества, выходящего за рамки определенной культуры (за что я лично решительно выступаю), тогда возникает щекотливый и сложный политический вопрос, простирающийся далеко в будущее: что делать с возрастающей этнической неоднородностью общества во всех либеральных и демократических странах? Возрастающее этническое разнообразие при определенных условиях увеличивает опасность распространения насильственного, недемократического, часто опирающегося на религию этнонационализма.

Если мы не хотим, чтобы в будущем Европа была одноязычной, моноэтнической, то есть, по всей видимости, подверженной англомании, и чтобы спустя несколько веков весь мир стал таким же, должны быть созданы структуры, задача которых не уничтожить этническое разнообразие, а поддерживать его и способствовать происходящим вследствие миграции и ассимиляции постоянным изменениям этносов. Согласно одной из точек зрения, в таком случае во всех странах этнические меньшинства сменятся активными меньшинствами, в национальных государствах возникнет сильная диаспора. Вместо территориальных национальных государств (независимых, федеративных и автономных) возникнут этнонациональные корпорации, аналогичные религиозным общностям, не имеющим своей собственной территории. Мне кажется, в долгосрочной перспективе это может стать – при необходимости – решением вопроса языковых культур. Многие свидетельствуют о том, что гибридное этнонациональное государство имеет долгое будущее. Политические меньшинства будут, возможно, заботиться о том, чтобы ограничить поток иммигрантов, чтобы этническое большинство не стало меньшинством. Это значит, что в Европе не будет ни этнонациональных, ни многонациональных государств, а будут лишь гибридные этнонациональные государства. Единственное государство в Европе, которое в настоящее время таковым не является, это Босния и Герцеговина. Но она до сих пор еще не стала настоящим государством.

Если с помощью общественного и правового давления принудить мигрантов к языковой ассимиляции, это создаст вероятность того, что через три-четыре поколения они станут этническими немцами, что может поддержать готовность коренного населения терпеть большие масштабы миграции. И наоборот, растущая толерантность по

отношению к новым этническим меньшинствам, от которых не ждут ассимиляции и которые не подвергаются ей принудительно, отрицательно скажется на готовности терпеть мигрантов. Из наших рассуждений мы можем заключить, что любые дебаты вокруг интеграции, не затрагивающие общеевропейскую и международную этническую или, как раньше говорили, национальную политику, упускают из виду ключевые проблемы миграции. Еще много лет назад о миграции говорили: мы звали рабочих, а пришли люди. Сегодня необходимо понимать, что приходят не просто люди, а итальянцы, греки, турки, иранцы и иракцы.

6. Неосмотрительное стимулирование немецкого и ненемецкого этнонационализма

Возможно, дебаты вокруг «ведущей немецкой культуры» и «параллельных обществ» будут вновь и вновь вспыхивать при появлении острых проблем, связанных с интеграцией иностранцев и иноэтничных граждан, а также в ходе предвыборной борьбы, а понятие «мультикультурализм» будет все чаще использоваться в негативном значении. Полемики вокруг новых концепций, как, например, «Ислам принадлежит Германии», также привлекут внимание к рассмотренному в данной лекции принципиальному вопросу о будущих отношениях между этническими группами. Это утверждение достаточно бессмысленно, потому что глагол «принадлежать» может вызывать абсолютно разные ассоциации и с его помощью можно намеренно затемнять смысл. Бесспорно то, что среди немецких граждан и живущих в стране иностранцев огромное число верующих мусульман. Практически никто не хочет здесь что-либо менять; споры идут лишь о том, сколько еще мусульман страна захочет принять в будущем – как можно меньше или же достаточно много. Политический переворот в Тунисе и других арабских странах скоро сделает это актуальной темой в Европе. То, что в прошлом немногочисленные религиозные общины мусульман были частью немецкого населения, так же неоспоримо, как и огромное культурное влияние Турции, арабских стран и ислама вообще на развитие христианства и немецкой культуры.

Можно и нужно спорить о том, надо ли ввести в школах уроки ислама (с шиитским, суннитским или иным другим уклоном) и в каком объеме и какое направление исламской теологии ввести в немецких университетах, где и как строить мечети, должны ли исламские религиозные общины (как и обе крупные христианские церкви Германии, а также Центральный совет евреев в Германии) быть представлены в

официальных органах для обсуждения основных этических и общественных проблем. Правильно спорить также и о сотне других практических вопросов, касающихся живущих в Германии мусульман – как женщин, так и мужчин, – и открытой демонстрации в немецком обществе их культурной принадлежности. Размытые формулировки здесь в большинстве случаев вообще бесполезны, даже если нельзя отказаться от того, что в политике всегда необходимо и разумно не формулировать ключевые высказывания слишком резко. Вместо того чтобы сказать «Ислам принадлежит Германии», федеральный президент должен был произнести: «Ислам в настоящий момент принадлежит Германии; я имею в виду: мы рады приветствовать мусульман как граждан Германии и как иностранных граждан. Они вносят значительный вклад в экономическое, общественное и культурное развитие Германии».

Лаконичное утверждение «Ислам принадлежит Германии», а также понятия «ведущая немецкая культура» и «мультикультурализм» являются частично необдуманными, а иногда, к сожалению, хорошо обдуманными формулировками, которые используются для стимуляции обоюдных этноконфессиональных предрассудков и ведут к поляризации общества, при которой этнические, религиозные, националистические установки печальным образом укрепляются или зарождаются среди части коренных жителей и части мигрантов, что в будущем может иметь роковые последствия.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ ТИЛО САРРАЦИНА. ОБ ОГРАНИЧЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ СЛОВА В ГЕРМАНИИ

Краткое содержание

На протяжении нескольких лет в Германии увеличивается и без того глубокая пропасть между политически корректной точкой зрения, открыто разделяемой практически всем политическим и общественным правящим слоем и большей частью населения, с одной стороны, и мнениями, которое меньшинство, а иногда даже и большинство населения выражает лишь полукорректно, в частных беседах – с другой. В конце августа 2010 г. Тило Саррацин своей книгой и некоторыми высказываниями в ходе интервью нарушил нормы, принятые Ассоциацией демократов, и теперь должен быть из нее исключен. Из совета директоров Немецкого федерального банка он был выведен уже в начале сентября 2010 г., в последующие месяцы решится его судьба как члена партии СДПГ.

Если глубокая пропасть между политиками и народом будет существовать долгое время, она может стать опасной для немецкой демократии и пошатнуть существующую партийную систему. Ее можно сделать менее глубокой, если открыто обсуждать политические страхи и представления большинства населения – в СМИ, внутри объединений и партий – без привычных ритуальных формулировок, выражающих презрение («расизм», «враждебное отношение к иностранцам», «разжигание межнациональной розни», «фашизм»), и объективно указать на заблуждения и ошибки, вместо того чтобы в пустой надежде сделать Тило Саррацина политически безопасным советовать ему перейти в НДПГ или основать новую праворадикальную партию. Убедительная концепция интеграции турецких и арабских мусульман, а также нижних социальных слоев была бы единственным правильным ответом на провокацию Саррацина. Устранение инакомыслящих из устоявшихся институтов может стать губительным путем в будущем.

Помимо злобного унижения социальных и этнорелигиозных групп, книга содержит пищу для размышлений на тему смены курса миграционной, социальной, образовательной и интеграционной политики. На протяжении многих веков Германия является притягательной для иммигрантов страной, в которой доля коренного немецкоязычного населения в будущем будет резко сокращаться. «Языковая интеграция» при онемечивании представителей иных языковых и этнических групп принесет лишь частичный успех. В либеральном обществе добровольная языковая ассимиляция и желание сохранять языковые различия законны в равной степени. Но в настоящее время темпы миграции значительно превышают темпы ассимиляции. Этнические немцы не могут ожидать, что представители других этносов будут рожать и воспитывать детей-«немцев». Если немцы не хотят стать меньшинством в своей стране, то они должны заботиться о рождаемости.

1. Но ведь можно будет говорить

После публикации 23 августа 2010 г. в журнале «Der Spiegel» и газете «Die Zeit» отрывков из книги Тило Саррацина «Германия. Самоликвидация. Как мы ставим свою страну на карту» споры вокруг тезисов Саррацина о демографических и этнорелигиозных изменениях в Германии, о неправильном развитии социального государства, о снижении уровня образования среди учеников на производстве и выпускников школ, о недостаточной степени интеграции иммигрантов-мусульман в Германии и Европе, а также споры вокруг некоторых провокационных и бестактных высказываний Саррацина в его нескольких интервью неделями не сходили с газетных заголовков, стали темой теле- и радиопередач и особенно многочисленных ток-шоу. В Германии вновь мгновенно образовалась глубокая пропасть между политически корректной точкой зрения, открыто разделяемой практически всем правящим слоем и большей частью населения, с одной стороны, и с другой стороны, мнением, которое меньшинство, а иногда даже большинство населения выражает лишь полукриво, в опросах общественного мнения, читательских письмах и звонках.

Осуждение высказываний Тило Саррацина в политической среде было практически единодушным. По мнению многих политиков из всех представленных в бундестаге партий, Тило Саррацин некоторыми своими утверждениями о наследственности интеллекта и высказываниями в интервью нарушил существующие нормы Ассоциации демократов и должен быть из нее исключен. Из совета директоров

Немецкого федерального банка, в который он вошел в мае 2009 г. по предложению правящего бургомистра Берлина Клауса Воверайта, Саррацин был выведен уже в начале сентября 2010 г. с окончанием срока полномочий в конце того же месяца, из рядов СДПГ он должен быть исключен в ближайшем будущем.

Несмотря на это, тезисы Саррацина встретили широкую поддержку. Например, во время программы Франка Пласберга «Hart aber fair»* (эфир от 1 сентября 2010 г.) 84 % зрителей проголосовали за тезисы Саррацина, 16 % – против. При этом остается неясным, какие из его тезисов знакомы тем, кто принимает его сторону, и какие из них действительно были встречены с одобрением. Многие сторонники СДПГ тоже выступают только за то, чтобы проблемы, о которых Саррацин пишет и говорит, можно было обсуждать открыто, не вызывая при этом презрения и не получая ярлык нациста или национал-социалиста. Возможно, взгляды Саррацина на распределение в обществе и наследственность интеллекта не играют для приверженцев СДПГ никакой роли, для них важна только его резкая критика слишком щедрого социального государства и слишком большого числа не интегрированных или не способных к интеграции в немецкое общество иммигрантов-мусульман.

На повестке дня не просто свобода мнения в Германии. Ни один высокопоставленный политик не требует уголовного наказания Саррацина за его высказывания, как, например, в случае отрицания массового убийства миллионов евреев. Здоровью или жизни Саррацина не угрожают нанятые правительством преступники, чего могут ожидать инакомыслящие в некоторых других странах. Никто не оспаривает право Саррацина публично выражать свое мнение. Для издания своей книги он нашел известное издательство, которое из-за этого не подверглось бойкоту со стороны других авторов. Однако благодаря СМИ и упорному политическому осуждению была создана политическая атмосфера, в которой из-за угроз, исходящих от отдельных лиц, Саррацину потребовалась охрана полиции. На него также неоднократно подавали в суд, обвиняя в разжигании межнациональной розни, однако эти жалобы вероятнее всего удовлетворены не будут.

Вопрос заключается в следующем; должны ли Саррацин и его единомышленники быть изгнаны из серьезной и известной Ассоциации демократов и быть зачисленными в группу правоэкстремистских публицистов и политиков, отстраненных от форумов, влияющих на формирование общественного мнения в Германии, нужно ли ис-

* Жестко, но справедливо (нем.). (Прим. ред.)

ключать их из рядов СДПГ и ХДС/ХСС, а также прочих влиятельных партий, но и, что самое важное, не допускать к участию в теле- и радиопрограммах, а также к работе в образовательных учреждениях для взрослых? В любом случае, создалось впечатление, что в течение двух недель во всех ток-шоу Саррацина демонстративно ставили к позорному столбу, он был резко осужден известными политиками и публицистами и на виду у всех должен был быть опровергнут молодыми, привлекательными, образованными и безусловно владеющими немецким языком мусульманками, чтобы в итоге он, как и все предыдущие нарушители политических табу, бесследно исчез с политической сцены.

Неоднократные обращения к Саррацину с требованием вступить в НДПГ* или же основать свою правопопулистскую партию, которая, как некоторые самонадеянно и легкомысленно предполагают, быстро будет вытеснена на политическую обочину и потеряет влияние, являются ни чем иным как попыткой исключить воззрения Саррацина из спектра политических мнений, легитимных в демократическом государстве. То есть речь идет не о запрете взглядов Саррацина, а о резком ограничении свободы мнения в крупных демократических партиях, объединениях и органах государственного управления. При этом затрагивается вопрос о том, что можно говорить, а что нельзя, чтобы всерьез восприниматься общественностью достойным собеседником и политическим конкурентом. Во многих учреждениях разделение сотрудниками позиций Саррацина повлекло бы за собой профессиональные или социальные проблемы, поэтому обеспокоенность тем, что некоторые сюжеты нельзя озвучивать публично, не совсем уж и беспочвенна.

Демократическое, либеральное общество, несомненно, должно устанавливать правила, которые не будут нарушаться из-за страха перед исключением из общепризнанного плюралистического спектра политических взглядов. Спорный политический вопрос, который является темой данной лекции, заключается в следующем: стоят ли изложенные в книге основные тезисы Саррацина и его выходящие за рамки приличия устные высказывания того, чтобы исключить его из круга серьезно воспринимаемых общественностью носителей политического мнения и отодвинуть в сторону как правого экстремиста, а вместе с ним косвенно и большинство его защитников?

* Национально-демократическая партия Германии является праворадикальной «неонацистской» партией, не представлена в парламенте. (Прим. автора.)

В полемике вокруг Саррацина можно выделить как минимум шесть различных спорных моментов и вопросов. Во-первых, можно ли такого известного эксперта по финансовым вопросам и политика, как Саррацин, терпеть в качестве сотрудника важных политических институтов (в данном случае Немецкий федеральный банк и Социал-демократическая партия Германии) после его резких высказываний как в недавно вышедшей книге, так и в интервью? Во-вторых, опасна ли для немецкой демократии очевидная пропасть между господствующим в политических кругах мнением, с одной стороны, и точкой зрения, разделяемой значительной частью, если не большинством населения, – с другой? В-третьих, действительно ли справедливо Саррацин, при всей спорности некоторых эмпирических данных и результатов, указывает на весьма низкий уровень интеграции мигрантов (зависящей прежде всего от них самих), причем почти исключительно турецких и арабских мусульман, а не иммигрантов в целом? В-четвертых, не противоречит ли его объяснение низкого уровня интеграции части мигрантов научным фактам о наследовании интеллекта от родителей детям в социальных слоях, этносах и религиозных культурах? В-пятых, являются ли его предложения о способах повысить уровень интеграции вкладом в политические дебаты и способствуют ли они решению проблемы? В-шестых, подвергаются ли коренные немцы опасности уже через несколько поколений стать меньшинством в Германии? Нужно ли препятствовать этому политическими методами, нуждающимися в коренных изменениях?

В рамках сегодняшней лекции нам не хватит времени, чтобы обсудить все аргументы касательно социальной и экономической политики и политики в области образования, а также теорию Саррацина о значимости наследственности в формировании интеллекта. Поэтому здесь должны быть подробно рассмотрены лишь реакция на его личность и его книгу, а также лингвистический и этнополитический аспекты результатов исследования и аргументов Саррацина. Мы не должны подробно останавливаться на острых политических спорах о различных социальных и этнических факторах, обуславливающих наследование интеллекта, поскольку даже если бы интеллектуальные способности были одинаково распределены в разных социальных слоях и этносах, это не слишком влияло бы на основные аргументы Саррацина о неравном социальном и этническом распределении стремления к образованию и семейных обстоятельствах, препятствующих получению образования, кроме того, это не отражалось бы на тенденции дальнейшего уменьшения доли населения, для которого родным языком является немецкий. К тому же не может быть сомнения в том, что в Германии еще есть огромный интеллектуальный

потенциал, который может быть использован для экономического и социокультурного прогресса, даже несмотря на то что Саррацин оценивает его гораздо более скромно, чем другие.

2. Отважный нарушитель табу или демагог-расист?

С одной стороны, выдаваемую за общественное мнение позицию, представленную в СМИ, часто критикуют поскольку она не всегда совпадает с той позицией, которую разделяет большинство населения. Выявленная с помощью социологических опросов и практически не представленная в СМИ точка зрения большинства населения отражает то, что на самом деле думает большая часть граждан, даже представители правящих кругов, а не то, что эти люди «должны» думать. Вместе с этим Германию со слезами на глазах представляют подобием тоталитарного государства, в котором тонкий слой правящей элиты цинично формирует идеологическое мировоззрение, искажающее реальные общественные отношения, и лживо льстит населению, причем эта элита сама зачастую не верит в то, что говорит, но насаждает конформизм в массах. Заклейменного в духе современной *political correctness** в народе часто чествуют как отважного нарушителя табу, который наконец-то сказал правду о неудачной интеграции и о слишком большом количестве мусульман. Выпуск журнала «Der Spiegel» от 6 сентября 2010 г. вышел под заголовком «Народный герой Саррацин». В то же время в подзаголовке Саррацин назван провокатором, которому поверили многие немцы. Обычно массы следуют только за демагогами и диктаторами, а не за демократами. Сам Саррацин целился в «армию уполномоченных по вопросам интеграции, исследователей ислама, социологов, политологов, представителей объединений и массу наивных политиков» (с. 279). Кстати: это напоминает Гельмута Шмидта, получившего прозвище «Шмидт-поливала», за то, что он в свое время не забывал при случае презрительно высказаться о социологах, политологах и прочих теоретиках.

С другой стороны, есть подозрения, что в народе бытуют смутные расистские предрассудки против иностранцев, сохранившиеся со времен национал-социализма, а в настоящее время свидетельствующие о неуверенности немецкого среднего класса и общества в целом из-за вызовов глобализации, и что эти предрассудки были использованы

* Политкорректность (англ.) – установление порядка в обществе, когда существует практика прямого или опосредованного запрета на употребление слов и выражений. (Прим. ред.)

Саррацином. Многое говорит о том, что Тило Саррацин погубил себя как политика одним-единственным предложением, которое он произнес в интервью, данном газете «Welt am Sonntag» 28 августа 2010 г., и которое он несколько дней спустя в передаче «Hart aber fair» назвал большой глупостью: «Все евреи имеют определенный ген. У басков есть ген, который делает их не такими, как все». Как теперь говорит Саррацин, если бы вместо евреев он назвал восточных фризов или исландцев, это не привлекло бы ничье внимание. Итак, Саррацин, несмотря на свои многочисленные похвалы интеллекту евреев и их культурной, экономической и общественной роли в развитии Германии и мира, навлек на себя подозрения в антисемитизме и расизме. Его не спасло даже то, что он яростно выступал за принятие Германией как можно большего количества восточноевропейских евреев, поскольку в среднем их интеллект выше, чем у немцев. И хотя исламофобские высказывания Саррацина вызвали резкую критику его книги и интервью, произнеся предложение о еврейском гене, по мнению ведущих политиков в правительстве и СДПГ, Саррацин переступил «красную черту», что повлекло за собой его исключение из правления Немецкого федерального банка и угрозу исключения из рядов СДПГ. С этого момента руководство СДПГ стало воспринимать его «не далеко ушедшим от национал-социалистских теорий».

Сначала пять коллег Саррацина по совету директоров Немецкого федерального банка заявили, что политические высказывания и его книга являются личным делом Саррацина. Затем они объявили, что своими провокациями он «нарушил принцип политической умеренности» и угрожает трудовой атмосфере банка. Поэтому с просьбой отстранить Саррацина от должности они обратились к федеральному президенту Кристиану Вульффу – после того как он сам и федеральный канцлер Ангела Меркель намекнули им на это в своих публичных выступлениях. Но поскольку правомерность такой отставки была сомнительной, ею занялась администрация федерального президента. Немецкий федеральный банк отказался от своих обвинений в адрес Саррацина, отозвал ходатайство о его снятии с должности и назначил ему щедрую пенсию, после чего Саррацин сам обратился к федеральному президенту с просьбой о прекращении своих полномочий в Немецком федеральном банке. В ходе всего процесса практически вынужденного отстранения Саррацина от должности совет директоров Немецкого федерального банка, федеральный президент и федеральный канцлер показали в высшей степени сомнительный пример обращения со свободой мнения лиц, занимающих высокие государственные посты. Во время дебатов вокруг Саррацина бывшая уполномоченная федерального правительства по миграции, беженцам

и интеграции Корнелия Шмальц-Якобсен написала в читательском письме, опубликованном в газете FAZ 11 сентября 2010 г.: «Что бы ни писал Саррацин – правду, полуправду, бред и, может, даже нечто отвратительное – реакция политиков пугает еще более, чем его высказывания. Общий гнев и отвращение охватили политический класс Германии вплоть до высших представителей власти. Казалось, что все забыли о том, что надо трезво и объективно оценивать ситуацию».

Бесчисленные комментаторы, не ознакомившись подробно ни с хотя бы одним из тезисов Саррацина, ни с их детальными обоснованиями, характеризуют их все вместе или на основании вырванной из текста цитаты как «расистские», «национал-социалистские», «право-популистские», «правоэкстремистские», «демагогические», в духе «расовой гигиены» и «евгеники», а также называют их «посягательством на достоинство человека», при этом часто даже не считая необходимым прочитать его книгу. В самом разгаре дебатов СДПГ на всех уровнях, включая федеральное правление партии, по разным причинам начала процесс по поводу нарушения партийной дисциплины с целью исключить Саррацина из своих рядов. Федеральное правление партии заявило, что тезисы Саррацина «диаметрально противоположны социал-демократическим убеждениям» и «близки теории национал-социализма».

Однако против дискредитации книги Саррацина и его бойкота выступили некоторые публицисты, ученые (например, Неджда Келек, Ральф Джордано, Арнульф Баргинг, Петер Слотердаик) и политики, а также бывшие видные деятели СДПГ, такие как Клаус фон Донаньи, Петер Штрук, Гельмут Шмидт, Вольфганг Клемент и Пеер Штайнбрюк, но они подробно не комментировали содержание книги Саррацина, в то время как многие чиновники присоединились к хору проклинающих Саррацина, желающих разрушить его репутацию как серьезного политика, социал-демократа и писателя, или же просто промолчали. Можно отметить, что в качестве попытки пойти навстречу мнению большинства Саррацину разрешили продемонстрировать некоторые трудности интеграции мусульман, но посчитали, что он недооценил многие очевидные успехи интеграции.

3. Опасный общественный раскол на сторонников политической корректности и «народная правда»

После изучения экономики в университете Тило Саррацин (р. 1945) некоторое время занимался наукой, затем в 1975 г. поступил на государственную службу в качестве финансового эксперта и рабо-

тал в министерстве финансов, министерстве труда, министерстве финансов федеральной земли Рейнланд-Пфальц, ведомстве по управлению государственной собственностью и в Международном валютном фонде. Некоторое время он также был сотрудником Deutsche Bahn AG*, где выступал против приватизации капитала и разработал модель «народных» акций. С 1973 г. Саррацин является членом СДПГ. Будучи с 2002 по 2009 г. сенатором Берлина по финансовым вопросам он проводил жесткую политику экономии и смог оздоровить бюджет Берлина. В то же время Саррацин привлек общественное внимание своими провокационными высказываниями о якобы широко распространенных вредных бытовых привычках получателей пособий по безработице (закон Hartz IV). Вскоре после этого правящий бургомистр Берлина Клаус Воверайт в мае 2009 г. отделался от Саррацина, порекомендовав его в совет директоров Немецкого федерального банка, состоящего из шести человек. Даже после этого в сентябре 2009 г. Саррацин вызвал общественное возмущение своими высказываниями в интервью журналу «Lettre International» (выпуск 86) относительно экономического развития Берлина (и миграционной политики Германии. – *Ред.*). Другие члены совета директоров Немецкого федерального банка дистанцировались от его «дискриминирующих утверждений» и отстранили его от выполнения одной важной задачи. Тогда Саррацин заявил: «Турки завоевывают Германию точно так же, как косовские албанцы захватили Косово: высокой рождаемостью... Интеграция есть задача того, кто интегрируется. Я не обязан уважать того, кто ничего для этого не делает. Я вообще не обязан уважать того, кто живет за счет государства, отвергает это государство, не заботится должным образом об образовании своих детей и постоянно производит на свет маленьких “девочек-в-платках”. Это касается 70 % турецкого и 90 % арабского населения Берлина». Начатое тогда разбирательство с целью исключить Саррацина из СДПГ потерпело неудачу.

В последующие месяцы Саррацин работал над вышедшей в свет 30 августа (2010 г. – *Ред.*) книгой «Германия. Самоликвидация. Как мы ставим на карту свою страну», отрывки из которой были опубликованы неделей раньше. Эти отрывки, некоторые цитаты из книги и особенно из новых интервью сразу же вызвали возмущение еще более сильное, чем некоторые пассажи из его прошлогоднего интервью. Однако после резкого осуждения книги большинством политиков

* АО Немецкие железные дороги (нем.) – германская компания, основной железнодорожный оператор. (*Прим. ред.*)

она мгновенно возглавила список бестселлеров. Уже через несколько недель тираж книги достиг миллиона экземпляров. Несмотря на то что большинство политиков возмущенно отстранились от Саррацина, многие из них присоединились к некоторым его требованиям в отношении политики интеграции. Внезапно «враждебность к немцам» со стороны многих мигрантов стала темой, которая раньше всегда освещалась только в аспекте враждебности немцев к иностранцам или исламофобии. Внезапное объявление федеральным канцлером и еще более резкое высказывание баварского премьер-министра Хорста Зеехофера о «смерти» мультикультурализма, возрождение в середине октября концепции «ведущей немецкой культуры», а также тезис о том, что Германия – не страна иммигрантов, являются чисто риторической данью многочисленным приверженцам Саррацина. Теперь нежелание многих иммигрантов интегрироваться и их слабое знание немецкого языка стали резко осуждаться, вплоть до предложений лишить их за это пособия Hartz IV.

Во второй части своей речи, произнесенной 3 октября в честь Дня немецкого единства, федеральный президент подробно остановился на теме Саррацина, не упоминая имени последнего, и своим обобщенным, содержательно неполным и многозначительным высказыванием «Ислам принадлежит Германии» подкинул еще одно яблоко раздора значительной части населения, а особенно своей родной партии ХДС/ХСС. Эта формулировка не просто банальный факт: многие мусульмане в настоящее время являются гражданами Германии или имеют право на постоянное проживание.

Невозможно не заметить тот факт, что за прошедшие десятилетия в Германию иммигрировали миллионы иностранцев, и что часть из них получила гражданство; никто не может не заметить очевидные доказательства того, что в стране представлена повседневная мусульманская культура. Закон о воссоединении семьи неизбежно повлечет за собой дальнейшую иммиграцию, а выдающиеся экономисты в условиях настоящего культурного подъема Германии говорят о необходимости иммиграции сотен тысяч новых квалифицированных иммигрантов – представителей любых культур. Иммиграция и мультикультуризация представляют собой неоспоримые и неизменные реалии современной Германии; можно лишь конструктивно спорить о том, как в будущем управлять этими двумя процессами. Этому же вопросу, по сути, посвящена книга Саррацина, что из-за его резких выпадов остается незаметным.

Экскурс: ключевые идеи книги Саррацина

В данном экскурсе будет предпринята попытка передать ключевые идеи 463-страничной книги, что в исключительном порядке приведет к увеличению объема лекции. Главной темой книги является общая демографическая, экономическая, социальная политика и политика в области образования в Германии, причем миграционная и интеграционная политика представляют собой лишь один из рассмотренных в книге аспектов, хотя и весьма важный. Саррацин исходит из демографических тенденций последних десятилетий и считает, что несмотря на растущую продолжительность жизни, численность населения Германии из-за низкой рождаемости будет стремительно сокращаться. Даже иммиграция не сможет сдержать эту тенденцию, к тому же проводимая до настоящего момента миграционная политика вызывает серьезные экономические, социальные и культурные проблемы, масштабы которых ранее общественным сознанием не осознавались.

Коэффициент рождаемости 2,1 ребенка на одну женщину в целом считается условием для поддержания существующей численности населения. Исходя из крайне низкого коэффициента рождаемости 1,4 ребенка на одну женщину, не меняющегося в Германии уже в течение 45 лет, Саррацин предполагает, что если в политике и обществе эта проблема не будет переосмыслена, население Германии с каждым поколением будет уменьшаться на одну треть, то есть через 100 лет от нынешнего 82-миллионного населения останется 25 миллионов, через 200 лет – восемь миллионов, через 300 лет – три миллиона (с. 18). Это вовсе не прогноз, напротив, Саррацин хочет, чтобы действующая на данный момент тенденция замедлилась. Этот спад рождаемости вряд ли будет уравновешен иммиграцией образованных иностранцев, разве что с помощью более широкого потока мигрантов, который система социального государства в определенный момент не выдержит. Помимо того, как считает Саррацин, автохтонные немцы (коренные немцы, которых Саррацин называет «местными» в отличие от тех, у кого «миграционное происхождение», то есть мигрантов) уже через три поколения будут составлять лишь половину населения, так что через несколько поколений «исконные немцы» (как Франк Пласберг, пытаясь найти подходящее слово, назвал их 1 сентября в своей программе, посвященной книге Саррацина и его высказываниям в интервью) станут меньшинством в своей же стране, что мы можем наблюдать уже сегодня в некоторых городских кварталах и маленьких городках. Иными словами: «Тем самым немцы как бы самоликвидируются» (с. 8). И вместе с ними – Германия как страна немцев,

что Саррацин считает прискорбным. Его книга не направлена в такой большой степени против иностранцев и мигрантов, особенно против турок-мусульман и арабов, как это многие считают, в первую очередь она направлена против немецкой демографической, социальной и образовательной политики, а также против миграционной политики. По всей видимости, именно поэтому политическая элита отреагировала на книгу столь резко и возмущенно.

Поскольку возрастная структура «мигрантов» куда более благоприятна, чем у коренных немцев (с. 61), и поскольку сегодня значительная часть молодого поколения, а именно 30 % детей в возрасте до 15 лет, являются мигрантами, не владеющими или слабо владеющими немецким языком, этноязыковая структура Германии сильно изменится. Саррацин не использует политически «некорректное» выражение «засилье иностранцев», но, без сомнения, намекает на него, правда, не в биологически-генетическом, а в культурном смысле. Он утверждает: «В остальном абсолютно реалистично, что мусульманское население благодаря высокому коэффициенту рождаемости и продолжающейся иммиграции к 2100 г. может вырасти до 35 млн.», в то время как чистый коэффициент репродуктивности автохтонного немецкого населения останется таким же низким и численность последнего упадет до 20 миллионов (с. 317). В результате Германия станет преимущественно мусульманским, турецко-арабским государством, которое полностью утратит свое экономическое, техническое и научное значение в мире, а также свое благосостояние из-за старения нации и снижения уровня умственного развития («отупения»). В своей сатире, которой завершается книга, Саррацин рисует страшную картину упадка немецкого языка и культуры и становления в Германии в XXII в. турецко-арабской культуры большинства населения. Однако Саррацин считает, что задача, стоящая перед Германией, выполнима посредством политики поощрения и требования использования немецкого языка, начиная с самого детства, и регулирования миграционной политики в зависимости от потребности в высококвалифицированных специалистах, способных к интеграции в немецкое общество. Поэтому ключевую роль в книге Саррацина играют требования к образовательной и социальной политике, что вполне укладывается в традиции социал-демократии.

Согласно второму тезису Саррацина, при нынешних демографических тенденциях Германия не сможет удержать свои высокие экономико-технологические стандарты, поскольку с сокращением численности населения произойдет резкое абсолютное и относительное сокращение доли носителей экономического и технического прогресса – выпускников МИНТ-специальностей (математика,

информатика, естественные науки, техника), а также доли трудоустроенных выпускников вузов, находящихся в продуктивном возрасте. И все это на фоне резкого увеличения численности выпускников МИНТ-специальностей в Восточной Азии, Индии и других странах мира. Как следствие, всего за несколько десятилетий современный уровень жизни в Германии снизится, а ее культурные достижения и достижения как социального государства будут утеряны. Развитие в этом направлении будет усиливаться дальнейшим старением и «отупением» нации. Даже в этом случае с помощью политики в области образования можно будет на что-то повлиять, но утрату Германией своих позиций как мировой экономической державы нельзя будет полностью предотвратить. Под «отупением» Саррацин подразумевает снижение среднего коэффициента интеллекта населения, которое он частично объясняет социокультурными факторами (низкий уровень образования в семье или же недостаточное посещение школы), но главную роль отдает генетическим факторам. В его книге неоднократно повторяется утверждение, что интеллект в основном определяется наследственностью, которая составляет от 50 до 80 % (например, с. 93, 98, 226). При этом цифры «от 50 до 80 %» относятся не к различному воздействию генов на интеллект отдельного индивида и, соответственно, 20–50 % – к воздействию факторов окружающей среды, а объясняются разными точками зрения исследователей, которых Саррацин считает компетентными, на наследственность как фактор развития человеческого интеллекта.

«Отупение» Германии Саррацин доказывает, приводя результаты многочисленных исследований, отражающих снижение продуктивности учеников на производстве (на промышленных предприятиях), а также снижение требований к учащимся школ и университетов, которое должно помочь достичь навязанного сверху политиками уровня успеваемости выпускников школ и высших учебных заведений. Саррацин объясняет это тремя факторами.

В современном обществе значительно выровнялись шансы разных социальных групп на восходящую социальную мобильность, что способствует социальному и генетическому отбору в низшем, среднем и высшем классе способных и менее способных. Вследствие этого нижний класс постепенно потерял свой интеллектуальный потенциал, поскольку его наиболее одаренные представители благодаря своим достижениям перешли в средний и высший классы. Так как интеллектуально более развитые женщины обычно предпочитают интеллектуально развитых мужчин, то распределение способностей по социальным слоям подкрепляется еще и возможностью свободно выбирать партнера. Но поскольку в более интеллектуальном среднем

и высшем слоях немецкого общества рождается меньше детей, чем в низших, то в течение десятилетий интеллектуальный и творческий потенциал общества естественным образом снизится (с. 98).

Чем выше уровень образованности женщины, тем меньше детей она рождает. «Среди женщин с начальным образованием (по состоянию на 2008 г.) 39 % имели троих и более детей, среди женщин со средним образованием таких было 21 %, а с высшим образованием – 19 %» (с. 90). (Здесь можно сказать: образование косвенно служит самым действенным противозачаточным средством. Оно приветствуется в развивающихся странах, но в наиболее развитых индустриальных и постиндустриальных обществах в крайне сложном контексте причинных связей оно сказывается на демографической ситуации скорее негативно.)

Третьим фактором снижения умственного развития населения Германии Саррацин считает иммиграцию турок и арабов из малообразованных нижних слоев, которые к тому же размножаются гораздо быстрее, чем немцы. (В общем-то, если следовать логике Саррацина, интеллектуальный потенциал мигрантов-мусульман из низших социальных слоев должен был быть выше, чем у немцев, поскольку они не росли в обществе, способствующем восходящей социальной мобильности интеллектуально развитых людей. Согласно Саррацину, частые близкородственные браки опровергают подобную гипотезу о большом неиспользованном интеллектуальном потенциале мусульман.) Темпы прироста выше средних должны наблюдаться особенно у получающих пособие Hartz IV турок и арабов, которые благодаря немецкому базовому страхованию получают доход выше, чем средний доход трудоспособных жителей у них на родине. Саррацин категорически заявляет: «В частности, среди арабов в Германии широко распространена склонность рожать детей, чтобы получать больше социальных выплат, а женщинам, чаще всего запертым в четырех стенах, в принципе, больше и делать нечего» (с. 150). То же, как считает Саррацин, можно сказать и про немцев: «Не дети производят бедность, а получатели пособий производят детей» (с. 149). Этот тезис вряд ли можно подтвердить или опровергнуть эмпирическими социологическими методами; по всей видимости, в первую очередь не хватает социологических и статистических данных по данному вопросу, а также социально-психологического анализа мотивации к повышению рождаемости у получателей пособия Hartz IV.

Саррацин не объявляет свои суждения о тенденциях прогнозами, как это часто ошибочно утверждают, поскольку он считает возможным изменение нынешних тенденций вследствие изменения политики и отношения немцев к самим себе и активно за это выступает.

Все остальное он объясняет генетикой и судьбой, но что касается повышения трудоспособности и стремления к высоким результатам, то, по мнению Саррацина, это можно регулировать с помощью образовательной политики, а также посредством сокращения социальных пособий, в частности, по примеру США, резкой отменой пособий для иностранцев. Тем не менее он скептически замечает, что воспитуемость и обучаемость наименее способных нижних слоев и иммигрировавших в Германию турок и арабов, относящихся к нижним социальным слоям, достаточно ограничены. По этой причине он предлагает создать особые финансовые стимулы для граждан с высшим образованием и вообще для среднего и высшего класса, чтобы они рожали больше детей и использовали свой образовательный потенциал не только для работы, но и в семейной жизни. Также Саррацин полагает, что не стоит возлагать все надежды на воспитание нижних социальных слоев и детей мигрантов, которые будут работать, чтобы обеспечивать средний и высший слои пенсиями. Саррацин считает эту преобладающую общественную модель поведения, а также стимулирующую ее политику, во-первых, иллюзорной, а во-вторых, роковой для будущего уровня жизни, немецкой культуры и Германии в целом.

4. Выборочное ограничение миграции или свободное передвижение по миру

Длительный глубокий разрыв между политическим классом и народом может стать опасным для демократии в Германии и пошатнуть существующую партийную систему. На настоящий момент пока нет хоть сколько-то конкретной перспективы появления новой «право-популистской» партии, которые существуют почти во всех прочих странах ЕС. Во время продолжительного и глубокого кризиса, не такого серьезного, как в последние месяцы, утрата доверия политическому классу и традиционным партиям может иметь разрушительные последствия, если демократия будет восприниматься как враждебная народу форма правления, которая удовлетворяет интересы интеллектуально и морально деградировавшего меньшинства. Самодискредитацию демократов, способствующую новому движению общества к автократии, недавно можно было наблюдать в Восточной Европе. Так же и немцы могут однажды избавиться от страха быть названными нацистами, не будучи ими и не стремясь ими стать, и присоединиться к новой этнонациональной и антиисламской партии, такой, как, например, Партия свободы (Partij voor de Vrijheid) Герта

Вильдерса в Нидерландах. Это может произойти не сегодня-завтра, если некоторые разбирающиеся в политике интеллектуально развитые граждане почувствуют, что такая партия открывает перспективы социальной мобильности.

Свободное передвижение по миру как право гражданина мира жить и работать в любой стране, а также получить ее гражданство в современном мире и даже в современных демократических государствах неосуществимо. США, Канада и Австралия, на протяжении долгого времени бывшие открытыми для мигрантов, уже в начале XX века ввели для них ограничения и лимитировали численность желанных, легальных мигрантов; к тому же эти ограничения были установлены для определенных социальных групп (в соответствии с уровнем образования и благосостояния), а также для определенных этнических групп и граждан определенных государств.

От традиционных партий зависит, хотят ли они вести неизбежный спор о форме и границах регулирования потока мигрантов как внутрипартийный или же способствовать созданию новой этнонациональной партии, чтобы затем сделать этот спор межпартийным. Если же традиционные партии этого не хотят, то они должны сами стать «правопопулистскими», одни в большей, другие в меньшей степени. Фактически почти все они уже сейчас, хотя этого и не признают, в плане политики являются таковыми, поскольку ни одна правящая партия не допускает того, чтобы любой иностранец мог беспрепятственно иммигрировать в страну, неважно, вынужденный обстоятельствами или по своему желанию.

5. Обоснованное возражение вместо политико-общественного бойкота Саррацина

Что посоветовать в случае Саррацина? Можно дать совершенно различные ответы. Можно твердо придерживаться позиции, что управляющий Немецкого федерального банка, который, как Саррацин, настолько увлечен общими дебатами вокруг демографической и интеграционной политики, что тратит на это достаточно много времени, сам или по тайной рекомендации должен отказаться от своей должности, поскольку в противном случае он будет уделять своей служебной деятельности меньше времени и внимания. Но фактически вынуждать его к «добровольной» отставке не надо было.

Исключение Саррацина из СДПГ можно лишь отсоветовать, не только потому, что это навредит СДПГ и снизит ее шансы победить на выборах, но и потому что подобными исключениями из партии

можно нанести вред всей устоявшейся партийной системе Германии. Советовать Тило Саррацину или кому-либо еще основать новую праворадикальную партию в опасной и пустой надежде, что эта партия потеряет влияние, является очевидной политической глупостью. Единственным правильным ответом на провокации Саррацина была бы разработка убедительной концепции интеграции турецких и арабских мусульман из нижних социальных слоев. Жесткие и бестактные высказывания Саррацина нужно резко критиковать и опровергать. Но по сравнению с многими другими политиками и их набором оскорбительных ругательств Саррацин выглядит сущим младенцем. Можно вспомнить, например, Франца Йозефа Штрауса, назвавшего многих своих сограждан навозными мухами. Вместо того чтобы подталкивать СДПГ к исключению Саррацина из своих рядов, фонд Фридриха Эберта должен организовать многочисленные семинары, посвященные книге Саррацина, чтобы помочь выработке критического восприятия его убедительных и ошибочных тезисов и найти поддержку у населения.

Взгляды Саррацина на пропагандируемую им значительную роль государства в воспитании детей дошкольного и школьного возраста, а также на лишение родительских прав относятся скорее к «левой» традиции социал-демократов, вернее, социалистов, нежели ХДС/ХСС. Сам Саррацин, отвечая в одном из интервью на вопрос портала WELT ONLINE: «Но разве могут школа и государство в действительности все контролировать?» отметил самокритично: «По своему личному опыту могу сказать, в три года меня отдали в ясли, затем в школу продленного дня, это был просто крик беспомощности... Достаточно большая часть представителей нижних социальных слоев и значительная часть мигрантов (за исключением детей выходцев из Восточной Европы и Дальнего Востока) недостаточно включены в школьную жизнь, а семья не может им в этом помочь. Единственный выход решить эту проблему – компенсировать негативное влияние родительского дома и остального социального окружения, чтобы как можно больше задействовать обусловленный окружением интеллектуальный потенциал этих детей».

Что касается книги Саррацина, то она представляет собой, по сути, политологический труд, основные положения которого разделяют многие члены СДПГ и особенно сторонники этой партии. Для развития немецкой демократии, конечно, было бы полезнее, если бы политические взгляды (например, Саррацина) были представлены в выгодном свете внутри партии, прежде всего обеих т. н. народных партий (ХДС/ХСС и СДПГ. – *Пер.*). Вместо того чтобы слушать мнение народа, те, кто не разделяет позицию Саррацина, должны внести

свой вклад в политическое просвещение населения и сделать так, чтобы сторонники взглядов Саррацина стали меньшинством не только в парламенте, но и среди народа – как в СДПГ, так и во всем обществе. В публичных и внутривнутрипартийных дискуссиях тезисы Саррацина в любом случае будут переработаны и в ходе демократического процесса останутся мнением меньшинства, если их будут последовательно опровергать и с ними будут соответствующе бороться. Для этого необходимо не только предложить альтернативы сегодняшней политике, допускающей все в решении демографических и интеграционных вопросах, но и реализовать эти альтернативы на практике. При этом привычные политические обвинения (в расизме, враждебности по отношению к иностранцам, правом популизме) непродуктивны.

Характеристика политических воззрений Саррацина как «расизма» абсолютно неверна. Несмотря на его нелепое высказывание в интервью о «еврейском» и «баскском» гене, которое он сам впоследствии назвал «большой ошибкой», Саррацин не считает народы «расами», генетически отличающимися друг от друга, и не выступает против языковой ассимиляции мигрантов любого происхождения. Напротив: точно так же, как и все немецкие правительства и партии, он требует «языковой интеграции» детей мигрантов в немецкоязычных яслях начиная с трехлетнего возраста. Главную цель всех партий, а также Саррацина в интеграционной политике Франк Пласберг в короткой вставке в конце своей второй передачи, посвященной Саррацину, вышедшей в эфир 15 сентября, назвал «абсолютно точной». На фоне российского и турецкого флагов маленький мальчик с немецким флагом в руках говорит на безупречном немецком: моя мама – русская (!), мой папа – турок, а я – немец. Под этим подразумевается не только немецкое гражданство, но и языковая и культурная идентичность. Для процесса языковой ассимиляции в Германии нет политически корректного выражения, аналогичного американизации: понятия германизация (*Germanisierung*) и онемечивание (*Eindeutschung*) вызывают негативные ассоциации, не только с национал-социализмом, но и с «вильгельмовской эрой», которые сопровождались насилием. Обычно преследуемая политическая цель, к которой стремится и Саррацин, – приобщение получивших гражданство Германии иностранцев к немецкой культуре и языку, а также препятствование возникновению устойчивых этнических или национальных меньшинств. Поскольку никто не может и не хочет заставить мусульман перейти в христианство, то распространено желание способствовать светскому, немецко-европейскому исламу, который на данный момент вряд ли существует хотя бы в скромных масштабах. Тем не менее уже сейчас есть множество мусульман, которые,

как и многие христиане, посещают храмы в качестве туристов, или же вообще ни разу не были в мечети. Несмотря на это, через несколько десятилетий число мусульман, посещающих мечети, может превысить число протестантов, посещающих храмы. Даже если многие турки и арабы второго или третьего поколения станут гражданами Германии, для которых немецкий будет родным языком, мусульманское меньшинство Германии к концу следующего десятилетия из-за демографических тенденций неизбежно вырастет как абсолютно, так и относительно, а считающееся христианским большинство будет сокращаться. Это, как говорится, просто констатация факта. Явным или неявным образцом для языковой ассимиляции, без сомнения, является американизация большинства мигрантов, обосновавшихся в США, – Саррацин выразительно ссылается на американский «плавильный котел» (melting pot), а также на онемечивание гугенотов и рурских поляков несколько столетий назад.

Языковой, а в дальнейшем и этнической ассимиляции должно служить скорее всего невыполнимое требование некоторых немецких политиков (по примеру Александра Македонского), чтобы мигранты вступали в брак с коренными немцами, и еще больше – не слишком часто с турчанками (по грубому выражению Саррацина – с «импортированными невестами») и турками из Турции, чтобы не допускать дальнейшей миграции на основании закона о воссоединении с семьей и создания турецкого «параллельного общества». И хотя в настоящее время президент Турции Абдулла Гюль и премьер-министр Реджеп Тайип Эрдоган призывают немцев турецкого происхождения и турак в Германии стремиться говорить на немецком бегло и без акцента, они под этим подразумевают нечто совсем иное, нежели немецкие политики, включая Саррацина, а именно: что они должны сохранить турецкий как родной язык, а немецким владеть как вторым языком, ощущать себя турками и в политическом плане вести себя как турки, независимо от того, есть у них немецкое гражданство или нет. Еще несколько лет назад Эрдоган называл ассимиляцию международным преступлением, и он имел бы на это право, если бы имел в виду только принудительную ассимиляцию.

Не могло быть лучше пропаганды для обеспокоенности Саррацина и политики Эрдогана, чем футбольный матч между Германией и Турцией 8 октября 2010 г. в Берлине, когда немецкой национальной сборной пришлось сразиться с турецкой сборной в «матче на выезде». Во время матча не только турки-иностранцы (что вполне нормально), но и многие немцы турецкого происхождения размахивали флагами Турции, а немецкий игрок Месут Озил был освистан и теми, и другими не потому, что играл плохо, а потому что играл за сборную

Германии. Радует лишь то, что в Берлине не произошло этнического конфликта между коренными немцами, с одной стороны, и турками и немцами турецкого происхождения – с другой, а турки и немцы турецкого происхождения признали, что победила лучшая команда. Разве в США представителями определенного этноса будет освистан спортсмен-соотечественник, играющий за команду США?

Случаи, подобные берлинскому, объясняются не только тем, что многие турки приходят в государственные учреждения только чтобы получить немецкий паспорт (часто лишь как второй после турецкого), но еще долго политически, эмоционально и духовно не ощущают себя частью немецкого народа. Дело также в том, что многие «исконные немцы» не воспринимают Месута Озила и остальных граждан Германии турецкого происхождения как немцев, а еще потому, что немцы не думают о национально-государственном немецком самосознании, вместо этого уделяя внимание лишь соблюдению правил дорожного движения, уплате налогов, некоторым другим законам и «ценностям». Долгое время немцы были равнодушны к нарушению мигрантами конституционно закрепленных основных прав человека внутри семьи, чаще всего даже не оправдывая это равнодушие непродуманной политикой мультикультурализма, не признающего общегосударственной политической культуры. В других западных странах общее политическое самосознание называют демократическим патриотизмом и национальным самосознанием, не мучаясь при этом национал-социалистскими угрызениями совести. В Германии десятки тысяч немцев выходят на демонстрации под лозунгом «Нет Германии!»

Немцы никак не могут разобраться с исторически сложившейся многозначностью слов «немецкий» (deutsch) и «Германия» (Deutschland) и не видят различий между гражданством, национальностью и этничностью. Впрочем, последнее касается и граждан тех государств, которые получили свои названия от этнонима или же название которых стало ассоциироваться только с одним этносом. Например, во Франции на первый взгляд всех граждан можно считать французами. Однако с тем же успехом можно говорить и о французах арабского происхождения. Однако кто же является всеми этими французами (французскими гражданами), которые не являются арабами, басками, бретонцами, эльзасцами или африканцами? В качестве бесполезного ответа можно либо в шутку сказать «галлы» (хотя в действительности это скорее германско-римские галлы), либо предложить весьма сомнительные варианты: «настоящие французы», «французские французы» и т. д. Некоторые ученые называют их этническими французами.

6. О законности этнических различий

Если законно, что этнические турки, курды, арабы, евреи, поляки и др., несмотря на принятие немецкого гражданства, остаются этническими турками, курдами, арабами, евреями и поляками или же хотят ассимилироваться с немцами, тогда вполне законным должно быть и желание «исконных немцев» оставаться этническими немцами и проводить соответствующую языковую и этническую политику, за которую их не будут постоянно подозревать в расизме и фашизме.

На протяжении многих веков слово «немец» служило для обозначения всех людей, родным языком для которых служил немецкий, неважно были ли они по происхождению франками, саксами, аллеманами, кельтами, римлянами, славянами, евреями или кем иным. Немцы жили в сотнях немецких княжеств, а также во многих не немецких государствах. В эпоху становления национального самосознания на основании языка из этих немецких княжеств возникла Германия. Такая Германия в языковом и этническом плане была намного богаче и обширнее, чем основанная в 1871 г. Германская империя и, как известно, простиралась от Мааса до Немана, от реки Адидже до Датских проливов и существовала в качестве небольших языковых островов в России, Америке, Азии и Африке. Только с 1949 г. слово «Германия» (Deutschland) стало названием государства, из-за чего с тех пор прежнее название немецкого народа (die Deutschen) иногда стало применяться исключительно для обозначения подданных этого государства (в языке официальных документов, в политике, а также в тексте Основного закона ФРГ), но иногда оно используется и в своем первоначальном значении для обозначения этноязыковой группы. В переходный период с 1871 по 1949 г. различали немцев – граждан Германской империи и этнических немцев, проживающих на территориях других государств и имеющих их гражданство. Поэтому российские немцы не считались немецкими русскими, венгерские немцы – немецкими венграми или мадьярами. И наоборот: на протяжении веков на территории федеральной земли Шлезвиг-Гольштейн проживают датчане, в Бранденбурге и Саксонии – лужицкие сербы, а не немцы датского или лужицко-сербского происхождения. Многие из них и через пятьсот лет хотят считать своими предками датчан или лужицких сербов, хотя в настоящее время они почти все считают себя немецкими гражданами. Они хотят иметь не только свое языковое, культурное и этническое прошлое, но и будущее. Почему же турки и арабы в Германии не могут иметь такое же законное желание? И почему неуклонно снижающееся число этнических немцев не мо-

жет иметь законный интерес и желание оставаться в Германии этническим и языковым большинством?

Политически корректное выражение «немцы турецкого происхождения», служащее для обозначения таких людей, как Месут Озил, является свидетельством предательства для выступающего за ассимиляцию традиционного западного языкового национализма, который в XIX в. иногда буквально с помощью палок отучал бретонцев и ирландцев от их родных бретонского и ирландско-гэльского языков и вместе с тем предлагал им возможности вертикальной социальной мобильности во французском/английском обществе благодаря владению французским/английским языками. Незадолго до Первой мировой войны исторически запоздало эти же средства пробовала применить Германская империя в отношении своих польскоязычных граждан в восточных областях, но ее грубая политика онемечивания и германизации потерпела крах. Либеральное общество должно позволять как добровольную этническую и языковую ассимиляцию, так и дезинтеграцию, а также поощрение и требование использования государственного языка только в качестве второго языка.

В любом современном обществе можно выделить сотни или даже тысячи «параллельных обществ», коммуникация между которыми бывает весьма редкой или же ее вообще почти не бывает. После 1685 г. 20 % населения Берлина составляли французы, представлявшие религиозную конфессию (кальвинисты, которых позже стали называть гугенотами), отличную от той, которую исповедовали немцы. Французский собор в центре города хранит память о них, точно так же, как и многие фамилии, например, Мезьер, носители которой в недавнее время занимали посты премьер-министра и министра внутренних дел ФРГ. Французы жили в своих городских кварталах, иногда даже в отдельных городках и деревнях, на протяжении более сотни лет говорили между собой на французском языке, долгое время почти не вступали в браки с немцами, которые, в свою очередь, не рассматривали французов как возможных брачных партнеров. Прошло более ста лет, прежде чем сорок тысяч французов, иммигрировавших в Германию, приняли немецкий как родной язык, то есть подверглись языковой ассимиляции (на современном политически корректном языке – «интегрировались»), стали членами лютеранской церковной общины и без колебаний начали вступать в браки с немцами. Не слишком очевидно, что проживающие сегодня в Германии четыре миллиона (а завтра, может, и больше) турок, арабов и прочих мусульман, которые могут добраться до страны своих предков всего за несколько часов и по телевизору часто смотрят лишь передачи, транслируемые родными странами, вряд ли близко знакомы хоть с одним немцем из

своего городского квартала или школы, подвергаются «языковой интеграции» так же медленно, как и в свое время те немногочисленные французы, которые вряд ли имели возможность не терять контакт с Францией.

Во все времена те, кто стремились к повышению своего социального статуса, охотно ассимилировались в культурном и языковом плане, но эти образцы успешной интеграции, показываемые нам в ток-шоу, не имеют отношения к тем туркам, арабам и иным этническим группам, которые настолько многочисленны, что обходятся без контактов с немцами. Возможно, однажды они потребуют введения специальных квот для турок и других этнических групп в университетах, государственных учреждениях и партиях. Даже в Германии требование женских организаций ввести определенные квоты для женщин может стать примером для этнических движений. В любом случае темпы ассимиляции значительно уступают скорости миграции. Американский «плавильный котел» уже давно превратился в «миску салата», в которой мигранты сохраняют свою этничность, не американизируются, даже если они овладевают английским как вторым языком. И немцы должны будут смириться с тем, что в Германии появились крупные этнические меньшинства, и что в будущем они станут еще более многочисленными. Часть их представителей ассимилируется, немецкий станет для них родным языком, и они будут заключать браки с немцами, но большая их часть в ближайшее столетие или два ассимилироваться не будет. Однако, как уже было сказано, это не исключает того, что можно и нужно способствовать становлению немецкого как языка коммуникации между всеми гражданами Германии. Тем не менее в ближайшее время это не превратит мигрантов и новоиспеченных граждан в этнических немцев, говорящих на немецком языке как на родном – как, например, семья Мезьер. Существуют различные переходные ступени между «бюрократической» интеграцией (получение немецкого паспорта), политической (принятие немецкой политической культуры), социальной (самостоятельный заработок), светско-религиозной (исповедание реформированного ислама или атеизм), коммуникационно-языковой (способность общаться на немецком языке), полной языковой ассимиляцией и онемечиванием. К тому же все больше людей становятся двуязычными (а не одноязычными и моноэтничными), потому что они вырастают в двух культурах. Это могут быть, например, языки отца и матери, бабушки или социального окружения. Многие из них – люди «с миграционным прошлым», в настоящем же являющиеся автохтонными, коренными жителями. Некоторые даже полиэтничны, как, например, американский спортсмен Элдрик Тонт «Тайгер» Вудс, у которого афроамериканские, ин-

дейские, китайские, тайландские и голландские корни. Разумеется, он не может говорить на всех языках своих предков. Хотя так называемая этнокультурная идентичность связана с происхождением индивида, в то же время она является личным выбором родителей и детей определенного языка в качестве родного, а также связанной с этим языком и передаваемой с помощью него языковой культуры. Генетически наши «корни» могут восходить к представителям неограниченного числа народов, несмотря на то что у нас всего двое родителей и четверо бабушек и дедушек, а мы часто не знаем, какие и сколько народов было среди наших предков. С лингвистической и культурной точки зрения мы чаще всего одноязычны, иногда дву- или трехязычны, даже если мы можем выучить другие иностранные языки, используя которые мы вряд ли будем психологически чувствовать себя абсолютно уверенно, даже если иногда будем видеть сны на этих иностранных языках.

Сторонники национального государства хотят ограничить значение слова «немецкий» (deutsch) лишь гражданством Германии. В журнале «Der Spiegel» я однажды встретил следующее высказывание (цитирую по памяти): «Немцем является обладатель немецкого паспорта, и точка!» Это бюрократически-правовое определение понятия «немец» имеет неплохое рациональное оправдание, но его недостаточно. Государства могут на протяжении долгого времени функционировать в качестве «национальных государств», но до тех пор пока граждане соблюдают правила дорожного движения и прочие законы, причем скорее всего из-за страха перед полицией. Если же граждане не обладают национальным самосознанием, связанным с государством, то оно развалится как картонный домик само по себе или в результате кризиса, как это в свое время произошло с Австро-Венгрией, в недавнее время с ГДР, Советским Союзом и Югославией. Без привязки национального самосознания к определенному государству (его можно называть чувством общности, патриотизмом или чем-либо еще) никакая демократия не сможет долго просуществовать, поэтому необходимы развитие и поддержка общей политической культуры, гражданского самосознания всех жителей страны, независимо от их языковой и культурной идентичности. Направленное на это политическое воспитание ставит своей целью из решивших получить гражданство приезжих (часто употребляемое слово «мигрант» скрывает крайне важные политические различия между иностранцами с немецким гражданством и иностранцами с гражданством другой страны) сделать немцев, которые чувствуют и считают себя принадлежащими к немецкой (титупной) нации, то есть являются носителями немецкого национального самосознания, даже если

они сохраняют свою этничность, не становятся «коренными немцами» и не хотят, чтобы немецкий был родным языком их детей. Чтобы подчеркнуть, что в политике приоритет отдается гражданству и национальному, а не этническому, самосознанию, на политическом языке их следовало бы называть турецкими немцами, а не немецкими турками и не турками в Германии. Спустя 65 лет после массовых убийств европейских евреев немецкими национал-социалистами и их сторонниками в других странах нам стоит внимательно отнестись к тому, что евреи не должны ощущать себя просто евреями в Германии или немецкими евреями, а снова еврейскими немцами. Тем не менее в этнологическом дискурсе можно, не обращая внимания на политически корректные варианты, и дальше говорить о турках, немцах, евреях и т. д. в Германии и во всем мире.

В качестве альтернативы подобному словоупотреблению можно было бы предложить, чтобы такие прилагательные, как немецкий, французский, турецкий (в отличие от курдского), использовались только в языковом и этническом значении, но тогда надо будет ввести новые понятия для обозначения гражданства, нейтрального по отношению к языку и этничности, например, для того чтобы различать финских и шведских финляндцев, русских и татарских россиян, словацких и мадьярских венгров, шотландских и английских британцев, фламандских и валлонских бельгийцев, греческих и турецких киприотов. В немецком языке это было бы ввести проще, чем в некоторых других. Тогда мы говорили бы о турецких и немецких германцах (граждане государства и представители нации), о французских и арабских французцах, то есть уже не о французских, арабских французах или настоящих французах, об этнических, автохтонных или коренных немцах. Естественно, что такие слова, как «французец» и «германец», звучат в высшей степени странно по сравнению с привычными нам «испанец», «немец» или «канадец». Однако они подчеркивали бы право на свою этничность в рамках привязанных к государству национальности и гражданства, не боясь того, что языковая констатация этнических различий вызовет «расизм», гражданскую войну или распад государства. Подобная альтернатива имела бы большое преимущество: она помогла бы скорее избавиться от старого этатистского языкового и этнического национализма, который стремился всех граждан Франции сделать говорящими на французском как на родном языке этническими французами, граждан Соединенного Королевства – фактически «англичанами», всех граждан Германии – этническими и немецкоязычными немцами. Противники этнических различий внутри государства чаще всего совершенно не замечают того, что они очевидно или незаметно хотят языковой

и этнической однородности общества, подстроенной под этническое большинство, хоть и не с палками в руках, как это было в XIX в., но все же посредством административного принуждения. Так и Саррацин надеется на то, что благодаря строгому введению государством полного дня в детских садах и школах еще можно будет круто повернуть руль этнической политики так, чтобы мигранты иной этничности стали носителями немецкого языка.

Часть потомков мигрантов, получивших немецкое гражданство, будет воспитывать своих детей и внуков в духе немецкой культуры и прививать им немецкий язык в качестве родного. Благодаря тому, что в Германии по сравнению с другими странами уровень эмансипации женщин гораздо выше, мигранты женского пола могли бы удачнее, чем мужчины, интегрироваться в немецкое общество и воспитывать своих детей в духе немецкой культуры, так что мужчины, настроенные против эмансипации женщин, будут предпочитать выбирать себе в супруги женщин из своих традиционных культур. Однако немецкие политики, как и Саррацин, по всей видимости, будут верить в иллюзию, что мигранты будут рожать и воспитывать для немцев немецких детей, которых сами немцы не хотят рожать и воспитывать, и которые должны будут обеспечить им спокойный и беззаботный отдых на пенсии. Возможно, после книги Саррацина начнется новая эра, когда в политике произойдет резкий переход от миграционной политики в духе пособий по безработице и закона Hartz IV к политике, ориентированной на привлечение специалистов, «индийцев» (здесь – синоним для зарубежных специалистов по информатике, математиков, инженеров и техников) и представителей МИНТ-специальностей. Однако это будет иметь роковые последствия для стран третьего мира, которые лишатся своих лучших специалистов. Однако если, как утверждает Саррацин, на мировом рынке будет снижаться количество хороших специалистов, желающих переехать в Германию, куда они при необходимости должны приехать со знанием немецкого языка или же получить его уже в стране, тогда стратегия экономистов, направленная на то, что мигранты будут производить товары и услуги, создаваемые для того, чтобы оплачивать пенсии коренного немецкого населения, обречена на провал. Тогда немцы сплотятся, если немного преувеличить, в *gated communities** для пожилых людей, своего рода резервации для коренных немцев с низкооплачиваемым младшим медперсоналом из других стран и с другой этничностью (сегодня поляки, завтра украинцы, а когда-нибудь

* Жилые комплексы (англ.). (Прим. ред.)

и тайцы). В таком случае экономический рост, производительность труда, благосостояние и численность населения Германии должны будут снизиться.

Реальная альтернатива, о которой говорит Саррацин, удивительным образом или по достаточно очевидной причине – поскольку она неприятна даже для сторонников Саррацина – публично почти не обсуждается. Миграционная политика и политика интеграции обычно выступают лишь как сопутствующие аспекты общей демографической тематики. Политика, направленная на сокращение населения, которая в целом не должна быть неприемлемой, по всей видимости, с экономической точки зрения невозможна без смирения с резким падением всеобщего благосостояния. Таким образом, настоящая проблема Германии – крайне низкий уровень рождаемости по сравнению с многими другими индустриальными и постиндустриальными странами, – поэтому немцы должны перестать сдерживать рождаемость, если они хотят в будущем сохранить по крайней мере нынешний уровень жизни и не превратиться через некоторое время в этническое и языковое меньшинство в своей же стране. Страна немцев, конечно, не станет страной турок, но она может превратиться в подобие империи Габсбургов, где нет этноязыкового большинства, зато есть совокупность меньшинств, в которых, в отличие от сатиры Саррацина, немецкий язык как средство коммуникации будет заменен не турецким, а скорее английским. И, возможно, что мигрантам с МИНТ-образованием, то есть реальным и виртуальным «индийцам» скоро разрешат говорить только на английском, и они не будут обязаны учить немецкий язык, поэтому немцам, по меньшей мере из среднего и высшего класса, придется к ним приспособляться. В долгосрочной перспективе Германия может превратиться в этнически и культурно пестрый англоязычный образец европейского государства, которому уподобится еще какая-нибудь другая европейская страна. Уже сегодня в немецких университетах некоторые дисциплины преподаются только на английском, однако при этом нет попыток повысить уровень владения английским у студентов, а также способствовать развитию немецкого профессионального языка.

Ожидание того, что иностранцы и немецкие граждане не немецкого происхождения будут производить на свет и воспитывать «немецких» детей, не только иллюзия, но с морально-политической точки зрения представляет собой крайне сомнительную этническую политику «суррогатного материнства» и «суррогатных родителей». Правильное решение этой проблемы следующее: немцы должны преимущественно сами производить на свет и воспитывать своих детей, то есть отказаться от осуществляющейся до сих пор политики «Inder

statt Kinder»*. Либеральное общество, несомненно, должно не только терпеть, но и уважать и признавать добровольную или недобровольную бездетность или низкую рождаемость у отдельных людей, монахов и монахинь, геев и лесбиянок, способных к рождению или же бесплодных. Но в таком случае нельзя считать семью с одним или двумя детьми нормальной семьей и косвенно пропагандировать ее в ежедневных телепрограммах, популярных фильмах, СМИ, демонстрируя (с точки зрения социальной статистики) образцовые семьи и т. д. Общество должно в качестве нормальной семьи пропагандировать семью с тремя–четырьмя детьми и создавать для нее институционные условия, например, в форме предприятий, уважающих семейные ценности, чтобы достичь среднего уровня рождаемости 2,1 ребенка на одну женщину. Родители с четырьмя или более детьми не должны пренебрежительно рассматриваться как кролики или как претенденты на национал-социалистский Почетный крест немецкой матери (уже много лет существуют небеспочвенные подозрения, что низкая рождаемость в Германии является несколько запоздалой политико-психологической реакцией отрицания немцами национал-социализма). В связи с этим, по мнению Саррацина, на крайне высокое воздержание среднего и высшего класса от рождения детей необходимо отреагировать выдачей детских пособий, что должно быть детально закреплено в правовых нормах. Эти пособия должны создать для всех детей не просто равные финансовые условия, но и такие, которые соответствовали бы уровню жизни того или иного социального класса. Это значит признать, что усердно трудящиеся представители среднего и высшего классов должны будут нанимать других лиц, которые возьмут на себя основное бремя воспитания их детей. Если государство во имя благосостояния общества и для обеспечения должного уровня жизни пенсионеров берет эту задачу на себя, то тогда бездетные и те, кто имеют мало детей, фактически тоже будут частично «спонсировать» воспитание чужих детей, хотя они и не смогут познать радостей материнства или отцовства. Если в высших социальных слоях как мужчины, так и женщины хотят и должны работать 60–80 часов в неделю (в противном случае они не смогут удержаться на своей должности), при этом они часто бывают в командировках, то они могут воспитывать четырех детей лишь тогда, когда они тратят на это гораздо больше, чем безработные или те, кто работает по 38 часов в неделю или неполный рабочий день. Бездетность и низкий уровень рождаемости в средних и высших социаль-

* Индийцы вместо детей (*нем.*).

ных слоях являются настоящим расточительством интеллектуальных ресурсов страны, даже если мы не будем вспоминать про тезис Саррачина о наследственности интеллекта. Возможная альтернатива – принудить слишком много работающих представителей среднего и верхнего класса не превышать норму 38 рабочих часов в неделю, абсолютно нереальна не только с политической и психологической, но и экономической точки зрения.

Одним словом, в конечном счете нарушающие табу культурно- и этнополитические исследования Саррачина, посвященные самоликвидации Германии, то есть сокращению в Германии численности немецкого населения вплоть до превращения его в этническое меньшинство, не имеют ничего общего с расизмом, расовой гигиеной, популизмом (то есть решительным отрицанием парламентской демократии и науськиванием с трибуны народных масс против права и закона), враждебностью по отношению к иностранцам и этнической изоляцией, хотя во многих отрывках книги можно встретить весьма неприятные этнические, культурно-религиозные и, кстати, гендерные предрассудки, а также унижительные высказывания в адрес некоторых этнорелигиозных групп. Конечно же, сомнительным остается неоднократно повторяемый Саррацином тезис о том, что интеллект наследуется на «50–80 %». Утверждение Саррачина о наследственности интеллекта с научной точки зрения может быть как правильным, так и неверным, содержать одно–два зернышка правды; но оно не имеет ничего общего с какими-либо ценностными представлениями, представлениями о мире и человеке, которые было бы необходимо признать и спасти исключением из партии.

7. Шансы Саррачина на успех

Что будет дальше со спорами вокруг Саррачина и его книги? До недавнего времени выпад Саррачина, направленный на то, чтобы привлечь внимание к проблемам, связанным с существенным снижением рождаемости в Германии и с массовой иммиграцией преимущественно турецких, арабских и, конечно, курдских мусульман, а также чтобы найти политическое решение этих проблем, был достаточно успешным. И хотя Саррацин и далее будет подвергаться гонениям, многие его аргументы были восприняты некоторыми его критиками; также было заявлено о некоторых изменениях в политике в духе Саррачина. В СМИ уже сейчас можно заметить тенденцию к изменению политических тем (на языке образованных людей – смена парадигмы): сообщения о «враждебности по отношению к немцам» и «неже-

лании интегрироваться» оттесняют на задний план тему «враждебности коренных немцев по отношению к иностранцам».

Немного свидетельствует о том, что дебаты вокруг Саррацина представляют собой обычную мимолетную вспышку в СМИ, поскольку поднятые им проблемы не исчезнут с повестки дня. Возможно, имя Саррацина уже сейчас укоренилось в коллективной политической памяти, правда, не так, как это было с именем Герберта Груля, который своей книгой «Планета рушится: равновесие страха в политике» (1975) дал значительный толчок не только возникновению партии «Зеленые», но и современной экологической политике всех партий. Тогда Груль предложил лозунг: «Ни влево, ни вправо, а вперед!». Этот же лозунг можно порекомендовать и для предложенной Саррацином миграционной и интеграционной политики. Возможно, через несколько лет Саррацин даже удостоится ордена «За заслуги перед Федеративной Республикой Германия» за свои запоздавшие политические импульсы, направленные на развитие демографического процесса, как когда-то Груль за свои экологические инициативы.

Тем не менее бросается в глаза, что размышления Саррацина о снижении рождаемости у немцев публично практически не обсуждаются, несмотря на то что центральная затрагиваемая им проблема, по сути, это не иноэтничная иммиграция. Но это скорее можно объяснить тем, что легче говорить о соринке в глазу другого, чем заметить бревно в своем, немецком глазу.

Высокая смертность коренных немцев начинается в 20-летнем возрасте и усиливается в когорте 30–40-летних, если, по примерным оценкам, на два рождения приходится шесть похорон (и, кстати, один обряд крещения). Эту тенденцию уже не обратить вспять, но ее можно корректировать. Даже интегрировавшиеся в немецкое общество новые граждане и их дети и внуки, для которых немецкий будет родным языком, а также немцы с двумя этничностями могут лишь частично компенсировать потерю «коренного» населения, поскольку они точно так же, как и немцы, предпочитают иметь мало детей.

СПОР ИЗ-ЗА ГОЛОВНЫХ ПЛАТКОВ. О КОНФЛИКТЕ МЕЖДУ ЛАИЦИЗМОМ (ДВИЖЕНИЕМ ЗА ОТДЕЛЕНИЕ ЦЕРКВИ ОТ ГОСУДАРСТВА) И РЕЛИГИОЗНОЙ ТЕРПИМОСТЬЮ

Краткое содержание

В Германии и прочих европейских странах запрет на ношение головного платка* сводится, по сути, к запрету для мусульманок, носящих платок, заниматься профессиональной деятельностью и приводит к социальной маргинализации таких женщин. В иных странах обязательное ношение головного платка ведет не только к презрению обществом тех женщин, которые это требование не соблюдают, но и зачастую может подвергать их жизнь опасности. Политические предписания, касающиеся женских головных уборов, связаны с гендерной политикой и косвенно – также с этической и правовой, с религиозной, этнической политикой, в конечном счете – с политикой безопасности.

Ношение головного платка приобретает политическое значение отчасти потому, что некоторые исламские организации пытаются его навязать мусульманкам или всем женщинам. Но главную роль в политизации ношения головного платка играет тот факт, что оно законодательно может стать запрещенным или же, наоборот, обязательным. Головной платок можно деполитизировать, если его рассматривать как предмет гардероба, который каждый волен носить по своему желанию. Отсюда вытекают различные политические варианты решения вопроса о ношении головного платка, который, вероятно, еще годы и десятилетия будет играть значительную роль в общественных дебатах. В Германии и Европе поднимается главный вопрос: должны ли этнорелигиозные меньшинства, образуемые мигрантами, в

* Здесь и далее имеется в виду запрет носить в общественных местах мусульманский головной платок. Это либо *хиджаб* – платок, закрывающий только волосы, либо *никаб* – платок, который закрывает всю голову, оставляющий лишь узкую щель для глаз. (Прим. ред.)

значительной степени ассимилироваться, или же правовая, политическая и социальная интеграция мигрантов должна сопровождаться публично демонстрируемым сохранением этнических и религиозных различий? В Турции и Боснии, напротив, вопрос стоит иначе: может ли навязываемый государством лаицизм быть сменен религиозной толерантностью? При этом предпринимаются решительные меры для предотвращения опасности появления теократической диктатуры, для которой обязательное ношение платка служит важным символом ее понимания роли женщины, противоречащего правам человека.

Исходя из истории лаицизма, государственной религии и религиозной толерантности, можно выделить три основные позиции по данной проблеме: вытеснение религии и религиозных общностей из жизни государства; господство в государстве одной религии или конфессии; не только общественная, но и религиозная толерантность и равноправие религиозного (конфессионального) большинства и меньшинства.

Автор данной лекции выступает за политику определенной деполитизации проблемы головного платка и за разрешение демонстрации этнических и религиозных различий в общественных местах и школах, но исходит из того, что в Германии, Франции и некоторых других странах подобная политика еще долгое время не сможет быть осуществлена.

1. Обязательное или запрещенное ношение головного платка как запрет для мусульманок на профессиональную деятельность

Уже на протяжении многих лет в Германии, как и во многих других странах Европы и мира, ведутся жаркие споры о праве девушек и женщин носить головной платок в государственных учреждениях и общественных местах. В некоторых странах, наоборот, женщины борются против обязательного ношения платка. Обязательное ношение головного платка или же запрет на его ношение являются правилами ношения одежды, которые могут устанавливаться как самим обществом в виде традиции, так и государством, посредством закона или предписания. Правила, касающиеся одежды, могут распространяться на все население страны; только на определенные общественные группы или государственных служащих; только на определенные области или учреждения, а также на коммуникативные ситуации; иногда эти правила имеют свою специфику в отношении разных полов. В некоторых святых для христиан местах, а также в храмах принято, что мужчины снимают головной убор, а женщины, наоборот, наде-

вают платок. В отличие от христиан, мужчины-иудеи в священных местах покрывают голову.

Действующие в государстве и обществе правила, касающиеся одежды, могут как совпадать, так и различаться. То и дело общественные меньшинства с помощью осуждения, презрения и принуждения устанавливают свои правила в тех обществах и на тех пространствах (например, в городских кварталах), где они являются большинством, даже если это явно противоречит законам государства. Например, недавно парламент Франции запретил учительницам и ученицам в государственных школах носить головной платок; это, однако, не исключает того, что в отдельных городских кварталах мусульманские женщины, не носящие головной платок, подвергаются презрению, побоям, иногда насилию и становятся жертвами убийств, поскольку они нарушают установленное мусульманским обществом предписание обязательного ношения платка.

Поскольку общество или социальные группы могут разными способами наказывать за нарушение предписаний, касающихся одежды, то и государство может ввести санкции против несоблюдения установленным им правил, начиная с небольшого денежного штрафа за нарушение порядка и заканчивая арестом или смертной казнью. Принудительное одевание или раздевание редко осуществляется полицией, поскольку, во-первых, в правовом государстве это неподобающее нарушение чести и достоинства человека, а также личной физической неприкосновенности женщины, во-вторых, результат принудительного действия может быть легко сведен на нет. В то время как в Иране, а ранее и в Афганистане при режиме Талибан несоблюдение обязательного ношения платка наказывается или наказывалось физическим, государственным или терпимым государством насилием, в некоторых европейских странах запрет на ношение головного платка подкрепляется недопуском учениц и студенток в учебные заведения или запретом заниматься профессиональной деятельностью. В подобных случаях выражение «запрет на ношение головного платка» выступает как обозначение, скрывающее суть проблемы и умаляющее ее значение.

Головной платок в первую очередь является предметом одежды, особым видом головного убора, служащего для покрытия волос. Головной платок в этом привычном, узком смысле слова следует отличать от платка, который полностью или частично закрывает половину лица, то есть лоб, подбородок, рот и нос, а также область глаз. Иногда в немецком языке из-за влияния словоупотребления в других языках ошибочно говорят о «сокрытии» женщины. Существует значительное различие между покрытием волос и скрыванием лица,

особенно области глаз. Лицо гораздо больше, чем волосы участвует в коммуникации. Тот, кто хочет, чтобы женщина носила паранджу, то есть скрывала под одеждой все тело, хочет значительно ограничить ее как участника коммуникации, например, чтобы она не имела возможности стать учительницей и получить соответствующее образование. Поэтому терпимость общества в отношении головных платков не создает опасность того, что однажды женщины потребуют, чтобы им разрешили преподавать в парандже. Однако вполне возможно, что будет выдвинуто требование разрешить женщинам, частично закрывающим свое лицо, работать в качестве учителей государственных школ.

Головной платок это прежде всего практичный предмет одежды, ношение которого определяется природной средой и предметным окружением человека. Платок может в некоторой степени защитить человека от холода, жары, ветра, шума, пыли и грязи. В связи с этим его надевают в зависимости от ситуации, по своему непосредственному назначению его ношение определяется пространством и погодой – как и других головных уборов: шляпы, шапки, кепки и т. д. Например, крестьянки часто носят головной платок во время работы. В некоторых случаях головной платок также становится предметом моды, который женщины используют, чтобы подчеркнуть свою привлекательность.

Вторая функция одежды, связанная с нравственностью, заключается в том, что она должна скрывать части человеческого тела, обнажение которых считается постыдным нарушением приличий. Человеческие представления о стыде универсальны и свойственны всем культурам. Тем не менее содержание понятия «стыд» крайне разнообразно в зависимости от социума и исторического периода, и, как известно, в недавнее время во многих культурах пережило значительные изменения. Взгляды на то, где проходит граница между стыдом и бесстыдством, в настоящее время крайне изменчивы и противоречивы.

Практическая и нравственная функции некоторого предмета одежды могут вместе слиться в третью функцию – маркера социального статуса, который определяет одежду человека вне зависимости от пространства, погоды и вида деятельности человека в тот или иной момент времени. В этом случае одежда служит для выражения социальных отношений, подчеркивая как общность, так и, в свою очередь, отличие от других людей. Одежда может служить как для выражения гендерных различий или равенства, так и для того, чтобы продемонстрировать равенство и различие социальных групп, профессий и положения в общественной иерархии, то же касается и религиозных объ-

единений и этносов. Единообразные предметы одежды различных социальных групп выполняют обычно обе функции: знака равенства с одними людьми и знака отличия их от других. Это касается военной формы, а также такой гражданской одежды, как голубые джинсы, мини-юбка, бикини или облачение монахинь. Во всех обществах и культурах вопрос о подчеркивании или нивелировании социальных различий посредством одежды или головных уборов вызывает споры.

Межличностные и общественные споры о подобающей одежде превращаются в политические, в которых одежда или головные уборы в глазах тех, кто ее носит или наблюдает на других, становятся политическим символом, то есть общепринятым образцом поведения. Правила ношения одежды становятся символом обязательного для всех поведения, и в них видят нормы поведения: сначала, возможно, только как неполитическое социальное правило для определенного общественно-политического движения, организации, партии, и, наконец, государства. Хотя чаще всего политизация какого-либо предмета одежды как символа своей или чужой культуры сопутствуют друг другу, они могут также расходиться.

2. Полный или частичный запрет на ношение головного платка или терпимость по отношению к нему

Из-за многочисленности функций головного платка данный предмет одежды вызывает настолько острые споры, что эту проблему решить крайне сложно. Первым шагом на пути к сглаживанию конфликта, связанного с ношением головного платка, должно быть признание четких различий между платком, покрывающим волосы, и чадрой*. Если исходить из того, что открытое лицо, обладающее многочисленными мимическими средствами выражения, вообще необходимо для открытой коммуникации в обществе и тем более является существенным условием для свободного обучения и преподавания, то тогда можно легко провести черту между покрывающим волосы, самим по себе не препятствующим общению головным платком и чадрой, полностью или частично скрывающей лицо, что значительно мешает коммуникации. Запрет на ношение чадры обоснованно связан с разрешением головного платка, скрывающего только волосы. Мож-

* Чадра – легкое женское покрывало белого, синего или черного цвета. Надевается при выходе из дома и закрывает фигуру женщины с головы до ног. (*Прим. ред.*)

но выделить три основных позиции по вопросу о ношении головного платка, под которым мы далее будем подразумевать платок, скрывающий волосы. В связи с обоснованием и мотивацией этих позиций их можно далее подразделить на отдельные точки зрения, которые в данной лекции рассмотрены не будут. Нигде в Европе не слышно требований, чтобы в обществе вообще перестали носить головной платок. В основном избирательный запрет на ношение платка, действующий в определенных публичных местах и распространяющийся на государственных служащих и на представителей некоторых иных профессий, имеет под собой два абсолютно разных мотива. Странники лаицизма желают полного разделения государства и религии, а также устранения религиозных действий и символов из государственной сферы, не важно, христианских, исламских, иудейских или любых иных. Другие люди выступают лишь за запрет на ношение головного платка для мусульман, но не на ношение христианами монахинями их облачения. Мотивом для них служит предпочтение христианской или иудео-христианской культуры, и эти люди терпимо относятся к христианским и некоторым иудейским религиозным действиям и символам (например, распятия, кипа) в государственной сфере или даже хотят поощрять их использование. Запрету на ношение головного платка (как и обязательному его ношению) противостоит нейтральная точка зрения, согласно которой ношение этого предмета одежды – личный выбор каждого человека, поскольку он не нарушает общепринятые нормы в отношении сокрытия человеческого тела.

Только на первый взгляд кажется, что речь идет всего лишь о «за» и «против» ношения головного платка. Поскольку даже если многие мусульманки и подчинятся запрету на ношение платка, это будет далеко не все. Среди сопротивляющихся окажутся не только женщины, придерживающиеся политических догм, но и женщины с сильным характером, которые не захотят подчиниться правилу, противоречащему их традициям. В некоторых европейских странах спор вокруг ношения головного платка сводится к спору о «за» и «против» запрета заниматься профессиональной деятельностью для женщин, которые не хотят подчиниться (государственному или общественному) требованию показываться в публичных местах с непокрытой головой. Этот запрет не касается мужчин, разделяющих взгляды своих жен, сестер или подруг. Это значит, что он попахивает дискриминацией женщин. Поскольку речь идет о мусульманках, то этот запрет связан не только с гендерной политикой, но в первую очередь – с религиозной. Хотя ислам является мировой религией, среди некоторых этносов и наций

он получил более широкое распространение (как, впрочем, и любая иная религия), поэтому запрет на профессиональную деятельность для женщин, носящих головной платок, становится частью этнической и национальной политики, а в Европе к тому же и частью миграционной политики, так как речь идет не о конфликте между несколькими автохтонными этносами, а между коренным населением и иммигрантами, то есть между традиционными правами и правами человека. В требовании введения запрета на ношение платка, как и в недавнем требовании запрета минаретов, можно увидеть этнические и религиозные страхи перед засильем иностранцев, а также озабоченность соблюдением конституции и прав человека.

Среди мусульман, проживающих в европейских странах, позиции в споре вокруг ношения головного платка не менее разнообразны, чем среди остального населения. Сторонники запрета на ношение платка противостоят как сторонникам терпимости в отношении головных платков, так и поборникам его обязательного ношения. Одни мусульмане требуют обязательного ношения платка лишь мусульманками, другие хотят, чтобы в будущем оно распространилось на все общество. В любом случае споры вокруг ношения головного платка становятся связанными с конституционной политикой. Воинствующая пропаганда ношения платка как инструмент целого спектра направлений политики (гендерной, этнической, национальной и правовой) превращает его из предмета общего религиозно-политического спора в символ очевидной политической цели. При этом широко распространенный, но не принятый повсеместно обычай превращается в символ исламской политики, которая затрагивает почти все общественные сферы. Сюда входят различные аспекты политики в отношении женщин и гендерной политики, которые по западным меркам однозначно нарушают конституцию и права человека.

Нельзя не заметить, что с 11 сентября 2001 г. исламский терроризм стал фактором, усиливающим страхи того, что поддержание и публичная демонстрация исламской морали, связанной со стыдом, целомудрием и ролью женщины в обществе, могут стать питательной почвой для появления симпатий к исламистским террористам и соответственных образцов поведения, даже несмотря на то что вероятность непосредственной связи между симпатией или даже поддержкой исламских террористов и ношения головного платка как элемента исламской культуры весьма мала. Борьбу с мусульманской культурой в качестве фактора, влияющего на формат исламской политики в Европе и Северной Америке, можно легко рассматривать как превентивную меру против терроризма. В любом случае сторон-

ники запрета головного платка ссылаются преимущественно на символическую функцию данного предмета одежды в исламской политике. Понимание головного платка как части исламской политики, по всей видимости, более характерно для не мусульман, чем для самих приверженцев ислама. Между тем надо отметить, что некоторые мусульмане говорят о безвредности религиозного и этнического обычая ношения головного платка только из тактических соображений, но втайне рассматривают его как политическое действие.

Можно с уверенностью сказать, что женщины, носящие головной платок, имеют абсолютно разные мотивы, до сих пор не изученные систематически: по собственному желанию или из уважения перед членами семьи, из страха перед наказанием, исходящим от ближайшего окружения или страха перед политическими группировками. Возможно, большинство мусульманок добровольно и без принуждения со стороны ближайшего окружения следует семейной или культурной традиции. По их мнению, нормальная приличная женщина, естественно, носит головной платок, как и любой другой предмет одежды. Однако достаточно часто приводятся религиозные причины ношения головного платка, даже если истинный мотив совсем иной, например, традиционное мышление или желание подчеркнуть осознание себя как женщины или представительницы определенного этноса, для защиты от давящих ожиданий ассимиляции со стороны общества. Религиозное объяснение ношения головного платка дается часто только по той причине, что религиозные свободы охраняются наиболее активно.

3. Различная степень модернизации и секуляризации в христианском и исламском обществах

С окончанием религиозных войн и модернизацией общества идея теократического государства вовсе не исчезла. Тем не менее в современном обществе притязания религии контролировать все сферы жизни значительно ослабли, и не только в христианском обществе, но и в исламском, иудейском, буддийском и других. При этом значение имеют два совершенно различных понимания взаимоотношений между государством и религией, а именно идея религиозно толерантного поликонфессионального государства и светского государства, в котором религия – личное дело каждого. Толерантное в отношении религии государство признает тот факт, что большая часть населения имеет какие-либо религиозные верования и хочет выражать их

публично. Светское государство, которое хочет, чтобы религия была личным делом каждого гражданина, является историческим компромиссом между воинствующим атеизмом и религиозной толерантностью, который сложился в период Французской революции: государство должно быть строго атеистическим, общество может оставаться религиозным, не важно, является ли оно моно- или поликонфессиональным. Воинствующий атеизм представляет собой продукт одной из линий развития Просвещения – стремление установить господство разума вместо господства веры, являющейся одним из видов безрассудства. Другое направление эпохи Просвещения искало в религии и различных выражениях религиозной веры рациональное зерно, чтобы отделить от него суеверия; в таком понимании религии отсутствовало непримиримое противопоставление разума и веры. Воинствующая атеистическая вера в разум после Французской революции, которая изначально была демократической, победила еще раз в результате русской (Октябрьской. – *Ред.*) революции, социалистической по своей природе.

В мусульманских странах четкое отделение религии от государства по многим причинам было достаточно редким явлением, причем антирелигиозные политические движения иногда основывали государство воинствующего атеизма, подавлявшее религию даже в личной сфере. Тем не менее даже в мусульманских обществах произошла медленная, не слишком явно выраженная секуляризация и обесценивание или переосмысление религиозных норм и обычаев. Зачастую исконно религиозные обычаи превращались в светские и национальные и, так сказать, «кристаллизовались» в культурное достояние. С точки зрения истории религии, ношение головного платка никогда не было распространенным во всех мусульманских сообществах и не является таковым и сейчас. Некоторые авторы утверждают, что в отдельных странах ношение головного платка приобрело теологическое обоснование только в XIX в. и одновременно стало символом этнического и социального отличия, а также распределения гендерных ролей в обществе. В то же время для глубоко верующих людей положения из Корана о сокрытии тела и головы играют огромную роль. При этом сложно отличить псевдорелигиозное, исламистское, этническое, национальное и политическое толкование Корана от истинно религиозного.

В Коране нигде не встречается прямого запрета на ношение платка или обязательное сокрытие волос или лица. Обычно для обоснования обязательного ношения платка приводятся две–три фразы из двадцать четвертой и тридцать третьей сур, причем в истории ислама

они толковались по-разному. Например, сура 24 аят 31 гласит: «Скажи также и верующим женщинам, чтобы они потупляли свои взоры; хранили бы себя от половых пожеланий; показывали бы только те из своих нарядов, которые наружу, накладывали себе на грудь покрывала; показывали бы наряды свои только своим мужьям, своим отцам или... перечисляются некоторые степени родства) <...> слугам таким, которые не имеют половых побуждений, детям, которые не распознают еще женской наготы». Сура 33 аят 59: «Пророк, скажи своим женам, дочерям, а также женщинам верующих, чтобы надевали на себя длинные одеяния. Это самое близкое к тому, дабы были они узнаваемы и чтобы не причиняли им боль».

Независимо от любой достоверной исторической и филологической интерпретации Корана на протяжении долгой истории существования ислама можно наблюдать различное, обусловленное национальными, региональными или конфессиональными особенностями отношение к головному платку, ношение которого в зависимости от политических потребностей то признавалось необходимым, то отвергалось. Например, религиозно обоснованное обязательное ношение головного платка в мусульманском мире с 1970-х гг. тесно связано с историческим контекстом: оживлением религиозного и политического ислама, закатом коммунизма и социализма, а также сдерживанием либерального, демократического и просвещенного образа мышления и его притязаний на мировое господство. Оно также представляет собой реакцию на демонстрацию силы США и на развитие связанной с рыночной экономикой западной демократии в мусульманском мире. Отсутствие или неправильное функционирование современных институтов социального государства также привело к тому, что социально-политические обещания и достижения исламизма стали привлекательными.

Итак, распространение ношения головного платка в мусульманских семьях, в которых оно прежде не было принятым, имеет под собой различные социальные, этнонациональные и политические причины. С ростом масштабов иммиграции мусульман в Европу и распространением обычая носить головной платок он стал восприниматься как негативный символ нежелательной миграционной политики и увеличения числа новых граждан в стране приема, а также недостаточной готовности мигрантов к интеграции и ассимиляции.

4. Маргинализация консервативных мусульман и стимуляция исламизма как роковые последствия запрета на ношение головного платка

Политизация проблемы мусульманского головного платка, изначально распространенная только среди немногих исламистов и сторонников запрета на его ношение, быстро расширилась благодаря тому, что споры вокруг этой проблемы вышли на правовой уровень. В Германии решение Федерального конституционного суда, вынесенное 24 сентября 2003 г. по делу немецкой мусульманки афганского происхождения Ферешты Лудин, обратившейся туда с иском, привело к тому, что конфликт перешел в новую, более интенсивную фазу. Госпожа Лудин на протяжении пяти лет подавала иски и участвовала в судебном процессе против федеральной земли Баден-Вюртемберг, чтобы отменить решение об ее увольнении с должности учителя из-за ее отказа снимать в школе головной платок*. Федеральный конституционный суд объявил увольнение Лудин неправомерным, но вместе с тем указал на то, что каждая федеральная земля – на основании федерального законодательства – может издавать свои законы, регулирующие вопросы школьного образования, и тем самым запретить в школе ношение головного платка или иного религиозного или политического символа, причем это касается всех религий. Решение Федерального конституционного суда тем самым не покончило со спорами вокруг ношения головного платка, а, наоборот, вывело его на иной уровень, привлекло всеобщее внимание, а головной платок попал в один ряд с христианским крестом, иудейской кипой, тюрбаном сикхов и т. д. Благодаря такому обобщению спор о ношении религиозных символов лицами, занятыми на государственной службе, затронул также и мужчин. Недавно один канадский рейнджер оспорил в суде свое право вместо традиционной широкополой шляпы носить тюрбан.

В Германии до сих пор идут споры – в основном о праве школьных учителей, то есть (пока еще) не преподавателей высших учебных заведений и не воспитателей в детском саду – о том, можно ли носить головной платок в стенах школы и на занятиях. Поскольку оплачиваемая государством педагогическая практика рассматривается будущими учителями как часть образования, а не профессиональная деятельность, то практикантки в немецких школах могут и дальше носить головной платок. Обсуждается также право женщин –

* Речь шла о не закрывающем лицо хиджабе. (Прим. ред.)

судей, адвокатов, полицейских и занимающих другие государственные должности – носить платок при исполнении своих служебных обязанностей. В Германии, в отличие от Турции, вопрос о том, могут ли женщины, являющиеся депутатами или министрами, носить головной платок, настолько остро не стоит. Во Франции, как и в Турции, обсуждается не только право учительниц, но и школьниц и студенток носить данный предмет одежды на территории школы или университета. 10 февраля 2004 г. Национальное собрание Франции большинством голосов представителей всех крупных партий приняло закон о светском характере общества, первая статья которого гласит: «В государственных школах запрещено ношение символов или предметов одежды, с помощью которых школьники демонстративно подчеркивают свою принадлежность к определенной религии». Тем самым ношение маленьких христианских нательных крестов косвенно разрешается, а ношение головного платка запрещается. Многие свидетельствуют о том, что данный французский закон привел к результатам, противоположным ожидаемым, а именно к общественной и школьной сегрегации носящих головной платок мусульманок и не носящих платок француженок. Многие богатые мусульманки, по всей видимости, перейдут в хорошо организованные известные частные католические школы. Для бедных мусульманок, носящих головной платок, исламскими организациями, частично при помощи зарубежных средств, которые заработаны также на потреблении нефти французами-лаицистами, будут организованы частные мусульманские школы. Государственная школа, таким образом, превратится в школу для светских лиц и тех бедных мусульман, которые из-за финансовой несостоятельности внешне подчинятся государственному принуждению. Для консервативных и глубоко верующих мусульман посещение своими единоверцами государственной школы становится доказательством бесхарактерности. В подобном случае запрет на ношение головного платка приводит не к единению общества, а к его расколу и поляризации. После решения конституционного суда по делу Ферешты Лудин правительство Баден-Вюртемберга и правительства некоторых других федеральных земель сразу же поспешили разработать и внести соответствующие законопроекты в парламенты земель и тем самым сделали спор о ношении головного платка предметом политических дискуссий внутри земельных парламентов, между ними, а также внутри политических партий. Только ХДС/ХСС однозначно выступает за запрет на ношение головного платка.

Запрет на ношение головного платка в общественных местах вряд ли останется без последствий в социально-экономической сфере. Уже прошли судебные процессы против фирм, уволивших носящих

головной платок женщин с должностей, обязанности которых включали контакты с клиентами, или фирм, переводивших таких сотрудниц на должности, не требующие общения с клиентами. Эти фирмы исходили из того, что головной платок сотрудницы может существенно повлиять на поведение клиента и в результате привести к финансовым потерям предприятия. Даже если явная причина увольнения (ношение головного платка) в судах по трудовым спорам не будет считаться основательной, то политика предприятий в отношении трудоустройства и увольнения работников не обязательно является подсудным делом. Если запрет государства на ношение платка (в некоторых странах – обязательное ношение) является востребованным и санкционируется значительной частью населения, тогда невозможна ситуация, при которой большая часть жителей страны не последовала бы государственному предписанию. Тот, кто хочет запретить ношение головного платка в школах и государственных учреждениях, должен принять и то, что оно будет запрещено и у окошек банковских касс, у касс торговых центров, у прилавков большинства торговцев розничными товарами. Таким образом, можно с большой уверенностью сказать, что государственный запрет на ношение головного платка вызовет определенную женскую безработицу. Женщинам, носящим платок, останутся лишь непрестижные рабочие места, обычно занимаемые маргинальными слоями общества. Это серьезно осложнит социальную и политико-культурную интеграцию религиозных мусульман; вытесненные на социальное дно они неизбежно станут средой, подпитывающей скрытое недовольство общественным и политическим порядком принимающей страны или новой родины. В крайнем случае правовая и общественная дискриминация женщин, носящих головной платок, может даже способствовать возникновению агрессивной оппозиции существующей «системе».

5. Толерантность по отношению к головному платку как общественная и политическая интеграция консервативных мусульман

Альтернативой маргинализации женщин, носящих головной платок, была бы стать стратегия деполитизации головного платка посредством общественной толерантности и одновременно с этим борьба с исламистскими устремлениями использовать головной платок как политический инструмент. Таким способом удастся углубить водораздел между религиозными и традиционными мусульманами, с одной стороны, и исламистами-догматиками – с другой, вместо того

чтобы толкать первых в объятия вторых, поскольку запрет на профессиональную деятельность мусульманок, носящих головной платок, создает для исламских фундаменталистов прекрасную возможность агитации. В любом случае было бы правильно провести исследования, которые помогут выявить намерения самих мусульманок, носящих платок, а также отношение школьников, особенно мусульман, к ношению учителями головного платка. Если выяснится, что очень многие мусульманки носят головной платок против своей воли и под давлением семьи и друзей, то есть втайне могут рассматривать закон о ношении головного платка как поддержку своего личного стремления к эмансипации, то можно, не затягивая, запретить ношение головного платка. Обычно кажется, что мусульманки носят головной платок добровольно, сознательно следуя ожидаемому семьей образцу поведения, иногда даже против воли братьев, партнеров или отцов. Если же окажется, что ношение головного платка учительницами из мусульманских семей способствует не только принуждению девушек носить платок, но и заставляет их следовать нарушающим права человека образцам поведения, тогда ввести запрет было бы даже более рекомендовано, чем в случае отсутствия зависимости подобного принуждения от мнимых школьных образцов поведения, цель которых – угнетение женщин и девушек. И наоборот, социально успешные, политически и общественно эмансипированные мусульманки, носящие платок, могли бы служить образцом современной эволюции консервативной мусульманской среды. И дело не в головном платке, а в поведении тех, кто его носит.

Если исследование покажет, что головной платок рассматривается мусульманками преимущественно как религиозный, этнонациональный или традиционно миссионерский символ противоправной гендерной политики и политики в отношении женщин и что мусульманки иногда даже носят платок определенного цвета и формы, а также определенным способом, то в таком случае тоже следовало бы задуматься о введении запрета. Использование головного платка для достижения противоправных целей отдельными организациями и людьми, напротив, не должно стать поводом для запрета. Тот факт, что некоторые социал-демократы предпочитают в одежде красные цвета, а некоторые сторонники СвДП – желтые и демонстративно носят их, в том числе и в школе, не должен привести к запрету политически значимых цветов в одежде преподавательского состава. Дисциплинарное наказание возможно лишь в тех случаях, когда предмет одежды используется для агитации. При этом определяющими должны быть очевидные намерения того, на ком такая одежда, а не восприятие ее теми людьми, которые в предмете одежды красного цве-

та видят влияние социал-демократов, а в головном платке – ислама. Правые радикалы часто демонстрируют свои политические воззрения тем, что выбривают себе голову. Если бы с правыми радикалами боролись с помощью предписания для лысых учителей обязательно носить парик, это было бы не менее глупо, чем борьба с исламским фундаментализмом посредством запрета учительницам носить головной платок.

Дальнейшее исследование должно показать, как школьники и школьницы реагируют на учительницу в головном платке. По всей видимости, у многих учеников нет трудностей с толерантным восприятием такого платка как выражения индивидуального мировоззрения, они привыкли к тому, что у учителей бывают свои индивидуальные особенности. Школьники также привыкли к тому, что учителя показывают им портреты людей, знакомых им по плакатам и брошюрам политических партий и ассоциирующихся с определенной политической программой. В демократическом обществе показное политическое, этническое и религиозное разнообразие, в том числе и в школе, легко сочетается с запретом политической, этнической и религиозной пропаганды и индоктринации. Мусульманки, носящие головной платок, должны приветствоваться в школе как большой шаг к социальной интеграции мигрантов и новых граждан, поскольку могли бы послужить образцом того, как сильно они способствуют социализации в демократическом обществе, образованию и стремлению мигрантов к достижению результатов и восходящей социальной мобильности. Эти люди чаще всего происходят из менее образованных семей, они выросли не просто в традиционных обществах с соответствующими отношениями, но зачастую в авторитарных или диктаторских государствах. Признание нового религиозного и этнического разнообразия можно рассматривать как условие успешной политической и социальной интеграции новых меньшинств; в то время как вынужденная и символическая, но в конечном счете неудачная ассимиляция, напротив, может привести к социальной и политической маргинализации мигрантов и создать источник будущих этнонациональных конфликтов в Германии и Европе в целом.

За данным решением проблемы стоит рассуждение о том, что к головному платку относятся так же, как и к другим допускаемым предметам одежды, в том числе перенятым из других культур. Если бы законодатели захотели, чтобы современное, либерально-демократическое понимание человеческого достоинства, отношений между полами, эмансипации женщин, сексуальности и основных прав человека у учеников формировали только те учительницы, которые готовы обнажить свои икры и колени и вести урок в юбке,

не доходящей до колен, то такой закон точно был бы воспринят как наглое политическое вмешательство в личное пространство женщин и покушение на их личные права. Конечно, нельзя утверждать, что любая учительница, которая не носит короткие юбки, является носителем устаревших взглядов на отношения между полами и противоречащих основному закону представлений о свободе и отношениях между мужчинами и женщинами. Наше общество нормально относится к тому, что некоторые учительницы не хотят обнажать свои икры и колени перед учениками и поэтому носят брюки или длинные юбки, почему же нельзя научить общество терпеть то, что некоторые женщины не хотят показываться перед учениками с непокрытой головой. Несомненно, что женские волосы часто привлекают мужское внимание. Одни женщины хотят использовать головной платок для того, чтобы защититься от настойчивости некоторых мужчин, другие с этой же целью не носят короткие юбки или одежду, подчеркивающую фигуру.

Стоит, однако, предпринять целый ряд мер, чтобы избежать использования исламистами головного платка в своих целях. Например, открыть специальные учреждения для женщин и девушек из мусульманских семей, которые терпели притеснения родственников, не разрешавших им пользоваться привычными для демократического общества правами и свободами, такими как, например, добровольное ношение платка. К этому ряду мер также можно отнести объявление о связи между демократическими, не носящими и носящими платок мусульманками. Действенными оказались бы и публичные выступления мусульманок против принудительного ношения платка в их странах, а также против требования разрешения головного платка в некоторых государствах (например, в Турции) как стадии, предшествующей принудительному ношению.

Присутствие в составе населения Франции большого числа арабов, турок – в Германии, пакистанцев и индусов – в Великобритании обусловило появление в Западной Европе многочисленных этнорелигиозных общин, которые, по всей видимости, не смогут ассимилироваться в такой степени, чтобы принять христианство и превратиться в этнических французов, немцев или англосаксов, даже если языковая ассимиляция пройдет успешно. Ожидания социальной и политической интеграции иммигрантов, а также их принуждение к освоению языка коммуникации страны нужно четко отличать от несбыточных ожиданий ассимиляции. Социальной и политической интеграции нужно помогать толерантностью по отношению к этнорелигиозным и культурным различиям. Толерантность по отношению к головному платку может стать важным символом подобной интеграционной политики.

6. Запрет на ношение головного платка как бегство от реальных задач интеграции

Немного свидетельствует о том, что обрисованная в лекции политика интеграции, сторонники которой пытаются для достижения успешной социальной и политической интеграции и для осуществления равноправия полов привлечь на свою сторону носящих головной платок мусульманок-матерей и воспитательниц, смиряясь при этом с их религиозно-культурными потребностями, в обозримом будущем встретит широкую поддержку немецких и европейских политических партий. Таким образом, можно рассчитывать на распространение в Европе запрета на профессиональную деятельность не только для исламисток, но и для консервативных религиозных мусульманок. Германия, основывающаяся на федеративном принципе в вопросе о ношении головного платка в школе или на государственной службе, может разделиться на те земли, где оно запрещено, и на те, где оно разрешено. В апреле 2004 г. федеральная земля Баден-Вюртемберг первая издала закон, запрещающий учителям носить в школе головной платок. Затем до 2006 г. ее примеру последовали Нижняя Саксония, Саар, Гессен, Бавария, Берлин, Бремен и Северный Рейн-Вестфалия. Пять новых федеральных земель и Гамбург толерантно относятся к ношению головного платка, остальные федеральные земли решение пока не приняли. Есть доля вероятности, что законы, предоставляющие привилегии христианско-иудейской символике в одежде, не будут утверждены Федеральным конституционным судом. В таком случае стремящиеся к введению запрета на ношение платка правительства ХДС/ХСС будут стоять перед выбором: что для них важнее – сохранение христианских символов и смирение с исламскими (к чему склоняется Ватикан и высокопоставленные представители иудаизма) или же запрет на ношение головного платка и вместе с ним на ношение заметных христианских символов на теле государственных служащих.

Законы некоторых федеральных земель, касающиеся запрета всех религиозных или только мусульманских символов в школах, порождают новую проблему. Эти законы зависят от парламентского большинства, которое в демократических странах может меняться. Запрет на ношение религиозных символов в некоторых общественных местах может оказаться в зависимости от решения парламентского большинства, меняющегося от созыва к созыву. Это приведет к правовой нестабильности положения государственных служащих, носящих головной платок или нательный крест, что мы уже видели на одном примере, также может сложиться такая ситуация, что появят-

ся поколения государственных служащих, которые носят головные платки, и поколения, которые его не носят. Необходимость поддержания равных жизненных условий в ФРГ может заставить Федеральный конституционный суд распрощаться с принятым в сентябре 2003 г. решением в пользу принципа федерализма.

Независимо от правового вопроса после получения немецкого гражданства сотнями тысяч мусульман, обладающих избирательными правами, и секуляризации христианской части общества перед ХДС/ХСС встанет вопрос: скажутся ли последствия данных процессов не только на политической программе, но и на названии консервативной, частично либеральной и социальной партии, если она не хочет сократить свой круг избирателей? После выборов 2002 г. говорили, что более сотни тысяч немцев турецкого происхождения (из берлинского избирательного округа Кройцберг-Фридрихсхайм) сыграли решающую роль в том, что поддержали зелено-красную коалицию, а ПДС не набрала нужного количества голосов и покинула бундестаг. Вообще немцы турецкого происхождения, как и остальные мигранты, должны были быть скорее консервативными, чем леволиберальными или социал-либеральными. Можно предположить, что они будут голосовать за левую партию до тех пор, пока последняя способна уравнивать правовой статус мигрантов со статусом коренных жителей. Тогда те стратеги ХДС/ХСС, кто ориентируется на результаты, будут стремиться способствовать правовой и политической интеграции мусульман и завлекать их в ХДС/ХСС, что приведет ее к превращению в консервативную, социальную и либеральную поликонфессиональную народную партию и когда-нибудь к ее переименованию. После большой потери голосов ХДС/ХСС на выборах в бундестаг в сентябре 2009 г. звучали громкие жалобы многих исповедующих католицизм консервативных постоянных избирателей ХДС/ХСС о ее уклоне в либерализм и социал-демократизм, что привело к усилению христианско-католической ориентации партии.

Современное общество ни в коем случае не гомогенно, оно состоит из сотен «параллельных обществ» или субкультур, которые образуют одно общество, лишь частично пересекаясь между собой. Отдельно друг от друга живут католики и протестанты, аристократы и рабочие, менеджеры и безработные, гомосексуалисты и гетеросексуалисты, спортсмены и люди, не занимающиеся спортом. Отдельное существование мусульманских семей, в которых девушки и женщины носят головной платок, не более опасно для существования общества, чем образ жизни монахов и монахинь. Для существования общества решающими тем не менее являются пересечения субкультур, прежде всего – соблюдение общих основополагающих, не противоречащих

закону образцов поведения большинством представителей субкультур или «параллельных обществ», существующих в современном обществе. Поскольку многие мигранты-мусульмане родом из недемократических традиционных обществ, то, конечно, перед ними стоит особо острая социальная проблема, для решения которой требуются способности к интеграции не только со стороны мигрантов, но и со стороны коренных жителей.

Как и большинство людей, с точки зрения целесообразности преобладающая часть мусульманок должна приспособиться к существующей правовой ситуации и ношению головного платка предпочесть желаемое рабочее место. Другие переедут в те федеральные земли, где можно сочетать работу и ношение головного платка. Меньшинство, состоящее из принципиальных женщин с сильным характером (будь то либералы, выступающие за права человека или консервативные исламистки), широко поддерживаемые мужчинами, будет продолжать оказывать правовое и политическое сопротивление запрету женщинам заниматься некоторыми видами профессиональной деятельности.

СТРУКТУРЫ КОНФЛИКТА И СОТРУДНИЧЕСТВА НА ВОСТОКЕ ЕВРОПЫ

Краткое содержание

Данная лекция представляет собой квинтэссенцию моей прощальной лекции, которую я в последний раз прочитал в качестве заведующего кафедрой политических наук и современной истории университета в Мангейме и преподавателя высшей школы 5 июля 2005 г. Эта лекция была доработана лишь к окончанию четырех семестров, в течение которых я преподавал во Франкфурте.

Анализ уникальных исторических событий, а также устойчивых структур и моделей протекания процессов требует применения различных исторических и социологических методов, учитывающих неповторимость событий и устойчивость структур. История общества и историческая социология являются двумя подходами, которые не полностью совпадают и по-разному сочетают анализ событий и анализ структур. Их сочетание можно обозначить как социоисторический или общественно-исторический подход.

В эпоху народного суверенитета можно наблюдать как сильную тенденцию к длительному сохранению мира, так и тенденцию к законному или незаконному массовому уничтожению людей, особенно в форме войны или геноцида. Разумно понимать установление мира не как структурное решение конфликтов и их прекращение, а исключительно как регулируемую и как можно более ненасильственную динамику конфликтов и сотрудничества.

В европейской политике связь между пространственным и общественно-политическим измерением рассматривается по-разному. Можно наблюдать историческое изменение деления Европы на Северную и Южную, затем на Западную, Центральную и Восточную и, наконец, на Западную и Восточную. Неустойчивость государств в Восточной Европе способствовала росту этнического и имперского национализма, затруднившего возникновение в этом регионе национальных государств. Образование национального государства ни в коем случае не завершается передачей военных и экономических

функций супранациональным* государственным учреждениям; с военной и экономической интеграцией Европы потребность в существовании национально-культурных различий и их гарантии национальным государствам даже возрастает. Это ограничивает способность демократической Европы к интеграции, а также масштабы последней, причем Европа еще долгое время будет представляться как нечто среднее между преимущественно конфедеративной (единой) Европой и федеративной (объединенной) Западной Европой и в то же время всей Европой с новой внутренней, по возможности открытой границей, разделяющей Восток и Запад. В связи с этим было разумным попытаться реорганизовать Мангеймский центр социальных исследований Европы так, чтобы предметом его изучения был не только Европейский союз, но вся Европа, что, к сожалению, не удалось.

1. Прощальная лекция? Приветственная лекция!

Настоящая лекция представляет собой квинтэссенцию и во многих отношениях переработанный вариант моей прощальной лекции, которой я завершил свою деятельность преподавателя высшей школы, проработав в ней шестьдесят семестров. Эту лекцию я прочитал 5 июля 2005 г., перед уходом с должности заведующего кафедрой политических наук и современной истории Мангеймского университета, а доработал ее лишь сейчас, 4 июля 2011 г., к окончанию четырех семестров лекций во Франкфуртском университете. В данном тексте вы не найдете моих личных впечатлений от преподавания в высших учебных заведениях или выражений благодарности моим франкфуртским или мангеймским коллегам. Летом 2005 г. лекция должна была завершить мой постоянный курс «Структуры конфликта и сотрудничества нашей эпохи». В ней я впервые попытался синтезировать свои неоднократно повторявшиеся и варьировавшиеся серии мангеймских лекций («Введение в новейшую историю – противостояние коммунизма и либеральной демократии в XX веке», «Развитие международного общества», «Война и мир в международном обществе» и «Образование национальных государств в Западной и Восточной Европе»).

Эту прощальную лекцию я воспринимал и как выступление по случаю вступления в должность, открывающее ряд лекций на тему

* От *supranational* (нем.) – надгосударственный, наднациональный. (Прим. ред.)

«Спорные политические вопросы с точки зрения современной истории», которые я хотел начать читать после ухода из активной университетской жизни. Чтобы подготовить самого себя и слушателей (молодых студентов и людей преклонного возраста), я начал читать этот неисчерпаемый курс лекций еще в мае 2004 г. С октября 2009 г. я продолжил его во Франкфурте-на-Майне, где с 1975 по 1993 г. был профессором на кафедре политологии и политической социологии и с 1971 по 1990 г. сотрудничал с Гессенским фондом исследования мира и конфликтов (HSFK).

В настоящей лекции мы отойдем от нашего принципа концентрации на одном спорном политическом вопросе и привычного построения лекции. Я хочу постараться обобщить главные результаты своих исследований, посвященных истории и обществу, политическим, порождающим войны конфликтам, Европе и особенно Восточной Европе, что, конечно же, является отчаянным предприятием. В достаточно узких рамках лекции можно изложить всего лишь несколько, правда, в определенной степени нетривиальных точек зрения.

Сегодня я не только прощаюсь со своей профессиональной деятельностью, но и Мангеймский университет на годы, а возможно даже навсегда, прощается с исследованиями Восточной Европы, поскольку еще много лет назад факультет принял решение, что тот, кто сменит меня на посту заведующего кафедрой, не будет специалистом по Восточной Европе, так как вторая кафедра новейшей истории стала жертвой десятилетнего целевого соглашения о плановом сокращении финансирования, заключенного между министерством и университетом. К тому же бывший ректор, объявивший об открытии ставки для профессора, специализирующегося на истории Восточной Европы, не смог бы покрыть расходы на нее. Наконец, из-за того, что университет деградирует до уровня высшей экономической школы, славистика также находится в упадке. Печальным следствием этого процесса стало, например, то, что студенты-экономисты лишились блока дисциплин, включающего в себя изучение культуры. В университетах полным подражанием является смена доктрины преподавания экономических дисциплин: произошел переход от стремления охватить как можно больше аспектов к концентрации на одном предмете. В подобных условиях мне не удалось создать в Мангеймском университете прочную и долговечную институциональную основу для совместного исследования Восточной Европы славистами и историками. Неудачно закончилась также попытка привлечь коллег из Мангеймского центра социальных исследований Европы (MZES) к опирающимся на современную историю социальным исследованиям, которые не были бы ограничены рамками Ев-

ропейского союза, а фокусировались бы на всей Европе. В конечном счете мангеймское отделение политологии во имя экономического профиля решило отказаться от принятого еще в сентябре 1949 г. в Вальдлайнинге деления политологии на пять сфер: внутренняя политика (учение об управлении), внешняя политика (международные отношения), история политических учений (политические теории), политическая социология и новейшая история. При этом история политических учений из учебного плана была вычеркнута, а значение новейшей истории сильно упало. Прощание со своими мечтами об исследованиях Восточной Европы, которые я лелеял с октября 1993 г., было и остается для меня болезненным. В данной лекции я хочу обозначить взгляд на социальные исследования всей Европы (в том числе Восточной) с точки зрения политологии и новейшей истории, обращая при этом как к компаративистике, так и к процессу европейской интеграции, как это было предусмотрено первой программой исследований Мангеймского центра социальных исследований Европы. В лекции отражены также некоторые точки зрения, которые были ведущими для основанного в 1992 г. во Франкфурте-на-Майне Центра исследований структур конфликта и кооперации в Восточной, Центральной и Южной Европе и Евразии (FKKS) и ставшие в Мангейме основным предметом исследования структур конфликта и кооперации в Восточной Европе. Средняя Азия при этом из поля зрения была исключена.

2. Основные черты социоисторического подхода

Темой сегодняшней лекции станут не только структуры конфликта и кооперации, возникшие в Восточной Европе после падения коммунистических режимов, но и общий в контексте новейшей истории взгляд на Восточную Европу «от Чехии до Чечни», как с добродушной иронией любил говорить один мой коллега. При этом мы можем подробно остановиться лишь на нескольких структурах конфликта и кооперации и осветим только основные линии конфликта и разлома (cleavages) этой части света. Мы сразу должны признать, что систематическое изучение сотрудничества сильно урезано ради изучения конфликтов.

Для начала наметим некоторые общие черты социоисторического (или общественно-исторического) исследовательского подхода. Он состоит в стремлении сочетать используемый в социальных науках структурный анализ международного общества с анализом исторических событий, применяемым исторической наукой. Весьма тяжело

мыслить в четырех измерениях: как в природном, так и в социальном пространстве, принимая во внимание ход и объективного, и социального (исторического) времени. Структурный анализ не учитывает как изменения, происходящие со временем, так и уникальность элементов структуры, анализ событий не принимает во внимание непрерывность структур, а также сходства и различия событий, которые структурно связаны между собой. Таким образом, они доступны для синхронного, диахронного и стадиального сравнения. Предметом стадиального сравнения выступают одинаковые стадии развития в разное время и в разных пространствах. Особо показательно и продуктивно подобное исследование Мирослава Гроха, посвященное национальным движениям в Европе*.

В силу необходимости мы мысленно опускаем в исследовании либо рассмотрение исторического события с его особыми характеристиками и причинами, либо непрерывность структур, образуемых совокупностью различных событий. В связи с этим мы можем освещать оба аспекта исследования лишь последовательно, сначала один, затем другой. Либо мы анализируем войну в Косово вместе со свойственными только ей формами протекания, причинами и последствиями, либо мы исследуем совокупность войн и их причин, абстрагируясь от особенностей каждой отдельной войны. Однако при социоисторическом подходе возможно перекинуть мостик между социологической и исторической наукой (или точнее, между политологией и новейшей историей), поскольку этот подход сочетает анализ структур и анализ событий. Именно поэтому название моей кафедры – кафедра политической науки и новейшей истории – было постоянным интеллектуальным и методологическим вызовом.

В науках социальных и в тех науках, которые специализируются на специфической политической сфере общества, в наше время, к сожалению, царит широко распространенный антиисторизм и презентизм, игнорирующий историческую обусловленность социальных и общественных феноменов, в то время как в последние десятилетия исторические науки, наоборот, успешно расширили свою методологию и теоретическую базу социально-историческими исследованиями. Историческая социология и историческая политология находятся пока лишь в стадии зарождения. Социологические и политологические теории часто понимаются как прогнозы и руководство к действию; последнее критически настроенные историки счи-

* См.: Hroch M. *Social Preconditions of National Revival in Europe* (Социальные предпосылки национального возрождения в Европе) (1985, 2000). (*Прим. ред.*)

тают невозможным, в то время как другие хотят вывести из истории «урок на будущее» или даже утверждают, что история сама дает нам уроки. Прогнозы являются неотъемлемой составляющей анализа новейшей истории (что будет обосновано далее); руководства к действию должны быть строго отделены от научного анализа, поскольку они несут сильный отпечаток личных политических предпочтений. Я всегда стремился к данному разведению политики и политологии. Как гражданин я являюсь несущим политическую ответственность субъектом, как ученый я должен следовать принципу как можно более точного анализа и обоснованного синтеза.

Однако ученые пользуются в основном тем же языком и теми же словами, что употребляются в повседневной бытовой и политической жизни общества. Тем не менее научные термины, в отличие от слов, употребляемых в повседневности, не могут иметь неточного значения, часто меняющегося в зависимости от говорящего и времени. Они должны обладать как можно более точной и однозначной сферой употребления, ясным содержанием и объемом, которые не совпадают с узусом в бытовой речи. По определенным соображениям в социальных и исторических науках (в отличие от естественных и технических) не существует национального или международного органа, в компетенции которого находилось бы формулирование дефиниций. Поэтому каждый ученый должен по возможности четко и ясно давать определение понятий, заимствованное у других или сформулированное самостоятельно. Однако социоисторический подход не предполагает, что ученый должен становиться самодуром, произвольно дающим дефиниции и решающим, с помощью каких слов будет толковаться термин, вводимый им в научный оборот.

Научные термины, такие как демократия, социализм, либерализм, коммунизм, нация, государство, народ, конституция и т. д., должны вырабатываться – в рамках социоисторического подхода – не только для того, чтобы облегчить общее понимание (будучи учеными, мы должны постоянно стараться излагать наши мысли доступным народу языком, поскольку наука выполняет общественную функцию и не должна скатываться до того, чтобы быть самоцелью), но и потому, что использование научных понятий в понятийном контексте научного и бытового языка, где они несут нормативную и эмоциональную нагрузку, неизбежно имеет свои последствия. Обычная убежденность ученого в том, что введенное им понятие нейтрально по отношению к ценностям, не снимает с него ответственность за недопонимание, которое возможно было предотвратить. Хотя формулирование понятий в рамках социоисторического подхода зачастую не может привести к сходству различных абстрактных научных теорий, оно решительно

ограничивает разнóбой произвольно и индивидуально сконструированных понятий. При этом не стоит оспаривать напоминание конструктивизма о древней идее о том, что все единицы общества, такие как нации, государства, народы, классы, социальные слои, порождены человеческим восприятием (воображением), а в реальности их не существует. Однако научные конструкции должны учитывать исторический контекст развития общества.

Для того чтобы объяснить исторические события, сначала мы должны как можно более точно изучить их эмпирически и описать. Используемые для этого термины находятся в осознанно или неосознанно воспринимаемом теоретическом контексте и должны в этом контексте объясняться. Но, например, общая теория войн не может в достаточной мере объяснить Вторую мировую войну или войну в Косово. Гораздо важнее выявить многочисленные факторы, вызвавшие определенную войну, изучая как можно большее количество доступных источников. Некий Карл Маркс однажды заявил, что он не марксист и что многие студенты воспринимают марксизм только как предлог, чтобы не изучать историю, однако хотят объяснить последнюю марксистской теорией. Мне кажется, многие социологи тоже используют свои теории, например, теорию трансформации Восточной Европы, в свою очередь, как предлог, чтобы не изучать историю исследуемых ими социальных процессов. Это, конечно, может сэкономить время и снизить затраты, поскольку в таком случае нет необходимости изучать язык и страноведение, но в большинстве случаев подобная тактика не приносит новых знаний. Тот, кто выбирает социоисторический подход при изучении политических тем, должен быть готов к тому, что в глазах многих коллег-историков он будет не настоящим историком, а скорее политологом, а с точки зрения коллег-политологов не станет настоящим политологом и так и останется просто историком.

3. Социальные и сегментные структуры конфликта и сотрудничество

Современное человеческое общество вертикально подразделяется на группы, слои и классы, располагающиеся на социальной лестнице выше или ниже один другого (стратификация) и в то же время горизонтально делится на расположенные рядом сегменты: континенты, культурные круги, государственные объединения, государства, нации, этносы и религиозные конфессии, если мы хотим назвать самые основные (сегментация). Вертикальная стратификация и го-

горизонтальная сегментация в сложной социальной реальности часто накладываются друг на друга, но остаются аналитически различаемыми. Линии раздела между социальными (в узком смысле – отношения между социальными группами, занимающими разные ступени на социальной лестнице) и сегментными (расположенными рядом) общественными единицами часто являются линиями конфликта или даже линиями разлома (cleavages), через которые при определенных обстоятельствах – благодаря сотрудничеству – можно перекинуть мостик.

Конфликт и сотрудничество часто рассматриваются как противоположности. В традиционной социологии, сосредоточенной на социальной гармонии, конфликт был фактором, нарушающим общественный порядок. Конфликт считался тем, чего нужно избегать. В 1961 г. Ральф Дарендорф в своей статье «Элементы теории социального конфликта», совершившей переворот в социологии, изложил противоположную точку зрения, согласно которой конфликт рассматривается как неотъемлемая часть любого общества и двигатель общественного прогресса. В то время как либеральное и демократическое общество принимает конфликт и тем самым может его урегулировать, подавление и отрицание конфликтов когда-нибудь приведет к их деструктивной эскалации. Р. Дарендорф был склонен считать конфликты естественными для человеческих отношений и потому отвергал понятие «решение конфликта», в связи с чем понятие «кооперация» не играло в его рассуждениях о социальной теории никакой роли.

Эксплицитно согласованные или имплицитные, возникшие в результате привычки и взаимного приспособления правила игры, сглаживающие конфликт, предполагают общественное сотрудничество между конфликтующими сторонами. Даже холодную войну удалось удержать от перерастания в войну кровавую благодаря тому, что между антагонистами существовали различные формы эксплицитной и имплицитной кооперации, поскольку у обеих сторон был общий интерес – предотвращение Третьей мировой войны. Реальные события определяются кооперативной регуляцией конфликта, а также вызванной конфликтом кооперацией между социальными единицами, которые преследуют свои особые интересы, а не категоричным противопоставлением конфликта и сотрудничества.

Следует различать два типа конфликтов. Существует бесчисленное количество отдельных конфликтов, которые действительно решаются окончательно, то есть после решения перестают существовать, либо потому что изначально конфликтовавшие стороны перешли к устойчивому сотрудничеству, либо потому что они расходятся так, что больше между ними не будет столкновений (если мы как ва-

риант исключим человеконенавистническую форму полного уничтожения одной стороны конфликта). Но есть также и не ограниченные по времени структурные конфликты, решение которых невозможно или нежелательно в рамках общественной системы, существующей многие столетия. Например, либеральная демократия основана на том, что политический конфликт вокруг власти между политическими партиями никогда не будет и не должен быть окончательно решен, наоборот, после временного разрешения конфликта и установления выбранного парламента и правительства он должен продолжаться и каждый раз обновляться, что делает возможным политический и общественный прогресс. Даже если та или иная партия исчезает с парламентской арены, то в продолжительный конфликт вокруг ограниченной по времени политической власти вступают новые партии. То же самое относится и к социальному конфликту между капиталом и трудом в социальной рыночной экономике, даже если предприниматели функционально замещены наемными менеджерами. В рыночной экономике ни одна из конфликтующих сторон не должна одержать победу, означающую решение конфликта или его предполагаемое окончание. Между ними должен устанавливаться временный социальный мир. Подобные структурные конфликты не должны решаться, их следует только регулировать.

Существует еще третья форма конфликтов, которые не могут быть решены и к окончанию которых нет необходимости стремиться, это сегментные конфликты (международные, внутринациональные, между религиозными общностями и другие). Политические конфликты – конфликты, причиной которых становится желание изменить общественное бытие. Социальные конфликты – конфликты, вызванные неравным социальным статусом групп людей. Сегментные конфликты затрагивают горизонтальную социальную стратификацию. В социально-исторической реальности сегментные и социальные конфликты часто пересекаются, например, при борьбе за международное господство или при этносоциальных столкновениях. Целью международного права и политики мира не может быть окончание и устранение конфликтов между соседствующими группами людей, их целью является подчинение этих групп определенным регулирующим, цивилизованным правилам поведения для того, чтобы избежать массового военного истребления людей. Сюда же в определенной степени относится негласное или согласованное сотрудничество.

Коммунистическая партийная система развалилась через несколько поколений не в последнюю очередь по этой причине, поскольку она опиралась на тоталитарное понимание мира, сторонники

которого стремились к установлению полной гармонии в обществе, из-за чего неизбежные общественные конфликты только грубо подавлялись с помощью насилия, но не выносились на открытое общественное обсуждение. Однако этой системе удалось на протяжении жизни всего двух или трех поколений настолько нивелировать социальные различия в обществе, что при крахе коммунистического режима обычные социальные конфликты между нижними и верхними общественными слоями играли незначительную роль по сравнению с политическими конфликтами, затронувшими все слои, особенно с сегментными конфликтами. Нигде на Востоке не существовало опасности социальной, гражданской войны, но была опасность, что начнется несколько этнонациональных гражданских войн.

В нашу эпоху государственно-национальные и этнонациональные конфликты – наряду с социальными, классовыми – были наиболее кровавыми, находившими свое выражение в гражданских и межгосударственных войнах, а также социальных и национальных массовых убийствах. По подсчетам Рудольфа Дж. Руммеля в период с 1900 по 1987 г. во всем мире около 170 миллионов человек стали жертвами организованных государством массовых убийств или демоцида, то есть геноцида, политицида (уничтожение политических противников) и, стоит добавить, социцида (классового убийства). Число жертв массовых убийств превышает число жертв войн за тот же исторический период. Примечательно то, что в социальных науках, а также при исследованиях мира и конфликтов массовым убийствам уделяется гораздо меньше внимания, чем войнам. В то время как многие социальные, классовые конфликты первой половины XX в. трансформировались в тарифные конфликты и стали, как и политический конфликт борьбы за власть, достаточно легко регулироваться и сглаживаться, а также обрели правовые основания. Трансформация, регулирование, сглаживание и правовое обоснование национальных, прежде всего – этнонациональных конфликтов, до сих пор удавались лишь частично, поэтому войны и геноциды и в настоящее время играют большую роль.

С другой стороны, невозможно не заметить тенденции к установлению на планете длительного мира. Важным шагом на пути к этому стало основание таких институтов, как Лига Наций и Организация Объединенных Наций, затем распространение «международных режимов» и соблюдение норм международного права, а также развитие у людей с разных уголков планеты космополитического сознания. Многие говорят о том, что кантовское предсказание постепенного распространения гарантированного нормами международного права мира не так уж и необоснованно. Однако ученые не могут предсказать,

какая из двух тенденций победит: возрастающее истребление людей людьми или деятельность организаций, способствующих миру на всей планете. Сегодня мы должны смириться с тем, что с точки зрения истории существует вероятность омницида, то есть уничтожения небольшой группой людей всех остальных – намеренно или случайно. Как историки и социологи мы должны уделять больше внимания тому, что люди могут действовать нерационально, как ставя перед собой цель, так и при выборе нерациональных методов для достижения этих целей. К сожалению, исследование и создание теории о *irrational choice*^{*}, совершаемом людьми, еще не развиты.

4. Новейшая история как история эпохи народного суверенитета

Каждая страна и каждый ученый по-своему проводит границу между современной (новейшей) историей (*Zeitgeschichte*, *contemporary history*, *histoire contemporaine*) и всей остальной. В отличие от связанного со сменой поколений «плавающего» понимания современной истории как лично пережитой истории, ее можно также понимать как термин, обозначающий определенную эпоху. В таком случае, это исторический период, в котором господствует определенная тема и проблема современности. В самом узком смысле слова настоящее – это доля секунды между прошлым и будущим. В обычной речи, а также в социальных и гуманитарных науках под настоящим понимается временной отрезок, включающий как часть прошлого, так и часть будущего. Если мы, например, сегодня, 4 июля 2011 г., скажем, что в настоящее время в ФРГ у власти находится христианско-демократическая и либеральная коалиция во главе с канцлером Ангелой Меркель, то мы подразумеваем, что она правила как вчера или несколько месяцев назад, так и, по всей вероятности, будет править завтра и несколько месяцев спустя. В этом смысле продолжительное настоящее, состоящее из недавнего прошлого и ближайшего будущего, отделяет нас от отдаленного, завершенного прошлого и отдаленного, еще не начавшегося будущего.

Прошлое является определенным и завершенным, даже если оно не изучено или не может быть изучено полностью, прежде всего потому, что мы не можем еще раз его пережить, а можем только строить о нем предположения, основываясь на найденных свидетельствах (источники, данные, артефакты). Тем не менее возможно отличить

^{*} Иррациональный выбор (*англ.*).

понимание истории, сконструированное в идеологических целях (чуждое реальности), от понимания, сконструированного в научных целях, то есть различать идеологическую и научную историографию. Будущее же, напротив, по своей природе не дает себя предугадать заранее в рамках определенных заданных историей общества «троп зависимости», как гласят недавние политологические исследования Пола Пирсона, посвященные проблеме исторически обусловленной ограниченности вариантов действия в той или иной конкретной ситуации. И хотя люди склонны к тому, чтобы идти по протоптанной дорожке, иногда они могут сознательно или неосознанно ступить на неизвестные тропинки, существование которых наука не может предсказать. Будущее не определяется прошлым, но испытывает его сильное влияние. В связи с этим обозримое будущее в рамках настоящего в форме гипотетических сценариев можно прогнозировать, но нельзя предсказать. О будущем, выходящем за пределы настоящего, можно лишь догадываться.

История прошлого однозначна и неповторима. Мы можем только спорить о том, каким был ход событий и как надо объяснять его в контексте причин и следствий. В споре о возможном будущем мы имеем дело с несколькими возможными вариантами развития событий в определенном месте и в определенное время, поэтому в системе наук современная история относится скорее к политологии и социологии.

В 1953 г. Ханс Ротфельс привел доводы, убеждающие, что современную историю следует понимать как всемирную историю. Согласно Ротфельсу, современная история началась с вступления США в Первую мировую войну и в мировую политику, а также с коммунистической Октябрьской революции в России (1917), оказавшей влияние на весь мир. С этого момента «современность» характеризовалась противостоянием либеральной демократии, поддерживаемой государственной властью, и тоталитарной диктатурой. Можно ли считать, что в 1991 г. с распадом коммунистической партийной системы в Европе и развалом Советского Союза эта «современная история» в целом завершилась, поскольку выжившие коммунистические режимы больше не претендуют на мировое господство?

Началось ли тогда новое время и новая «современность»? Аргументом против подобной точки зрения служит тот факт, что «короткий» двадцатый век (1917–1991), характеризующийся структурным сочетанием конфликта Восток–Запад и противостоянием либеральной демократии, с одной стороны, и коммунизма, а также националистических диктатур (фашизм, национал-социализм, японский милитаризм) – с другой, представляет собой отрезок более продолжительного исторического периода. Его можно понимать как исто-

рию борьбы за утверждение народного суверенитета, истоки которой восходят к политической мысли конца XVIII в. и которая благодаря Американской и Французской революциям стала историей образования государств и формирования обществ. Через весь XIX в. вплоть до начала XX столетия, а в некоторой степени и по сей день, через все страны пролегает граница конфликта между сторонниками идеи народного суверенитета и сторонниками суверенитета правителя.

Здесь мы предложим читателю краткий экскурс, посвященный учению о формах государства. Если говорить легко изменяемым языком традиционного, но все-таки уже ставшего непривычным учения о формах правления, линия фронта проходит между аристократической, то есть монархической (монархией или тиранией) или олигократической (аристократией или олигархией) формой правления, с одной стороны, и поликратической формой правления (демократия или охлократия) – с другой. Если, согласно учению Аристотеля о формах правления, три основных типа государства (господство одного человека, нескольких и многих или всех) вплоть до Нового времени подразделялись на подтипы (например, монархия и тирания) в зависимости от того, что являлось движущим мотивом для тех, кто находится у власти (общая польза или личная выгода), то сегодня для выделения разных форм государства представляется разумным выбрать другой критерий, который было бы легче подвергнуть научной и общественно-политической проверке, чем противопоставление личной выгоды и общего блага. Таким критерием могло бы стать соответствие нормам конституционного и правового государства. В таком случае тирания, иначе известная как деспотия, является произволом при игнорировании любых конституционных прав и прав человека, монархия же, напротив, правление одного человека в правовом государстве, законам которого он должен следовать. Точно таким же образом следует различать аристократическое (как сейчас говорят, элитарное) и олигархическое господство.

Народный суверенитет как суверенитет всех граждан, в свою очередь, может находить свое выражение в двух совершенно противоположных формах государства: власть народа, основывающаяся на нормах конституционного и правового государства (демократия) и произвольная, противоправная власть толпы (охлократия). Естественно, следует учитывать, что названные выше шесть основных типов в чистом виде в реальности не встречаются, а представляют собой смешанные формы, в которых обычно все же доминирует один из типов. Современной представительной демократии – наряду с

доминирующей властью народа – присущи значительные элементы аристократии и слабые элементы ограниченной по времени монархии. Охлократия, как правило, недолговечна, но в современности она способствует возникновению изначально желаемой и поддерживаемой народом автократии – как в форме современной олигократии (партократии или партийной диктатуры), так и в форме современной тираннии (диктатура вождя).

На первом этапе истории народного суверенитета борьба между сторонниками либеральной и демократической, а позже также социалистической и коммунистической республики, с одной стороны, и монархистами, с другой, часто обострялась вплоть до вооруженной борьбы; однако в течение десятилетий появились компромиссы-реформы в виде конституционной монархии, которая в итоге стала символической. Так называемая парламентарная монархия, согласно строгой классификации форм государства, больше не является правлением одного человека, она является демократией с монархической мишурой, где прилежный монарх хотя и выполняет важные консультирующую и интегрирующую функции, политическую власть не осуществляет. Конфликт между суверенитетом монарха и народным суверенитетом в Европе разрешился самое позднее после Первой мировой войны, в других регионах планеты он сохранялся дольше. В Восточной и Юго-Восточной Европе конец абсолютизму пришел в 1917–1922 гг. Причиной этого стало политическое оживление народных масс с последней трети XIX в., которое выражалось в создании массовых организаций, таких как профсоюзы, а также партии рабочих и крестьян.

Также следует принимать во внимание, что на протяжении этих десятилетий разгорались конфликты из-за расширения категорий населения, относимых к демосу, кругу активных граждан, который должен осуществлять власть народа. Эта борьба затронула пять элементов общественных структур. Поначалу только граждане мужского пола, обладающие имуществом и являющиеся главами семейств, считались способными распоряжаться общественным бюджетом как основой власти и имели на это право. В результате долгой борьбы мужчины, не обладавшие имуществом и жившие на жалование, добились активного гражданского права, а в завершение – и освобожденные рабы мужского пола. Далее, благодаря снижению возрастного ценза для обладающих активным и пассивным избирательным правом, демос расширился и включил в себя молодых людей. Наконец, в XX в. женщины также добились для себя всех гражданских прав, хотя еще в 1791 г. Олимпией де Гуж была опубликована Déclaration

des droits de la femme et de la citoyenne*», которая должна была стать противопоставлением правам человека (мужчины).

Идея народного суверенитета – изначально демократическая идея. Однако суверенный народ не обязательно будет демократическим, он также может основать желаемую народом народную автократию. Уже вскоре после Французской революции 1789 г. победил плебисцитарный бонапартизм Наполеона I, а после революции 1848 г. – Наполеона III. Еще в эпоху Французской революции наметилась новая конфликтная линия, в 1917 г. ставшая линией разлома в разных обществах и между государствами, разделяющая понимание народного суверенитета на либерально-демократическое (включающее понятие правового и конституционного государства) и демотическое. Последнее иногда может возникнуть на некоторое время по воле народа, а иногда даже посредством плебисцитов обеспечить себе мнимую легитимность. Однако народ всегда вскоре оказывается отстраненным от осуществления власти, и в стране возникает партийная диктатура или культ личности.

Если социалистическое движение на рубеже XIX–XX вв. хотело заменить либеральную демократию социал-демократией, то в России левая социал-демократия (большевики) поэтапно превратилась сначала в демократию Советов (январь 1918), затем в партийную диктатуру (март 1921) и наконец в диктатуру вождя (апрель 1934). Лишь после впечатляющей победы союзников – либерально-демократических государств и коммунистического Советского Союза – и последовавшей затем холодной войны стало понятно, что вступление в 1917 г. либерально-демократических США и большевистского, позднее коммунистического Советского Союза в мировую политику было событием, открывшим новую эпоху и имеющим значение для всемирной истории. Антагонизм между возникшими мировыми державами проявился в общественно-политических движениях либеральной демократии, для которой была характерна капиталистическая рыночная экономическая система, и бюрократического коммунизма с централизованной плановой экономикой. К горизонтальной, рассекающей все общества линии конфликта между демократическим и автократическим вариантами народного суверенитета, добавилась вертикальная конфликтная линия между Восточной и остальной Европой. Если эта новая, основанная на социализме, Восточная Европа первоначально состояла только из Со-

* Декларация прав женщины и гражданки (*франц.*).

ветского Союза, как в свое время царская Россия, то после 1944 г. она охватила Центральную Европу и Германию.

Третьим общественно-политическим движением, ставшим в XX в. государственной идеологией, были фашизм и национал-социализм, который на некоторое время переместил основной конфликт между двумя пониманиями народного суверенитета в иную плоскость и рассматривал себя в качестве мировой альтернативы как либеральной демократии, так и коммунизму, причем не как эманацию суверенитета и равенства народов, а как *suprema potestas** того или иного избранного народа. Таким образом, фашизм и национал-социализм как общественно-политические движения и политические режимы были частью современной борьбы за демократическое и демократически-автократическое понимание народного суверенитета.

Четвертый вариант народного суверенитета сыграл определенную общественно-политическую роль оппозиции главным образом в конце XIX в. и вплоть до начала 1920-х гг.: это был демократический социализм. Он никогда не мог стать решающим в истории в том смысле, что не мог оказывать влияния на политику государства, и в конечном счете он присоединился к левому, а затем к социал-капиталистическому, социал-демократическому крылу либеральной демократии, если не принимать в расчет мелкие и незначительные политические группировки социалистов-демократов и коммунистов-демократов. Еще более незначительными были многочисленные варианты анархического понимания народного суверенитета, отрицающие государство и власть.

После заката фашистского, национал-социалистского и коммунистического режимов многие наблюдатели, например, Фрэнсис Фукуяма, сочли эпоху противостояния демократических и диктаторских интерпретаций народного суверенитета завершенной и пришли к выводу, что начинается новая эпоха однозначной всемирной гегемонии либеральной демократии над реликтами додемократического и демократически-диктаторского режимов, вытесненных на периферию мировой политики. Однако вскоре стало понятно, что после 1991 г. просто начался новый большой, третий этап эпохи народного суверенитета, в котором демократическое понимание народного суверенитета стоит перед новыми вызовами мировой политики, представляемыми недемократическими, но все-таки демократическими, поддерживаемыми народными массами формами правления авторитарных меньшинств и вождей. Хотя они, в отличие от либераль-

* Высшая власть (*лат.*).

ной демократии, не могут претендовать на мировое господство, тем не менее находят широкий резонанс, в том числе в Восточной Европе. К подобным вызовам относятся современные исламские теократии, которые по своей сути поддерживаются не стремлением к власти религиозной элиты, а вдохновленными Богом и Кораном, но подчиненными общественным меньшинствам народами, то есть представляют собой варианты демотической диктатуры элит или отдельных лидеров. Даже национальные, уже не универсально обоснованные коммунистические диктатуры в Азии и Центральной Америке все еще являются антагонистами либеральной демократии в мировом масштабе, а кроме них – многие другие диктатуры отдельных лидеров или партий нового типа, например, возникшие в Восточной Европе после 1991 г. В заключение добавим, что существуют еще и досовременные режимы, которые не связаны с идеей народного суверенитета. По-разному интерпретируемая эпоха народного суверенитета еще далека от своего завершения.

5. Национализм и национальное государство как последствия народного суверенитета

С утверждением народного суверенитета начинается также история современного национализма, которую можно понимать как распространение идеи национального государства. Под национализмом в разговорном языке политологии часто понимается только агрессивный, воинственный, нетолерантный, проникнутый притязаниями на превосходство и господство своей нации вариант национального мышления и самоощущения, но национализм можно толковать таким образом, только если люди осознают функцию нормального, умеренного (Питер Альтер), то есть разделяемого всеми современными политически мыслящими людьми, признающих равенство всех наций национализма, называемого обычно в политической среде «здоровое национальное самосознание» или «патриотизм».

Функция национализма, понимаемого как идея национального государства, заключается в том, чтобы в эпоху народного суверенитета развить понимание того, какие люди образуют определенный народ или определенную нацию, считающую своим то или иное существующее государство или создающую себе новое. При этом представителями современного народа или современной нации становятся люди совершенно разного социального положения и регионального происхождения (инклюзивная или интегрирующая функция национализма), в то время как многие из них (народы или нации. – *Ред.*)

исключаются (исключающая, часто дезинтегрирующая функция национализма). Таким образом, национальное государство – это результат замены сословного государства народным, которое, согласно либеральным воззрениям, должно гарантировать равноправие всех граждан, а согласно социалистическому пониманию, привести к их социальному равенству. После пропаганды в 1792 г. Анахарсисом Клоотсом *république universelle** даже спустя две сотни лет осталась небольшая кучка сторонников идеи мирового народа, который включал бы в себя все человечество, а также идеи мировой нации, которая хочет жить в мировом государстве. Таким образом, народный суверенитет фактически остался суверенитетом отдельного народа или отдельной нации, который отделяет свой народ или свою нацию от остальных и преследует собственные интересы, отличные от интересов других народов или наций. Из-за несогласованности взглядов на то, какие люди должны или хотят относиться к определенной нации и на какую территорию для своего государства каждая нация имеет право претендовать, современное общество до настоящего момента пронизано линиями разлома, двести лет назад они стали линиями фронта разрушительной политической конфронтации и привели к многочисленным межгосударственным и гражданским войнам, а также к геноцидам.

В настоящее время народный суверенитет как национальный суверенитет означает, что легитимно только национальное государство, то есть государство, желаемое народом, ставшим нацией, не важно, является ли народ одноязычным или многоязычным, преимущественно моноэтничным или полиэтничным. Поскольку современная государственность в автономном или федеративном государстве может быть ступенчатой, возможно существование наций внутри нации, то есть наций, входящих в федеративное государство, и национальных государств в составе федерации. Нелегитимным, напротив, считается государство-империя, основанное на господстве над другими народами. В реальности это не исключает того, что многие современные демократические национальные государства несут в себе некоторые элементы империи, и что в них, с отсылкой на демократический принцип большинства, осуществляется имперское господство над национальными меньшинствами, которые очень хотели бы, чтобы населяемая ими территория отделилась от данного государства.

Идея государства, желаемого одной нацией, сложившейся на этнической или религиозной основе, более чем два столетия назад привела

* Мировая республика (*франц.*).

к возникновению нового сегментного типа линии разлома в организации государственных систем: национального. Она была необходима как для укрепления существующих государственных границ, так и для их устранения, но в первую очередь – для проведения новых границ. Кардинальные изменения государственности из-за введения принципа национального государства привели к возрастанию в мире количества стран с 51 в 1900 г. до 192 в 2000 г. В XX столетии каждые девять месяцев возникало новое государство. В XXI в. «уровень рождаемости» новых государств, предположительно, снизится, поскольку более крупные нации уже добились своей государственности, а более мелкие чаще всего слишком слабы, чтобы добиться успеха в создании собственного государства.

В Европе (отнесем к ней Южный Кавказ и Кипр) на сегодняшний момент, кроме пяти малых государств, существуют 45 крупных, даже если не считать не признанное на международной арене Косово. Только десять из этих государств возникли в результате превращения княжеств в национальные государства, иногда с потерей большой или даже огромной территории и населения. Только три национальных государства возникли в результате объединения нескольких: Швейцария, Италия и Германия. Все остальные 32 государства возникли благодаря национальному сепаратизму или сецессионизму, отделению области и ее населения от другого государства. Особенно сильно борьбой за разделение государства был задет восток Европы, поскольку в 1815 г. вся Восточная и Юго-Восточная Европа находилась под господством двух государств. Только в 1990/1993 и 2006/2008 гг. посткоммунистическая Восточная Европа, ранее состоявшая из девяти государств, разделилась на 24. За последние годы, за самый краткий исторический отрезок, возникло больше этнонациональных признанных государств, чем когда-либо ранее. Об окончании исторической эпохи образования национальных государств не может быть и речи.

Чем объясняется сильный государственный национализм в Западной и Северной Европе и его слабость в Центральной и Восточной? Население западных государств на протяжении многих веков было свидетелем исторической государственной преемственности королевств, границы которых оставались достаточно стабильными, поэтому за это время оно привыкло к государственности протонациональных королевств Великобритании, Португалии, Испании, Франции, Дании и др. В Центральной и Восточной Европе государства возникали и исчезали, но народы в определенной степени оставались. Не может быть универсального ответа на вопрос, что появилось раньше (было исторически первой единицей): государство или нация. Некоторые государства породили нации, некоторые нации –

свои государства. В Средние века и Новое время на западной и северной периферии Римской империи устойчивая государственность способствовала формированию государственных наций, обладавших высокой способностью к языковой и этнической ассимиляции, в Центральной и Восточной Европе неустойчивая государственность обусловила возникновение сильных этнических наций, которые часто воспринимали чужое господство как временное и считали, что его надо преодолеть, а с XIX в. научились с ним бороться. И хотя в конце XIX – начале XX в. правители царской России и Османской империи гораздо меньше, чем Габсбурги, пытались способствовать развитию имперского национализма (аналогично предпринятым в XVI в. и увенчавшимся успехом попыткам западных королевств), эти действия были запоздалыми и бесполезными против мощного иногда либерального и демократического, иногда только демотического этнонационализма, развивавшегося в полиэтничных империях.

Многие политологи любят говорить о конце эпохи национальных государств, даже о постнациональной эпохе. Однако они имеют в виду вовсе не национальное государство, а исключительно суверенное в экономическом и военном плане, политически независимое, самодостаточное, автаркическое государство, примеры которого в истории крайне редки и существовали ограниченное время. Большинство маленьких государств в экономическом, военном, общественно-политическом отношении (на протяжении многих столетий называвшимся регионально-политическим) всегда зависело от государств более крупных.

Глобализация торговли и финансового рынка, появление все большего количества транснациональных корпораций, снижение значения государственных границ для передвижения людей, а также для общественно-политического определения национальной идентичности – все это очевидно и неоспоримо. Мировая экономика и огромное экономическое пространство гораздо шире рамок привычной национальной экономики, то есть экономики государства. Большинство государств уже не способно самостоятельно защищать себя, поэтому многие из них пожертвовали нейтралитетом (то есть независимостью по отношению к крупным державам) ради членства в военном союзе с защищающими их крупными и мировыми державами. Однако даже такая мировая держава, как США, не может сама обеспечивать свою безопасность, с военной точки зрения уязвима и может быть уничтожена и потому зависит от международных соглашений по вопросам безопасности. Национальное государство – как независимое с точки зрения экономики и безопасности – уже отжило свой век. Тогда по-

чему в 1990–1993 гг. и позже многие народы Европы (иногда даже успешно) стремились к обретению своего национального государства, если национальное государство как будто бы является историческим анахронизмом?

Функцией национального государства, очевидно, выступает создание для языка и группы людей, говорящих на нем, «убежища», в котором язык и его носители однозначно доминируют в общественной и политической сфере, располагают правом и возможностью ограничивать число иммигрантов и ожидать от них определенной степени ассимиляции и принятия местного языка и культуры. Хотя национальное государство более не может независимо решать вопросы экономики и безопасности, оно все же выполняет функцию защиты определенной языковой и религиозной культуры на четко ограниченном пространстве. Эта функция национального государства как защитника национальной культуры в современную эпоху глобализации и международной миграции скорее усиливается, чем ослабевает. Глобализация и европейская интеграция в вопросах политики и безопасности скорее способствуют культурному национализму, чем ликвидируют его.

При развале коммунистической партийной системы выжили лишь такие гибридные этнонациональные государства, как Польша, Венгрия, Болгария, Румыния и Албания. Четыре псевдонациональных государства (Советский Союз, Югославия, Чехословакия и ГДР), напротив, распались, к счастью и к удивлению, бескровно. Почему же обращение Восточной Европы в коммунизм привело к гораздо большему кровопролитию, чем порывание с ним?

После обеих мировых войн идея коммунизма повлияла на ход истории не только будучи ответом на социально-экономический раскол буржуазно-капиталистического общества, но прежде всего как форма протеста против воинственного национализма в этом обществе. Социалистический (коммунистический) интернационализм, с одной стороны, стремился освободить немногочисленные нации от имперского господства и дать им собственную государственность, с другой – объединить их под единым, желательным мировым коммунистическим господством в национальных и, по возможности, многонациональных федеративных республиках, состоящих из национальных республик. Таким образом, уже коммунизмом были намечены линии разлома для национальных государств на тот случай, если интернационалистическая, коммунистическая концепция общества и государства идеологически и политически себя исчерпает. Это было важной предпосылкой для относительно мирного распада многона-

циональных государств на национальные государства, бывшие субъектами в составе федераций. Гражданская война на этнонациональной почве началась только в тех случаях, когда мощное национальное движение в отдельных административно-территориальных единицах федеративных государств обратилось против господства численно доминирующей нации (например, в Чечне, Косово, Нагорном Карабахе и Абхазии).

Важным внешним условием для образования в Восточной Европе в недавнее время национальных государств стало то, что немцы, австрийцы, итальянцы и венгры после 1945 г. распрощались с экспансивным и стремящимся к гегемонии национальным империализмом, а также с территориальным ревизионизмом, удовлетвовавшись демократическим национальным государством, и стали частью Евросоюза как мирного объединения. Это помогло словакам, словенцам, хорватам, македонцам, украинцам и белорусам, а затем также черногорцам и косовцам воплотить в жизнь идею своего национального государства, независимого как от нелюбимых «старших братьев» (чехов, сербов и русских), доминировавших в трех многонациональных государствах, так и от господства неславянских наций. «Конструктивным дефектом» Советского Союза, Югославии и Чехословакии было не их номинальное национально-федеративное устройство, способствовавшее распаду государств по границам национальных республик (как утверждают многие западные ученые, ссылаясь на якобы этническую и этнонациональную модель государства Франции и США), а напротив, в действительности недостаточный федерализм коммунистических федеративных государств, длительное существование которых без демократизации было невозможным. Советская, югославская и чехословацкая нации не были настоящими, закрепленными в политическом сознании населения нациями, какими является швейцарская и по большей части бельгийская и канадская, они были мнимыми, воображаемыми нациями, сконструированными политической элитой и меньшинством населения. Демократизация Советского Союза означала его распад, поскольку демократические свободы граждан некоего государства позволяют им самим решать, хотят ли они быть одним народом, несколькими или же вообще частью третьего. Дезинтеграция многонациональных государств Восточной Европы стала исторической предпосылкой для реинтеграции их национальных составных частей в Европейский союз, являющийся объединением равноправных национальных государств, в которых гарантируется гегемония одной или нескольких языковых культур.

6. Европейский Восток как часть объединенной Европы

В разные времена под словом «Европа» подразумевались совсем разные вещи. Поскольку в настоящее время картинки давней истории все чаще и чаще используются в общественно-политической сфере, в нашей лекции они должны быть кратко обрисованы. Во-первых, понятие «Европа» выступает географическим обозначением части земной поверхности, во-вторых, Европа служит метафорой социально-политических и культурно-исторических реалий и мифов, а также идеалов и ценностей. Оба употребления понятия «Европа» используются в первую очередь для того, чтобы провести границу с Азией, реже с Африкой или Америкой. Подобное двойное значение имеют также понятия «Запад» и «Восток»: первое – для названия относительных сторон света и конкретных географических пространств, второе – как метафора для обозначения социально-политических и культурно-исторических реалий и ценностей. Когда после 1989 г. говорили о возвращении Венгрии, Польши и других стран в Европу, под Европой подразумевалась общественно- и культурно-политическая «общность, основанная на сходных ценностях», точно так же, как под европеизацией или вестернизацией понимается распространение европейских норм по всему земному шару. При этом значения старых понятий, таких как «ориент» (страны восходящего солнца) и «окцидент» (страны заходящего солнца), значительно отличаются от тех, которые обычно вкладывают в современные понятия «Восток» и «Запад».

В качестве понятий-метафор социоисторического подхода «Восток» и «Запад» обозначают, с одной стороны, сотрудничество наций, входящих в «общности, основанные на сходных ценностях» и в относительно стабильные военные союзы и государственные объединения, а с другой – указывают на линии конфликта в более крупных государственных образованиях. Связанные с Азией социально-исторические представления часто переносятся на Восточную Европу. Частично это обусловлено длившимся несколько веков господством на этой территории народов, пришедших сюда из Азии, прежде всего монголов, татар и турок-османов. Эти связанные с Азией ассоциации часто переносились на Восточную Римскую империю, превратившуюся в чуждую Западу Византию, и на исповедующих православие славян, особенно на восточных и южных. Как следствие, понятие Восточная Европа нередко приобретало оттенок значения «азиатской Европы», в отличие от которой Западная Европа понималась как собственно Европа, *Europe eueuropéenne*^{*}, как ее однажды назвал швейцарский

^{*} Европейская Европа (*франц.*).

католик-консерватор Гонзаг де Рейнольд. Латинская, католическая и протестантская Европа, ядром которой была империя Каролингов, стала местом зарождения европейского общественно-политического и государственного единения Европейского сообщества, а затем и Европейского союза. Эта латинская Европа часто встречала православную Европу с неприятием и недоверием, в то время как последняя считала себя бастионом, сдерживающим исламизацию Балкан и юга России. Хотя часто подчеркивалось, что восточнее Европейского сообщества, а затем Европейского союза, лежит Еуропа *irredenta*, невоссоединенная Европа, регион, который должен снова стать Европой, коммунистические страны часто воспринимались как неевропейская, азиатская Европа. Даже многие западные марксисты («новые левые») любили говорить об азиатском способе производства, подразумевая под этим советский. Западный, демократический, основанный на гражданских свободах социализм был для них антиутопией восточного деспотического коммунизма, или псевдосоциализма.

Гораздо более космополитическим является либерально-демократическое ассоциирование с понятием Европы представлений о правах человека и гражданина, национальном самоопределении, плюрализме, демократии, просвещении, секуляризации и индивидуализме. Европа в таком смысле может принять в себя не только всю Восточную Европу, но и Средиземноморье, и ее границы расплываются до понятия западного мира, к которому уже давно относится и Северная Америка. Европа от Ванкувера до Владивостока – обозначение для подобной огромной либерально-демократической Европы, которое, однако, будучи «миром белых», легко может получить расистский оттенок.

В Европе «страны заходящего солнца» редко рассматривались как страны заката солнца и культуры, окцидент редко идентифицировался с декадансом, падением нравов и беспорядком, а страны восходящего солнца как регион с утонченной нравственностью, высокоразвитой философией и как место зарождения всех крупных религий. Коммунисты восприняли позитивные ассоциации, связанные с Востоком, но как веру в его социальный прогресс и политический подъем, Запад же они отождествили с декадансом и упадком ценностей, с антиобщественным индивидуализмом и эгоизмом.

Изначально в античной Греции под Европой понимали область западнее проливов Босфор и Дарданеллы, границы которой на востоке и севере определены не были. Водная граница между Европой и Азией, проходящая по морскому проливу, была удлинена за счет побережья Черного моря и стала доходить до реки Дон (Танаис), до XVII в. остававшейся восточной границей Европы. Киевская Русь,

или Древняя Русь, само собой, была частью Европы. Долгое время противопоставление цивилизованной греческой (а впоследствии греко-римской) Европы южной и варварской северной определяло общественно-политическое мышление, а также важные политические и военные линии конфликта. Такое положение вещей не менялось достаточно долго, даже тогда, когда южная Европа, считающая себя культурно превосходящей, в IV в. политически, религиозно и культурно распалась на две империи со столицами в Риме и Константинополе. Деление континента на Южную и Северную Европу, к которой в XVIII столетии, безусловно, относили Польшу и Россию, на протяжении веков определяло культурно-политическое мышление, причем после христианизации северо-востока Европы и образования империи Каролингов деление Европы по линии «Восток–Запад» постепенно все больше сменялось делением по линии «Юго-Восток – Северо-Запад». Польский историк Оскар Халецкий в 1957 г. предложил различать новую Северо-Восточную Европу и старую Юго-Западную. Однако историю арабской, татарской и османской Европы он не хотел относить к европейской истории, поскольку первая испытала сильное влияние Азии. При этом О. Халецкий не учел тот факт, что навязанное извне чужое господство всегда подвергалось европейскому влиянию со стороны покоренных народов.

С расширением государства франков и Германской империи на восток, а также с принятием христианства западными славянами, народами Прибалтики, словенцами и хорватами, линия раздела Европы в итоге стала проходить в направлении «Юг–Север». Противопоставление окцидента и ориента, стран заходящего и восходящего солнца стало определять культурно-политическое осмысление большого пространства. Восточная Европа стала восприниматься как продвижение Азии в сторону Европы. Даже христианская Византийская империя, а вместе с ней и родина понятий «Европа» и «демократия» исключались из понятия Западной Европы. В европейской памяти сохранялась разве что воспринимаемая вне географического пространства дохристианская античная Греция, родина великих философов, писателей и деятелей искусства, а также демократии.

Освобожденная от ордынского ига христианская Московия не только провозгласила себя наследницей христианско-европейской Киевской Руси, но и после падения в 1453 г. православного «Второго Рима» – Константинополя – объявила Москву «Третьим Римом» и главным городом христианского мира. Конкурируя с императором Римской империи, московский князь, чтобы подчеркнуть значение Москвы, принял царский титул. Расширение границ России на восток произошло только с покорением и частично с русификацией об-

ластей, лежащих на севере, востоке и юго-востоке от Московского княжества. Восточная граница Европы сдвинулась дальше вместе с расширением на восток России лишь после того, как при Петре I произошла культурная и политическая переориентировка России на Запад, и ее столица была перенесена в Санкт-Петербург. Шведский военный географ Филипп Йоганн фон Штраленберг с позволения царя передвинул географическую границу Европы до Урала, реки Эмба и Кумо-Манычской впадины. Позднее юго-восточная граница сдвигалась до реки Урал, линии Кубань–Терек или до Кавказского хребта. Если считать, что Южный Кавказ входит в Европу (как это сейчас признают многие международные организации), то юго-восточная граница Европы проходит по реке Аракс, служащей также границей Турции и Ирана. Расширение Европы произошло и на север. Еще в середине XX в. многие британцы свой остров, а скандинавы – свой полуостров не считали частью Европы, так что расширение затронуло и эти регионы, чему способствовал закат Британской империи и поворот Великобритании к Европе.

В конце XIX в. дальнейшее сползание границы Европы на восток и юго-восток казалось еще не завершенным. На продолжение европейско-славянского освоения областей на востоке можно было рассчитывать особенно после строительства железной дороги в Сибири. Однако освоение русскими своих сибирских «колоний» на Дальнем Востоке вплоть до Владивостока («владей востоком») и Владикавказа («владей Кавказом») в целом началось только при советской власти. До 1917 г. Сибирь воспринималась скорее как русская колония, Россией же считалась страна западнее Урала, относимая к Восточной Европе. Только в советское время появилось понимание России как страны, простирающейся до Владивостока. Этот феномен можно объяснить некоторыми особенностями международной политики большевиков.

Октябрьская революция упразднила различия в правах подданных царской России (православных славян и инородцев) и сделала всех равноправными советскими гражданами. Таким образом, она обусловила полную интеграцию сибирских и дальневосточных колоний в единое государство Советская Россия, а затем – Советский Союз, благодаря чему после Октябрьской революции понятие «Россия» стало обозначать территорию, простирающуюся до Тихого океана. Для Ленина «Соединенные штаты Европы» были реакционной идеей. К тому же в ходе Первой мировой войны претензии Европы как цивилизатора и миссионера на превосходство потерпели крах. Ленин и многие другие деятели того времени использовали этот перелом в развитии европейской цивилизации для того, чтобы повысить зна-

чение народов Востока, особенно Китая и Индии. Национальные и антиколониальные, а значит, антиевропейские революции последних должны были сделать их союзниками социальной революции («Пролетарии всех стран и угнетенные народы, соединяйтесь!» – так звучал новый лозунг) и привести к созданию «интернациональной (мировой) советской республики». В этих целях произошла переоценка понятия «Восток», которое теперь символизировало нарастающие, прогрессивные социально- и национально-революционные силы, противопоставляемые упадку Запада и европейской колониальной системы. Еще в 1905 г. победа Японии над европейской колониальной державой Россией значительно укрепила самосознание многих народов Азии, а позднее и Африки. После 1917 г. перемещение границы Европы на восток, аналогичное сдвигу границы России к Тихому океану, стало неуместным. У западных европейцев не было причин приветствовать расширение Советской России и областей, заселенных русскими как расширение Европы, они скорее склонялись к тому, чтобы исключить Россию из Европы, как это было во времена ордынского ига. С этого времени Россию начали понимать и как европейскую, и как азиатскую страну континентального масштаба, которая позже во Франции стала называться русскими эмигрантами Евразией. Эту Евразию не стоит путать со всем двойным континентом Евразией, простирающейся от Гибралтара до Владивостока. Незадолго до распада СССР Михаил Горбачев безуспешно пытался реконструировать его в европейско-азиатский союз. С этого момента в России и среди русских ведутся жаркие споры о том, насколько европейской или азиатской страной является и должна быть Россия, для того чтобы походить на Западную Европу или чтобы от нее отчетливо отличаться.

Общественно-политическое и культурное понимание понятия Европы осложняется тем, что многие русские и сам Советский Союз понимали под Европой регион, лежащий западнее СССР. «Россия и Европа» – старый концепт политического мышления в России. Русские, ориентирующиеся на западную политическую культуру, хотят, чтобы Россия в основном воспринималась как европейская страна, несмотря на то, что ее малозаселенная постколониальная часть географически относится к Азии.

Сегодня в России коммунизм часто интерпретируется совсем иначе, чем на Западе. В западном понимании во время холодной войны на востоке от свободной Европы находился несвободный Восток, то есть распространившаяся вплоть до Берлина (деспотическая) Азия, как однажды выразился Конрад Аденауэр и написал журнал «Der Spiegel» в 1986 г. Православная, антикоммунистическая Россия

воспринимает атеистический коммунизм не как азиатский деспотизм, а как импортированный продукт секуляризованной и упадочной западной цивилизации. За сорок лет, посвященных изучению Восточной Европы, я еще ни разу не встречал человека, который назвал бы себя восточным европейцем. Восточная Европа всегда служила для обозначения других. Восточными европейцами всегда были другие, «тоже немного европейцы», которые жили восточнее той или иной страны, или же, в евразийском понимании, западнее России. Поляки, венгры, чехи, народы Прибалтики, словенцы, хорваты и многие украинцы воспринимают свои страны как часть Центральной Европы, в крайнем случае – как Центрально-Восточной Европы, если даже не Западной. В сознании европейских народов Восточная Европа всегда была только воображаемой чертой на карте, где-то между Францией и Россией.

Европа, разделенная в принципе на две части – сначала по оси юг–север, затем после Венского конгресса 1815 г. по оси запад–восток – в общественном и политическом плане стала разделенной на три части. Между Западной и Восточной Европой вклинилась Центральная Европа и средние державы, с их особой, хотя и изменчивой, общественно-политической идентичностью. Как в Первой, так и во Второй мировой войне гегемонии над Европой хотели достичь сначала гогенцоллернская и габсбургская Центральная Европа, которая согласно Фридриху Науману отличалась от западной либерально-индивидуалистической Европы своеобразным корпоративистским капитализмом, а затем от национал-социалистической Европы, находившейся под германским влиянием. В 1945 г. Центральная Европа исчезла из культурно-политической топонимики. Посреди Берлина, которому еще недавно пророчили будущее как столицы мира, почти на протяжении полувека пролегла линия, разделяющая Восточную и Западную Европу, различающиеся социальными системами. Западная Европа тогда занимала лишь треть территории географической Европы. Абсолютно случайно получилось так, что в 1988 г. как в Западной, так и в Восточной Европе проживало по половине ее населения – по 263 миллиона человек. Только когда коммунистическая однопартийная система Европы подошла к своему концу, началось недолгое возрождение концепта расположенной между Россией и Германией Центральной и Средней Европы, в центре которой находилась бы Австрия или Германия.

С расширением Европейского союза на восток в 1990, 2004 и 2007 гг. граница либерально-демократического союза стран Европы сдвинулась далее на восток и юго-восток и все еще не установилась окончательно. Западные Балканы являются претендентом на вступление в Евросоюз. Некогда коммунистическая Восточная Европа

разделилась на страны, входящие в ЕС, и страны, входящие в СНГ, поэтому Европа остается поделенной пополам, но с границей, смещенной на восток и более не разделенной стеной и колючей проволокой. Сначала казалось, что завязывается интенсивная, хотя изначально очевидная неравная конкуренция за интеграцию между Брюсселем и Москвой, которая была не только борьбой за власть, но и имела общественно-политический аспект. Однако эти аспекты были еще более размытыми и неоднозначными, чем во времена общественно-политического конфликта «Восток–Запад». Невозможно не заметить в экономике России и ее ближайших стран-партнеров тенденцию вмешательства государства в экономику, а также выраженную авторитарическую тенденцию и сильную антипатию по отношению к западному пониманию демократии. Тем не менее очевидно, что с 1991 г. влияние Москвы – по сравнению с Брюсселем – настолько слабо, что в недавнее время три западных страны-члена СНГ и три кавказских государства выразили желание стать членами ЕС. С одной стороны, ведется острая полемика, должен ли Европейский союз простираться до Восточной Европы, и если да, то насколько далеко. С другой стороны, со вступлением в ЕС Кипра, он уже стал распространяться на территорию Азии. Переговоры о вступлении в ЕС ведутся также с Турцией, но их исход пока непредсказуем.

Россия, треть территории которой географически лежит в Европе, в культурно-историческом плане является преимущественно христианской, славянской страной и, естественно, благодаря тому, что в европейской части живет большая часть населения, она связана с Европой сильнее, чем Турция. С другой стороны, маловероятно, что Россия однажды станет членом Евросоюза, даже если она когда-нибудь действительно станет «демократией чистой воды» и страной с рыночной экономикой. США тоже вряд ли войдут в ЕС, потому что тогда они захотели бы играть и играли бы роль ведущей державы в объединенной великой Европе. До настоящего момента главным структурным принципом и важной причиной успеха объединения Европы является тот факт, что никакая страна не доминирует над другими, действуют сложные структуры власти, в которые вовлечены и самые крупные страны Евросоюза. В принципе в эту систему встроились бы Украина и Турция, но вряд ли гораздо более крупная Россия.

Итак, многое говорит о том, что еще долго европейский континент политически будет разделен на Европейский союз и страны за его пределами. Это разделение не должно быть, однако, глубоким расколом, оно может быть преодолено общеевропейским и евроатлантическим процессом интеграции от Ванкувера до Владивостока, для чего уже

сегодня существуют многие структуры (Совет Европы, ОБСЕ, Совет Россия–НАТО). Политика безопасности требует держать в поле зрения не только процессы интеграции европейских народов (и родственных им народов в Северной Америке), но и процессы мировой интеграции и интеграции в крупных регионах (Средиземноморье) для того, чтобы избежать континентальных конфликтов на расовой и религиозной почве в новых масштабах. Мы не должны забывать, что Европа – всего лишь один из уголков нашей планеты.

БОСНИЯ И ГЕРЦЕГОВИНА – ПОЛИТИКА ЕС В ТУПИКЕ

Краткое содержание

На сегодняшний момент Босния и Герцеговина (за исключением Российской республики Дагестан) – единственная европейская страна, в которой нет этнического большинства – ее население состоит только из этнических меньшинств. Прежде всего, это мусульмане-боснийцы (в 1991 – 43,7 %), православные сербы (31,4 %) и католики-хорваты (17,3 %). Предполагается, что по сравнению с 1991 г. доля сербского населения увеличилась, а хорватского уменьшилась, в то время как доля боснийцев осталась прежней.

Гражданская война между боснийцами и хорватами, с одной стороны, и сербами – с другой, а также какое-то время – между боснийцами и хорватами началась в Боснии и Герцеговине в тот день, когда на международной арене она была признана независимым государством, и эта война углубила или же частично породила глубокую пропасть между тремя этносами. США заставили боснийцев и хорватов заключить мир, а после военной интервенции НАТО было достигнуто их примирение с сербами и, согласно Дейтонскому соглашению, было создано новое государство в форме асимметричной многоуровневой федерации, находившейся сначала под протекторатом ООН и НАТО, а с декабря 2004 г. – Евросоюза. До сих пор не сформировалось единое, привязанное к государству, боснийское национальное самосознание; все еще доминирует национальное самосознание отдельных этнических групп, и, кажется, оно только укрепляется, что стимулируется также международным признанием Черногории и Косова как независимых государств. Европейский союз долгое время полагал, что с помощью централизованной реформы государственного устройства сможет укрепить единство государства и национальное самосознание, однако сегодня он может наблюдать лишь за тем, как развалился его обреченный на неудачу концепт многоэтнической нации Боснии и Герцеговины, которая снова грозит распасться, как только закончится военно-административный протекторат Европей-

ского союза. Перспектива экономической и политической интеграции страны в ЕС до сих пор не особо способствовала национальному единению страны, а в свете финансового и экономического кризиса она вообще не представляется привлекательной.

Поскольку мирный распад страны на основании все еще весьма сложного этнического ландшафта почти невозможен, в качестве альтернативы дорогостоящему протекторату ЕС или новой гражданской войне после вывода войск Евросоюза может выступить только серьезное возобновление попыток реорганизации страны до федерации или конфедерации с учетом сильного этнонационального самосознания боснийцев, хорватов и сербов, а также при участии главных политических акторов страны – не под руководством ООН и ЕС, но при их активной политической, гражданской и экономической поддержке.

1. Кризис протектора ЕС в Боснии и Герцеговине

Республика Босния и Герцеговина (Republika Bosna i Hercegovina, БиН), занимающая площадь в 51 000 кв. км, немного больше, чем федеральная земля Нижняя Саксония, но ее население меньше в два раза и составляет 3,9 миллиона жителей. В настоящее время тот факт, что страна состоит из двух исторических областей – маленькой Герцеговины на юго-западе и более крупной Боснии, в политическом отношении не играет никакой роли. Страну часто сокращенно называют Боснией. Это федеративная республика, которая с момента подписания мирного Дейтонского соглашения (14 декабря 1995) состоит из двух почти равных по площади автономных субъектов: Республики Сербской (Republika Srpska, RS) и Федерации Боснии и Герцеговины (Federacija Bosne i Hercegovine, БиН), населенной преимущественно боснийцами и хорватами. Последняя, в свою очередь, состоит из десяти кантонов, пять из которых заселены в основном боснийцами, три – хорватами, а два – теми и другими. В боснийско-хорватской федерации проживают примерно 100 000 сербов (4,5 % населения федерации), в Республике Сербской, по оценкам, живут 140 000 боснийцев и хорватов (10 %). До гражданской войны боснийцев, как и хорватов, в республике было вдвое больше.

Если не принимать в расчет Дагестан, Босния и Герцеговина является единственной в Европе страной, население которой состоит только из этнических меньшинств: исповедующих ислам боснийцев (в 1991 – 43,7 %), православных сербов (31,4 %) и католиков-хорватов (17,3 %). Для пропорционального политического представительства

этих трех народов не только на общегосударственном уровне, но и в обеих его автономиях в конституциях закреплены сложные правила. Предполагается, что по сравнению с 1991 г. доля сербского населения увеличилась, а хорватского уменьшилась, в то время как доля боснийцев осталась прежней.

В результате геноцида и изгнаний по этническому признаку в 1992–1995 гг. этнорелигиозный ландшафт государства стал более однородным по сравнению с тем, что было до гражданской войны, десятилетия и, возможно, даже столетия назад. Несмотря на международные попытки репатриации, из почти 2,2 миллиона беженцев только примерно половина вернулась в родные деревни и города, причем преимущественно туда, где их этническая группа снова стала большинством. В основном это касается областей, завоеванных сербами, но покинутых ими после заключения Дейтонского соглашения, поэтому количество тех, кто вернулся, в Федерации Боснии и Герцеговины выше, чем в Республике Сербской. Тем не менее этнотерриториальная структура даже сегодня значительно менее закрыта, чем, например, в Швейцарии, где проживают три крупные и относительно замкнутые языковые группы. Хорватский кантон Посавина, лежащий на севере страны, находится далеко от обоих других хорватских кантонов, располагающихся на западе, но все три кантона граничат с Хорватией, полумесяцем окружающей Боснию и Герцеговину на севере и западе. Такое территориальное расположение подпитывает сепаратистские устремления боснийских хорватов, желающих присоединения всех трех кантонов или некоторых пограничных областей к Хорватии. Территория Республики Сербской фактически разделена пополам. Эти части связаны только округом Брчко, который, с одной стороны, служит связующим звеном между центральной Боснией и районом Посавина, а также соединяет их с северной Хорватией, с другой – как тонкий перешеек связывает сербскую северную Боснию и сербскую восточную Боснию (посавинский коридор). На основании международного третейского решения этот округ является автономным и подчиняется центральному правительству. Только восточная Босния имеет продолжительную границу с Республикой Сербской, в то время как северная Босния примыкает к Хорватии, к ее областям, которые до 1995 г. были сербскими и, будучи частью Сербской республики Краина, играли большую роль в проекте «Великой Сербии» на территории Социалистической Федеративной Республики Югославия. Боснийская часть также разделена на два региона: Центральную Боснию с обоими крупными городами Сараево и Тузла и Западную Боснию со столицей в городе Бихач, которая во время гражданской

войны была отдельной республикой, состоявшей в тесном союзе с центральным боснийским правительством. Между боснийской Центральной Боснией и хорватской Западной Боснией расположены два кантона (Среднебоснийский и Герцеговино-Неретвенский), население которых смешанное (боснийцы и хорваты), в связи с чем на них претендуют как боснийские, так и хорватские национальные экстремисты.

Все три основных этноса, по сути, говорят на одном языке, который до гражданской войны в Югославии назывался сербскохорватским или хорватско-сербским, несмотря на то что сербы пользовались кириллицей, а хорваты и боснийцы латиницей. Сегодня принято утверждать, что это три разных языка, а все три этноса стараются усиливать и подчеркивать различия между сербским, хорватским и боснийским языками, что приветствуется практически только боснийцами, но не сербскими и хорватскими боснийцами.

До настоящего времени общее боснийское государственно-национальное самосознание практически не сформировалось, хотя история территории Боснии и Герцеговины насчитывает столетия, а боснийские хорваты и сербы обладают выраженным региональным самосознанием. Доминирует этнонациональное самосознание, которое проявляется прежде всего в партийной системе и популярности радикальных этнонациональных партий. Преобладающая часть боснийских сербов выступает за проведение референдума о независимости по образцу Черногории и Косова. Большинство хорватов, по всей видимости, желают выделения в составе Боснии и Герцеговины своего хорватского субъекта наряду с сербским и боснийским, в то время как значительная часть боснийцев поддерживает централизацию государства и рассматривает Боснию как государство боснийцев с их национальным языком. Крупные боснийские политики, такие как Харис Силайджич, потребовали упразднения Республики Сербской и Федерации Боснии и Герцеговины.

Международное сообщество государств, представленное Советом по установлению мира (Peace Implementation Council), состоящим из 55 государств и 21 международной организации, и его руководящим комитетом, настаивает на сохранении единства многоэтнического государства и хочет укреплять преимущественно общегосударственные институционные структуры, хотя согласно Дейтонскому соглашению оно должно принимать в расчет крайне децентрализованное, многоуровневое и федеральное государственное устройство, свидетельствующее о политическом расколе страны. При посредничестве Верховного представителя в Боснии и Герцеговине, являющегося особым

уполномоченным Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политики безопасности, Евросоюз почти по-диктаторски то и дело вмешивается в функционирование исполнительной и законодательной власти, устанавливает неправомерные, с точки зрения демократии, законы и предписания, отстраняет от должности неугодных политиков и государственных чиновников. За последние годы ситуация в Боснии и Герцеговине стабилизировалась настолько, что Вооруженные силы стран Европейского союза (European Union Force, EUFOR) смогли постепенно сократить свое военное присутствие (с участием некоторых государств, не входящих в ЕС) и оставить 2500 солдат, в то время как после окончания гражданской войны там находились 60 000 представителей международных войск. Кроме того, Международная полицейская миссия, сначала ООН, затем ЕС (European Police Mission, EUPM), закончилась уже в 2005 г. (ранее, чем планировалось), и ее функции были переданы реформированной – по меньшей мере частично, хотя до сих пор сильно децентрализованной – военной и полицейской структуре Боснии и Герцеговины.

Спорен не только вопрос, когда закончится военное и полицейское присутствие Вооруженных сил стран Европейского союза и Полицейской миссии ЕС, но и прежде всего вопрос, повлияет ли институциональная централизация на единение страны или же оно будет саботировано, способствует ли ускоренная интеграция Боснии и Герцеговины в ЕС и НАТО процессу единения? Если удастся осуществить воссоединение Кипра, то это могло бы стимулировать единение Боснии и Герцеговины – после того, как международное признание независимости Черногории и признание Западом независимости Косова имели обратный эффект. До настоящего момента (и то несколько запоздало) было заключено (16 июня 2008) соглашение о стабилизации и ассоциации с ЕС, поскольку Босния и Герцеговина долгое время не могла выполнить условие ЕС о проведении реформы полиции, согласно которой функции координации и надзора над многочисленными региональными отделениями полиции должны были перейти к центральному управлению в Сараево. Альтернативой этой навязанной извне государственной централизации было бы согласие с фактическим разделением страны на автономные области, объединенные слабой центральной властью, и ставка на постепенное возникновение новых структур кооперации в экономических и политических интересах отдельных автономных единиц по образцу европейской интеграции независимых национальных государств и для создания фиктивного многоэтнического национального государства Босния и Герцеговина.

2. Централизация государственного устройства, распад государства или федеративно-конфедеративное обновление Боснии и Герцеговины

Верховные представители ЕС в Боснии и Герцеговине проводили разную политику, хотя все они стремились к укреплению ее государственного единства. Некоторые представители, такие как австриец Вольфганг Петрич (1999–2002) или британец Пэдди Эшдаун (2002–2006), со дня подписания «боннских полномочий» в 1997 г. использовали свои в некоторой степени диктаторские полномочия для отстранения от должности политиков и чиновников, которые реально или якобы препятствовали соблюдению условий мирного договора, а также для отмены законов, в то время как, например, немец Кристиан Шварц-Шиллинг (2006–2007) делал ставку скорее на то, что демократически избранные представители боснийского народа способны политически учиться, за что его обвинили в толерантности к национальному эгоизму. Наследник Шварца-Шиллинга, словак Мирослав Лайчак вновь взял твердый курс против этнонациональной обструкции принятия решений на общегосударственном уровне. Со времени Дейтонского соглашения более сотни политиков были уволены с разных государственных уровней как из-за подозрений в совершении военных преступлений, так и за коррупцию. Многие политические и военные лидеры были доставлены в международный трибунал по бывшей Югославии в Гааге за преступления или сами добровольно предстали перед ним. Многие известные личности были приговорены к длительным срокам заключения, среди них, например, сербский член Президиума Боснии и Герцеговины в 1996–1998 гг. Момчило Краишник. Жесткий курс Верховных представителей постоянно провоцировал сопротивление этнонационалистических организаций, вызывал массовые протесты и наряду с неизменно плохим экономическим развитием способствовал поддержке непримиримых национальных партий. В январе (2009 г. – *Пер.*) Лайчак неожиданно отказался от должности и занял пост министра иностранных дел Словакии. Его наследником стал австриец Валентин Инцко, но его авторитет был серьезно подорван известиями о том, что в следующем году эта должность будет упразднена.

Многие представители международных организаций и политики считают, что конфедерация (как крайняя форма федерации. – *Ред.*) и децентрализация на основе этнонационалистических устремлений препятствуют формированию государственного единства и государственно-национального самосознания и способствуют этнонациональной фрагментации страны. Они считают, что силь-

ные общегосударственные институты могли бы благоприятствовать формированию общегосударственного национального сознания, и поэтому выступают за реформу государственного устройства Боснии и Герцеговины. Согласно этому крайне радикальному предложению, автономные регионы и кантоны должны быть упразднены, а административно-территориальное деление страны должно происходить без учета этнического ландшафта, как это было до 1992 г. В качестве более умеренных вариантов предлагается только укрепление центральных общегосударственных институтов и ослабление региональных. Но поскольку все варианты реорганизации государственного устройства учитывают интересы лишь того или иного этноса – реально или мнимо, – а также предполагают новые соотношения между этническим большинством и меньшинством и могут привести к переходу власти из одних рук в другие, они наталкиваются на сильное сопротивление не только со стороны влиятельных политических партий, но и большей части населения, в мышлении которого преобладают этнонациональные категории.

Справедливым является опасение, что по окончании международного, одобренного ООН и сегодня осуществляемого в основном Европейским союзом протектората над Боснией и Герцеговиной, при сохранении существующих на данный момент государственных структур страна распадется. В крайнем случае она может снова пережить период изгнаний на этнической почве и насилия, даже если до настоящей гражданской войны дело не дойдет, поскольку население уже устало от военных действий и уже мало кто будет с оружием в руках воплощать в жизнь мечту о новой великой Сербии, великой Хорватии или исключительно боснийской Боснии. Процессы демократизации в Хорватии и Сербии, а также оправданное предположение, что ЕС и НАТО не станут второй раз в течение месяцев пассивно наблюдать за гражданской войной на Балканах, значительно снизили вероятность новой войны в Боснии и Герцеговине. Однако это не исключает ни многочисленных локальных вспышек насилия и терактов, ни преимущественно мирного распада страны, которая в лучшем случае разделится на отдельные, в определенной степени успешно функционирующие государства, не признанные на международной арене, но реально существующие. Этим государствам придется учиться кооперироваться в новые федеральные и конфедеральные структуры, и когда-нибудь они опять объединятся в новую Боснию и Герцеговину. Частная экспертная группа «Европейская инициатива» предложила реорганизовать Боснию и Герцеговину по образцу Швейцарии, то есть ликвидировать автономные регионы и укрепить кантоны, коммуны и само федеративное государство.

3. Пример фатальных последствий запоздалой международной интервенции

Босния и Герцеговина не является современным искусственным государственным образованием, она имеет за собой долгую историю своей территории, пусть даже (как это чаще всего бывает) с подвижными границами. Герцеговина в целом образовалась из двух средневековых княжеств и незадолго до присоединения к Османской империи в 1485 г. объединилась в одно герцогство. На территории Боснии независимое княжество возникло в середине XII в. В нем ненадолго появилась своя независимая церковь, которая как католиками, так и православными рассматривалась как еретическая и играла до сих пор неясную и спорную роль, даже несмотря на то что правители государства были католиками, а иногда и православными. В 1377 г. князь короновался королевской короной и ненадолго основал влиятельное королевство, ставшее в 1463 г. частью Османской империи, в которой Босния и Герцеговина являлись особой административной единицей – в отличие от Венгрии. Это и, возможно, временная церковная обособленность Боснии облегчили исламизацию части населения, в первую очередь боснийской знати, в то время как сербское большинство ее жителей осталось православным, а хорватское меньшинство по соседству с Далмацией – католическим. В связи с этим некоторые из тех, кто сегодня пытается конструировать боснийскую национальную идентичность, ссылаются не только на мусульманско-османские традиции, существовавшие относительно недолго с XV–XVI вв., но и на духовно-церковные христианско-боснийские традиции, предшествовавшие появлению боснийского ислама, имеющего сильную светскую окраску. Тем не менее недавно стало известно о миссионерской деятельности здесь финансируемых Саудовской Аравией мусульманских духовных лиц, желавших распространить в Боснии и Герцеговине консервативно-радикальный и потенциально воинственный исламизм.

После Берлинского конгресса 1878 г. османская Босния и Герцеговина должна была перейти в управление Австро-Венгрии, которая в итоге в 1908 г. аннексировала страну формально. В королевстве Югославия (которое в 1929 г. было переименовано в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев) Босния и Герцеговина, так же, как Хорватия и Сербия, попрощалась со своей независимостью ради новой административно-территориальной организации – всего королевства – без учета исторических и этнических границ. После 1945 г. Босния и Герцеговина стала одной из шести национальных республик, для того чтобы ослабить значение Сербии в Социалисти-

ческой Федеративной Республике Югославия. Однако признание мусульман отдельной нацией было постепенным. Только в 1993 г. за ними закрепился этноним «боснийцы», использовавшийся в Австро-Венгрии в ином смысле.

Несмотря на напряженность в этнонациональных отношениях в СФРЮ и на еще не стершиеся из памяти воспоминания о варварском противостоянии странам-оккупантам, о борьбе сторон, участвовавших в гражданской войне, доля межнациональных браков в Боснии и Герцеговине между боснийцами, сербами и хорватами достигала около 12 %, а в Сараево даже 28 % – в отличие от Косова, где сербы и албанцы крайне редко заключали браки с представителями иного этноса, кроме своего. Межэтнические браки служат, пожалуй, лучшим доказательством высокой степени интеграции этносов. Однако раскол общества на отчаянно противоборствующие в гражданской войне стороны нельзя было остановить. Уровень смертности, достигавший в годы гражданской войны 2–3 %, отвлекает внимание от того факта, что огромное число раненных людей и изнасилованных женщин, которых было гораздо больше, чем погибших, стало фактором глубокого раскола в некогда высоко интегрированном обществе, а неизмеримые страдания, перенесенные за годы войны, могут настроить друг против друга не одно поколение. Если еще учесть, что личный и избирательно передаваемый коллективный опыт пребывания в роли жертвы играет в коллективном сознании гораздо большую роль, чем героические подвиги при убийстве врагов и насилии над ними, то можно понять, что в этнонациональном сознании пристрастные и выборочные истории о жертвах легко победят гуманное, этнонационально нейтральное и объективное восприятие общих страданий. Результаты эмпирических исследований, говорящие о том, что беженцы и изгнанные возвращаются в родные места, с одной стороны, рисуют радующую картину: возвращаются не только пожилые люди, которые хотят провести свои последние годы на родине, но и молодежь, которая, возвращаясь на родину, рискует, надеясь, будучи этническим меньшинством, строить там свое будущее. В то же время было отмечено, что межэтнические отношения остаются довольно ограниченными. Несмотря на то что во многих многоэтнических коммунах царит достаточно мирное добрососедство, это не настоящее совместное существование.

После провозглашения независимости Словении и Хорватии и их признания со стороны западных государств 1 марта 1992 г. в Боснии и Герцеговине тоже прошел референдум о независимости, бойкотированный боснийскими сербами. Через несколько дней, 4 апреля, началась гражданская война, которая разгорелась на следующий день

после признания независимости государства членами ЕС. Сербы претендовали на 65 % территории страны для основанной в Боснии 27 марта/7 апреля 1992 г. Сербской Республики со столицами в Пале и Баня-Лука, которая хотела объединиться с объявившей о своей независимости 19 декабря 1991 г. Сербской Республикой Краина и стать третьим членом Федеративной Республики Югославия наряду с Республикой Сербия и Черногорией. Сербы молниеносно отвоевали примерно 70 % территории Боснии и Герцеговины. 3 июля 1992 г. боснийские хорваты также создали свое государство – Хорватское содружество (позднее Хорватская Республика) Герцег-Босна со столицей в городе Мостар. Имели место многочисленные вооруженные столкновения между хорватами и боснийцами. 27 сентября 1993 г. на северо-востоке была создана боснийская автономная провинция Западная Босния, которая, договорившись о мире с боснийскими сербами и хорватами, вступила в борьбу против центрального боснийского правительства. После завоевания хорватами в августе 1995 г. Сербской Республики Краина Западная Босния была ликвидирована боснийскими войсками центрального правительства.

США принудили боснийских хорватов вместе боснийцами, как условие поддержки их войск поставками оружия, 31 мая 1994 г. основать Боснийско-Хорватскую Федерацию, которая носит официальное название Федерация Боснии и Герцеговины, в отличие от названия всего государства Республика Босния и Герцеговина. После этого вооруженные столкновения боснийцев и боснийских хорватов прекратились. С начала конфликта, связанного с будущим СФР Югославия, многие международные организации пытались выступить в качестве посредника между конфликтующими сторонами: ОБСЕ, ООН и ЕС, а также специально созданная для решения конфликта в Югославии международная контактная группа, состоявшая из представителей США, России, Великобритании, Франции и Германии. Отправка миротворческих войск сил Организации Объединенных Наций по охране (UNPROFOR) провалилась и не смогла препятствовать победному шествию сербских войск в Хорватии, Боснии и Герцеговине. Многие политологи придерживаются точки зрения, что если бы ООН или НАТО раньше пригрозили военной интервенцией и раньше осуществили бы ее, то военных действий и массовых убийств в Хорватии и Боснии и Герцеговине можно было бы избежать. Согласно последним исследованиям, в одной только Боснии и Герцеговине погибло около 100 000 человек. Изначально предполагалось, что потери достигали даже 240 000 человек. Две трети погибших были боснийцы, четверть – сербы, 8 % – хорваты. Таким образом, большинство погибших оплакивали боснийцы. К много-

летней вражде и непримиримости большинства боснийцев, сербов и хорватов привели в основном военные действия и массовые убийства гражданского населения и военнопленных. Это еще долгое время будет осложнять сотрудничество разных этносов в общем государстве, если не препятствовать ему, поскольку все стороны конфликта считают себя жертвами других участников противостояния и международных организаций.

Конец гражданской войне в Боснии и Герцеговине был положен лишь тогда, когда войска НАТО, получив мандат ООН, провели короткую воздушную войну против боснийских сербов, а США принудили страну к подписанию мирного Дейтонского соглашения 14 декабря 1995 г., причем это соглашение было заключено не между сторонами конфликта, участвовавшими в гражданской войне, а между центральным боснийским правительством и спонсорами боснийских хорватов и сербов, то есть Хорватией и Федеративной Республикой Югославия (Федерацией Сербия и Черногория). Согласно этому договору, сербы должны были оставить часть отвоєванной территории, но 49 % территории могли сохранить для Республики Сербской, которая вместе с боснийско-хорватской Федерацией Боснии и Герцеговины должна была образовать довольно хрупкое государство, включающее два автономных региона, обладающие правом самостоятельно поддерживать отношения с соседними государствами.

В общегосударственном парламенте Федерация Боснии и Герцеговины располагает 28 местами, Республика Сербская – 14. В Президиум Боснии и Герцеговины выбирают трех членов, по одному от боснийцев, сербов и хорватов, которые в первые годы пребывают на посту президента по восемь месяцев, по очереди сменяя друг друга. Для сравнения: в Швейцарии функция главы государства каждый год переходит от одного из семи членов бундесрата к другому, и это не ставит под угрозу стабильность политической системы. Решающее значение имеют не государственные институты, а готовность народа и политических партий к консенсусу.

Партийная система Боснии и Герцеговины структурирована преимущественно по этнонациональному признаку. По сравнению с другими посткоммунистическими странами эта черта остается неизменной. Изначально наиболее влиятельными партиями являлись: для боснийцев – Партия демократического действия (Stranka Demokratske Akcije, SDA), лидером которой был Алиа Изетбегович, для сербов – основанная Радованом Караджичем Сербская демократическая партия (Srpska Demokratska Stranka, SDS), для хорватов – Хорватское демократическое содружество Боснии и Герцего-

вины (Hrvatska Demokratska Zajednica Bosne i Hercegovine, HDZ BiH), которая имела тесные связи с долго пребывавшем на своем посту президентом Хорватии Франьо Туджманом. К этим радикальным этнонациональным партиям добавились боснийская умеренная этнонациональная Партия за Боснию и Герцеговину (Stranka za Bosnu i Hercegovinu, SBiH), возглавляемая Харисом Силайджичем, сербский Союз независимых социал-демократов (Savez Nezavisnih Socijaldemokrata, SNSD), возглавляемый Милорадом Додиком и к настоящему моменту ставший более радикальным, и Сербская радикальная партия (Srpska Radikalna Stranka Republike Srbije, SRS), тесно связанная с одноименной партией Воислава Шешеля и Томислава Николича в Сербии; в то же время Социалистическая партия Сербской Республики, близкая к партии Слободана Милошевича, политического веса не приобрела. Единственная полиэтничная партия, Социал-демократическая партия Боснии и Герцеговины (Socijaldemokratska Partija Bosne i Hercegovine, SDP), с 2000 г. была крайне успешной на выборах в Федерации Боснии и Герцеговины, а в 2006 г. на пост члена президиума назначили хорватского представителя, за которого проголосовали и боснийцы. Из множества остальных партий можно упомянуть еще одну полиэтничную – Народную партию «Труд к процветанию» (Narodna Stranka Radom za Boljitak), а также сербскую Партию за демократию и прогресс (Partija Demokratskog Progresa Republike Srbije, PDP-RS) и Хорватский демократический союз 1990, отколовшийся от Хорватского демократического союза Боснии и Герцеговины.

С 1996 г. выборы на общегосударственном уровне и в автономных регионах проходили каждые два года, с 2002 г. – каждые четыре года. Сначала однозначно доминировали радикальные этнонациональные партии, с 2000 г. влияние стали обретать и умеренные партии, хотя и не во всех трех автономиях одновременно. В 2001 г. впервые состоялись выборы в реформированный президиум. После этого снова победили радикальные партии, что, по всей видимости, объясняется реакцией населения на план реформы государственного устройства, которая должна была ослабить независимость автономий, а также авторитарными действиями Верховного представителя по Боснии и Герцеговине. На президентских выборах 2002 г. вновь победили кандидаты от радикальных партий (Партия демократического действия, Сербская демократическая партия и Хорватское демократическое сотрудничество). Даже в 2006 г. доминирование радикальных партий практически не ослабло. Повторная радикализация предпочтений боснийских избирателей препятствовала запланированному на 2007 г.

отзыву Верховного представителя и выведению из страны Вооруженных сил стран Европейского союза и Европейской полицейской миссии, то есть тому, чтобы оставить правительство Боснии и Герцеговины единственным ответчиком перед своими гражданами.

4. Гражданская война или радикальная децентрализация

Сохранение международного протектората связано с обеспокоенностью тем, что после упразднения международных институтов в Боснии и Герцеговине может снова разгореться гражданская война. Новый виток насилия представляется, однако, маловероятным, поскольку, во-первых, население уже в определенной степени истощено войной, во-вторых, потому что на данный момент нет такой программы военных действий, которая могла бы показаться привлекательной хотя бы активным меньшинствам. Идея великого сербского государства – наследника Югославии – при настоящих политических условиях в Сербии вряд ли может поднять народные массы, боснийцы уже не могут надеяться на то, что военными действиями смогут учредить унитарное боснийское государство. Хорватские внутривнутриполитические условия препятствуют развитию нового мощного хорватского ирредентизма, который мог бы питать надежды боснийских хорватов на вхождение заселенных ими территорий в состав Хорватии. Распад государства на фактически самостоятельные регионы представляется более вероятным, чем гражданская война. Что касается административно-территориального устройства, то самой актуальной темой является становящееся все более настойчивым требование хорватов учредить свою автономию, которая бы не только нанесла урон Федерации Боснии и Герцеговины, но и разделила бы Среднебоснийский и Герцеговино-неретвенский кантоны. Многочисленные локальные вспышки насилия кажутся более вероятными, чем спланированная и скоординированная гражданская война.

Республика Сербская находится в выгодном положении, так как в рамках существующего конституционного устройства она может иметь шансы на автономное развитие. За ней закреплена отвоеванная территория, хотя она охватывает только 49 % площади страны, а не изначально желанные 64 %. Тем не менее в Республике Сербской со времени провозглашения независимости Черногории все большую популярность набирает идея провести референдум о независимости. Бросается в глаза, что ни со стороны Сербии, ни со стороны Республики Сербской – сначала после угрозы, а затем и реального отделения Косова – не было выражено сильное желание к объединению

обоих сербских государственных образований как компенсации за потерю Косова. Это можно объяснить тем, что радикальные сербские политики еще не потеряли надежды вернуть Косово, а умеренные политики, склоняющиеся к ЕС, напротив, не отказываются поставить под вопрос международный проект по сохранению государственного единства Боснии и Герцеговины. К этому надо добавить, что политики Республики Сербской в случае ее объединения с Сербией в единое государство из-за новых соотношений большинства и меньшинства могут резко утратить власть и влияние, поэтому они могли бы постараться сохранить сильную автономию Республики Сербской в объединенном государстве, но это маловероятно. Возможно, определенную роль играет также исторически созревшее сербско-боснийское национальное сознание. В заключение можно добавить, что социальная и партийно-политическая ориентации боснийских сербов и сербских сербов значительно различаются.

Систематически спланированной радикальной децентрализации Боснии и Герцеговины из-за сформировавшегося политического сознания граждан не ожидается, скорее это может произойти стихийно, на основании различных локальных и региональных социально-экономических и политических интересов; так, например, уже обозначилась противоположность интересов фракций Пале и Бая-Лука внутри Сербской демократической партии. Сербская Северная Босния еще долго будет проявлять иные интересы, чем сербская Восточная Босния. Интересы хорватов в кантоне Посавина коренным образом отличаются от интересов жителей двух других хорватских юго-западных кантонов и от интересов хорватов, проживающих в смешанных кантонах, а также от интересов хорватской диаспоры. Тем не менее в ноябре 2008 – феврале 2009 г. Сулейман Тихич (SDA), Милорад Додик (SNSD) и Драган Чович (HDZ BiH) предприняли попытку объединить усилия партий для продвижения концепта децентрализации (Prud agreement), но этому воспротивились рядовые члены их партий. Возможность ликвидации автономий и дальнейшее деление Республики Сербской на кантоны с целью поддержать локальные интересы в противовес этнонациональным представляются реальными лишь при условии жесткого давления со стороны Верховного представителя по Боснии и Герцеговине, впрочем, для этого ему сейчас не хватает военно-полицейского потенциала и политического авторитета. Но даже если бы удалось ликвидировать автономии и осуществить дальнейшее деление на кантоны, формирования кантонального самосознания у населения можно было бы ожидать только через несколько поколений. Простых политических и бюро-

кратических интересов представителей властей кантонов было бы недостаточно для того, чтобы подорвать политическую потребность в единой этнонациональной политике и кооперации кантонов, населенных одним этносом.

5. Радикальная децентрализация как фундамент для добровольной кооперации

Альтернативой сценарию превращения в традиционное унитарное и федеративное государство или же вообще его распаду может стать принятие превалирующего национального самосознания как этнонационального, что обычно соответствует демократичной форме малого государства. Это может (хотя и необязательно) привести к обоюдному и международному признанию двух или трех независимых государств – наследников Боснии и Герцеговины, как это было в случае с Югославией (1992–2006), что вряд ли возможно без проведения новых границ кантонов со смешанным населением, для чего было бы необходимо принятие слабой федеративной или даже конфедеративной государственной структуры. Это помогло бы сохранить в ООН фикцию общего государства Босния и Герцеговина, которое интегрируется в Европейский союз и НАТО. Представляется возможным также дополнение существующих региональных структур созданием личных связей между представителями внутри каждого из трех основных этносов по образцу Бельгии (фламандцы, валлоны, немцы). Для того чтобы понять, облегчит ли ситуацию и процессы принятия политических решений в государстве учреждение двух отдельных (преимущественно хорватского и боснийского) автономных субъектов наряду с преимущественно сербским (поскольку это обеспечило бы постоянную смену коалиций), необходимо подробное исследование общественного мнения в Боснии и Герцеговине. Новые поколения, не пережившие ужасов войны, могут и должны научиться вступать в межэтническую кооперацию и интегрироваться, невзирая на этнонациональные различия, что постепенно происходило в европейских государствах с 1952 г. Урбанизация приводит к тому, что значение земельной собственности падает, а вместе с ним затухает борьба за этническое превосходство в отдельных областях.

Какую политику можно посоветовать Евросоюзу? В ближайшее время, по крайней мере до выборов 2010 г., но и предположительно в предстоящие четыре года, рекомендуется не упразднить пост Верховного представителя по Боснии и Герцеговины и выводить Европейскую полицейскую миссию и Европе и Вооруженные силы стран

Европейского союза. Было бы разумным резко ограничить авторитарное вмешательство Верховного представителя, чтобы боснийцы смогли получить опыт в самоуправлении со всеми ожидаемыми негативными впечатлениями от их переменчивой политики обструкции и обоюдного наложения вето и в конце концов понять, что невозможно отказаться от сотрудничества с соседями – представителями иных этносов. ЕС должен дать стимулы к межэтнической кооперации, но не должен к ней принуждать. Не будет вредным, если пункт о повторной военной и полицейской интервенции останется правомерным и закрепленным в плане политических действий Брюсселя на случай, если в стране начнутся насильственные действия.

Государственно-политическая децентрализация будет иметь значительную поддержку среди местных гражданских инициатив и международных неправительственных организаций, которые проделают основную общественную работу и активно используют возможность разрешения конфликта на межэтническом уровне и межэтническое взаимодействие на работе, в сфере образования, а также при организации досуга. В Боснии и Герцеговине, как и прежде, будет использоваться несравнимо больше финансовых и человеческих ресурсов для межэтнической кооперации, чем, например, в Афганистане, Руанде, Конго и других расколотых гражданской войной странах, хотя внимание мировой общественности постоянно перемещается от одного очага кризиса к другому, а после апогея эмоционального напряжения и сильного сочувствия заинтересованность быстро снижается.

6. Преобладающая тенденция к упадку страны без гражданской войны

Вероятнее всего, политический и социально-экономический упадок страны будет продолжаться, даже несмотря на активное вмешательство Верховного представителя и международного сообщества. Согласно всем прогнозам в ближайшие месяцы финансовый кризис перерастет в более крупный экономический, который заденет посткоммунистическую Европу значительно сильнее, чем экономически более крепкие страны ЕС. Повсюду можно видеть экономический национализм. Зависимые от выборов правительства будут прежде всего пытаться сдержать растущую безработицу, то есть по возможности смириться с закрытием заводов и сокращением персонала в крупных транснациональных предприятиях, прежде всего за рубежом. Президент Франции Николя Саркози открыто заявил об этом, говоря о французской автомобильной промышленности. Тенден-

ции обращения к национальному протекционизму встречаются и в политико-экономических высказываниях нового президента США Барака Обамы. Немецкие политики также заботятся в первую очередь о будущем заводов Опеля в Германии, а не о заводах Дженерал Моторс в Польше или Португалии. Существование демократических государств как национальных способствует определенному экономическому национализму, особенно во время экономического спада. То, насколько политическая элита сможет выдержать демократическое давление избирателей, зависит от ее дальновидности. В лучшем случае экономический кризис может даже дать толчок к политической европеизации и глобализации. На печальные последствия того, что существует противоречие между наличием единой европейской валюты и проведением отдельных национальных финансовых и налоговых политик разных стран, можно отреагировать применением двух разных мер: с одной стороны, потребовать возвращения национальных валют, с другой – способствовать выработке единой финансовой и налоговой политики.

Очень многое зависит от политической элиты и особенно от СМИ, поддастся ли политическая элита мнению избирателей всех стран и объявит ли экономический упадок своей страны слишком сильной зависимостью национальной экономики (что в принципе следует избегать) от брюссельской бюрократии, глобализации, укрепляющихся национальных экономик других стран и особенно от зарубежья, или же она признает, что необходимо развивать политико-экономическую координацию и кооперацию как на европейском, так и на мировом уровне, и распространит среди общественности эту точку зрения. Насколько в ЕС слабы европейская солидарность и политический механизм выравнивания интересов стало понятно в начале этого года (2009 г. – *Пер.*), когда Болгария и Словакия из-за российско-украинского конфликта вокруг условий поставки газа испытали трудности с энергоснабжением, а другие страны-члены ЕС не оказали им помощи. В ближайшие месяцы и, возможно, еще два или три года после экономического кризиса гораздо сильнее пострадают страны-кандидаты на вступление в ЕС, такие как Босния и Герцеговина, чем страны, которые уже были приняты в ЕС. Более детальное знакомство с экономической системой Боснии и Герцеговины позволит сделать полезные прогнозы о возможно неравном влиянии экономического кризиса на отдельные этносы и регионы Боснии. Поскольку экономика во многом определяется политикой, можно ожидать, что разные последствия кризиса на отдельные регионы страны объясняются этнонациональной политикой. Например, мировой кризис 1929–1933 гг. в Чехословакии привел к тому, что

высоко индустриализованные и заселенные судетскими немцами пограничные регионы Богемии и Моравии пострадали от кризиса больше, чем центральные, населенные чехами районы страны, тогда еще преимущественно аграрные. Правившая чешская аграрная партия больше заботилась об интересах населения чешских областей, чем о судетских немцах, что в значительной степени привело к их правой политической радикализации. Если разные этносы и регионы Боснии и Герцеговины будут затронуты предстоящим кризисом в разной степени, то с определенной долей уверенности можно будет ожидать, что представители тех этносов и регионов, которые пострадают от кризиса сильнее других, проявят политическую агрессию в отношении центрального правительства и представителей ЕС в стране.

Подобный ход развития может воспрепятствовать возвращению на родину более чем миллиона беженцев, а также стимулировать эмиграцию высококвалифицированной и предприимчивой молодежи. Можно ожидать периодических насильственных противостояний, но не регулярной гражданской войны. Перелом в тенденциях развития произойдет лишь со сменой настроений у новых поколений и при более благоприятной экономической ситуации в мире, что приведет к появлению новых политиков и, при определенных условиях, новых политических партий. Вероятнее всего, это будут скорее готовые к кооперации этнонациональные партии, чем радикальный поворот к многоэтническим общегосударственным партиям. Это говорит о том, что стратегии будущего, ориентированные на автономию административных единиц, а также на федерализм и многонациональность, имеют гораздо больше шансов на успех, чем унитарные, которые гонятся за фикцией полиэтнического *nation-building*^{*}, который еще предстоит создать. Условием для этого будет принятие сформировавшегося в годы гражданской войны нового этнического ландшафта и новых государственно-политических структур новыми поколениями, которые однажды захотят, чтобы их страна вошла в Европейский союз.

* Национальное образование (*англ.*).

КОСОВО, ЛИВИЯ И ДРУГИЕ СЛУЧАИ ВООРУЖЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ РАДИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА («ГУМАНИТАРНЫЕ ИНТЕРВЕНЦИИ»)*

Краткое содержание

Защита прав человека и гражданина от посягательств со стороны граждан, общественных групп или отдельных государственных чиновников традиционно является задачей каждого государства. Если есть серьезная и продолжительная угроза нарушения этих прав или же они нарушаются государственными органами, то согласно привычным представлениям принуждение государственных органов к изменению политического поведения или замена этих органов посредством насильственной или ненасильственной революции становится задачей суверенного народа. Международно-правовые принципы государственного суверенитета и неприкосновенности, а также невмешательства во внутренние дела других государств долгое время запрещали интервенцию стран или международных организаций в государства, аппарат управления которых был не в состоянии защищать права человека или же сам активно их нарушал. Как следствие государствам приходилось допускать, что в некоторых странах имело место массовое уничтожение граждан носителями государственной власти или приближенными к ней, не только в военное время, но и в мирное (Руанда в 1990-х гг., СССР в 1930-х гг.).

Интернационализация общества, политики и СМИ делает молчаливое наблюдение за массовыми убийствами внутри других государств еще более тяжелым, морально и политически невыносимым и побуждает защищать граждан от своего же государства и сограждан. В случае сербско-югославской политики изгнаний и убийств в Ко-

* Эта лекция была прочитана 20 июня 2011 г. Данные о событиях в Ливии обновлены не были, поскольку цель лекции – рассмотрение ключевых проблем «гуманитарной интервенции», а не изложение событий в Ливии после начала военных действий. (Прим. автора.)

сово войска НАТО без мандата ООН провели массивные бомбардировки с мая по июнь 1999 г., с марта 2011 г. они это делают в Ливии с разрешения ООН.

В международном праве «гуманитарная интервенция» остается спорным вопросом не только из-за ее противоречия запрету на агрессию и нарушения принципа суверенитета, но и часто вызывает подозрения, что защита прав человека используется как предлог, маскирующий другие интересы. В политике и международном праве должны быть разработаны новые правила сочетания обоих принципов: защиты прав человека с одной стороны, с другой – государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела других государств. Эти новые правила могли бы практиковаться Советом Безопасности ООН, но лучше, если бы они исполнялись новыми институтами, например, трибуналом по вопросам интервенции или Советом по опеке, чтобы институционально разделить правовую оценку сложной ситуации вокруг прав человека и осуществление военной интервенции для препятствия серьезному нарушению прав человека.

1. Запрещение агрессии и разрешение интервенции

17 марта 2011 г. Совет Безопасности ООН в своей Резолюции № 1970 с целью защиты гражданского населения разрешил международное военное вмешательство для установления над Ливией бесполетной зоны, но в то же время исключил введение в нее сухопутных войск. В военном вмешательстве на настоящий момент (июнь 2011) принимают участие 15 государств, в основном члены НАТО, а также Катар и Объединенные Арабские Эмираты. Однако войска не всех этих государств осуществляют военные вылеты. С 4 апреля военное вмешательство осуществляется НАТО, и за это время оно переросло в поддержку одной из конфликтующих сторон в гражданской войне, причем военные самолеты и вертолеты НАТО к концу мая 2011 г. убили 718 мирных жителей, не считая бесчисленных гражданских лиц, убитых как повстанцами, так и солдатами Муаммара Каддафи.

В отличие от интервенции в Югославию и Косово (24 марта – 10 июня 1999), интервенция в Ливию (также проводимая силами НАТО) была санкционирована Советом Безопасности ООН, при этом Россия и КНР в марте 2011 г. воздержались при голосовании, а Германия, воздержавшись при голосовании, не помешала набрать при голосовании резолюции необходимое квалифицированное большинство голосов (девять из пятнадцати). В случае с интервенцией в Косово Россия и Китай на предварительных переговорах в Сове-

те Безопасности однозначно сказали «нет», поэтому голосование по поводу резолюции касательно интервенции даже не состоялось. Тем не менее участие Германии в интервенции тогда ограничилось предоставлением нескольких военных самолетов. Таким образом, в то время как в 1999 г. Германия участвовала в военной интервенции, вокруг которой велись оживленные споры, в 2011 г. она отказывается принять участие в интервенции менее спорной.

В 1999 г. во всем мире, в том числе и в Германии, шли серьезные дебаты вокруг «за» и «против» международной интервенции НАТО, тем более не одобренной Советом Безопасности ООН. В 2011 г. вопрос о легитимности интервенции ООН уже практически не поднимался. Интервенция в Ливию обсуждается гораздо более сдержанно, и при этом приводятся чисто прагматические аргументы, в том числе и в Германии. Воздержание правящей коалиции христианских демократов и либералов при голосовании никак не связано с однозначным выступлением против военной интервенции ООН или защиты прав человека войсками НАТО. Это воздержание объяснялось скептической оценкой шансов интервенции на успех и нежеланием втягивать Германию в еще одну продолжительную гражданскую войну, как это было в случае с Афганистаном и Ираком. Хотя воздержание при голосовании в Германии критиковалось почти всеми политическими партиями, кроме партии «Левые», которая, однако, не смогла добиться от правящей коалиции объяснения своей позиции и потребовала пересмотра политики Германии в отношении Ливии. Таким образом, практически молчаливая политика правительства, не способного ее обосновать и потому опиравшегося на молчаливое общественное большинство, не желавшее быть втянутым в запутанные querelles arabes*, пересмотрена не была. Ради чего немецкие солдаты должны умирать в Ливии в результате военного вмешательства, которое дорого обойдется стране? Ради сомнительных интересов нефтяных компаний? Ради радикальных исламистов, которые могут победить после свержения Каддафи и соблюдать права человека еще меньше, чем правящий сейчас деспот? За отказом Германии участвовать в военной интервенции в Ливию в любом случае лишь частично стоит решительное политическое «нет» международной военной интервенции НАТО или ООН, скорее это довольно равнодушное отношение к событиям в Ливии, вроде «обойдутся и без нас».

Даже для многих немцев, критикующих воздержание Германии при голосовании в Совете Безопасности, в первую очередь речь идет

* Ссоры арабов (*франц.*).

не об убежденности в том, что военное вмешательство необходимо для защиты гражданского населения и их права на мирные демонстрации против правительства или для поддержки демократической стороны, участвующей в гражданской войне, против диктатуры Каддафи. Главный аргумент состоит в том, что демократическая Германия фактически встала в один ряд с недемократическими режимами России и Китая против демократических партнеров по объединениям НАТО и ЕС и тем самым на годы вызвала в западных партнерах сомнения в своей надежности. Основным моментом критики немецкого правительства, исходившей в том числе от таких известных членов ХДС, как Фолькер Рюэ, Йорг Шёнбон и Вольфганг Босбах, выступает не отказ Германии предоставить свои воздушные и морские войска в распоряжение ливийской миссии, а решение отказать западным партнерам в легитимации Советом Безопасности их готовности осуществить интервенцию. Политическое «да» резолюции Совета Безопасности ООН по Ливии не обязательно требовало готовности принять участие в военном вмешательстве – в основном такой аргумент приводят критики правительства из рядов ХДС, СДПГ и «Зеленых». Лишь некоторые политики высказались за военное вмешательство, например, это сделал Йоахим Гаук на вручении награды имени Людвиг Бёрне. Поэтому справедливо говорили, что воздержание России и Китая при голосовании было скрытым «да» интервенции в Ливию (потому что это был отказ от права вето, который привел к возможности реализовать решение Совета Безопасности), в то время как воздержание Германии было замаскированным «нет».

Конфликт вокруг воздержания Германии при голосовании и его последствий кое-как смягчается тем, что в западном мире оно вызвало на удивление менее резкую и менее широкую критику. Гораздо больше бросаются в глаза общие усилия, направленные на минимизацию вреда, который был нанесен имиджу демократической Германии и сотрудничеству ЕС и НАТО. Например, Барак Обама решил поддержать Ангелу Меркель, вручив ей 7 июня 2011 г. Президентскую медаль Свободы, и в то же время он заставил ее пообещать, что по окончании гражданской войны Германия окажет значительную финансовую помощь в восстановлении Ливии. Однако в нашей лекции мы не будем подробно останавливаться на подобных сопутствующих политических событиях.

Нашим главным вопросом будет следующий: как две правовые нормы (касающиеся массовых убийств и иных широких нарушений прав человека, например, в Косово в 1999 г., в Ливии в 2011 г., в Руанде в 1994 г.), закрепленные в международном праве и в уставе ООН, могут уравновешивать друг друга, если они друг другу противоречат?

Речь идет о запрете агрессии и принципе защиты прав человека, на который все чаще ссылаются для обоснования права и обязанности военной интервенции в особых случаях нарушения прав человека. Обе нормы, взятые сами по себе, с точки зрения международного права и политики не являются спорными. Они закреплены в уставе ООН и в общем международном праве, но имеют разную силу.

2. Попытки оправдать военную интервенцию в целях защиты прав человека

Прежде всего однозначно скажем: часто употребляемое выражение «гуманитарная интервенция» – циничный эвфемизм. Под интервенцией понимается не вербальное (политическое и гражданское), а военное и насильственное вмешательство. В ходе интервенционной войны убивают людей, а это нельзя назвать гуманным и человеческим поступком. Военная интервенция представляет собой нападение на государство, которое само не совершило нападения на страны-интервенты, и в связи с этим оно и его союзники рассматривают интервенцию как агрессию, нарушающую международно-правовые нормы. Государство, на которое было совершено нападение, как правило, бывает не в состоянии защищаться. Однако в таком случае оборона не противоречила бы международному праву. В отличие от агрессии (в привычном понимании этого слова) интервенция направлена не на завоевание, подчинение или навязывание агрессором своего политического режима, а на защиту прав человека, а также на поддержание международного правопорядка и мира. Если исходить из оправдания военной интервенции, то ее целью может быть только смена политического курса: существующий режим должен перестать нарушать права человека. На практике же многие интервенты не довольствуются простыми изменениями политического курса, их желания начинают сводиться либо к смене политического режима (это мы можем предположить в ситуации вокруг Ливии) или даже к ликвидации суверенитета государства на той территории, где широко нарушаются права какой-либо (чаще всего этнонациональной) общественной группы (например, Косово).

Смысл военной интервенции заключается не в наказании тех, кто осуществляет массовые убийства, а в своевременном воспрепятствовании совершению возможных дальнейших массовых убийств и иных нарушений прав человека и примирении с гибелью многих невинных людей (сопутствующий ущерб). Для того чтобы предотвратить большое зло, приходится мириться с малым. При этом априори

нелегитимной будет интервенция, при которой для предотвращения большого зла придется совершить зло еще большее, то есть, например, если интервенция унесет жизней больше, чем это было бы в случае фактического невмешательства в массовые убийства, имеющие место в государстве, не соблюдающем права человека. В настоящем случае с Ливией такое вполне может случиться. Что касается интервенции в Югославию, то сейчас можно с большой долей уверенности сказать, что благодаря интервенции гораздо больше людей было спасено, чем убито, при этом также удалось предотвратить изгнание из Косова свыше миллиона албанцев, а Сербия и Косово получили шанс демократизации. Что касается Руанды, сложно представить, что раннее военное вмешательство ООН принесло бы больше урона, чем бездействие. Таким образом, неизбежным оказывается выбор между двух зол и двумя более или менее предсказуемыми вариантами развития событий. Во-первых, какие широкие нарушения прав человека могут произойти, если интервенция не произойдет? Во-вторых, сколько человеческих жизней и разрушений станут платой за совершение интервенции и для кого? Хотя только впоследствии станет понятно, какое зло было причинено в каждом конкретном случае, даже тогда любой нереальный сценарий реальной интервенции (например, в Косово) или воздержания от интервенции (случай Руанды) носит гипотетический характер и поэтому, как правило, остается спорным.

Поскольку угроза любых массовых убийств не всегда означает, что они обязательно произойдут, военная интервенция, возможно, никогда не сможет предупредить их вовремя, а после совершения массовых убийств интервенция с правовой точки зрения уже бессмысленна. Практически военную интервенцию в целях защиты прав человека можно начать тогда, когда (выразимся цинично) на улицах лежит уже достаточно трупов, но лучше, если она начнется вовремя, когда еще есть шанс прекратить массовые убийства или иные нарушения прав человека, пока они еще совершаются. В связи с этим современники и представляющие их интересы политики должны в течение сравнительно краткого периода времени просчитать два возможных варианта развития событий в случае принятия решения об интервенции или отказа от нее; но этот выбор неизбежен. Если военная интервенция в целях защиты прав человека считается легитимной и в определенных ситуациях необходимой, то задолго до возникновения подобной ситуации нужно позаботиться о том, чтобы были подготовлены войска, способные осуществить интервенцию.

Если мы категорически отвергаем войну, то есть и оборонительную войну, то интервенция, само собой, априори становится незаконной. Если мы, как и большинство людей, придерживаемся точки зрения,

что существуют вещи более важные чем мир, а именно сохранение прав и свобод человека, а также память о них, тогда стоит задаться вопросом, при каких условиях вооруженная защита своего государства (а также правопорядка и свобод в нем) и защита в своем государстве прав человека (посредством революции или гражданской войны) или же в любом другом государстве (посредством интервенции) легитимна. Так выглядит изложенная вкратце морально-политическая проблематика вопроса, но как он выглядит с точки зрения международного права и политической практики?

3. Право на интервенцию: от национального к международному

ООН, как в свое время Лига Наций, рассматривает себя прежде всего как мирное объединение. В связи с этим в уставе ООН мероприятия, направленные на поддержание мира, прописаны особенно основательно и подробно. Наряду с этим у ООН есть и другие цели: поддержание благосостояния, защита прав человека, гарантия равноправия мужчин и женщин, больших и малых наций, а также многое другое. Однако в уставе ООН эти нормы имеют гораздо меньшее значение, чем сохранение мира. ООН – организация, основанная на принципе равенства всех суверенных членов, что прописано в ст. 2 п. 1. Пункт 4 той же статьи гласит: «Все Члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Объединенных Наций». Несомненно, что оккупация страны чужими войсками, превосходящими силой (например, как это было в Чехословакии в 1968 г.), не встречающая вооруженного сопротивления, является таким же нарушающим нормы международного права актом насилия, как и захватническая война, поэтому в статье Устава ООН говорится о насилии, а не только о войне.

Вследствие моральной и политической делигитимации войны после трагических событий 1914–1918 гг. в уставе ООН под этим термином подразумевается только война захватническая. Тем не менее до сих пор не удалось дать четкое и общепринятое определение агрессии (захватнической войны), пока есть лишь что-то приблизительное. Например, признаком агрессии однозначно является пересечение вооруженными объединениями границы чужого государства без согласия последнего. Таким образом, формально интервенция имеет кое-что общее с захватнической войной, несмотря на то что намере-

ния и последствия интервенции и захватнической войны абсолютно различны.

Войной считается только та ситуация, когда военному вторжению оказывается вооруженное сопротивление. Без оборонительной войны нет войны и захватнической. В языке современной политологии реальность оборонительной войны часто скрывается за словом «оборона», или применяются такие понятия, как «вынужденная мера», «операция» или «акция». Это можно рассматривать как чистое лицемерие, но нужно понимать исторический контекст вытеснения слова «война» из лексикона международного права и политики. ООН – не пацифистская организация, поэтому стоит задаться вопросом, при каких условиях международное право и устав ООН разрешают ведение оборонительной или даже интервенционной войны, после того как в 1929 г. с вступлением в силу Пакта Бриана – Келлога понятие захватнической войны оказалось в опале.

Право на ведение оборонительной войны в ст. 51 устава ООН обозначено как неотъемлемое право* (во французском переводе устава – *droit naturel***, в английском, правда, всего лишь *inherent right****), которым располагает не только государство, подвергшееся нападению, но и его союзники (индивидуальная и коллективная оборона). Некоторые политологи считают данное право ограниченным во времени, опираясь на следующую фразу из устава: «...до тех пор пока Совет Безопасности не пример мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности». Но право не может быть неотъемлемым, если оно ограничено во времени. Кроме того, ст. 51 начинается следующими словами: «Настоящий Устав ни в коей мере не затрагивает неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение на Члена Организации...» Таким образом, Совет Безопасности не может запретить ни одному государству защищаться и никогда этого не делал. То есть в уставе ООН ни слова не говорится о полном запрете насилия.

Право Совета Безопасности на «применение силы» (ст. 44), то есть на ведение войны, в важной ст. 42 обозначено несколько расплывчато. Согласно главе VI устава ООН, если мирное урегулирование спорных вопросов, а также экономические и иные мероприятия, связанные с эмбарго, не возымеют результата, то «он (Совет Безопасности. – Э. Я.) уполномочивается предпринимать такие действия воз-

* В немецком варианте: *Naturrecht* – естественное право. (*Прим. пер.*)

** Естественное право (*франц.*).

*** Врожденное, унаследованное право (*англ.*).

душными, морскими или сухопутными силами, какие окажутся необходимыми для поддержания или восстановления международного мира и безопасности. Такие действия могут включать демонстрации, блокаду и другие операции воздушных, морских или сухопутных сил Членов Организации».

Если международное содружество государств воспринимает нападение на одну из стран не только как угрозу данному государству, но и как угрозу международному правопорядку, тогда в приведенных выше статьях устава члены ООН видят свое право на поддержку государства, подвергнувшегося нападению. До настоящего момента в истории это случалось только трижды. Первый раз в 1950 г. в случае агрессии Северной Кореи против Южной Кореи. Второй раз коллективная оборонительная война, одобренная как минимум Советом Безопасности ООН, имела место в 1991 г. при защите и восстановлении суверенитета Кувейта. Террористический акт, совершенный 11 сентября 2001 г., ООН интерпретировала как военное действие против США, но после этого военных действий под командованием ООН не последовало, только легитимация участия США и их союзников в войне в Афганистане в качестве самозащиты, так что это не считается интервенцией.

Как мы видим, с легитимацией коллективной оборонительной войны ООН до сих пор была достаточно сдержанна. Право использования вооруженной силы для иных целей, кроме поддержания мира (например, для защиты прав человека), уставом ООН не предусмотрено. Защита прав человека – задача суверенного государства, во внутренние дела которого не может вмешиваться ни одно другое государство. Получается, ООН оспаривает у самой себя право на вмешательство во внутренние дела государств-членов. Ст. 2 п. 7 гласит: «Настоящий Устав ни в коей мере не дает Организации Объединенных Наций права на вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства, и не требует от Членов Организации Объединенных Наций представлять такие дела на разрешение в порядке настоящего Устава; правда, этот принцип не затрагивает применения принудительных мер на основании Главы VII». Согласно строгому толкованию, захватническая война, уносящая жизни нескольких сотен людей, представляет собой преступление, на которое Совет Безопасности ООН имеет право ответить оборонительной войной; однако массовые убийства и геноцид внутри государства, при которых погибают миллионы людей (например, в 1930-е гг. в СССР), являются внутрисоветским делом, в которое Совет Безопасности не имеет права вмешиваться с применением военных средств.

С вступления в силу Хартии ООН в 1945 г. международное право получило дальнейшее развитие, в основном благодаря самой ООН. Больше внимания стало уделяться защите прав человека, определение которых было уточнено. Особенно стоит упомянуть, например, «Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказании за него», вступившую в силу в 1951 г. В 1976 г. вступили в силу два договора: первый – о гражданских и политических правах, второй – об экономических, социальных и культурных правах. Однако в данных конвенциях не прописаны санкции за их нарушение.

Представляется сомнительным, что в будущем ООН внесет в свой устав изменения или заключит новое соглашение, открыто устанавливающее правила для международных военных действий в целях защиты прав человека. Но даже если открытое изменение правовых норм невозможно, обычно в определенной степени остается возможность изменить правовую норму более мягким способом, с помощью новой интерпретации. ООН уже неоднократно шла таким путем. В нашем спорном вопросе это происходило и происходит двумя путями: с одной стороны, посредством расширения понятия «мир», с другой – с помощью сужения понятия «суверенитет» и вместе с тем сужения круга ситуаций, когда нельзя вмешиваться во внутренние дела государств-членов ООН.

На нашей планете в любой стране постоянно нарушаются какие-либо права человека. Это не вызывает больших международных проблем до тех пор, пока нарушение прав человека и гражданина совершается отдельными гражданами, небольшими общественными группами, отдельными чиновниками или государственными органами, а разделение государственной власти и правовой системы позволяет наказывать за нарушения прав человека внутри данного государства, предотвращать их. Вопрос о политическом или – при определенных обстоятельствах – военном вмешательстве извне встанет только в том случае, когда само государство широко нарушает права человека, то есть в мирное время массово уничтожает граждан с помощью своего аппарата насилия или лояльных государству организаций или же лишает граждан их прав. Этот вопрос поднимается также в ситуации, когда государство, несмотря на свое желание защищать права граждан, в действительности оказывается не в состоянии использовать свою верховную власть для борьбы с негосударственными вооруженными объединениями, нарушающими права человека. Ни в теории, ни на практике не существует общих критериев, по которым однозначно можно было бы отличить широкие нарушения прав человека от нарушений менее значительных. Согласие есть лишь по поводу того, что массовые убийства десятков тысяч мирных жи-

телей являются серьезным нарушением прав человека, однако гражданская война, в которой вооруженные стороны конфликта массово убивают друг друга, таковым не является. Массовые изгнания сотен тысяч людей также рассматриваются как тяжелое нарушение прав, тем более что в больших масштабах оно невозможно без применения физического насилия.

Уже с древности государства добивались права на интервенцию в особом случае: при серьезной дискриминации и преследовании своих подданных или граждан, проживающих в другом государстве, и это было закреплено в международном праве. В первую очередь влиятельные государства всегда любили показывать, что их влияние на представителей своей титульной нации, проживающих на территории другого государства, превосходит суверенитет этого государства на своей территории. Здесь возникает конфликт между двумя сторонами одной медали: государственного суверенитета. Сегодня ограниченное военное вмешательство в целях защиты своих граждан или граждан дружественных государств редко встречает вооруженное сопротивление, какое было, например, когда американские войска предприняли попытку освободить сотрудников своего посольства в Тегеране. Подобные вмешательства не ставят под вопрос суверенитет государства, в которое вторгаются, над своими гражданами.

Намного более проблематичными были интервенции, когда некое государство объявляло своими «подопечными» отдельные категории подданных других, в политическом и военном плане обычно более слабых государств, и использовало реальную или выдуманную дискриминацию и преследование этих «подопечных» как повод или предлог для военного вмешательства в страну, где якобы были нарушены права данной категории жителей. Подобная практика интервенции неоднократно применялась, например, европейскими державами по отношению к Османской империи с XVI в. Современная форма подобной интервенции ради защиты прав определенной категории жителей может быть следствием наличия у части населения двойного гражданства. Подобный пример в 2008 г. продемонстрировала Россия, объяснившая войну против Грузии не только нападением последней на миротворческие войска, дислоцированные в Южной Осетии согласно договору, но и необходимостью защиты южных осетин, обладающих как грузинским, так и российским гражданством. Многие государства оправдывают подобную форму права на интервенцию необходимостью защиты своих национальных меньшинств, проживающих в соседних государствах, даже если последние обладают гражданством только страны проживания. Все похожие претензии на интервенцию обосновываются национальными или государственными

ми интересами, несмотря на то что они часто поддерживаются другими странами. Интервенция, вызванная национальными интересами, на международной арене бывает обычно справедливо встречена с недоверием.

Интернационализация права на интервенцию – следствие холодной войны между демократической западной и коммунистической системами. Советский Союз со своей теорией и практикой братской военной помощи революционным движениям в других странах для защиты пролетарских и национальных освободительных движений требовал права на интервенцию, насколько соотношение сил в мире это позволяло. Согласно доктрине Брежнева (1968) даже «контрреволюция» мирных движений против исторически некогда успешно установившегося, якобы прогрессивного (поскольку воплощающего всеобщее право человека) коммунистического режима рассматривалась как повод для международной военной интервенции сообщества социалистических государств в целях сохранения коммунистического господства.

Несмотря на то что Запад провозгласил равенство прав человека и построил правовое государство и плюралистическую представительную демократию, до распада однопартийной коммунистической системы он не претендовал на право интервенции в страны с недемократическими режимами. Только после распада однопартийной коммунистической системы, то есть с 1990-х гг., распространилась тенденция к применению права интервенции в целях защиты прав человека (и имплицитно демократических движений), причем в трех различных проявлениях.

Единственной и преобладающей в мире формой права военной интервенции является исключительно интервенция, одобренная Советом Безопасности ООН как органом, ответственным за поддержание и восстановление мира и международной безопасности, а также имеющим право на применение военной силы. Соответственно, право интервенции вытекает из расширения понятия мира и угрозы миру. Серьезные нарушения прав человека считаются нарушением мира. При рассуждении в качестве первого шага служит утверждение, что тяжелые нарушения прав человека подталкивают граждан к бегству за границу, что угрожает стабильности и безопасности соседних государств и может привести к межгосударственной войне, то есть представляет собой угрозу миру. В качестве второго шага широкие нарушения прав человека рассматриваются как нарушение мира и международного правопорядка, даже если они изначально не вели к вооруженному межгосударственному конфликту. Как следствие, это привело к изменению понимания суверенитета, согласно которому

широкие нарушения прав человека не являются исключительно внутренним вопросом государства и не могут входить в круг внутренних компетенций государства. Впервые такая аргументация была приведена в 1976 г. при осуждении Генеральной ассамблеей ООН системы апартеида в ЮАР.

Вторая форма права на интервенцию основана на предположении о тесной и неразрывной связи демократии и прав человека. Как утверждается, только в плюралистической, представительной и связанной с правовым государством демократии гражданам гарантированы основные права человека, такие как право на свободное и открытое выражение мнения, право на свободное объединение и собрание, на выражение политического мнения на выборах и при народном голосовании. Согласно данной предпосылке, диктатура и соблюдение прав человека являются несовместимыми. Насильственные действия диктаторских режимов с целью подавления гражданских движений и движений за права человека, особенно тех, которые требуют проведения свободных выборов и установления демократии, являются серьезным нарушением прав человека и создают необходимость международной интервенции, причем при определенных обстоятельствах только тех стран, которые строго соблюдают права человека, то есть стран демократических. Согласно такой точке зрения, не ООН, среди членов которой есть государства с диктаторскими режимами, а объединения демократических государств, то есть преимущественно НАТО (которая гораздо ближе, чем ООН, к союзу народов в понимании Иммануила Канта), имеют право и обязаны совершать военную интервенцию для защиты прав человека. Такое общее право интервенции было применено НАТО при интервенции в Югославию (Косово), в которой принимала полноформатное участие Германия.

Третья форма права интервенции основана на признании ценности прав человека общим международным правом и уставом ООН. Исходя из этого, государство (не важно, выступая ли в одиночку или спонтанно собрав вокруг себя союзников), желающее защитить права человека с помощью военной силы и способное на это (в современном мире таким примером служат, пожалуй, только США), с точки зрения международного права и политической морали имеет право и обязано совершить интервенцию в государство, широко нарушающее права человека. Эти три формы международного права на интервенцию можно рассматривать как сжатие «всемирного» права ООН до регионального права сообщества демократических государств и, наконец, до индивидуального права родины современной демократии США и их союзников.

4. Потенциальная военная интервенция как стимул к вооружению

Если мы будем придерживаться мнения, что Совет Безопасности ООН обладает монополией на поддержание и восстановление мира, а также международной безопасности, и интерпретируем это как монополию на интервенцию, то из этого следует, что не все государства могут рассчитывать на то, что в случае широкого нарушения прав человека, исходящего со стороны государства или допускаемого им, будет совершена международная интервенция. Все страны, являющиеся постоянными членами Совета Безопасности, и их ближайшие союзники могут не опасаться интервенции, поскольку можно с уверенностью сказать, что в Совете Безопасности они проголосовали бы против интервенции в свои и союзные страны. Это, например, и происходит или может произойти с серьезным нарушением прав в Тибете, Чечне или в афроамериканских городских кварталах США.

Если мы обратимся к вышеупомянутому принципу военной интервенции для защиты прав человека, заключающемуся в том, что интервенция не должна унести больше жизней и принести больше страданий, чем само нарушение прав человека, то страна, совершающая интервенцию, в военном плане должна превосходить государство, в которое вторгается, чтобы по возможности не ставить под угрозу жизнь своих солдат. В то же время исключается вмешательство в дела страны с крайне сильным военным потенциалом, особенно, если она обладает оружием массового уничтожения, а также средствами поражения с дальним прицелом. В связи с этим таким державам, как Индия, Пакистан и Израиль, располагающим атомным оружием и ракетными носителями, в настоящее время международная военная интервенция не грозит. Атомная война в целях защиты прав человека в любом случае нарушила бы главный правовой принцип соразмерности средств.

Из сказанного выше следует, что из всех государств мира под угрозой интервенции могут оказаться лишь государства небольшие или средние по размерам, а также относительно слабые в военном отношении или политически изолированные. Примеры: интервенция в 1999 г. в Югославию, в 2003 г. – в Ирак (хотя в данном случае нарушение прав человека не было первоначальной причиной интервенции), в 2011 г. – в Ливию. Возможность интервенции в целях защиты прав человека в Сирию или Иран, режимы которых не реже, чем в Ливии, позволяют себе массово расстреливать тех, кто выходит на демонстрации за свободу и демократию, не была серьезно рассмотрена.

Превращение ООН из системы коллективной безопасности, функционирующей не во всех ситуациях и оказывающей реальное влияние в отдельных случаях агрессии (например, по отношению к Южной Корее или Кувейту), но неспособной сработать, если ядерные державы или постоянные члены Совета Безопасности ООН захотят начать завоевательную войну, в систему коллективной защиты прав человека в маленьких и средних государствах после окончания конфликта Восток–Запад может показаться некоторым наблюдателям прогрессом международной правовой системы, но в этом таится подвох, который нельзя не заметить. Очевидно, что превращение легитимации международной оборонительной войны против агрессии в легитимацию международной оборонительной войны против широких нарушений прав человека (иными словами, интервенция) побуждает диктаторские режимы своевременно подготовить не только свои вооруженные силы и боевые комплексы для подавления спонтанных массовых демонстраций или восстаний против режима, но и оружие массового поражения для устрашения потенциальных интервентов. Кажется, Северная Корея и Иран поняли это уже давно. Муаммар Каддафи, по всей видимости, еще несколько лет назад был уверен в устойчивости своего режима, поскольку оставил свои планы по созданию оружия массового поражения. Саддам Хусейн по меньшей мере блефовал, когда сообщил, что владеет таким оружием, чтобы отпугнуть возможных интервентов. Для диктаторов выводы из существования готовой к интервенции системы ООН сводятся к следующему: если хочешь сохранить власть в своих руках, создай оружие массового поражения до того, как ты захочешь или будешь вынужден осуществлять широкие нарушения прав человека.

Вероятность невоенной интервенции с целью защиты прав человека и учреждения Судебного трибунала по вопросам интервенции или Совета ООН по опеке.

Из всего сказанного следует, что интервенционная война в целях защиты прав человека, во-первых, имеет весьма сомнительное международно-правовое основание, а во-вторых, является вариантом действий (*ultima ratio**), которые при защите прав человека можно предпринять лишь в немногих случаях. Было бы разумно на базе новых международных договоров или конвенций создать основы для однозначной международной легитимации редких случаев интервенции, возможных в будущем. Нельзя исключать возможность с помо-

* Крайняя мера (*лат.*).

щью военных средств принуждения спасти сотни тысяч человеческих жизней в таких странах, как Югославия (Сербия), Ливия, Руанда или Босния и Герцеговина, только потому, что многие страны будут в состоянии широко нарушать права своих граждан, не боясь международной военной интервенции. В соответствии с международно-правовыми установлениями, касающимися военной интервенции, в современном мире только один политический институт – Совет Безопасности ООН – может быть наделен полномочиями решать вопрос о начале интервенционной войны в целях защиты прав человека как особого варианта международной оборонительной войны, предусмотренной уставом ООН. Чтобы частично разграничить оценку угрозы нарушения прав человека и введение военных санкций, было бы правильным создать международный трибунал по вопросам интервенции или в соответствии со ст. 13 устава ООН исторически утерявшему значение Совету ООН по опеке доверить задачу контроля над тем, чтобы в стране, в которой государственные органы не хотят или не в состоянии препятствовать широкому нарушению прав человека, соблюдение прав человека было восстановлено с соответствующим и умеренным применением военной силы извне.

Для того чтобы не возникла ситуация, когда подобный институт выносит решение о необходимости интервенции, а государства-члены ООН не располагают достаточными для этого военными силами, должны быть созданы гарантии того, что предложение начать интервенцию будет исходить только от государства или группы государств, готовых предоставить необходимые вооруженные силы. Политический институт, объявляющий интервенционную войну, но неспособный ее вести, выглядел бы смешно.

Чем больше случаев военной интервенции в целях защиты прав человека признаются легитимными, тем более возрастает опасность, что защита прав человека в некоторых или даже многих случаях используется как предлог для достижения иных целей, например, преследование экономических и стратегических интересов, а также интересов, связанных с вопросами энергетики и политикой безопасности. Защита прав человека также может легко использоваться в качестве сомнительной идеологии для «экспорта» демократии с помощью бомб и танков, как ранее коммунисты оказывали «братскую помощь» коммунистическим движениям в других странах.

Стремление отделить защиту прав человека от преследования интервентами иных (экономических, политических и стратегических) интересов является далеким от реальности. Интервенционная война требует задействования огромных финансовых, материальных и че-

ловеческих ресурсов. Государства – это не благотворительные организации, они должны думать об интересах своих наций, по крайней мере о приоритетных интересах. Интервенционные войны четко отличаются от захватнических лишь тем, что при нападении на государство, где массово нарушаются права человека, решающую роль играет защита прав, а остальные интересы являются второстепенными. Задачей независимого от Совета Безопасности ООН трибунала по вопросам интервенции или Совета по опеке должно быть обеспечение как можно более надежных гарантий приоритета защиты прав человека и контроль над ним.

Поскольку во многих случаях права человека не могут быть защищены с помощью международной военной интервенции, то ведущая роль по защите прав человека переходит к мирным национальным, а также транснациональным и международным организациям. Такие организации, как «Международная амнистия», «Репортеры без границ», «Human Rights Watch»* и многие другие, могут оказаться только предтечами международного гражданского движения, которое со временем должно окрепнуть и стать не только потенциальным орудием для защиты прав человека, но и единственной общественной силой, которая будет совершать или допускать эти нарушения. Однако подобное международное гражданское движение хоть и может поддерживать национальное движение за права человека в странах, где они нарушаются, не может его заменить. В связи с этим суверенитет национального государства как народный суверенитет остается политическим институтом, который нельзя упразднить.

6. Военная интервенция в будущем – редкое явление

Немногое говорит за то, что в ближайшие годы и десятилетия случаи военной интервенции с целью защиты прав человека учащаются. С другой стороны, усиление взаимосвязанности внутри международного сообщества, особенно благодаря СМИ, ведет к тому, что эмоциональное участие в судьбе, подвергающихся давлению, преследованиям или убийствам граждан других стран будет возрастать, а вместе с ним будут расти желание и чувство обязанности что-либо сделать. При этом будут как фазы спада международной заинтересованности во всех проявлениях (от готовности собирать пожертвования в пользу тех, чьи права были нарушены, до готовности отправить своих солдат

* Страж прав человека (англ.).

сражаться в интервенционной войне) и ее концентрация только на своем собственном национальном государстве, так и фазы усиления масштабов политического и гуманитарного сотрудничества человечества. В связи с этим кажется почти реальным, что некоторые варианты из тех, которые мы представили в данной лекции (трибунал по вопросам интервенции, развитие импульсов к международному гражданскому вмешательству для расширения и защиты прав человека), не сегодня–завтра, возможно, воплотятся в жизнь.

ВТОРАЯ ПОПЫТКА ДЕМОКРАТИЗАЦИИ В СЕРБИИ, ГРУЗИИ И УКРАИНЕ

Краткое содержание

После политического, социально-экономического и государственного перелома, произошедшего в 1986–1993 гг., все 23 (с Косово – 24) страны посткоммунистической Европы (в том числе три государства на Южном Кавказе) объявили о своих претензиях стать демократическими и приняли конституции, предусматривающие регулярное проведение выборов в рамках политической системы, основанной на конкуренции политических партий. Однако в некоторых странах это было реализовано лишь частично. Свобода мнения, право на свободные собрания и объединения различными способами были ограничены, а полное развитие и укрепление демократии в некоторой степени сдерживаются до сих пор.

В странах Центрально-Восточной Европы и Балтии, в Словении конституционно-правовая, институциональная и культурно-политическая демократизация развивалась очень быстро, в то время как в некоторых других странах массовым движениям приходилось принуждать правительство соблюдать конституцию и проводить честные выборы, чтобы осуществить смену правительства и дать второй импульс демократизации. Впервые это произошло в Союзной Республике Югославия (Сербия) в сентябре–октябре 2000 г. Сербия послужила примером для «революции роз» в ноябре 2003 г. в Грузии и для «оранжевой революции» в ноябре 2004 г. в Украине. Тем не менее три эти события не вызвали эффекта домино, хотя и стали ориентиром для оппозиционных движений в Азербайджане – против Ильхама Алиева и в Белоруссии – против Александра Лукашенко. В то же время авторитарно-автократические режимы посткоммунистических стран извлекли для себя урок из «цветных революций» и усилили контроль над негосударственными организациями и гражданскими инициативами.

Спорный вопрос заключается в том, насколько глубокими были демократические преобразования в Сербии, Грузии и Украине, были

ли они только косметическими мерами, направленными на улучшение имиджа полудемократической системы, или стали важными шагами на пути к реальной демократизации. Как и в случае всех других массовых революционных и радикально-реформистских движений, после пьянящей победы оппозиции в этих странах наступило «похмелье», когда надежды на улучшение политического и экономического положения страны не оправдались, а массовое движение утеряло свое единство. Тем не менее некоторые достижения оказались долговечными: разнообразный медийный ландшафт, проведение соответствующих правовым нормам свободных выборов, дающих оппозиции возможность победить, а также ориентация во внешней политике на западные демократические государства и на их союзников.

1. Массовые движения против фальсификаций на выборах

После политического, социально-экономического и государственного перелома, произошедшего в 1986–1993 гг., все страны посткоммунистической Европы (в том числе три государства Южного Кавказа) объявили о своих претензиях стать демократическими и приняли конституции, в которых предусматривалось регулярное проведение выборов в рамках политической системы, основанной на конкуренции политических партий. После признания независимости Черногории к этой категории относятся 23 (с Косово – 24) государства. Однако в некоторых странах заявленные изменения были реализованы лишь частично. Правительства этих государств различными способами ограничивали свободу слова, право на свободные собрания и объединения и до сих пор в некоторой степени препятствуют полноценному развитию и укреплению демократии. В 2010 г. нью-йоркская неправительственная организация «Freedom House» определила 13 из 24 посткоммунистических государств как свободные демократии, восемь – как полусвободные (Албания, Армения, Босния и Герцеговина, Грузия, Косово, Македония, Молдавия, Украина) и три – как несвободные (Азербайджан, Белоруссия и Россия). В 1997–1998 гг. Хорватия еще причислялась к полусвободным, а Союзная Республика Югославия (Сербия и Черногория) – вообще к несвободным государствам. Сегодня они считаются свободными демократическими государствами. Украина таковой считалась лишь временно. Грузия как раньше, так и сейчас причисляется к полусвободным государствам.

За последние годы развитие демократии в некоторых странах получило повторный импульс. Например, в Словакии, это произошло благодаря смене правительства – как следствия регулярных выборов,

в Хорватии – после того как партия президента-диктатора Франьо Туджмана Хорватское демократическое содружество (HDZ) потеряла свое влияние незадолго до его смерти. Введение избирательного права, основанного на принципе пропорционального представительства, способствовало победе на выборах оппозиции и привело к образованию в январе 2000 г. левоцентристского правительства. Новое парламентское большинство значительно ограничило круг полномочий президента, укрепило парламент и партии как политические институты, разрешило изгнанным и бежавшим сербам вернуться в места своего прежнего проживания и признало государство Босния и Герцеговина в его границах. В то же время новое правительство начало сотрудничать с международным трибуналом по бывшей Югославии, выдало ему тех, кто, по всей вероятности, виновен в преступлениях военного времени, а также стало заботиться о принятии Хорватии в блоки западных государств – НАТО и ЕС. Стоит предположить, что подобное развитие Хорватии значительно повлияло на последующее развитие Союзной Республики Югославия и на Сербию. В других государствах массовые движения, насчитывающие сотни тысяч, а в Украине и миллионы участников, для начала должны были добиться соблюдения конституции и проведения честных выборов для того, чтобы произошла смена правительства, что служит важным шагом навстречу демократии.

Подъем массового движения начался в Союзной Республике Югославия (особенно в Сербии) в сентябре–октябре 2000 г., когда 24 сентября в ходе президентских выборов коалиция из 18 оппозиционных партий (Демократическая оппозиция Сербии, DOS) набрала относительное большинство голосов, отданных за ее кандидата Воислава Коштуницу, члена Демократической партии Сербии (DSS), но его победа на выборах была «украдена» благодаря фальсификациям, на которые указывали многие факты. Это привело к всеобщей забастовке, массовым демонстрациям и другим протестным действиям, в которых большую роль играло студенческое движение «Отпор» (Отпор*). После «звездного марша» на Белград 5 октября начался штурм здания парламента без применения оружия. После этого конституционный суд пересмотрел свое решение в отношении победы на президентских выборах Слободана Милошевича, отменил свое первоначальное решение о проведении новых выборов и объявил победителем Воислава Коштуницу, который спустя два дня принес президентскую присягу. На проходивших также

* Сопrotивление, отпор (*сербск.-хорв.*). (Прим. ред.)

24 сентября парламентских выборах, бойкотированных косовскими албанцами и сторонниками независимости Черногории, Демократическое объединение Сербии не смогло получить большинства голосов, но в парламенте демократы – вместе с двумя просербски настроенными черногорскими партиями – образовали правящую коалицию, отстранившую от власти партию Слободана Милошевича «Социалистическая партия Сербии» (Социјалистичка партија Србије, СПС) и партию его жены Мирианы Маркович «Югославские левые» (Југословенска левица, ЈЛ).

Сербские массовые выступления против фальсификаций на выборах стали образцом для грузинской «революции роз» в ноябре 2003 г. Движение «Отпор» оказало влияние даже на «арабскую весну». На парламентских выборах, состоявшихся 2 ноября 2003 г., по официальным данным, опубликованным спустя 18 дней, победила набравшая 21,3 % голосов коалиция «За новую Грузию», основанная в апреле того же года президентом Эдуардом Шеварднадзе после тяжелого кризиса его предыдущей партии «Гражданский союз». Оппозиция, состоявшая из нескольких коалиций и партий, посчитала результаты фальсифицированными, позднее правительство и само в этом призналось. Часть оппозиции, партия «Единое национальное движение», возглавляемая бывшим министром юстиции Михаилом Саакашвили, официально набравшая 18,8 % голосов, потребовала не только повторного голосования, но и отставки президента Шеварднадзе. 22 ноября после многодневных массовых демонстраций оппозиция без применения оружия штурмовала здание парламента во время организационного заседания нового парламента. На следующий день на переговорах с оппозицией, проходивших при посредничестве России, Э. Шеварднадзе заявил о своей отставке. Это позволило провести 4 января 2004 г. досрочные повторные выборы президента, на которых победил кандидат от оппозиции Михаил Саакашвили, набравший 96,3 % голосов при явке 88 %. В то время как 85 депутатов, избранных прямым голосованием, сохранили свои мандаты, 28 апреля 2004 г. прошло переизбрание депутатов по партийным спискам. На этих выборах коалиция, состоявшая из «Единого национального движения» Саакашвили и «Объединенных демократов», возглавляемых председателем парламента Нино Бурджанадзе, набрала 66,2 % голосов, «Правая оппозиция» получила 7,9 % голосов, в то время как бывшая правящая партия и все остальные не смогли преодолеть семипроцентный барьер. Очевидно, что сообщения о фальсификациях на выборах и впечатление, произведенное массовым движением в Тбилиси, всего за несколько недель смогли совершить переворот в общественном сознании. «Революция роз» дополнилась массовыми

демонстрациями в автономной республике Аджария, где Михаил Саакашвили отстранил от власти консервативного и пророссийски настроенного главу Аджарской Республики Аслана Абашидзе. 20 июня на парламентских выборах в Аджарии победу одержала партия «Саакашвили – победившая Аджария», набравшая 75 % голосов.

В ноябре 2004 г. сербский и грузинский сценарии событий послужили образцом для «оранжевой революции» в Украине. На состоявшихся 31 октября президентских выборах политический лагерь бывшего президента Леонида Кучмы, который после двух сроков полномочий больше не мог участвовать в президентских выборах, поддержал кандидатуру премьер-министра Виктора Януковича, по официальным данным, набравшего 39,32 % голосов, в то время как объединенная оппозиция блока «Наша Украина» и «Блока Юлии Тимошенко» сделала своим кандидатом Виктора Ющенко. По официальным данным, он получил якобы 39,87 % голосов. Во втором туре выборов, прошедшем 21 ноября, Социалистическая партия Александра Мороза, не прошедшего во второй этап, и Партия предпринимателей и промышленников поддержали Ющенко. Однако согласно предварительным официальным данным лидировал Янукович. Это вызвало массовые демонстрации против многочисленных фальсификаций при сдаче бюллетеней и подсчете голосов. 24 ноября Центральная избирательная комиссия объявила победителем Януковича, за которого было подано 49,46 % голосов, Ющенко набрал 46,61 %. После этого Ющенко призвал к общей забастовке и подал в Верховный суд иск о фальсификации результатов выборов. Верховный суд признал итоги второго тура голосования недействительными и назначил на 26 декабря еще одни выборы. Для этого была сформирована новая Центральная избирательная комиссия и предприняты меры против подделки результатов. В результате нового голосования Ющенко получил 52 % голосов, Янукович всего лишь 44 %. Новый президент назначил Юлию Тимошенко премьер-министром, и ее кандидатура была одобрена парламентом единогласно.

Три вышеупомянутые «цветные революции» в марте 2005 г. стали примером для «революции тюльпанов» в Киргизии (мы не будем на ней подробно останавливаться). Хотя ее активисты и поддержали бывшего авторитарного правителя Аскара Акаева, в ходе этой революции он был замещен Курманбеком Бакиевым, ранее уволенным Акаевым с поста премьер-министра, поэтому данная революция имеет мало общего с тягой к демократизации. Гораздо более важными событиями были попытки подражать «цветным революциям» в Азербайджане после парламентских выборов 6 ноября 2005 г. (как и частично события после президентских выборов в октябре 2003 г.),

а также события в Белоруссии, последовавшие за президентскими выборами, прошедшими 19 марта 2006 г. В обоих случаях попытки оппозиции организовать массовые движения против фальсификаций на выборах потерпели неудачу, поскольку правительства этих стран предприняли жесткие меры для подавления протеста, а также в силу недостаточно высокой популярности и отсутствия единства внутри оппозиционных движений и их политического руководства. Даже некоторые авторитарные государства смогли извлечь для себя урок из «цветных революций»: они усилили контроль над негосударственными организациями и гражданской активностью. Это же произошло и в России, хотя президент Владимир Путин сначала располагал поддержкой большинства населения, и на выборах ему не нужно было прибегать к фальсификациям.

2. Косметические меры или демократический импульс?

Спорный вопрос заключается в том, насколько глубокими были и остаются демократические преобразования в Сербии, Грузии и Украине. Имели ли место исключительно косметические преобразования существующей полудемократической системы и простая смена кадров в верхах посткоммунистической политической элиты или действительно произошел серьезный демократический сдвиг? Спорен также вопрос, должен ли Запад укреплять все еще слабые демократические силы данных трех стран не только человеческими, организационными и финансовыми ресурсами, но и обещанием интеграции этих стран в НАТО и ЕС в обозримом будущем.

Как в случае радикальных перемен второй половины 1980-х и начала 1990-х гг. в поздне- и посткоммунистической Европе, так и в отношении событий в Сербии, Грузии, Украине и Киргизии часто и охотно используют имеющее оттенок драматизации и героизации понятие «революция», подразумевающее радикальные изменения политических и общественных условий. Однако на волне либерализации и демократизации конца XX в. «украшающие» понятие «революция» прилагательные, такие как «бархатная», «поющая» или «цветная», должны были помешать их ассоциации с насилием гражданской войны или кровопролитием. Однако подобные попытки предпринимались и ранее, не только сторонниками «ненасильственной революции». Было совсем забыто, что грузинской «революции роз» и киргизской «революции тюльпанов» предшествовала португальская «революция гвоздик» (1974), ликвидировавшая диктаторский режим и прошедшая тоже без кровопролития. Переворот в Тунисе, на-

чавшийся 17 декабря 2010 г., был назван «жасминовой революцией», влияние которой на положение в Китае привело к тому, что там слово «жасмин» подверглось цензуре в интернете.

Как в случае всех революционных (не важно, насильственных или ненасильственных) и всех радикально-реформистских массовых движений, спустя несколько месяцев после пьянящей победы оппозиционных движений в Сербии, Грузии и Украине наступило «похмелье», поскольку большая часть надежд на улучшение экономического, социального и политического положения страны не оправдалась, а массовое движение утратило свое единство. Если оглянуться назад, то можно было бы сказать, что «все осталось по-прежнему» и «ничего не изменилось». В Украине в феврале 2010 г. Виктору Януковичу удалось выиграть очередные президентские выборы*.

Стоит спросить, что, по мнению активистов «цветных революций», стоило изменить, а что в действительности было изменено. Непосредственной и общей целью всех массовых движений было разоблачение фальсификаций на последних президентских и парламентских выборах и исправление их результатов, а также исключение возможности подобных фальсификаций в будущем с помощью институциональных механизмов. В Сербии, Грузии, Киргизии и Азербайджане ситуация развивалась вокруг парламентских выборов, в Украине и Белоруссии – вокруг президентских. В результате успешных «цветных революций» были выбраны как новые парламенты, так и новые президенты. По сути, эта цель была не революционной, а консервативной и направленной на сохранение государственного устройства. В этих странах должны были либо быть признаны настоящие победители выборов, либо пройти повторные честные выборы, с мерами контроля над нарушениями. Во всех трех случаях эта цель была достигнута.

В глазах активистов массовых движений свободные и честные выборы, разумеется, не были самоцелью. Они надеялись – благодаря смене правительства – добиться повышения уровня жизни, особенно введения жестких мер против коррупции в политике и среди чиновников, а также в социально-экономической сфере. Эта коррупция считается источником социальной несправедливости и повседневных унижений, а также воспринимается как препятствие на пути экономического развития страны. На практике же, по всей видимости, ни в одной из трех стран ощутимого прогресса в борьбе с коррупцией

* В тексте данной лекции, завершенной в ноябре 2011 г., не освещаются драматические события на Украине, начавшиеся в ноябре 2013 г. (*Прим. автора.*)

не произошло. Тем более что уже давно стало традицией обвинять в коррупции своих политических конкурентов: пускать слухи о замешанности в коррупции, а также о покровительстве членам семьи и друзьям новых представителей власти, ранее выступавших с большими моральными и политическими обещаниями. Даже если принять во внимание, что не существует ни одного общества и политической системы, в которых не было бы коррупции, общества, находящиеся в стадии преобразования, всегда к ней наиболее склонны. Низкий уровень зарплат чиновников и управленцев и бросающееся в глаза благосостояние некоторых предпринимателей и менеджеров, нестабильность правовой системы и слабое развитие правового государства – все эти явления создают благоприятную почву для роста экономической преступности, и их сложно устранить.

Одним из больших разочарований, приходящих после «цветных революций», становится потеря политического единства оппозиционных движений. Если трезво смотреть на вещи, то раскола оппозиции можно было ждать всегда, поскольку оппозиция обычно представляла собой всего лишь спонтанно возникшее объединение для борьбы с общим противником, а не коалицию политических организаций, переживших долгий и структурно организованный процесс формирования политической воли для разработки общей политики. После свержения старого режима между оппозиционными группами неизбежно всплывают ранее из необходимости игнорируемые противоречия, особенно между их лидерами, делающими ставку на свою харизму. Например, в Сербии быстро обострились противоречия между национально-консервативным Воиславом Коштуницей и его Демократической партией Сербии (DSS), с одной стороны, и скорее либеральным и ориентированным на Запад Зораном Джиндичем и его Демократической партией (DS) – с другой. В марте 2003 г. последний был убит представителем отряда спецназа Сербии, который был создан тайной полицией и замешан в криминальной деятельности.

В Грузии с самого начала было заметно лидерство Михаила Саакашвили. Его позиция подкреплялась также тем, что были расширены президентские полномочия. Ни спикер парламента Нино Бурджанадзе, ни премьер-министр Зураб Жвания, несмотря на политические разногласия с Саакашвили, не были для него серьезными конкурентами. В феврале 2005 г. Жвания погиб в своей квартире при невыясненных обстоятельствах.

В Украине союз блока «Наша Украина» президента Виктора Ющенко и «Блока Юлии Тимошенко» распался уже спустя восемь месяцев, 8 сентября 2005 г. Президентская партия вступила в коалицию с партией того, кого «оранжевая революция» должна была от-

странить и отстранила от президентства, в результате Виктор Янукович стал премьер-министром. Хотя «Партия регионов» Януковича на парламентских выборах 26 марта 2006 г. была самой влиятельной партией, партии «оранжевой революции», даже раздираемые противоречиями, хоть и с трудом, но набрали большинство голосов. В подобных условиях планировавшиеся демократические преобразования и введение рыночной экономики не могли осуществиться, несмотря на то что экономическое положение страны ненадолго улучшилось. Ведущую роль в расколе партий «оранжевой революции» сыграли амбиции и личная неприязнь Ющенко и Тимошенко, кроме того, у них были серьезные политические разногласия по поводу требуемого «Блоком Юлии Тимошенко» пересмотра итогов приватизации в пользу некоторых олигархов, а также в связи с разделом сфер влияния в политике и экономике.

Вследствие «цветных революций» произошли значительные изменения в конституционной системе, которые в разных странах пошли в разных направлениях. В Хорватии, Сербии и Украине был резко сужен круг полномочий президента, для того чтобы пресечь склонность к автократии; полномочия парламента и избираемого или утверждаемого парламентом премьер-министра были расширены. В Грузии же, напротив, позиция президента была усилена по причинам, которые будут изложены ниже.

3. Неблагоприятные исторические условия для демократизации многих восточных посткоммунистических государств

Для массовых движений в Сербии, Грузии и Украине большое значение имел вопрос о национальном и государственном единстве, который тесным образом был связан с внешнеполитической ориентацией этих трех стран. Государственное единство Грузии находилось под угрозой из-за автономии Аджарии и отделения Абхазии и Южной Осетии, фактически ставших независимыми государствами. Все три региона смогли отделиться от Грузии только при поддержке России, поэтому для многих грузин ориентация во внешней политике на США обещала укрепление государственного единства. Укрепление национального и государственного единства Грузии было главной и очевидной целью Саакашвили, который, вероятнее всего, именно поэтому достиг на выборах необычайно высоких результатов, необязательно потому, что позиционировал себя в качестве гаранта дальнейшей демократизации политической системы. В связи с этим

в августе 2008 г. Саакашвили мог позволить себе проиграть захватническую войну против Южной Осетии, уже фактически отделившейся и поддерживаемой Россией, и при этом не потерять власть, несмотря на некоторые протесты против его политики в самой Грузии*.

В Сербии и Украине проблема национальной политики стала причиной раскола в лагере активистов «цветных революций». В Сербии национально-консервативное крыло, возглавляемое Воиславом Коштуницей, строго придерживалось концепции принадлежности Косово к Сербии и тесной связи последней с Республикой Сербской, входящей в состав Боснии и Герцеговины. Либеральное крыло политического спектра под руководством Бориса Тадича (Демократическая партия), избранного в 2004 и 2008 г. президентом**, настаивало на интеграции Сербии в ЕС, надеясь, что это поможет вытащить страну из экономического кризиса, поэтому данное политическое крыло было готово к сотрудничеству с Гаагским международным судом и к национально-политической кооперации.

В Украине владельцы промышленных предприятий, озабоченные энергоснабжением из России ввиду большого потребления энергии и находящиеся в основном в восточной части страны, были сильно заинтересованы в тесном сотрудничестве с Россией и существовании единого экономического пространства в рамках СНГ. Сюда же можно добавить интересы большого количества этнических русских и русскоязычных украинцев – жителей восточных регионов Украины, воспринимающих русский как второй государственный язык и поддерживающих тесные культурные*** связи с Россией. Поскольку в рамках всего государства они являются меньшинством, они выступают за федерализацию Украины по региональному признаку. И наоборот: многие украинцы мечтают о возрождении украинского языка и культуры и рассчитывают, что этому может способствовать прозападная внешнеполитическая ориентация Украины. Они считают себя достаточно сильными для проведения широкой языковой и культурной украинизации страны и подозревают федералистов в желании раскола единого украинского государства. Для них демо-

* Тем не менее в октябре 2012 г. партия Саакашвили не смогла победить на парламентских выборах, а в октябре 2013 г. истек его второй президентский срок. Премьером Саакашвили на посту президента стал Георгий Маргвелашвили, поддерживаемый новой правящей партией «Грузинская мечта – демократическая Грузия», возглавляемой Бидзиной Иванишвили. (Прим. автора.)

** В июне 2012 г. его сменил Томислав Николич из Сербской прогрессивной партии. (Прим. автора.)

*** И родственные. (Прим. ред.)

кратия важна не сама по себе, а как средство укрепления этнического и культурного единства. Внутриукраинские разногласия по национально-политическому вопросу привели не только к тому, что сторонники «оранжевой революции» едва составляли общественное большинство, представляющее в основном Западную и Центральную Украину, но и к тому, что все массовое движение раскололось на радикалов и умеренных, причем последние, заботясь о государственном единстве, скорее были склонны пойти на компромисс с русскоязычной частью страны.

Чтобы оценить победы и поражения «цветных революций», следует подробнее остановиться на следующих вопросах: 1. Почему в посткоммунистических странах Восточной и некоторых странах Юго-Восточной Европы процесс демократизации приостановился или вообще пошел вспять, в то время как в Центрально-Восточной Европе (Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Словения) и в Прибалтике раньше или позже он укрепился, а в Румынии и Болгарии он, по меньшей мере, находится на пути к укреплению? 2. Почему в конечном итоге в Сербии, Грузии и Украине массовые движения внесли определенный вклад в демократизацию, а в Азербайджане, Белоруссии и России этого не произошло?

Среди факторов, способствовавших демократизации посткоммунистических стран, можно выделить внутренние и внешние. К внутренним факторам относится определенная историческая практика, по крайней мере, либерализма и становления правового государства, а также партийный плюрализм, существовавший долгое время до прихода коммунизма. Это касается скорее империи Габсбургов, особенно ее западной и северной части, чем Османской и Российской империй. В период между мировыми войнами первая Чехословацкая Республика, например, оставалась оплотом демократии в Центральной и Восточной Европе. К числу исторических факторов демократизации относится становление независимой буржуазии, которая принесло с собой определенный индивидуализм и плюрализм в политической и духовной сфере. Буржуазия смогла развиваться не только в Центрально-Восточной Европе и империи Габсбургов, но и в странах Балтии. Раннее разделение духовной и светской власти в римско-католической Европе, так же как впоследствии Реформация и Просвещение, внесло вклад в либерализацию общества. Все эти исторические факторы обусловили либеральный и плюралистический характер социалистического и даже коммунистического движения и режимов в западных коммунистических странах. К тому же в Центрально-Восточной Европе, в Прибалтике и на севе-

ре Югославии коммунизм частично воспринимался как иностранное господство, и только меньшинство населения воспринимало его как социально-революционное достижение своей страны. В связи с этим после распада коммунистической партийной системы в 1990-х гг. сильные коммунистические и экс-коммунистические партии сохранились только в России, Белоруссии, Украине, Молдавии и Сербии, временно также в Болгарии и Албании, но этот феномен не затронул Центрально-Восточную Европу и Прибалтику.

Наряду с традициями политической культуры стоит учесть также экономическое и социальное развитие стран. Экономическая отсталость редко позволяет демократии развиваться. Также бросается в глаза, что после 1991 г. коммунистические и экс-коммунистические партии многих стран, в которых никогда не было свободного и экономически сильного крестьянства или же оно было уничтожено при коммунистическом режиме, находили широкую поддержку среди отсталого сельского населения. Земледельцы в посткоммунистических странах часто не обладали профессиональными компетенциями и коммерческими навыками, а также не имели психологических установок, необходимых для желания вести собственное хозяйство, поэтому они защищали обеспечивающую их работой плановую экономическую систему, установившуюся при коммунизме, и не являлись одной из движущих сил в процессе либерализации и демократизации. Даже в таких переживавших упадок областях промышленности, как горное дело и сталелитейное производство, которым грозила массовая безработица, оставалось много противников экономической либерализации и политической демократизации, поскольку рабочие видели в них причину социальной нестабильности.

Таким образом, нигде не было сильного класса буржуазии, которая могла бы стать основой для демократизации, существовала лишь группа интеллигенции, состоявшая из относительно большого числа выпускников высших учебных заведений и университетов. Именно этот социальный слой более всех остальных оказался способен принять существовавшие до прихода коммунизма традиции и имитировать западные образцы, приспособив их к своим национальным условиям. Естественно, либеральные и демократические политические ценности перенимались не сами по себе, для значительной части населения посткоммунистической Европы демократия кажется (или по крайней мере казалась) условием благосостояния страны. И наоборот, доморожденные демократы за последние полтора десятилетия дискредитировали не только самих себя, но и демократию как политический режим, если у них не получалось добиться улучшения

социально-экономических условий жизни. Исторический детерминизм, игнорирующий феномен подражания другим странам и обучения у них, а также объясняющий трудности процесса демократизации и склонность некоторых стран к автократии отсутствием у них либеральных и демократических традиций, социально-исторических структур и экономического развития, не может объяснить, почему в странах, где нет долгой традиции либерализма и демократии, то и дело имеет место стремление к демократии и возникают импульсы к ее развитию.

4. Независимое развитие или стимулирование демократии западными странами, а также перспективы вхождения в НАТО и ЕС

Подражание другим странам, с точки зрения носителей процесса демократизации, является внутренним фактором, но в то же время и фактором внешним, если на массовые движения за демократизацию страны влияет ориентация на реальные или воображаемые образцы демократических стран с их свободами и высоким уровнем благосостояния.

Для объяснения движений в поддержку демократизации в Сербии, Грузии и Украине нужно привлечь еще два однозначно внешних фактора. Во-первых, это мощная финансовая, кадровая и организационная поддержка оппозиции многочисленными западными (в частности американскими) неправительственными организациями, в которых значительную роль играли эмигранты из этих стран. Эти неправительственные организации, частично получавшие финансовую поддержку от правительств, были особенно влиятельны во время нахождения демократических движений в оппозиции. После того как оппозиция приходила к власти, она получала помощь от других государств уже на правительственном уровне.

Важнее прямой поддержки из-за границы были надежды на вступление в объединения западных государств, в первую очередь в Евросоюз. Перспектива вступления в ЕС и НАТО была сильнейшей мотивацией для проведения экономических и политических реформ в десяти новых странах-членах этих организаций, которая помогла преодолеть возражения противников, препятствующих проведению реформы и тормозящих ее. Существенным мотивом для вступления в НАТО была также возможность получить защиту на случай неожиданного хода развития событий в России, частично также и в Герма-

нии, причем вступление рассматривалось как обещание США сохранить национальную независимость этих государств. Членство в ЕС связывалось с надеждой на быстрое достижение успеха на европейском внутреннем рынке. Однако шансы Сербии, Грузии и Украины на вступление в ЕС различны. Страны бывшей Югославии и Албания представляют собой для ЕС желанное пространство для расширения, которое заполнит геополитический пробел между Грецией и Болгарией на юге и Италией, Австрией и Венгрией, а теперь еще также Словенией на севере. Черногория и Косово были включены в еврозону еще раньше*. Как только в Боснии и Герцеговине установится внутренний порядок, а границы Сербии будут окончательно определены и признаны международным сообществом, все оставшиеся шесть (плюс Косово) балканских государств в среднесрочной перспективе смогут рассчитывать на вступление в ЕС (Хорватия была принята в 2013 г.), несмотря на перемены в установках членов ЕС, которые обернулись против дальнейшего Евросоюза после того, как в мае и июне 2006 г. в результате плебисцитов Франция и Нидерланды не одобрили проект европейской конституции.

В случае с Грузией и другими странами Южного Кавказа ситуация обстоит иным образом: их вступление в ЕС может произойти только в отдаленном будущем, и это решение очень сильно зависит от вступления в ЕС Турции. Если же оно не состоится или отодвинется на десятилетия, тогда Южному Кавказу перспектива вступления в Евросоюз в обозримом будущем не грозит. В данном случае заинтересованность США и НАТО в политике безопасности и энергетической политике играет гораздо большую роль, чем надежды в скором времени на вступление в ЕС. Тем не менее «революция роз» послужила толчком для включения в 2004 г. Южного Кавказа в Европейскую политику соседства.

Политически Украина находится в промежуточном состоянии между Сербией и Грузией. Во время «оранжевой революции» расширение ЕС и НАТО на восток не казалось завершенным. Многие украинцы надеялись на согласие НАТО и ЕС на вступление Украины в эти объединения в качестве поощрения и поддержки «оранжевой революции».

Западные страны и Россия не остались пассивными наблюдателями событий, разворачивавшихся в трех странах. Во внутренние дела Сербии, Грузии и Украины достаточно активно вмешивались поли-

* Черногория и Косово вступили в еврозону в одностороннем порядке, не будучи членами ЕС. (Прим. ред.)

тики и общественные организации других стран, наряду с ними также многие состоятельные эмигранты. Во всех трех случаях российское правительство открыто приняло сторону авторитарных режимов, сторонники которых фальсифицировали результаты выборов. Что касается Украины, российский президент Путин демонстративно поддержал партию пророссийски настроенного кандидата Януковича, что в декабре 2004 г., возможно, снизило шансы последнего победить на выборах. В отличие от России некоторые западные правительства и многие западные общественные организации, частично финансируемые государством, поддерживали демократические движения, причем западные правительства скорее воздерживались от участия, кроме правительства Польши, открыто поддержавшего «оранжевую революцию» в Украине. Вмешательство как России, так и Запада ясно подчеркивало конкуренцию Запада (Брюссель) и России (Москва) за интеграцию Украины в один из государственных союзов. Ориентация на Восток или Запад тесно связана с приверженностью демократическому или авторитарному режиму. Этим же объясняется слабая поддержка, оказываемая НАТО и ЕС новым правительствам, пришедшим к власти в странах СНГ после «цветных революций». Вопрос о членстве Федеративной Республики Югославия в ООН и ОБСЕ был снят в октябре 2000 г., и страна подписала Пакт о стабильности для Юго-Восточной Европы. После смены грузинского правительства в Грузию были введены войска американской военной миссии. Строительство и сдача в эксплуатацию нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан в июле 2006 г., ликвидировавшего российскую монополию, было запланировано еще при президенте Э. Шеварднадзе.

5. Приоритет независимого развития и различные шансы Сербии, Грузии и Украины на интеграцию

Какая политика будет способствовать развитию демократии после «цветных революций» в Сербии, Грузии и Украине, а в перспективе, возможно, и в других странах, которые будут переживать повторную демократизацию? Как могут и должны западные демократические государства поддерживать эти демократические тенденции? В любом случае народы должны самостоятельно нести ответственность за тот уровень демократии, которого они смогли добиться. Надежда на поддержку извне может привести лишь к разочарованиям, поскольку, во-первых, возможности оказывать ее сильно ограничены, во-вторых,

такая помощь часто провоцирует противодействие со стороны направленных на сохранение системы политических сил, играющих на национальной гордости, в-третьих, внешняя помощь корыстных избирателей должна быть узаконена, в-четвертых, противоречия в среде демократов по поводу национальных интересов являются фактором, препятствующим разумной координации внешней помощи.

Риски и шансы на успех попыток демократизации могут быть оценены только внутри самих стран, в которых они имеют место, а за последствия в случае их неудачи будут расплачиваться демократы. В связи с этим решение о том, какую поддержку оказывать стране, переживающей процессы демократизации, принимают все граждане оказывающей помощь страны, а не только эмигранты. И наоборот: демократические правительства и неправительственные организации сами должны принимать решения о реализации мер для поддержки процесса демократизации в другой стране и о сотрудничестве с определенными партнерами из этой страны, так как последние несут ответственность за предоставленные им средства. Правительства и неправительственные организации всегда должны предлагать свою помощь демократическим силам стран с развивающейся демократией, но не должны настаивать на принятии этой помощи или принуждать к ней. Международный протекторат над страной со слабо развитой демократией будет правильным в исключительных ситуациях гражданской войны или массовых убийств (например, в Боснии и Герцеговине или Косово), но помощь демократии извне в форме демократического протекционизма может иметь роковые последствия, а в долгосрочной перспективе привести к обратному результату.

Одна из задач демократических устремлений – решение национально-политического вопроса: консенсус по поводу того, кого считать представителями демоса, народа. Сербам пришлось смириться с тем, что составляющие меньшинство черногорцы больше не хотят жить в общем с ними государстве – несмотря на все попытки ЕС сохранить единство страны, которые, однако, оказались неудачными. Сербам также пришлось смириться с отделением Косова, провозгласившего себя независимым в феврале 2008 г. и к июлю 2011 г. признанного 77 государствами*. Грузии пришлось приложить огромные усилия с тем, чтобы с международной дипломатической и экономической помощью после войны в Южной Осетии в августе 2008 г. сделать привлекательным для Абхазии и Южной Осетии – после

* К январю 2014 г. Косово было признано 107 государствами. (Прим. автора.)

признания их фактически независимыми государствами – возвращение в состав Грузии. Грузинская политика возвращения своих бывших территорий может не особо интересовать западные демократические государства, но Россию она затрагивает ощутимо. Схожий национально-политический вопрос стоял бы и перед азербайджанскими демократами, если бы они одержали победу.

Демократизация Украины, продвигаемая незначительным общественным большинством, проживающим в основном на западе и в центре страны и приводящая к расколу на требующий демократизацию Запад и на склонный к автократии российский и белорусского типа Восток, могла бы вызвать гражданскую войну*, однако не было отчетливой границы для потенциального национально-политического раскола, в отличие, например, от Чехословакии. Главная задача украинской демократии – достижение компромисса между русскими, русскоязычными украинцами, украиноязычными украинцами, а также остальными этническими группами. С этой точки зрения раскол между обеими партиями «оранжевой революции», между Виктором Ющенко и Юлией Тимошенко, а также коалиция одной из партий с Партией регионов президента Януковича могли затян timer демократизацию, но в то же время укрепить государственное единство Украины. С марта 2010 г. Партия регионов, возглавляемая премьер-министром Николаем Азаровым, находится в неустойчивой коалиции с коммунистами и Блоком Литвина**.

Наряду с задачей институционального обеспечения свободных и честных выборов в будущем перед демократами стоят и другие задачи: стабилизация партийной системы, расширение и укрепление инфраструктуры гражданского общества (союзы, объединения и гражданские инициативы). Для всего этого странам может быть оказана техническая, кадровая и финансовая помощь из-за границы.

6. Опасность возвращения авторитарного режима и возможность медленной демократизации восточных посткоммунистических стран

Во всех трех странах демократия, ассоциирующаяся с внешнеполитической ориентацией на Запад, будет укрепляться еще долго. Тем

* К сожалению, избежать гражданской войны Украине не удалось. (*Прим. ред.*)

** Владимир Литвин – экс-председатель украинского парламента – Верховной рады. (*Прим. ред.*)

не менее некоторые достижения «цветных революций» кажутся стабильными: установление плюралистического медийного ландшафта (что наиболее сомнительно в Грузии), проведение соответствующих правовым нормам свободных выборов, дающих оппозиции возможность победить, а также внешнеполитическая нацеленность на интеграцию в объединения западных государств. Кроме того, кажется, что гражданские инициативы по образованию свободных союзов и объединений усилились. Некоторые слои общества преодолели общественную и политическую пассивность и готовы образовывать организации и принимать участие в жизни общества, даже несмотря на то что многие активисты «цветных революций», разочаровавшись в пришедших к власти политиках и партиях, отстранились от участия в политической жизни. Высокий уровень мобилизации народных масс во время переломных событий трудно долго удержать на том же уровне.

Для детерминистской веры в прогресс серьезных оснований нет. Ни одна демократия не застрахована от отката к автократии. Однако во многих странах можно заметить процессы повышения уровня политической грамотности общества. Опыт сплочения больших народных масс в борьбе за минимальные либеральные и демократические стандарты, терпимость по отношению к различным интересам, мотивам и политическим воззрениям (в случае с Украиной – обоюдная толерантность украинского и русского языков во время «оранжевой революции») и, наконец, опыт успешной отмены и пересмотра фальсифицированных результатов выборов, созыва нового парламента и формирования альтернативного правительства должен на долгие годы закрепиться в коллективной памяти. Это открывает возможность в будущем добиться очередного успеха на пути к демократии. Храбрость верховных судей (например, в Украине), переставших подчиняться диктату правительства, любой прогресс в направлении независимости судебной системы и возможность с помощью правовых средств противодействовать произволу государственного аппарата и коррупции, станут еще одним камнем, заложенным в фундамент демократии. Создание новой финансовой, институциональной и кадровой основы для независимых от государства СМИ, представляющих различные точки зрения, конец правительственной монополии в сфере радио- и телевидения станут дальнейшими шагами на этом пути. Обличение склонности к авторитаризму и коррупции некоторых новых представителей власти стало более легким и создает возможность их законного устранения с постов в результате выборов. Так что шансы на демократизацию есть также у стран, исторические

условия развития которых ей не способствовали. Даже если непосредственный эффект домино демократических движений встречается редко, то нельзя не заметить, что в эпоху современных, охватывающих весь мир средств коммуникации опыт других стран может служить примером и поощрять к действиям.

ГРАНИЦА ДАЛЬНЕЙШЕГО РАСШИРЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА. О СПОРАХ ПО ПОВОДУ ПРИЕМА ТУРЦИИ, УКРАИНЫ И ДРУГИХ ГОСУДАРСТВ

Краткое содержание

Процесс интеграции Европы переживает сейчас очередной кризис, один из многих в своей истории, начавшейся в 1952 г. Хотя в настоящее время Европейскому союзу распад не грозит, ведутся споры вокруг возможного, для некоторых даже желанного, отката в процессе интеграции, например, отмены евро или исключения отдельных государств из еврозоны. В некоторых странах имеющие политический вес меньшинства уже много лет стремятся к выходу из Евросоюза или же способствуют расширению ЕС с целью сведения его функций только к выполнению изначально запланированных политико-экономических функций. Не в первый раз срываются далеко идущие и уже согласованные планы. С тех пор как Франция и Голландия выступили против принятия единой Конституции ЕС, настроенность на расширение Евросоюза резко снизилась, хотя на принципиальную открытость ЕС для всех европейских стран это не повлияло.

Все предыдущие семь* волн расширения ЕЭС и ЕС во многом были связаны с углублением интеграции, то есть с расширением полномочий органов этих организаций или даже с изменениями правил принятия ими решений, при этом расширялись все еще ограниченные федеративные принципы организации союза по отношению к конфедеративным. Как и прежде, спорной остается отдаленная цель европейской интеграции, а также определение ее общей основы: чисто географические, конституционно-политические, связанные с политикой безопасности, религиозно-конфессиональные, культурно-исторические мотивы или же комбинация нескольких из них. Во всех странах представители элиты проявляют большую степень готовно-

* Восемь, если объединение ФРГ и ГДР можно считать расширением. (Прим. автора.)

сти к интеграции, чем та, которую отражает общественное мнение в отдельно взятой стране. В связи с этим значительные усилия должны быть направлены на развитие единого для всех европейских стран общественного мнения и соответствующей ему многоязычной культуры дискуссии.

При обсуждении принятия в ЕС новых стран и способности Евросоюза к интеграции стоит учитывать не только внутренние затраты и бремя, которое примет на себя Евросоюз, но и внешнеполитические проблемы, которые возникнут в случае отказа принять в ЕС ту или иную страну. Европейская политика соседства и Восточное партнерство являются инструментами для смягчения последствий отграничения ЕС. На данный момент европейские политики вынуждены идти на значительные уступки населению, общеевропейское самосознание которого еще не сформировалось, поэтому в ближайшем будущем они скорее будут готовы принять в ЕС такие богатые страны, как Швеция и Норвегия, и даже такую маленькую по площади страну, как Исландия, чем более крупные и более бедные страны, как Турция и Украина.

1. Новое расширение ЕС на восток как возможная причина социально-экономического и национально-культурного упадка

С тех пор как Франция и еще более резко Голландия выступили против Конституции ЕС (референдумы прошли соответственно 29 мая и 1 июня 2005 г., во Франции против конституции проголосовало 54,9 % населения, в Голландии – 61,6 %), готовность к расширению ЕС резко снизилась, хотя на принцип открытости ЕС для всех европейских стран это не повлияло. Подобное сопротивление было направлено не столько против задуманных ранее и вряд ли понятных населению преобразований системы функционирования общеевропейских институтов, сколько имело конкретные внутривнутриполитические (растущая критика национальных правительств) и внешние (препятствование принятию в ЕС Турции и противодействие влиянию ислама и исламизма в Европе) причины. Несмотря на некоторые возражения, было принято решение о вступлении в ЕС Румынии и Болгарии, причем оно должно было состояться 1 января 2007 г. (более ранняя из двух предложенных дат). Вместе с этими странами ЕС сейчас насчитывает 28 государств-членов. Переговоры о вступлении в ЕС Хорватии* и Турции, начавшиеся 4 октября 2005 г., также вы-

* Хорватия стала членом Европейского союза 1 июля 2013 г. (Прим. ред.)

звали сопротивление, причем, что касается Турции, звучали неоднократные предупреждения о том, что начало переговоров будет означать окончательное решение о вступлении.

Вето на принятие Конституции ЕС, наложенное входящими в число стран-основательниц ЕЭС Францией и Голландией, спровоцировало в Европейском союзе очередной кризис, впрочем, не первый в истории европейской интеграции, ведущей свой отсчет от 1952 г. Также не впервые срываются далеко идущие и уже согласованные планы. Еще в 1954 г. проект по созданию Европейского оборонительного сообщества не был одобрен Национальным собранием Франции.

Основополагающие элементы Конституции ЕС с трудом были спасены и закреплены в Лиссабонском договоре (13 декабря 2007), вступившем в силу только 1 декабря 2010 г. – из-за резкого протеста против него в Ирландии (на референдуме, прошедшем в июне 2008 г., большая часть населения страны проголосовала против договора, однако в октябре 2009 г. состоялся повторный референдум, по результатам которого проект был одобрен), а также в Польше и Чехии. Среди нововведений можно отметить следующие: расширение компетенций полиции и судов ЕС, более активное участие национальных парламентов в общеевропейском законодательстве, учреждение поста президента ЕС со сроком полномочий 2,5 года, расширение компетенций избираемого на пять лет Верховного представителя Союза по иностранным делам и политике безопасности, учреждение Европейской службы политической деятельности, обязательность соблюдения Хартии ЕС по правам человека в большинстве стран-членов, упрощение процедуры принятия Советом Европы решений, требующих квалифицированного большинства, благодаря введению принципа двойного большинства (55 % голосов стран-членов ЕС, 65 % голосов всего населения ЕС). Последнее изменение частично вступит в силу в 2014 г., а полностью – в 2017 г. Принцип двойного большинства направлен на усиление влияния крупных и мелких государств и ослабление влияния средних – в отличие от правил, введенных Ницким договором (вступил в силу в 2003 г.). Не удалось сократить состав Еврокомиссии, поэтому, как и прежде, каждое государство может направить в нее одного комиссара, что раздувает размеры совета (и в будущем может увеличить их еще больше), а это осложняет принятие решений. Также ЕС отказался от попыток отразить в договоре хотя бы символическое повышение Евросоюза до статуса наднационального федеративного государства, несмотря на то что, как и прежде, используется флаг ЕС и Евросоюз считается самостоятельным правовым субъектом.

Не успел Евросоюз оправиться от конституционного кризиса, как на него обрушился кризис долговой, начавшийся в Греции и вскоре задевший большинство стран еврозоны (сейчас таких стран 18). Хотя в настоящее время распад Европейскому союзу не грозит, идут споры вокруг возможного, для некоторых даже желанного, отката в процессе интеграции, например, отмены евро или исключения некоторых государств из еврозоны. В некоторых государствах (например, в Великобритании) влиятельные политические меньшинства уже много лет вполне серьезно предлагают вынести на всенародное обсуждение выход своей страны из ЕС. Возможность такого выхода на данный момент однозначно закреплена в правовых нормах Лиссабонского договора. Однако провал проекта по принятию Конституции ЕС привел к парадоксальному эффекту: в Великобритании, а также в некоторых других странах, например, в Польше и Чехии, позиции сторонников выхода из Евросоюза ослабли, что в определенной степени способствовало консолидации ЕС.

Во время кризисов европейской интеграции всегда становится отчетливо видно, насколько внутри Евросоюза различаются взгляды на дальнюю цель европейского объединения и на мотивы интеграции. Что же выступает основой интеграции – чисто географические, конституционно-политические, связанные с политикой безопасности, религиозно-конфессиональные, культурно-исторические мотивы или же все они вместе взятые? С уверенностью можно сказать лишь, что на протяжении уже многих лет политические и общественные элиты стремятся к интеграции больше, чем население, и это находит отражение в общественном мнении той или иной страны.

Все предыдущие волны расширения ЕЭС и ЕС часто были связаны с углублением интеграции, то есть с расширением полномочий органов этих организаций или даже с изменениями правил принятия ими решений – введением принципа большинства. При этом расширялись все еще ограниченные федеративные принципы организации союза европейских государств по отношению к конфедеративным. Достичь согласия в рамках конфедерации, состоящей из шести государств, несомненно, гораздо проще, чем в конфедерации, включающей в себя 28 государств, поэтому расширение ЕС часто было связано с институциональными реформами, внедряющими федеративные элементы. Нередко расширение Евросоюза пропагандируется для того, чтобы воспрепятствовать дальнейшей политической интеграции или даже способствовать возврату ЕС к форме Европейского экономического сообщества, каким он задумывался в 1951 и 1957 гг.

Изначально сообщество европейских государств рассматривало себя не как западноевропейское, а как потенциально общеевропей-

ское, которое в свое время вберет в себя страны с коммунистическим режимом – как только они станут демократическими и перейдут к рыночной экономике. Лишь с расширением Евросоюза в 2004 и 2007 гг., благодаря которому количество стран-участников почти удвоилось (с 15 до 28, сюда же входит территория бывшей ГДР), был поднят вопрос о «конечности» европейской интеграции и ее «окончательных» пространственных границах. Посредством Европейской политики соседства члены ЕС постарались установить окончательные будущие пространственные границы Евросоюза, включив туда его территорию по состоянию на 1 января 2007 г., западнобалканские государства, «опоздавшие» западноевропейские страны (Швейцария, Норвегия, Исландия), то есть отнеся все остальные Европейские государства вместе с североафриканскими к соседям ЕС. Хотя данная область в экономическом и политическом плане должна как можно больше походить на Европейский союз, чтобы ослабить различные политические, правовые и экономические последствия проведения внешней границы ЕС, членами Евросоюза эти страны не станут.

Подобные намерения исключить из претендентов на членство в ЕС некоторые страны с самого начала вызвали много споров. По инициативе Польши и Швеции 7 мая 2009 г. Евросоюз запустил в Праге проект Восточного партнерства. Согласно этому проекту странам, находящимся между Россией и ЕС (Украина, Белоруссия и Молдавия), и Южному Кавказу (Грузия, Армения, Азербайджан) будет выделяться больше финансовых средств. Однако этот проект должен в первую очередь подчеркнуть разницу в политическом статусе Северной Африки и Восточной Европы и открыть для упомянутых шести стран перспективу вступления в ЕС в отдаленном будущем, несмотря на то что в ближайшее время Евросоюзу, состоящему из 28 членов, сначала придется пережить фазу консолидации и укрепления. Новая волна расширения ЕС на восток должна также учитывать шансы на вступление в него Турции, а кроме того, рассматриваться в контексте будущего характера отношений между Россией и ЕС.

2. Пауза в расширении ЕС в целях консолидации или осуществление проектов, предложенных политическими элитами

Финансовый и долговой кризис, несомненно, усилил потребность всех стран ЕС, по крайней мере в ближайшем будущем, приостановить процесс расширения и углубления и сосредоточиться на консолидации, если вообще не пересмотреть в корне некоторые от-

даленные цели интеграции. 17 мая 2010 г. в журнале «Der Spiegel» было опубликовано эссе на тему «Назад к ЕЭС», автор которой голландец Леон де Винтер призывает к отказу от евро и ликвидации наднациональной брюссельской бюрократии во имя национальных и социально-политических культур. По его мнению, Европа – всего лишь «фикция, созданная брюссельскими демократами», в результате которой трудящиеся северных стран должны оплачивать *dolce vita** южан.

В то время как одни используют европейский кризис как предлог для отмены многих решений, связанных с интеграционной политикой последних лет и десятилетий, для сожаления о принятии в ЕС многих экономически и политически отсталых стран, а также для требования в обозримом будущем прекратить принятие в ЕС претендентов, другие воспринимают кризис как повод для политико-экономической и внешнеполитической интеграции ЕС и координации политики его отдельных членов для того, чтобы противостоять неблагоприятным тенденциям в экономике и добиться совместной координации финансовых рынков и мероприятий по борьбе с кризисом. И хотя в данном контексте новое расширение Евросоюза в ближайшее время нежелательно (за исключением принятия такой маленькой страны, как Исландия), поскольку необходимо обеспечить возможность укрепления ЕС, увеличившегося за последние годы, даже такая позиция не поколебала принципиальной веры в способность Европейского союза к внутреннему развитию и в перспективу справиться с интеграцией некоторых европейских регионов (западные Балканы, «восточные партнеры») в не слишком отдаленном будущем.

По мнению некоторых скептиков, несмотря на предшествующую успешную историю интеграции Европы, всегда выбиравшейся из временного кризиса еще более окрепшей, когда-нибудь (а может, даже и сейчас) она пострадает от своего чрезмерного разрастания, а при определенных обстоятельствах может даже начаться ее закат. В конце концов многочисленные государственные образования, казавшиеся высоко интегрированными, распались спустя десятилетия или даже столетия. Несмотря на то что добровольное объединение государств по своей сути отличается от объединения в рамках империи, вследствие военного принуждения или династических браков, в добровольном и демократическом союзе государств политические желания граждан разных стран могут в корне отличаться. Государственная дезинтеграция при определенных обстоятельствах

* Сладкая жизнь (*итал.*).

может быть такой же популярной и демократически легитимной, как и интеграция, поэтому для сохранения и развития европейской интеграции сторонники единства должны его постоянно пропагандировать. Правда, в сознании европейцев существуют крайне различные представления о том, что такое единая Европа.

3. Различные представления о Европе

Следствием многообразия представлений о том, какой должна быть Европа, распространенных в разных странах и имеющих разный политический вес, является различие позиций в том, что касается произошедшего и возможного в перспективе расширения Евросоюза. В соответствии с характером аргументов, которые приводятся для обоснования той или иной точки зрения на расширение ЕС, эти представления можно разделить на национально-политические, на связанные с политикой мира и безопасности, социально-экономические, религиозно-конфессиональные и культурно-исторические, даже если, как правило, выдвигается не один вид аргументов, а их комбинация. Почти на каждом уровне европейской политической системы существуют противоположные взгляды на степень интеграции (глубину интеграции), а также на географические границы ЕС в настоящем и будущем.

В понимании большинства европейцев ЕС выполняет функцию воплощения в жизнь интересов своих национальных государств и их защиты. Общеευропейские институты они используют для артикуляции и реализации своих интересов, несмотря на необходимость учета интересов других наций и цивилизованного противодействия им. Для таких европейцев национальная идентичность однозначно превалирует над слабовыраженной общеевропейской, поэтому возможное вступление в ЕС других стран рассматривается с точки зрения собственных национальных интересов и не должно им противоречить. Определенную роль в формировании позиции по поводу вступления той или иной страны в ЕС играют также расчеты, как изменится расстановка сил внутри ЕС, если в него будет принята та или иная страна. В целом можно отметить существующее опасение, что любое расширение ЕС на восток может усилить влияние Германии по отношению к Франции или даже ко всему Западу.

Лишь у меньшинства европейцев выработалось общеевропейское политическое самосознание, носители которого воспринимают как единое пространство либо существующее на данный момент европейское содружество государств, либо Европу, включающую в себя

некоторые страны, которые на данный момент не могут или не хотят быть частью ЕС (например, Норвегия или Швейцария). Политической целью таких европейцев является создание конфедерации с тесными и нерушимыми внутренними связями, а также с развитыми наднациональными политическими институтами, или даже европейской федерации. Для этих людей европейская идентичность однозначно стоит выше национальной, от которой, согласно некоторым радикальным представлениям, следует отказаться, – в основном не ради исключительно европейской (или глобальной) идентичности, а скорее для укрепления наднационально-региональной идентичности. В двух основных вышеупомянутых представлениях о Европе таится конфликт, связанный с пониманием ее конституционно-политического устройства, который в будущие десятилетия будет вновь и вновь обостряться и приводить к многочисленным временным компромиссам (таким был, например, Ниццкий договор 2003 г. и Лиссабонский договор (2009)). Противоречие между первой и второй разновидностью европейского самосознания во многих случаях глубоко коренится в психике европейцев и достаточно независимо от текущей политической ситуации, кризисов и проблем. Оно несет на себе отпечаток отношения к обычному национализму, национальному государству и пониманию нации, а также опыта знакомства с данными феноменами. Гражданам многих посткоммунистических стран после достижения их национальными государствами независимости или освобождения от советской гегемонии трудно отказаться от некоторых важных функций суверенного государства. Требования брюссельского *acquis communautaire** кажутся им навязыванием чужой воли, поскольку они не участвовали в его разработке.

Преобладание принципа функционализма в понимании объединенной Европы можно увидеть в разных сферах политики, которые в глазах европейцев более или менее значимы. При основании Европейского Сообщества, несомненно, ведущую роль играли мотивы, связанные с политикой мира и безопасности, – после многочисленных национальных межгосударственных и обеих мировых войн должны были появиться причины и стимулы к новой национальной конфронтации, поэтому возникла развитая сеть государственных и общественных отношений, связанных с кооперацией и интеграцией. В то же время было необходимо еще больше сплотить Западную Европу для противодействия советской политике экспансии на запад.

* Общий свод законодательных актов, дословно «достижение Сообщества; то, что достигнуто в рамках Сообщества» (*франц.*). (*Прим. ред.*)

Тесные взаимосвязи и экономическое сращение должны были сильно снизить значение границ национальных государств. Потребности политики мира и безопасности часто использовались в качестве аргумента для вступления стран – бывших участников Организации Варшавского договора в объединения западных стран с целью окончательного преодоления противостояния Восток–Запад, а часто и для принятия враждовавших между собой балканских государств. В конце концов принятие в ЕС Турции подчеркнет роль этого государства в НАТО в прошлом, а успешная интеграция крупного, секуляризованного мусульманского государства поможет избежать установлению новых религиозно-идеологических границ на окраине Европы.

По тем же причинам, связанным с политикой мира и безопасности, некоторые европейцы хотят вовлечь в общеевропейский процесс интеграции и Россию («привилегированное партнерство», несомненно, было бы полезным), но по многим причинам лишь некоторые считают членство России в ЕС как преимущественно европейской страны возможным в обозримом будущем. Во-первых, по всей видимости, Россия еще долго будет стремиться к тому, чтобы вновь наравне с США и «Европой» стать мировой державой и, в отличие от европейских держав, ни в коем случае не готова отказаться от части своего суверенитета в пользу общеевропейских институтов. Хотя Россия не является такой сильной экономической державой, как некоторые страны ЕС, ее географические масштабы (17 млн кв. км, в то время как площадь Европы – 4,3 млн кв. км), а также численность населения (142 млн жителей) обеспечили бы ей в Европе значительное влияние, притом что Турция (74 млн жителей) и Украина (47 млн) в экономическом плане имели бы значение средних по размеру европейских стран, а в политических вопросах обладали бы таким же политическим весом, как и другие европейские державы. Стоит учесть, что принятие в ЕС Украины, возможно, было бы связано с принятием Молдавии (3,8 млн жителей), а также Белоруссии (9,7 млн), когда в них произойдет переход к либерально-демократическому режиму.

Поиск общеевропейских подходов на пути к интеграции с государствами, не входящими в Евросоюз, вытекающий из традиционных интересов военной политики и политики безопасности, а также из заинтересованности ЕС в энергетике и энергоснабжении, например, в экспорте энергоресурсов из России, приводит к тому, что объединенная Европа становится все менее заинтересованной в закрытой и мощно укрепленной внешней границе, она начинает стремиться к относительно прозрачной, «мягкой» границе, не рассчитанной на военное противостояние с соседями, в первую очередь с Россией. Эта

аргументация закреплена в традиционной (восходящей ко времени противостояния Восток–Запад) концепции «всеобщей безопасности», прежде всего на европейском континенте. Иногда она может быть достаточно изменчивой в зависимости от интенсивности сотрудничества с НАТО.

Хотя сторонники противоположной позиции не думают, что от России может исходить реальная угроза, ее внутреннее и внешнеполитическое развитие они считают непредсказуемым, ввиду чего, с точки зрения политики безопасности, отграничение от нее ЕС и НАТО представляется необходимым. В подобном свете все государства Восточной и Юго-Восточной Европы должны быть приняты в ЕС и НАТО, если они чувствуют, что Россия угрожает их общественно-политическому и территориальному единству. Чем ближе границы ЕС подвигаются к России, тем лучше – так звучит девиз данного варианта политики расширения ЕС, который укладывается в традицию восприятия единения Европы (подкрепленного НАТО) как способ защититься от России (СССР).

В то время как задача обеспечения является политическим основанием стремления к «большой» Европе, социально-экономические мотивы часто и в большей степени соответствуют концепции «малой» Европы, особенно если доминирует идея о сохранении и повышении исторически достигнутого уровня благосостояния европейцев.

Кроме того, важную роль играют исторически сложившиеся представления о политико-экономическом устройстве общества, особенно в трех ведущих европейских державах. Франция еще со времен абсолютизма и революционного республиканизма твердо соблюдает свои традиции этатизма, согласно которым государство обладает огромным влиянием в решении экономических вопросов. Великобритания же, напротив, в экономике придерживается либерализма и с большим недоверием встречает намерения государства и даже надгосударственных брюссельских органов участвовать в управлении экономикой. После отказа Франции одобрить Конституцию ЕС газета «Financial Times» ликовала по поводу того, что превращение ЕС в федеративное наднациональное государство остановлено, а комментарий, посвященный референдуму во Франции, заканчивался словами: «Vive la France!»*. Было понятно, что первой жертвой провала Конституции ЕС станет перспектива дальнейшего расширения ЕС на восток. Между тем это вызвало радость российских наблюдателей, поскольку усилились позиции СНГ и ориентация на Россию

* Да здравствует Франция! (франц.).

других стран, особенно Украины. Недавно также стало понятно, что к повторной ориентации страны на Россию – наряду с разногласиями внутри реформистского демократического движения – привела также потеря иллюзий и надежд на скорое вступление Украины в ЕС*. Политика Германии в отношении Европы, напротив, опирается на традицию корпоративной рыночной экономики, в которой большую роль играют общественные объединения и социальное государство.

Наряду с названными выше экономическими и политическими предпочтениями огромное значение имеет также потребность в удержании и повышении достигнутого социально-экономического уровня жизни, а также вопросы социально-политического менталитета. Страны Северной и Северо-Восточной Европы особенно опасаются общественно-экономического нивелирования и снижения в них уровня благосостояния в результате процесса европейской интеграции. Расширение ЕС привело к торможению развития его северо-западной части – вследствие роста масштабов миграции, в свою очередь, создающей этнические и социальные проблемы. На севере Европы преобладает политический менталитет, носители которого рассматривают государство как инструмент воли граждан, в то время как во многих южно-европейских странах преобладает менталитет, исторически сложившийся под чужим господством. Носители этого менталитета воспринимают государство как чужую власть, которую нужно уметь перехитрить и при необходимости даже обвести вокруг пальца, неважно, касается ли это государственных услуг или ухода от налогов. Настоящий долговой кризис и кризис евро вскрывает неприязнь зажиточных, социально стабильных и дисциплинированных северных и северо-западных стран по отношению к южным и юго-восточным, у которых были особенно большие долги и которые живут не по средствам. В большинстве случаев все ограничивается выражением сожаления о принятии в ЕС таких стран, но то и дело звучит требование исключить эти страны из Евросоюза или оставить узкий круг стран-основательниц ЕС и нескольких других государств, интеграция которых будет продолжаться.

Межконфессиональные противоречия во многих отношениях занимают важное место в сознании европейцев. В западной (бывшей западноримской, латинской или же каролингской) германо-римской Европе, которая в настоящее время понимает себя по отношению

* После событий в Украине осени 2013 г. – 2014 г. ситуация, как известно, радикально изменилась. Украина однозначно выбрала европейский вектор развития. (Прим. ред.)

к Восточной Европе как «Европе еигорéenne»*, в консервативно-религиозных кругах часто подчеркивается противопоставление католической и протестантской западной Европы, с одной стороны, и православной (восточной, славянской) Европы – с другой. Восточная Европа испытала гораздо более сильное влияние деспотической Византии, чем западного просвещения и секуляризации, поэтому она гораздо больше, чем западные европейцы склонна к раболепию и коррупции. Во всех европейских странах можно заметить негативное отношение к принятию в ЕС Болгарии, Румынии, Сербии и Греции, при этом последнюю чаще воспринимают не столько в свете ее демократичной античности, сколько памятью о ее византийско-православном прошлом.

Еще сильнее, чем противоречия между христианскими конфессиями, в сознании европейцев укоренилось понимание Европы как христианского союза, противостоящего мусульманскому миру, который в европейской политике представлен прежде всего Турцией, но иногда и боснийским мусульманским большинством, которое потенциально может стать в Боснии и Герцеговине доминирующим. Возражение против разделения этого многонационального и поликонфессионального государства, в котором большинство составляют пока христиане (католики и православные), связано с боязнью появления на Балканах чисто мусульманского государства. При этом Албания и Косово гораздо меньше воспринимаются как мусульманские государства, хотя среди их населения доля мусульман больше, чем католиков или православных.

ЕС за свою историю фактически пережил семь (с ГДР – восемь) волн территориального расширения: с шести государств в 1952 и 1958 г. до девяти в 1973 г., в 1981 г. их стало десять, в 1986 г. – двенадцать, в 1990 г. в состав ЕС вошла бывшая территория ГДР, в 1995 г. – пятнадцать, в 2004 г. – двадцать пять, в 2007 г. – двадцать семь, в 2013 г. – двадцать восемь. Хотя с 1952 (1958) г. число государств ЕС увеличилось больше, чем в четыре раза, а его территория выросла в 3,5 раза (с 1,2 до 4,3 млн кв. км), численность жителей Евросоюза возросла всего лишь чуть больше, чем в два раза. Первоначально задуманная «Европа шести стран» на сегодняшний момент имеет 220 миллионов жителей, состоящий из 28 стран ЕС – почти 500 миллионов.

Встает требующий обсуждения вопрос: должна ли появиться и появится ли однажды Европа, в которой будет до 44 стран-членов, и где будут проживать до 680 миллионов человек (по современным подсчетам), и восточная граница которой будет проходить западнее

* Европейская Европа (*франц.*). (*Прим. ред.*)

Дона, на протяжении столетий служившего восточной географической границей Европы? Но даже такой огромный Европейский союз имел бы меньше жителей, чем демократическая Индия или авторитарная Китайская Народная Республика.

4. Конструктивный кризис или распад Европейского союза?

Почти во всех странах ЕС есть политические силы, которые хотят использовать кризис для роспуска Евросоюза или возвращения его к более раннему состоянию, но судя по всему, они составляют меньшинство. Во время кризисов, конечно, часто сокращается круг полномочий Брюсселя, поскольку они воспринимаются чересчур широкими, но до сегодняшнего дня кризисы вместе с тем давали импульс к более успешной координации общих интересов и расширению компетенций брюссельской бюрократии – будь то в отношении новых сфер политики, таких как борьба с международной преступностью, торговля наркотиками или людьми, защита границ от нелегальных иммигрантов, миграционная политика и политика в отношении беженцев, будь то в отношении полномочий европейских надгосударственных органов: Европейского парламента, Еврокомиссии, Верховного представителя Союза по иностранным делам и политике безопасности, а также Европейского суда. После десятилетий политики экономического неолиберализма и дерегулирования, то есть сокращения доли государственной собственности на средства производства и ограничения государственного вмешательства в рыночную экономику, банковский и финансовый кризис последних лет привел к тому, что стало громче звучать общественное требование вернуться к государственному вмешательству в экономику, а также установить правила для банковского сектора и международных финансовых рынков на надгосударственном уровне. При нынешнем долговом кризисе и кризисе евро эти меры способствуют не преодолению противоречий между существованием единой валюты и отсутствием единой экономической и налоговой политики путем отмены единой валюты, которой пользуются шестнадцать стран, а наоборот, приводят к улучшению координации общей экономической и налоговой политики. Бежать вперед, а не назад – таким остается девиз общеевропейской политики, даже несмотря на то что многим он кажется слишком робким.

Для предстоящей, принципиально прогнозируемой и пока еще не исключенной из планов ЕС политики расширения все это означает в ближайшие годы большую склонность к торможению процесса расширения и предпочтение политики консолидации и стабилизации.

Это не должно сказаться на принятии в ЕС такой маленькой страны, как Исландия (0,3 млн), поскольку она не сильно обременит бюджет ЕС. Даже интеграция в ЕС северного Кипра (260 тыс. жителей) в принципе не является спорным вопросом. Если экономические интересы и политические установки Швейцарии (7,4 млн) и Норвегии (4,7 млн) в ближайшие годы неожиданно изменятся, то не будет никаких возражений против принятия этих двух зажиточных, высоко-развитых и уже и так достаточно прочно связанных с ЕС стран (обе входят в Шенгенскую зону, что позволяет свободно пересекать межгосударственные границы). Бюджет ЕС всегда приветствует страны, берущие на себя бремя финансирования Евросоюза. Сейчас в ЕС таких стран двенадцать.

С принятием упомянутых трех государств ЕС насчитывал бы 31 страну. Не ставится под сомнение принятие в будущем остальных западнобалканских стран (Албании, Македонии, Черногории, а также Боснии и Герцеговины, Сербии и Косова после урегулирования в них межэтнических конфликтов), даже если пройдут еще долгие годы, прежде чем их принятие станет реальностью. Эти шесть стран, общее население которых на данный момент составляет 19 миллионов человек, из-за такой большой численности населения, а также ввиду сохраняющихся латентных межэтнических конфликтов, представляют собой сложную задачу для европейской интеграции. Самое позднее после принятия этих стран придется пересмотреть Лиссабонский договор, поскольку Еврокомиссия, насчитывающая 37 или 35 комиссаров (если Швейцария и Норвегия к тому времени еще не вступят в ЕС), вряд ли будет работать достаточно эффективно.

Острый конфликт вокруг перспектив расширения ЕС тесно связан также с желанием Турции и Украины стать его членами. За последние годы этот конфликт вспыхнул еще раз. Вступление обеих стран поднимает абсолютно разные проблемами, однако они связаны между собой куда теснее, чем иногда хочется думать.

5. Создание единой европейской общественности, а также замедление институциональной и ускорение функциональной европейской интеграции

Расширение ЕС в будущем невозможно, если его осуществлять, игнорируя возражения большинства жителей отдельных стран ЕС и исходя только из решений, принятых большинством представителей политической и экономической элиты, а также партийным руководством. Во-первых, из-за потенциально таящей в себе угрозы для де-

мократии пропасти между политической элитой и народом, который может поддержать или создать новые популистские, национально-радикальные партии, во-вторых, из прагматических соображений, поскольку в некоторых странах ратификация расширения ЕС зависит от обязательного или факультативного референдума. По этим причинам в ближайшую пару десятилетий возможно и вполне вероятно принятие в ЕС некоторых маленьких стран, но вступление таких крупных восточноевропейских стран, как Украина, Белоруссия и Молдавия, а также Турции и южнокавказских государств вряд ли реально.

При данных обстоятельствах приоритетной задачей политики европейской интеграции становится образование европейской политической общественности, мнение которой будет параллельно представлено в СМИ разных стран и на разных языках, а также создание для этой общественности постоянного форума для дискуссий, как в печатной прессе, так и на радио. Телевизионные передачи телеканала «Arte»^{*} или параллельная публикация в ведущих газетах разных европейских стран статей с одинаковым содержанием станут маленьким шагом в данном направлении. Было бы неплохо, если бы появилась общеевропейская газета, аналогичная немецкой «Bild». Однако мгновенный параллельный перевод новостей и комментариев на несколько языков – крайне дорогое мероприятие, о чем свидетельствует огромный штат переводчиков, задействованный в работе Европейского парламента и брюссельских органов ЕС. Однако от подобных расходов Европе никуда не деться. На примере Швеции и Бельгии можно познакомиться с трудностями, которые возникают при создании многоязычного социума. Реальный прорыв в образовании единой европейской общественности произойдет лишь тогда, когда английский станет в Европе языком общения не только в узком кругу экономических элит, но и для всех граждан Евросоюза. Этот процесс займет еще несколько десятилетий, несмотря на то что некоторые страны (например, Дания) в этом отношении продвинулись уже далеко.

Для образования единой европейской общественности также необходимо более широкое освещение общеевропейских тем в национальных СМИ. Вкладом в создание единого европейского политического самосознания станет также развитие общеевропейской политики памяти, направленной на поддержание памяти о важных для

^{*} Аббревиатура от франц. Association Relative à la Télévision Européenne, Arte – Франко-германская ассоциация телевидения, немецко-французский телеканал. (Прим. ред.)

всей Европы радостных или печальных событиях недавней или более древней истории. Поскольку все это требует много времени, в будущем придется смириться с замедлением институциональной интеграции. Впрочем, это не исключает того, что существующим органам придется брать на себя решение все большего круга задач, которые на региональном и национальном уровне пока решаются неудовлетворительно. Глобализация, происходящая во многих общественных сферах (от поп-музыки до преступности), не может не иметь последствий для политики, которая, соответственно, должна обрести интернациональный характер, причем учитываться должны оба варианта реагирования на каждую проблему: как скоординированная межгосударственная, так и надгосударственная брюссельская политика. Объединение государств, основанное на межгосударственной кооперации в рамках конфедерации, часто бывает более гибким, чем федеративное объединение, так как первое позволяет выборочное решение проблем теми членами ЕС, которых эти проблемы касаются. Не все проблемы, требующие решения на региональном уровне, должны выноситься на обсуждение всего в рамках ЕС.

Подобный приоритет мер по консолидации ЕС и стремление создать необходимый прочный фундамент для общеевропейских политических институтов ни в коем случае не означают отказ ЕС от реализации тщеславного проекта по включению в ЕС западных Балкан, бывших западных республик Советского Союза, Турции и Южного Кавказа (всего 14 стран с общим населением 174 млн человек на данный момент), а также по установлению тесных связей с Россией в ближайшие полстолетия. Это будет правильным, если общеевропейская политика не превратится в недальновидную континентальную политику, а станет частью долгого исторического процесса интеграции в мировом масштабе. С этой точки зрения догматическое определение «окончательных» границ Европейского союза не является ни необходимым, ни оправданным. Напротив, каждый раз необходимо выяснять, готовы ли новые кандидаты на вступление в ЕС к интеграции и сможет ли Евросоюз справиться с принятием той или иной страны. При этом всегда надо учитывать, во что обойдется для ЕС отказ принять в свои ряды ту или иную страну, население и особенно политическая элита которой после этого станут склонными не только к антиевропейским, но и антилиберальным и антидемократическим настроениям во внутренней и внешней политике.

До настоящего момента оптимистично настроенный на прогресс Евросоюз никогда не задумывался о том, что одна из его стран-членов может отказаться от основных либеральных и демократических цен-

ностей и конституционно-политических принципов. Соответственно, не выработано ни соответствующего набора санкций за отход той или иной страны от принципов европейского сообщества, ни тем более закрепленных в договоре правовых мер для исключения из ЕС государства, нарушающего договор. Запоздалое добавление на всякий случай подобных мер в договор вряд ли будет разумным и возможным, поскольку сразу будет задан недоверчивый вопрос, какие же страны могут оказаться именно таким случаем. Тем не менее уже сегодня научная и общественная дискуссия помогла бы ЕС в планировании действий на случай чрезвычайной ситуации.

6. Вероятность глубокого кризиса европейской интеграции и возможных тяжелых кризисов за пределами ЕС

Европейский союз избалован тем, что из каждого кризиса он выходит еще более окрепшим. Конечно, он переживал и неудачи, но в целом можно сказать, что процесс институциональной и пространственной интеграции продвигается медленно, но верно, что способствовало большему оптимизму в отношении перспектив ЕС. Однако нет уверенности в том, что Евросоюз хорошо перенесет нынешний и, особенно, будущие конфликты, связанные с его расширением. Хотя обсуждение вступления Турции в ЕС было отложено, в будущем переговоры о ее принятии растянутся еще надолго. Что касается Кипра, то здесь вполне возможен компромисс, если ЕС надавит на греческих киприотов, в результате чего северный Крит получит доступ к рынку ЕС, а Турция станет принимать корабли и самолеты южного Кипра. Острота курдского вопроса сохранится еще надолго. При его решении необходимо помнить, что в случае вступления в ЕС Турции европейская политика соседства станет касаться Ирана, Ирака и Сирии. Дилемма заключается в том, что дальнейшая демократизация Турции снизит влияние армии на турецкое общество, однако вместе с тем и влияние главного до настоящего времени гаранта прозападного, республиканского и светского курса страны, основанного на идеологии кемализма. Демократизация Турции означает усиление влияния в турецком обществе консервативного ислама. Конечно, это не одно и то же, что и распространение исламизма, но создает для последнего прекрасные условия для агитации. Вполне достаточно активности радикально настроенного исламистского меньшинства и совершения турецкими исламистами или даже просто националистами нескольких террористических актов против курдов, армян, евреев или за-

падных европейцев, чтобы в западноевропейском обществе возникли широкие возражения против принятия Турции в ЕС.

Так что, если однажды переговоры Брюсселя с Турцией завершатся успешно, все равно неизвестно, будет ли ее вхождение в ЕС ратифицировано на необходимых или согласованных референдумах в отдельных странах. Традиция проведения повторного голосования с пересмотром первичных результатов (как это было в Дании в 1993 г. и в Ирландии в 2009 г.) ни в коем случае не должна быть продолжена. Провал ратификации может привести не только к углублению пропасти между политической элитой и населением ЕС, способствовать появлению новых радикально настроенных антиисламских и анти-турецких партий или партийных движений, но и усилит антиевропейские настроения в Турции, а это приведет к тому, что даже путь к «привилегированному партнерству» будет закрыт. Отказ принять Турцию в ЕС после успешных переговоров имел бы своим следствием тяжелый внутривнутриполитический раскол и (с уверенностью можно сказать) смену внешнеполитического курса не только в Турции, но и тем более в Украине, поскольку общественно-политические противоречия в ней связаны с региональными различиями, которые постоянно угрожают государственному единству страны. Смена курса во внутренней и внешней политике Украины после вступления в должность президента Виктора Януковича в феврале 2010 г. ясно об этом свидетельствует.

Даже вступление в ЕС Украины, если действительно будет желание осуществить его до принятия Турции, усилило бы антиевропейские настроения не только в Турции, но и в России, не говоря уже о возможном обострении внутривнутриполитических противоречий в Украине. В связи с подобной перспективой вполне уместной была осторожная политика бывшего европейского комиссара по расширению Гюнтера Ферхойгена, не говорящего ни «да», ни «нет» Украине насчет ее вступления в ЕС.

Если при жизни одного–двух поколений в ЕС будут приняты обе крупные и обе соседствующие с ним маленькие страны, политический центр Европейского союза, несмотря на устойчивую экономическую гегемонию западных стран, переместится впоследствии в Центральную и Восточную Европу, где традиции либерализма и демократии даже спустя десятилетия будут развиты гораздо слабее, чем в Западной и Северо-Западной Европе, однако нельзя недооценивать и исключать процессы политического образования общества. Европа с политическим центром в центральной и восточной части в общественном и внешнеполитическом отношении будет носить со-

всем иной характер, чем Европа с центром в западных странах. На сегодняшний момент все говорит о том, что окончательные пространственные границы Европейского союза установятся не скоро или, может быть, не установятся вообще, поэтому тема расширения всегда будет стоять на повестке дня.

ОБРАЗОВАНИЕ НОВЫХ ФРОНТОВ РОССИИ И ЗАПАДА НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

Краткое содержание

Короткая война между Грузией и Россией из-за Южной Осетии и Абхазии в августе 2008 г. в очередной раз продемонстрировала, что локальные «замороженные конфликты» таят в себе опасность войны и имеют для международной политики огромное значение. Война очень резко изменила политическую обстановку на Кавказе, спровоцировала новую волну изгнаний на этнической почве и на некоторое время настолько омрачила отношения между Россией и Западом, что поговаривали о новой холодной войне. После того как в ходе войны Россия восстановила территориальное единство обоих фактически независимых государств в границах, проведенных ранее в 1920-е гг. советской властью, и признала независимость обоих государств, появилась угроза появления новой линии фронта между Западом и Россией. Тем не менее планы по принятию Грузии в НАТО были отложены, иначе в этом регионе западные войска и войска России оказались бы в непосредственном соседстве. Новая пограничная линия особенно опасна, поскольку Запад настаивает на территориальной целостности Грузии, не признающей независимость Южной Осетии и Абхазии, а если бы Грузия была принята в НАТО, то зашла бы речь о незаконном присутствии российских войск на территории стран НАТО.

Еще задолго до предсказуемого признания Косова большинством западных государств, которое произошло сразу после того как 17 февраля 2008 г. косовское правительство провозгласило независимость государства, Россия предупредила о том, что может на это отреагировать признанием Южной Осетии и Абхазии. С точки зрения российского правительства, в то время как признание западными странами Косова неправомерно, признание Южной Осетии и Абхазии, напротив, вполне соответствует нормам международного права, однако Россия тянула еще несколько месяцев, прежде чем сделала этот шаг.

Только после нападения Грузии на Южную Осетию 7 августа 2008 г. Россия перешла к вооруженной контратаке, признала независимость

Южной Осетии и Абхазии и после того, как ЕС добился установления перемирия между Россией и Грузией, заставила обе страны попросить ее о развертывании более многочисленного российского воинского контингента на их территории. Теперь перед нами встают следующие вопросы. Будут ли готовы Россия и Грузия – в отдаленном будущем – обоюдно признать независимость фактически существующих государств Косово, Южная Осетия и Абхазия. Захотят ли обе стороны препятствовать тому, что три данных акта признания могут стать прецедентом для других фактически независимых государств в Европе и мире? Способны ли обе стороны разработать компромиссы для подобных случаев? Какие последствия новая обстановка на Кавказе будет иметь для Армении, которая теперь геополитически окончательно изолирована?

1. Грузия: временное оттаивание «замороженного» конфликта из-за Пятидневной войны

«Замороженные» конфликты таят в себе опасность войны. Это в очередной раз продемонстрировала Пятидневная война (7–12 августа 2008 г.) между Грузией и Россией, в которой участвовали также южноосетинские и абхазские вооруженные формирования. Война не разрешила конфликт, но радикально изменила ситуацию и способствовала появлению новой линии конфронтации между Западом и Россией. Запад еще более твердо, чем ранее, политически и морально встал на сторону Грузии и поддержал ее требование о восстановлении территориального единства. 3 апреля 2008 г. на встрече в Бухаресте западные страны пообещали Грузии перспективу вступления в НАТО, но из-за возражений Франции и Германии Украина и Грузия не были включены в План действий по членству в НАТО. В декабре (2008 г. – *Ред.*) в Совете НАТО можно было наблюдать столкновение противоположных мнений. Обстановка разрядилась лишь после вступления в должность президента США Барака Обамы. ЕС учредил комиссию по расследованию обстоятельств войны на Южном Кавказе во главе со швейцарским дипломатом Хайди Тальявини. В сентябре 2009 г. комиссия представила доклад, в котором однозначно говорилось, что, хотя еще до 7 августа имели место двусторонние провокации, пересечение границы в военных целях было совершено Грузией, но Россия, со своей стороны, также совершила военные действия, нарушающие международное право. После этого даже те европейские страны, которые активно выступали за членство Грузии в НАТО, стали сдержаннее. Госсекретарь США К. Райс агитировала за

принятие Грузии в НАТО, проводя крайне сомнительную параллель с тем, как была принята ФРГ, в свое время требовавшая воссоединения с ГДР. Во-первых, Бонн не пытался дважды безуспешно завоевать Восточный Берлин и Лейпциг, во-вторых, Абхазия и Южная Осетия не стремятся воссоединиться с Тбилиси, в то время как жители Восточного Берлина и Саксонии хотели стать гражданами ФРГ. Президент Грузии Михаил Саакашвили на вопрос журнала «Der Spiegel» (выпуск от 18.08.2008) о том, хотят ли Южная Осетия и Абхазия вообще иметь дело с Грузией после войны, ответил: «Речь идет не том, что они вернутся в состав Грузии, а о том, что мы их вернем; все эти регионы принадлежат Грузии».

После войны Россия признала независимость Южной Осетии и Абхазии и сразу же заключила с ними договоры о военной взаимопомощи, допускающие на территории обоих государств ее военное присутствие (3800 человек и тяжелое вооружение). Если бы Грузия была принята в НАТО, то создалась бы ситуация конфликта, потому что, с точки зрения западных стран, российские войска оказались бы расположены на территории НАТО, а с российской точки зрения, НАТО создало бы незаконную угрозу двум независимым суверенным государствам и союзнику России. В таком случае у России и НАТО не только появилась бы еще одна общая граница, которых уже и так много (у Берингова пролива, рядом с границами Норвегии, с недавних пор также по границам России с Польшей и странами Балтии), но и возник бы открытый конфликт вокруг территории размером в несколько тысяч квадратных километров. Грузия попыталась бы втянуть НАТО в войну с Россией. «Der Spiegel» отметил вполне справедливо: «Пришло время тонкой дипломатии, поскольку конфликт вокруг маленькой Грузии может свести на нет или похоронить двадцатилетний путь сближения России и Запада».

До Пятидневной войны ситуация была еще более запутанной. Россия в принципе признавала территориальную целостность Грузии, хотя фактически способствовала отделению от нее Абхазии и Южной Осетии. Несмотря на то что США, проводя учения (на территории Грузии. – *Ред.*) и поставляя Грузии сырье, способствовали модернизации ее вооруженных сил, настаивали на ее членстве в НАТО, правительства многих европейских государств, особенно крупных, из-за вероятности конфликта с Россией выступали против расширения НАТО на восток, которое из-за «замороженного» конфликта в Грузии и нестабильности на Северном Кавказе задело бы интересы России гораздо сильнее, чем предыдущие расширения.

После Пятидневной войны и признания Россией независимости обоих государств, шага, который после нее сделали лишь Никарагуа,

Венесуэла и Науру, но не партнеры по СНГ (государства ШОС отнеслись к этому признанию весьма сдержанно), варианты достижения компромисса резко сократились, а линии фронта между конфликтующими сторонами укрепились еще сильнее, чем ранее. 14 августа, сразу после окончания войны, Грузия по собственному желанию вышла из СНГ. Почти невозможно представить, что Россия, вновь окрепшая в экономическом и военном плане, пересмотрит свою позицию в отношении признания Южной Осетии и Абхазии и выведет свои войска с Южного Кавказа. Первые две недели после войны казалось, что возмущение «агрессией России против Грузии» ослабило сопротивление Германии, Франции и других влиятельных европейских стран. Однако в последующие недели ОБСЕ и западные разведывательные службы распространили информацию, что 7 августа в 22.30 президент Грузии Михаил Саакашвили начал войну бомбардировками, а позже и нападением на столицу Южной Осетии Цхинвал, а его утверждения о том, что российские танковые войска ранее вошли в Рокский туннель, оказались ложью. В самом начале войны, в 23.00, Саакашвили приказал повсеместно объявить, что грузинские войска имеют своей целью «восстановление конституционного порядка в Южной Осетии». С тех пор как Саакашвили в 2004 г. вступил в должность президента, он неоднократно высказывался о вооруженном насильственном возвращении Южной Осетии и Абхазии в состав Грузии. В ходе войны и после нее политические отношения между Западом и Россией резко ухудшились. Поговаривали даже о новой холодной войне, Россию снова стали изображать как воинственную агрессивную страну с империалистическими и экспансионистскими замашками, что теперь может угрожать Украине и странам Балтии, где предполагаемое притеснение русского меньшинства могло бы стать поводом для интервенции.

Россия, в свою очередь, не стала затягивать с угрозами о принятии жестких политических, экономических и военных мер, если Запад своими санкциями поддержит «агрессию и геноцид со стороны Грузии» в отношении российских граждан, проживающих в Южной Осетии и Абхазии. Известно, что за последние годы более 90 % абхазцев и южных осетин получили российское гражданство. Незамедлительного принятия Украины в НАТО требовали преимущественно политики из стран, недавно ставших членами ЕС и НАТО, хотя большинство их населения было бы против, а многие украинские политики скорее старались удовлетворить Россию. Противоречия в оценке российской интервенции в Грузию стали одной из причин распада (3 сентября) правящей коалиции, состоящей из партии президента Украины Виктора Ющенко и партии премьер-министра Юлии Тимо-

шенко, и тем самым привели украинскую демократию к очередному кризису. Кандидат на пост президента США сенатор Джон Маккейн призывал руководство США признать Чечню независимым государством, исключить Россию из «большой восьмерки» ведущих экономических держав и не допустить ее вступления в ВТО. Своей фразой «Мы все сегодня грузины» он заложил основы сотрудничества с Грузией.

Все три стороны конфликта (Россия со своими новыми союзниками, Грузия и западные государства) абсолютно по-разному представляли себе не только начало и ход войны, но и ее предысторию. Россия и Грузия считали друг друга агрессорами. Только примерно месяц спустя, когда критика военной политики Саакашвили со стороны внутригрузинской оппозиции стала очень заметной, некоторые западные политики начали оценивать создавшуюся ситуацию иначе.

Конфликт вокруг Южной Осетии и Абхазии в сентябре 2007 г. уже был темой одной из моих лекций в Мангейме*. Суть этого конфликта, как и прежде, заключается в вопросе, что должно иметь приоритет: территориальная целостность международно признанного государства Грузия или право абхазского и южноосетинского народов на самоопределение? В данной лекции мы не будем снова останавливаться на истории конфликта. Напомним только некоторые факты: Абхазия занимает площадь 8700 кв. км и имеет около 230 тысяч жителей, территория Южной Осетии составляет 3900 кв. км, в ней проживает 70 тысяч человек. Южная Осетия стремится к объединению с Северной Осетией, а вместе с ней и с Россией, поскольку Северная Осетия является одним из субъектов Российской Федерации. Южная Осетия связана с Северной только посредством труднопреодолимых переходов через высокие кавказские хребты, а также Рокским туннелем. Абхазия же стремится к обретению независимости, несмотря на то что она полностью зависит от России, и почти все ее жители, как и южные осетины, имеют еще и российское гражданство. Абхазия располагает длинным побережьем Черного моря, которое раньше было популярным среди туристов, поэтому у нее больше, чем у Южной Осетии, условий для обретения окончательной независимости. После изгнания и бегства большинства грузин в Абхазии проживают также армяне, греки, русские и иные этнические группы, объединившиеся с абхазами во время войны за независимость (1992–1994) про-

* «Открывает ли европейская политика соседства для «замороженного» конфликта на Южном Кавказе новые перспективы?» Опубликовано в кн.: Jahn E. Politische Streitfragen, Wiesbaden 2008, S. 200–216. (Прим. автора.)

тив Грузии. Из Южной Осетии большинство проживавших там ранее грузин также бежало или они были изгнаны.

После установления перемирия 14 мая 1994 г. в Абхазии была размещена миротворческая группа СНГ, состоявшая из 1500 российских солдат. За сохранением мира наблюдала также группа из 121 представителя Миссии ООН по наблюдению в Грузии (МООННГ). В июле 2006 г. грузинские войска заняли Кодорское ущелье и создали в населенном пункте Чхалта подконтрольное Грузии правительство. В Южной Осетии, напротив, после заключения мира 24 мая 1992 г. была создана миротворческая группа из россиян, грузин, южных и северных осетин, а также Смешанная контрольная комиссия, что фактически привело к возникновению контролируемого Грузией анклава в стране, находившейся в основном под контролем России и поддерживаемого Москвой южноосетинского правительства во главе с Эдуардом Кокойты. За поддержанием мира наблюдала также группа ОБСЕ, состоящая всего из шести человек. В мае 2007 г. в селе Курта грузины учредили свое южноосетинское правительство во главе с Дмитрием Санакоевым. На границах обоих государств неоднократно доходило до перестрелок, которые унесли жизни многих людей.

2. Приоритет территориальной целостности или статус-кво после заключения перемирия в 1992 г.

Еще 15 апреля 2008 г. Совет Безопасности ООН вместе с Россией в своей Резолюции № 1808 подтвердил «приверженность всех стран-членов суверенитету, независимости и территориальной целостности Грузии в пределах ее международно признанных границ» и свое намерение способствовать урегулированию грузинско-абхазского конфликта «только мирными средствами и в рамках резолюций Совета Безопасности». Позиция России изменилась только после того, как Грузия бомбардировала столицу Южной Осетии, в результате чего погибли мирные жители, а также российские солдаты из миротворческих войск. Россия заявила о геноциде со стороны Грузии в отношении российских граждан, проживающих в Южной Осетии, жертвами которого уже в начале войны якобы стали 2000 человек. Только спустя недели было названо более реальное число жертв – 134 человека. Десятки тысяч южных осетин в течение нескольких часов бежали в Россию. По утверждению российского правительства, для пресечения геноцида и агрессии российские войска, действуя в полном соответствии со ст. 51 Устава ООН, продвинулись в Южную Осетию и далее, на территорию самой Грузии (в города Гори и Поти,

а также в город Сенаки – военную базу грузинских войск), защитили граждан России от геноцида и создали буферную зону за границами Южной Осетии и Абхазии.

Благодаря посредничеству ЕС 12 августа было заключено перемирие. До этого вооруженные южные осетины, находившиеся под защитой российских войск, прогоняли из осетинских деревень оставшихся там грузин, многие из которых были убиты. Кроме того, 12 августа абхазские войска заняли верхнюю часть Кодорского ущелья, откуда грузинские войска и мирные жители бежали после боев на абхазско-грузинской границе. Россия объявила, что до октября выведет свои войска из буферной зоны, если группа наблюдателей из ЕС позаботится о том, что Грузия не будет готовиться к новой агрессивной войне против Южной Осетии и Абхазии. В итоге 26 августа президент России Дмитрий Медведев после решения обеих палат парламента заявил о признании независимости обоих маленьких государств, обосновывая это тем, что нападение Грузии на столицу Южной Осетии Цхинвал «унесло жизни сотен мирных жителей», а Абхазии угрожала та же участь, то есть геноцид. «Учитывая свободное волеизъявление осетинского и абхазского народов, руководствуясь положениями Устава ООН, декларацией 1970 года о принципах международного права, касающихся дружественных отношений между государствами, Хельсинкским Заключительным актом СБСЕ 1975 года, другими основополагающими международными документами», Россия признала независимость обоих государств. 17 сентября Россия заключила с обеими странами договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи. Несмотря на признание Абхазии и Южной Осетии, Россия и далее настаивала на том, что признание Косова многими европейскими странами противоречит международному праву. Очевидно, чтобы не выглядеть по отношению к Западу слишком бесцеремонной, 9 октября Россия согласилась на продление до 15 февраля 2009 г. мандата миссии ООН по наблюдению в Грузии и объявила, что состоящая из шести наблюдателей миссия ОБСЕ в Южной Осетии еще не заканчивает свою работу. С точки зрения Грузии, Россия уже несколько месяцев готовилась к аннексии Южной Осетии и Абхазии, поэтому еще несколько лет назад значительная часть южных осетин и абхазцев незаконно получила российское гражданство. После принятого в Бухаресте решения о будущем вступлении Грузии в НАТО Россия отменила экономическое эмбарго в отношении Абхазии и Южной Осетии и в конечном счете в мае оправила в Абхазию солдат для восстановления пролегающей вдоль побережья железной дороги, ранее связывавшей Россию и Грузию. Россия утверждала, что солдаты не вооружены, чтобы не произошло нарушения договора

о мире. В заключение севернее Кавказского хребта Россия провела многочисленные военные учения. В то же время в Грузии прошли военные учения с участием тысячи американских солдат. Заметно, что с апреля обе стороны готовились к новой войне. По утверждениям Грузии, 7 августа тяжеловооруженные военные формирования прошли через Рокский туннель, нарушив тем самым соглашение о мире от 1992 г., и проникли на территорию Южной Осетии, следовательно, Грузии. Таким образом, получается, что агрессор – Россия. Однако в понимании международного сообщества вторжение российских войск произошло только спустя несколько часов после грузинского нападения на Цхинвал. Многие западные правительства приняли точку зрения Грузии, что агрессором была Россия. Другие высказались более осторожно и заявили, что Россия совершила провокацию.

Реальные события намного запутаннее и должны быть рассмотрены в более широком политическом контексте. Наконец, надо принять во внимание, что еще за недели до массивного нападения Грузии на Цхинвал в Южной Осетии были отмечены многочисленные перестрелки между осетинами и грузинами и нападения грузин на абхазцев, в результате которых погибло много человек.

3. Признание Косова как прецедент и постепенная аннексия Южной Осетии посредством предоставления российского гражданства

В лекции, прочитанной 10 сентября 2007 г., я уже рассматривал исторический контекст включения Сталиным в начале 1920-х гг. Абхазии и Южной Осетии в состав Грузии и обретения ими территориальной автономии. В ходе распада Советского Союза автономные территории потребовали для себя больше независимости, однако Грузия с помощью военной силы уничтожила их автономию для того, чтобы образовать унитарное этнонациональное государство, что, в свою очередь, спровоцировало сепаратистские настроения в Абхазии и Южной Осетии. Россия оказывала им военную помощь, но политически вела себя сдержанно, подчеркивая соблюдение принципа территориальной целостности Грузии, чем создала себе инструмент постоянного давления на нее. Действуя подобным образом во время правления Эдуарда Шеварднадзе, в 1993 г. России удалось заманить Грузию в СНГ и принудить ее к «хорошему поведению» по отношению к себе, что включало даже присутствие российских войск в Грузии.

Произошедшая в октябре 2003 г. грузинская «революция роз», возглавляемая Михаилом Саакашвили и получившая поддержку США,

нарушила хрупкое равновесие между фактической экономической, социальной и правовой (предоставление российского гражданства) интеграцией Южной Осетии и Абхазии в сферу российского влияния и признанием территориальной целостности Грузии. Этот переворот был связан не только с демократическими и экономическими преобразованиями, но и означал поворот в национальной политике. Саакашвили не раз заявлял, что хочет восстановить единство Грузии – даже с применением военной силы, если будет необходимо. Ликвидация автономии Аджарии в мае 2004 г. свидетельствовала о его решимости. Приглашение в страну многочисленных консультантов из США для модернизации грузинских вооруженных сил, а также открыто выраженное желание вступить в НАТО ясно показали, что российский шантаж больше на Грузию не действует, и России грозит окончательная потеря влияния в регионе. Это укрепило Россию в ее намерении сохранить и расширить свои минимальные сферы влияния в Закавказье – в Южной Осетии и Абхазии.

Готовность США придвинуть границу НАТО к слабому южному флангу России на Кавказе и в то же время отказаться от принципа непризнания сепаратистских устремлений (например, в Косово), если это будет выгодно для усиления влияния США или Запада в целом, по всей видимости, привели к смене Москвой политического курса. Казалось, что Запад (особенно США) не готов к двустороннему признанию привычных сфер влияния. В 2007 г. президент В. Путин несколько раз предупреждал, что на признание Косова Россия может ответить признанием Южной Осетии и Абхазии. Однако даже после этого шага, сделанного Западом в феврале, Россия воздержалась от немедленного признания независимости Южной Осетии, Абхазии и Приднестровья. Возможно, из желания использовать относительное отсутствие одобрения инициативы Запада в ООН и общность своей позиции в этом вопросе с Китаем, Индией и многими другими странами, либо из-за понимания того, что действия России на Кавказе встретят гораздо более слабую поддержку, чем действия Запада в Косово. В конце концов свою роль сыграл страх перед тем, что Косово станет прецедентом для острова Тайвань, Тибета, Синьцзян-Уйгурского автономного района, Кашмира, Страны Басков, Каталонии и десятков других областей, стремящихся к отделению. Не в последнюю очередь признание южнокавказских сепаратистов должно было ослабить позиции тех, кто выступает против российских сепаратистов. Тем не менее весной и летом Россия продолжила фактическую интеграцию Абхазии и Южной Осетии в сферу своего влияния с помощью уже упомянутой отмены эмбарго в отношении этих стран и восстановлением железной дороги вдоль побережья Черного моря. Пусть вопрос,

хотела ли Россия спровоцировать агрессию Грузии по отношению к Южной Осетии и Абхазии посредством военных учений на Северном Кавказе, чтобы иметь повод для их признания, пока останется без ответа.

Грузия, наоборот, должна была опасаться, что однажды Россия завершит свое постепенное присвоение отделившихся областей их признанием. Грузия подтянула свои войска к границам с Абхазией и Южной Осетией и несколько раз запускала купленные у Израиля беспилотные самолеты-разведчики в воздушное пространство Абхазии, где по меньшей мере три, а по данным Абхазии, семь из них были сбиты российскими самолетами-бомбардировщиками. И полеты грузинских беспилотников, и обстрел их российской стороной Генеральный секретарь ООН объявил нарушением соглашения о перемирии и резолюции ООН. Весной напряженность возросла благодаря вооруженным конфликтам в Абхазии и Южной Осетии и на их границах. Многие говорят о том, что Грузия надеялась провести молниеносную войну, как в свое время Хорватия в Краине, застать врасплох сначала более слабую Южную Осетию, затем Абхазию, а Россию поставить позже уже перед фактом.

Конечно, это не могло произойти без молчаливой поддержки США. Хотя после войны госсекретарь Кондолиза Райс заявила, что она отговаривала Саакашвили от войны, но необычайно влиятельный вице-президент Ричард Чейни и кандидат на пост президента Джон Маккейн через своих консультантов Джозефа Р. Вуда и Рэнди Шойнеманна поддерживали тесный контакт с Саакашвили. Невозможно представить, что многие американские военные советники не заметили приготовлений к войне. Война в Грузии, несомненно, дала Маккейну возможность в очередной раз поставить под вопрос компетентность своего конкурента Барака Обамы в вопросах внешней политики и политики безопасности и обвинить его в снисходительном отношении к врагам свободы и США. Война в Грузии на некоторое время подняла статус Маккейна в глазах общественности. Однако это, конечно же, не доказывает поддержку, оказанную США Грузии при ее нападении на Южную Осетию.

Хотел ли Саакашвили, напротив, использовать время, оставшееся до окончания срока президентства Джорджа Буша и Чейни и предвыборной кампании в США, чтобы либо добиться быстрых военных успехов, либо создать ситуацию, в которой Грузия будет выглядеть жертвой имперской агрессии и экспансии России, и тем самым проложить Грузии дорогу в НАТО, – пусть это также будет для начала предметом наших рассуждений. Оставим пока также неясным, действительно ли Саакашвили полагает, что членство Грузии в НАТО

даст шансы оказать давление на Россию, чтобы она ушла из Южной Осетии и Абхазии. В действительности членство в НАТО повлекло бы за собой окончательную потерю Грузией Южной Осетии и Абхазии, потому что США и НАТО вовсе не заинтересованы в том, чтобы из-за Грузии оказаться втянутыми в военное противостояние или даже войну вокруг Южной Осетии и Абхазии. Авантюристская и, с военной точки зрения, дилетантская политика Саакашвили остается загадкой. Его предшественник Эдуард Шеварднадзе саркастически высказался, что его преемник не был способен даже на то, чтобы в начале грузинского вторжения в Южную Осетию взорвать Рокский туннель, дабы не дать российским войскам им воспользоваться. Правда, сомнительно, что эта мера помогла бы предотвратить быстрое продвижение российских войск со стороны западной Грузии, целью которых было освобождение Южной Осетии от грузинских войск.

Самостоятельные действия Саакашвили без поддержки большинством американского правительства кажутся невозможными, иначе в августе США не приняли бы так однозначно сторону Грузии. Неужели правительства Грузии и США так легкомысленно недооценивали военную мощь и политическую решимость России отстаивать свои позиции в конфликтном регионе и даже укрепить их, используя грузинское нападение на Южную Осетию, имевшее место 7 августа? Или же они рассчитывали на поражение Грузии, чтобы спровоцировать экспансию со стороны России, зная, что ее ведение войны, как и в Чечне, будет сопровождаться насилием по отношению к мирному населению? Должно ли это было усилить политическое и моральное давление на осторожно выжидающие европейские страны, чтобы принять в НАТО Грузию и Украину? Предложение о принятии Украины аргументировалось тем, что за «аннексией» Южной Осетии и Абхазии может последовать и Крым.

После войны выяснилось, что Россия сильно преувеличила число жертв грузинского нападения на Южную Осетию, более того, что российские войска сами были виновны в насильственных действиях против грузинского населения и допустили, что южноосетинская милиция за их спиной совершала ужасные акты насилия над грузинами, многих из которых выгнала из страны. Россия не способствовала восстановлению военно-политической ситуации, существовавшей до агрессии, то есть не устранила влияния Грузии в Абхазии и Южной Осетии. Обе эти страны, поддерживаемые Россией, не пускают на свою территорию наблюдателей от Европейского союза, а свое согласие с присутствием наблюдателей в центральной части Грузии объясняют желанием быть предупрежденными о возможной новой агрессии со стороны Грузии.

4. Продолжительная конфронтация Восток–Запад или взаимно согласованное выравнивание линии фронта

Если до августа 2008 г. еще можно было придумать компромиссы для решения конфликта между Грузией, с одной стороны, и Абхазией, Южной Осетией и Россией – с другой, то после новой войны международная ситуация на Кавказе резко изменилась. Россия не может и не станет отказываться от признания независимости обоих маленьких государств и от данных им гарантий безопасности. Запад продолжает настаивать на территориальной целостности Грузии, причем он должен бы знать, что насильственное восстановление единства Грузии (если Россия станет слишком слабой, чтобы защитить Абхазию и Южную Осетию) возможно только ценой геноцида и изгнания абхазцев и южных осетин из населенных ими областей. Если Грузия будет принята в НАТО без предварительного урегулирования спора вокруг обоих государств, то возникнет крайне опасный затяжной конфликт с Россией, возможно, даже внутри самих органов НАТО – между государствами и политическими партиями, которые обязательно захотят и далее ограничивать сферы влияния России, и теми государствами и партиями, которые считают сотрудничество с Россией необходимым для восстановления в Европе мира и безопасности. По всей видимости, институционализация затяжного конфликта с Россией на уровне ЕС неизбежно не только осложнит, но и сорвет разработку консенсуса в развитии общей внешней политики и политики безопасности, а также формирования европейской политики соседства.

После первых недель обоюдных угроз и конфронтации ситуация успокоилась только в ноябре 2008 г. Евросоюз отправил в Грузию довольно многочисленную группу наблюдателей в составе 225 человек с мандатом, распространяющимся на всю территорию страны; в то же время ЕС пришлось согласиться, что наблюдатели не будут присутствовать в Южной Осетии и Абхазии. Западу также пришлось смириться с тем, что несколько месяцев спустя Россия воспрепятствовала продлению мандата МООННГ по обе стороны абхазско-грузинской границы и мандата ОБСЕ по обе стороны южноосетинско-грузинской границы. Несмотря на усиливающуюся в Грузии критику авантюристской политики президента Саакашвили в отношении России, а также его военной политики, в стране до сих пор не произошло ни смены политического курса, ни смены власти*.

* Мирный процесс смены власти в Грузии завершился осенью 2013 г. с избранием нового президента, которым стал Георгий Маргвелашвили. (Прим. ред.)

Существует альтернатива политике конфронтации и сохранения мира на основе нового военно-политического статус-кво: взаимно согласованное выравнивание «линии фронта» между Россией и Грузией, открывающее возможность установить мир во всем кавказском регионе и найти решение для третьего, во многих отношениях самого опасного из трех «замороженных» конфликтов. Конфликт вокруг Нагорного Карабаха, хотя территория последнего и меньше Абхазии (4400 кв. км, 190 тыс. жителей – 1991 г.), является самым опасным, поскольку военный потенциал конфликтующих сторон примерно одинаков, и новая война, по всей вероятности, будет затяжной, кровопролитной, а обе стороны будут использовать варварские методы, то есть все будет совсем иначе, чем при неравном соотношении военной мощи России и Грузии. К тому же долго было бы неясно, станет ли Россия (и если да, то насколько активно) принимать участие в защите Нагорного Карабаха и Армении в случае, если Азербайджан попытается с помощью военной силы восстановить свою территориальную целостность. Примечательно, что во время Пятидневной войны все стороны, задействованные в конфликте вокруг Карабаха, на словах и на деле сохраняли сдержанность. После признания Западом Косова Россия никогда не угрожала признанием Нагорного Карабаха, только признанием Абхазии и Южной Осетии, и, по всей видимости, даже сегодня не видит причины рассматривать признание Косова, Абхазии и Южной Осетии в качестве прецедентов для Нагорного Карабаха или Приднестровья. Азербайджан, в свою очередь, вознаграждал сдержанную позицию России в данном спорном вопросе тем, что не критиковал ее из-за событий в Грузии и, в отличие от Украины, не выразил открыто солидарность с Тбилиси. Армения также не видела во всех трех случаях признания независимости государств повод к тому, чтобы в одностороннем порядке признать Нагорный Карабах, зная, что в таком случае она рискует развязать войну с Азербайджаном и вызвать сопротивление со стороны Турции, США и ЕС. Весьма странно, что в СМИ не отражены изменения, произошедшие в геополитическом положении Армении из-за Пятидневной войны. У России теперь нет прямого соединения с Арменией, которое бы не проходило через территорию Азербайджана или Грузии. В случае чрезвычайного положения или войны российская гражданская или военная помощь Армении будет осуществляться через Иран. Поэтому абсолютно не случайно, что вскоре после Пятидневной войны Армения и Турция продемонстрировали символическое сотрудничество на политическом уровне: президент Турции Абдулла Гюль впервые посетил Ереван под предлогом присутствия на футбольном матче за право участие в мировом первенстве. За этим первым шагом –

к неудовольствию Азербайджана – последовали дальнейшие осторожные попытки сближения двух стран.

Если рассматривать стратегическую ситуацию на Южном Кавказе в целом, мы увидим, что Пятидневную войну, по сути, проиграла Россия. Она хотя и усилила свои позиции в Абхазии и Южной Осетии, но потеряла рычаги давления на Грузию, и, таким образом, последняя перешла на сторону Запада. Несмотря на то что грузинское правительство после действий Саакашвили может внедрить элементы сотрудничества в политику в отношении России, оно не должно забывать о принципиальной ориентации Грузии на Запад. Из-за этого Армения оказалась в геополитической изоляции, и у нее еще долго не будет иного выбора, как ослабить связи с Россией и стремиться к согласию с Западом, Турцией, а, следовательно, и с Азербайджаном. Надежда на «вечную зиму» «замороженного» конфликта вокруг Нагорного Карабаха будет иметь роковые последствия не только для непосредственных участников конфликта, но также для ЕС и США.

5. Признание Косова, Южной Осетии и Абхазии

Какое решение конфликта на Кавказе, а также действия для снятия напряженности в отношениях между Россией и НАТО возможны после Пятидневной войны в Грузии, при условии, что конфликтующие стороны будут думать не только о своей выгоде в условиях ограниченной конфронтации, периодически сопровождающейся эпизодическими войнами, такими как Пятидневная война, а также при условии, что конфликтующие стороны не станут ждать и бездействовать – с тем, чтобы не менять существующее положение вещей? С 1999 г. Запад верил, что демократическое Косово может снова стать частью демократической Сербии, пока в конце 2007 г. он не расстался с этой иллюзией и вскоре после этого не признал его независимость. До настоящего момента Россия была единственной надеждой Сербии в том, чтобы не допустить признание Косова и его членства в ООН. Китай вряд ли станет в этом деле надежной опорой, хотя он, возможно, еще долго будет препятствовать принятию Косова в ООН, по крайней мере до тех пор, пока Сербия не признает Косова. Абхазия и Южная Осетия до настоящего момента были признаны только Россией и еще тремя государствами; можно предположить, что в ближайшее время лишь немногие страны последуют их примеру.

Продлжительный отказ признавать страны, отделившиеся от других государств, вполне традиционен. Однако в большинстве случаев обычно все заканчивалось признанием государств, если не

происходило насильственного военного воссоединения. Мирное воссоединение удавалось только тогда, когда было расколото одно этнонациональное государство, но не тогда, когда происходил распад государства на два или несколько национальных. Воссоединение Кипра в форме двунациональной федерации, по всей видимости, было в истории новшеством, однако это объединение продолжает существовать только благодаря членству Кипра в ЕС. Несмотря на удачное отделение и реальную независимость Косова, Абхазии и Южной Осетии, настаивая на территориальной целостности Сербии и Грузии, можно опираться на международное право, но с точки зрения политики это фактически программа для страшной этнонациональной войны и геноцида. Это говорит о том, что в подобных случаях не политика должна подстраиваться под существующий международно-правовой порядок, а, наоборот, для признания фактической политической сепарации должны быть созданы необходимые международно-правовые акты.

Абсолютно нереально, чтобы это произошло сегодня или завтра. Но к послезавтра мы должны быть готовы уже сегодня. Россия и НАТО должны настроиться на то, что их одностороннее признание Косова, Абхазии и Южной Осетии однажды сменится обоюдным признанием, что возможно при условии, если Запад сделает привлекательным для Сербии и Грузии признание отделившихся территорий, например, с помощью экономических привилегий и принятия в ЕС и НАТО. Россия может смириться с выравниваем фронта на Кавказе, то есть принятием Грузии в НАТО и в долгосрочной перспективе в ЕС, но только в том случае, если сотрудничество НАТО и России будет осуществляться на более прочной, чем ранее, институциональной основе, но это, естественно, непросто.

Защитная речь в пользу признания трех вышеназванных государств должна стать решением проблемы и привести к тому, что признание этих стран не станет толчком к признанию других отделившихся государств и особенно стимулом для сепаратистских настроений в других регионах. Политика признания Косова, Абхазии и Южной Осетии и Россией, и Западом может быть осуществлена, только если в то же время произойдет успешное воссоединения Кипра, что послужит импульсом против слишком активного сепаратизма, а также если Россия и НАТО будут более серьезно и настойчиво пытаться прийти к компромиссу в отношении Нагорного Карабаха и Приднестровья.

В заключение: все еще не появилась убедительная и реальная альтернатива национальному сепаратизму, активному в государствах, где соотношение сил не допускает отделения территорий, но в них

имеют место периодические и постоянные вспышки насилия и этнонационально мотивированный терроризм – в Европе от Страны Басков до Чечни, в остальном мире – от Палестины до Кашмира и Тибета.

6. Опасность возможного «оттаивания» на Южном Кавказе «замороженных» конфликтов

Пятидневная война в Грузии не изменила того, что конфликт вокруг Абхазии и Южной Осетии остается «замороженным», несмотря на изменение ситуации. Он не только отравляет отношения между Россией и Грузией и сохраняет напряженность во всем кавказском регионе, в том числе внутри России, но и остается камнем преткновения в отношениях между Россией и всем Западом. Он сильно омрачает отношения между Россией и странами Балтии (Эстония и Литва), а также между украинскими регионами, этническими группами и политическими партиями. Не исключено, что русские сепаратисты в Крыму и восточной Украине еще питают опасные надежды на пересмотр российской политики в отношении Крыма, хотя еще много лет назад Россия и Украина договорились о правилах, регулирующих роспуск советского флота и ликвидацию военно-морских баз, которые привели к окончательному признанию границ между Россией и Украиной. Тем не менее недавний раскол между лидерами «оранжевой революции» привел к смене правительства, которое из-за продления договора о присутствии российского флота в Севастополе сильно умерило устремления к интеграции Украины в сообщество западных стран, но вместе с тем на десятилетия отсрочило возможный острый конфликт вокруг Крыма*.

Оживленные рассуждения в западных СМИ о том, что Россия возобновила агрессивную имперскую политику в отношении Украины и стран Балтии, оказались абсолютно беспочвенными и в определенной степени даже непростительными, несмотря на то что для этого потребовалось всего лишь процитировать несколько экстремистских высказываний Москвы в духе национального империализма, впечатление от которых подкрепилось действиями России на Южном Кавказе. Последний дипломатический успех России в севастопольском вопросе лишил этих сторонников националистического импе-

* Как мы можем убедиться, это утверждение было ошибочным, поскольку во время подготовки лекции динамика событий в Украине, начавших разворачиваться в ноябре 2013 г., была непредсказуемой. (Прим. автора.)

риализма почвы под ногами. Решающим является то, что российские президенты и политическая элита не дают повода обвинить Россию в политике территориальной экспансии*. Когда президент Южной Осетии Э. Кокойты поспешно объявил о воссоединении Южной Осетии с Северной, Кремль его быстро одернул. У России еще долго не должно быть повода закрепить вхождение Южной Осетии в Россию правовыми средствами. Только внезапное и радикальное ухудшение ситуации на Кавказе может побудить Россию к такому шагу.

Исход Пятидневной войны привел к тому, что фактические границы стали совпадать со старыми границами территориальных единиц, вследствие чего мандаты ООН и ОБСЕ для Грузии утратили свою актуальность. Группа наблюдателей ЕС фактически будет выполнять только те задачи, которые Россия от нее и ожидает, а именно предупреждение новых попыток грузинского правительства насильно восстановить целостность страны. В то же время ЕС будет продолжать верить в то, что у него есть мандат на наблюдение за сохранением мира на территории всего конфликтного региона Грузии.

Невозможно не заметить разногласия, появившиеся в вопросе о позиции по отношению к России. Франция, Германия, Италия и страны Бенилюкса предпочли умеренную критику и умеренные санкции в отношении России. Именно они, а не США, возглавляемые Бушем, через Никола Саркози способствовали заключению мира между Россией и Грузией, который предусматривал вывод российских войск с территории Грузии до 10 октября 2008 г. Польша, страны Балтии и Чехия увидели в России угрозу и вместе с Швецией и Великобританией потребовали более суровых мер по отношению к ней, но не уточнили, каких конкретно. Прежде всего они потребовали немедленно принять Грузию в НАТО. Ввиду Пятидневной войны подписание двустороннего договора о размещении американских ракет на территории Польши состоялось без проблем до того, как правительство Барака Обамы потеряло к этому проекту интерес. В конечном счете оба западных союза пришли к решению приостановить деятельность партнерства «Россия – НАТО» и отсрочить подписание нового соглашения о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Россией. Однако вскоре оба этих решения были пересмотрены.

* В начале 2014 г. по причинам, на которых мы останавливаться не будем, ситуация резко изменилась. (Прим. автора.)

НАПОМИНАНИЕ О МАССОВЫХ УБИЙСТВАХ КАК ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ В НАШИ ДНИ (НА ПРИМЕРЕ ОСМАНСКОГО ГЕНОЦИДА АРМЯН)

Краткое содержание

27 января 2006 г. по решению ООН впервые отмечался как день памяти жертв геноцида, а именно национал-социалистского геноцида евреев. Сохранение в памяти, вытеснение из нее геноцида или его отрицание служит, как правило, различным политическим целям. Память о геноциде должна стать наказанием для тех, кто убивал или способствовал убийствам, выразить политическое и моральное осуждение политических лидеров, партий, избирателей и народа, которые допустили приход к власти убийц и не могли их удержать от преступления, а также для того, чтобы предотвратить геноциды в будущем. Признание факта геноцида для государства (-преемника), взявшего на себя ответственность за это преступление, означает для страны огромные затраты. С другой стороны, отрицание геноцида также может обойтись очень дорого и повлечь за собой презрение со стороны мировой общественности и изоляцию, что негативно отразится на экономическом и культурном развитии государства.

Османский геноцид армян долгое время отрицали и умалчивали, что частично происходит и сейчас, поскольку сегодняшний турецкий правящий слой и часть населения по большей части до сих пор идентифицируют себя с ответственной за совершение геноцида с «младотурецкой» правящей элитой Османской империи, а также потому, что государства-союзники Турции ставят интересы этого союза выше, чем интересы малочисленного народа, который к тому же после геноцида понес огромные потери и был изгнан из многих областей своего расселения.

За последние годы проблема геноцида стала привлекать все больше общественного внимания. Во многих странах произошел толчок к научному и общественному изучению темы геноцида. На некоторые государства оказывается сильное внешнее и внутреннее политическое давление, чтобы заставить их по примеру Германии признать истори-

ческий факт геноцида. К таким странам относятся Япония, Франция, США, Россия и, особенно, Турция. В случае с Турцией возникает опасность, что отрицание геноцида армян может стать оружием для освещения в турецкой научно-популярной литературе совершенных иттихадистами массовых убийств армян. Уточнение понятия геноцида, с одной стороны, является неотъемлемым элементом либерализации и демократизации Турции, с другой стороны, установление связи между признанием геноцида и членством в ЕС может значительно снизить шансы на либерализацию и демократизацию этой страны.

1. Политические интересы, из-за которых судьба армян в Османской империи придается умолчанию

27 января 2006 г. впервые отмечался ООН как день памяти жертв геноцида, а именно национал-социалистского геноцида евреев. С одной стороны, это подчеркивает уникальность Холокоста, с другой – он может также привлечь внимание к другим геноцидам, имевшим место в прошлом. Память о геноциде служит обычно не только для того, чтобы не забывать о его жертвах, но, как правило, имеет еще и целый ряд политических целей, таких как вытеснение геноцида из памяти людей или отрицание его. Целью сохранения памяти о геноциде должно быть, например, наказание тех, кто убивал или способствовал убийствам; политическое и моральное осуждение общественной группы (политических лидеров, партий, избирателей) и народа, которые допустили приход к власти убийц и не смогли их удержать от преступления; возрождение или создание государства для представителей народа, выживших после геноцида; возвращение частной собственности наследникам жертв геноцида; денежное возмещение ущерба выжившим жертвам или представляющим их организациям или государствам; ограничения во внешней и военной политике действий правительств государств(-преемников), несущих ответственность за геноцид; предупреждение геноцидов в будущем. Признание факта геноцида для государства(-преемника), взявшего на себя ответственность за него, влечет за собой огромные общественные затраты. Однако отрицание геноцида также может обойтись очень дорого и вызвать презрение со стороны мировой общественности, стать причиной изоляции страны, что негативно отразится на ее экономическом и культурном развитии.

Неоднократное за последние годы отрицание Холокоста иранским президентом Махмудом Ахмадинежадом, например, имеет целью оспорить право Израиля на существование, призвать к ликвидации

этого государства и тем самым положить конец проживанию большинства евреев на Ближнем Востоке, а также установить причинно-следственную связь между Холокостом и созданием государства Израиль, то есть обвинить немцев и иных европейцев-антисемитов в вытеснении и изгнании арабов с большей части территории Палестины.

Позиция Германии и международной общественности по отношению к массовым убийствам евреев во времена национал-социализма часто используется как пример для восприятия других геноцидов. Систематическое массовое убийство армян, организованное руководством политического движения и партии «Иттихад ве теракки» («Единение и прогресс»), так называемыми младотурками, или иттихадистами, а также классификация данного массового убийства как геноцида отрицается турецким правительством, большинством выразителей общественного мнения и турецкой наукой до сих пор. Однако признается, что несколько сотен тысяч армян (300 000 или больше) погибли в ходе депортации в Месопотамию, куда добрались и где остались в живых немногие, а также в результате подавления армянских восстаний. Турецкая сторона утверждает, что Армения и союзная ей Россия убили гораздо больше мусульман (турок, курдов и представителей других этносов), чем турки и курды – армян. С ее точки зрения, обоюдная резня (термин «геноцид» в официальной и официозной турецкой литературе категорически запрещен) была инициирована армянскими революционерами-националистами, которых подстрекали и финансировали Россия, Великобритания, Франция и США. Таким образом, жертвы резни являются прискорбным и ужасным «побочным эффектом» гражданской войны, начатой армянами в тылу Османской империи, пребывавшей в состоянии обороны и грозившей распадом, поэтому турецкий народ боролся за свое существование.

В армянской литературе, напротив, речь идет преимущественно об османско-турецком геноциде 1,5 миллиона армян и о немногочисленных погибших мусульманах (турках, курдах, азербайджанцах и других народах), ставших жертвами армянской резни из мести, произошедшей во время армянских восстаний и проникновения на территорию Османской империи российских войск.

Кто-то обвиняет Германскую империю и утверждает, что она несет главную ответственность за геноцид армян или даже его начала, поскольку она осуществляла политический и военный контроль над Османской империей, и считают турок, курдов и прочих мусульман всего лишь исполнителями. Поэтому геноцид армян был назван «Хо-

локост до Холокоста», также был выдвинут тезис о преемственности германской политики уничтожения.

16 июня 2005 г. германский бундестаг по инициативе всех четырех фракций впервые отважился учредить день памяти жертв «изгнаний и резни армян в 1915 году». При этом понятие «геноцид» не употреблялось, но речь шла о «преступлении, совершенном над армянским народом». «Германия должна внести свою лепту в примирение Турции и Армении» – гласил заголовок резолюции. В предыдущие годы подобные инициативы не имели успеха, так как Германия старалась учитывать интересы Турции как партнера по НАТО и собственные интересы в Турции. До учреждения бундестагом дня памяти правительства и парламенты многих других стран выразили свое осуждение геноцида армян и потребовали от Турции признания исторического факта геноцида. Требования турецкой стороны признать как исторический факт насилие со стороны армянских повстанцев и войсковых частей, а также убийство российскими войсками в Восточной Анатолии мусульман остались без внимания. По вполне очевидным, хотя и противоположным политическим мотивам, никто не оказался заинтересованным в том, чтобы в отношении этих действий было использовано понятие «геноцид».

В вопросе о массовом убийстве армян в Османской империи можно выделить несколько предметов спора. Много недоразумений вызывает уже само понятие геноцида, которое даже сегодня весьма расплывчато обозначает международное преступление, а во время Первой мировой войны преступлением вообще не считалось. Чаще всего оно используется как морально-политическое понятие. По всей видимости, убийство народов давно было предметом обсуждений, но термин «геноцид» появился лишь в 1943 г. благодаря поляку Рафаэлю Лемкину, использовавшему его для обозначения убийства немцами поляков, а через год оно было употреблено для обозначения убийства евреев. Слово «Holocaust» (греч. «жертвы всесожжения»), напротив, давно используется в немецком языке для обозначения массовых убийств, но стало общеупотребительным в английском написании и с английским произношением (Holocaust) только после выхода в 1979 г. одноименного американского фильма. Обсуждение геноцида армян осложняется тем, что его часто называют предтечей Холокоста и приравнивают к вопиющему и единственному в своем роде геноциду евреев, а не рассматривают как особый геноцид, имевший место в особых обстоятельствах Первой мировой войны и в условиях возможного распада страны. Отождествление этих геноцидов ведет к тому, что от Турции ожидается такое же возмещение ущерба пострадавшим, как и от Германии.

Далее, спорны число армян, ставших жертвами геноцида, а также обстоятельства, при которых они погибли: были ли эти убийства намеренными, вынужденными или же вообще неизбежными в условиях кровопролитной войны на территории Османской империи? То, как людей жестоко убивали, оставляли умирать от голода, жажды, болезней или доводили до самоубийства, перед смертью подвергали всякого рода унижениям и то, какие страдания пришлось испытать немногим выжившим, замалчивается или, напротив, подчеркивается, либо – в пропагандистских целях – изображается в более крупных масштабах.

Отрицание геноцида тоже имеет различные формы. Это может быть простое утаивание и оспаривание совершения массового убийства безоружных представителей того или иного народа, занижение числа жертв или даже оправдание убийств как наказания за преступление, реально совершенное или приписываемое народу, ставшему жертвой геноцида. Кроме того, массовые убийства как реакция на массовые убийства часто бывают встречены с пониманием. Массовые убийства, служащие возмездием, редко обозначаются как геноцид, наоборот, они часто рассматриваются как заслуженное коллективное наказание.

2. Обоюдная резня во время гражданской войны или геноцид?

Имел ли вообще место геноцид армян? Ответ на этот вопрос требует, во-первых, уточнения понятия «геноцид», а во-вторых, знакомства с литературой, содержащей эмпирические данные, подтверждающие или опровергающие геноцид в Османской империи.

Геноцид в самом узком смысле слова означает процесс, в ходе которого полное уничтожение того или иного народа как такового не только планируется, но и претворяется в жизнь. Согласно такому пониманию, хотя в далеком прошлом было много геноцидов, потому что народ тогда мог насчитывать всего лишь несколько сотен или тысяч человек, в недавней истории имел место только один геноцид – убийство евреев национал-социалистами Третьего рейха, господствовавшего определенное время над всей Европой. Понятие «Холокост» часто используется для обозначения только этого геноцида, чтобы подчеркнуть его особенность на фоне многих других, менее масштабных. Некоторые, однако, употребляют это слово и во множественном числе – в отношении особенно масштабных и массовых геноцидов, жертвами которых стали сотни тысяч и миллионы людей, чтобы противопоставить их частым геноцидам, жертвами

которых становится небольшое число человек, например, геноцид в Сребренице в июле 1995 г., унесший жизни семи–восемь тысяч боснийцев, геноцид в Сумгаите 27–28 февраля 1988 г., в результате которого погибли десятки армян (по официальным советским данным: 26 армян и 6 азербайджанцев), или Ходжалийская резня 25 февраля 1992 г., жертвами которой по разным данным стали от 161 до 613 азербайджанцев.

Очень широкое определение понятия «геноцид» содержится в «Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него», одобренной ООН 9 декабря 1948 г. и вступившей в силу 12 января 1951 г. Согласно этой конвенции геноцидом являются «следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, половую, расовую или религиозную группу как таковую: а) убийство членов такой группы; б) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы; с) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее; d) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы; е) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую». Таким образом, геноцид может быть совершен даже тогда, когда не был убит ни один человек.

Согласно определению, содержащемуся в конвенции ООН, сожжение 29 мая 1993 г. в Золингене семьи, состоявшей из пяти человек, исключительно потому, что они были турками, уже является геноцидом, поскольку в конвенции не указываются минимальные масштабы этого преступления. Только выражение «члены группы» указывает на то, что убийство одного человека не есть геноцид, но зато убийство двоих уже может таковым считаться. Если мы будем опираться на определение геноцида, данное в конвенции, не может быть ни малейшего сомнения в том, что армяне пережили геноцид со стороны Османской империи, поскольку (это признают даже почти все турецкие ученые) тогда было убито много людей исключительно по той причине, что они были армянами. Отрицание геноцида армян в официальной и официозной турецкой литературе основывается на более узком понимании геноцида нежели предложенное ООН.

Некоторые критикуют «Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказании за него» за то, что с определенной точки зрения ее толкование геноцида слишком узко, так как оно не запрещает убийство представителей собственного народа. ООН осуждает только «убийство» народа (геноцид), а не «убийство» населения (демоцид), поскольку СССР и другие страны, подписавшие в то время

конвенцию, были заинтересованы в том, чтобы массовые убийства своего народа внутри своего же государства не являлись наказуемым преступлением. В связи с этим конвенция не может быть применена в случае убийства лиц, принадлежащих к определенному социальному классу (социоцид), или в случае массовых убийств на политической почве (политицид). Последний произошел, например, в Индонезии в 1965 г., когда были убиты 500 000 коммунистов.

Несмотря на наши размышления о понятии геноцида и его различных интерпретациях, меняющихся в зависимости от времени и места, в языковой практике можно отметить некоторые тенденции. Продолжающиеся несколько часов или дней убийства представителей определенных национальных, этнических, расовых или религиозных групп (иными словами, «чужих» групп), которые, хотя бывают организованы и исполнены частными лицами, получают одобрение и поддержку государства, часто называют погромами, в отличие от убийств, совершаемых отдельными лицами на почве ксенофобии и являющихся для государства объектом борьбы. Подобные убийства практически никогда не классифицируют как геноцид, как и вышеупомянутые убийства на почве ксенофобии в Золингене. Таким образом, геноцид – это длительное, организованное или допускаемое государством убийство «чужой» группы людей. Сумгаит и, пожалуй, Ходжалийская резня с этой точки зрения были погромами, а не геноцидами, в то время как события в Сребренице были продолжительным, организованным и намеренно проводимым геноцидом. Даже убийство большого количества евреев 9 ноября 1938 г. обычно называют погромом, а не считают первым значительным геноцидом, осуществленным национал-социалистами.

Убийство большого числа мирных жителей во время непосредственного проведения военных действий тоже, как правило, не считается геноцидом. В былые времена командиры победивших войск оставляли солдатам завоеванные города и территории на один–три дня для разграбления, насилия над жителями и убийств, прежде чем восстановить военную дисциплину и правопорядок. Подобные убийства мирных жителей и военнопленных вблизи линии фронта много раз имели место и в Первой мировой войне, как со стороны Османской империи, так и со стороны России и армян. С неоднократным отступлением и наступлением войск росло и обоюдное стремление к мести. Например, после того как в сентябре 1918 г. турецкие войска с помощью Германии захватили Баку, им дали три дня на то, чтобы грабить, насиловать и убивать местных армян. Тогда погибло около 30 000 человек. Турецких солдат, продолживших свои бесчинства на четвертый день, военное командование приказало повесить на пере-

крестках в центре города. Нельзя оспорить, что российские войска, среди которых было 150 000 армян, а также союзные им армянские вооруженные формирования, состоявшие из нескольких тысяч добровольцев (как подданных России, так и подданных Османской империи), соблюдали эту ужасную военную традицию до тех пор, пока могли завоевывать деревни и города Османской империи.

В некоторых городах и областях, например, в районе города Ван, армяне были в состоянии организовать вооруженное восстание, причем, по их версии, это была реакция на решение османского правительства о депортации и на первые акты надругательства над армянами; по версии Турции, армяне сотрудничали со странами-оккупантами (Россией, Великобританией и Францией), чтобы добиться отделения восточных провинций Османской империи. Во время подобных восстаний погибло также немало мирных мусульман. Расправы над армянами, произошедшие в последующие месяцы, турецкие авторы постоянно объясняют или даже оправдывают армянской резней мусульман (в основном курдов, редко турок).

Гюнтер Леви подчеркивает один фактор, определивший трагические события после того, как в мае 1915 г. османское правительство приняло решение о депортации. Фактически депортация и бесчинства начались еще за несколько недель до этого, поэтому страны Антанты объявили, что после войны будут наказаны лица, несущие ответственность за происходящее. Лишь после этого три главных министра заставили весь кабинет официально принять решение о депортации, чтобы ответственность несли все его члены. Согласно Леви, на настоящий момент не сохранилось документов, которые доказывали бы намерения центрального правительства уничтожить армян. Он считает правдоподобным, что многие армяне стали жертвами не политики уничтожения, проводимой центральными или местными органами власти, а вызванных войной хаоса и дезорганизации империи, которая не была в состоянии как следует организовать депортацию, соблюдая минимальные стандарты прав человека. В качестве доказательства Леви приводит тот факт, что даже османские войска были брошены на произвол судьбы и умирали от жажды, голода и эпидемий. Согласно утверждению Леви о дезорганизации, государственные органы власти не были способны защитить колонны депортированных армян, передвигавшихся пешком, на лошадях или на телегах, от нападений преступных банд и курдов, грабивших, мучавших, насилувавших, а иногда и жестоко убивавших безоружных армян. Иногда они забирали женщин и детей, чтобы их продать или взять в свои семьи и воспитать как курдов или турок. Согласно Конвенции ООН, последнее подпадает под понятие геноцида. Есть свидетельства того,

что некоторые мусульмане из жалости спасали армянских детей и забирали их в свою семью.

Леви не считает понятие геноцида подходящим для характеристики османской резни, поскольку он опирается на наиболее узкое определение, ориентированное на убийство немцами евреев, и понимает под геноцидом намеренное уничтожение целого народа, проводимое центральным правительством. Нет никаких доказательств подобных намерений турецкого правительства; наоборот, есть доказательства того, что намерения абсолютно искоренить всех армян не было. Иногда в качестве цели указывалось сокращение армянской доли населения империи до пяти процентов. Нет сомнений в том, что между убийством евреев и убийством армян имеются существенные различия. Однако о геноциде можно говорить и тогда, когда уничтожают или хотят уничтожить часть народа, а также тогда, когда приказ об уничтожении издается или приводится в действие местными органами власти или даже частными организациями.

Дипломаты Германии, Австро-Венгрии и США часто указывали османскому правительству на творившиеся в империи бесчинства. Хотя оба союзника Османской империи воздержались от резкой и открытой критики, так как не хотели потерять партнера, благодаря которому их собственные вооруженные силы несли меньшие потери, они потребовали организованной и в определенной степени гуманной депортации армян. Американский посол Генри Морентау даже предложил одноразовое разрешение для въезда армян в США, которое Мехмед Талаат Паша сначала принял, но затем отклонил, так как испугался, что эмигрировавшие в США армяне могут рассказать о насилии. Турецкое правительство, конечно же, знало как о массовых убийствах, так и о массовой гибели депортированных. Даже если оно первоначально не планировало частичного уничтожения армян, то, во всяком случае, оно сознательно отдавало приказы, которые привели к массовому уничтожению армян вследствие действий или бездействия.

3. Новые черты геноцида в эпоху образования национальных государств

Геноцид армян связан с утверждением в Европе, особенно в империях на востоке, этнически обоснованного принципа национального государства. Этот принцип исходит из идеи о том, что преимущественно моноэтнический народ, воспринимающий себя как нацию, имеет право основать свое государство на населяемой им территории.

Противоречие между существованием территорий, заселенных не одним, а разными этносами, и правом на существование стремящегося стать империей национального государства, занимающего определенную территорию и претендующего на чужую территорию, привело к стремлению сгонять с небольших территорий или из целых регионов этнические меньшинства, в самых крайних случаях – истреблять их. Однако очень редко этническое большинство претендовало на создание этнически гомогенного государства, чаще всего оно выступало с требованием образования национального государства, в котором доминировал бы один этнос, при условии народного суверенитета и признания государства большинством населения.

До 1914 г. Османская империя несла огромные территориальные потери, в то время как христианские восточные государства не только сохраняли, но и увеличивали свои территории. С помощью европейских держав Греция, Сербия, Черногория, Румыния, Болгария, фактически также Египет и, наконец, Албания обрели независимость и стали национальными государствами. Часть Восточной Анатолии, называвшаяся в то время Арменией и состоявшая из шести вилайетов, или провинций (Эрзурум, Диярбакыр, Харпут, Ван, Битлис, Сивас, иногда к ним относили седьмую провинцию – Трабзон), по мнению многих армянских и христианских политиков Европы и России, должна была вслед за Македонией стать христианским национальным государством, в худшем случае – автономным образованием по образцу Финляндии в составе Российской империи. В этой исторической области Армения армяне, по всей видимости, с трудом составляли половину населения и были явным большинством только в некоторых городах и областях, особенно в провинции Ван, в то время как в других областях большинство составляли курды, а турки часто были даже меньшинством. С 1878 г. Турция под давлением международной общественности часто давала обещания учредить в восточных провинциях армянскую или армяно-курдскую автономную область.

С середины XIX в. турецкие политики-реформисты безуспешно пытались модернизировать османскую систему правления, основанную на многовековом принципе доминирования ислама, а также стабилизировать ее, способствуя развитию общего османского самосознания на основе равноправия всех подданных и этнических групп. Потеря Болгарии и Боснии и Герцеговины в 1908 г. свидетельствовала об окончательном провале полиэтнического османизма. Исламизм стал коротким переходным явлением и в итоге сменился тюркизмом и туранизмом (идея объединения тюркских народов), который благодаря исходу обеих Балканских войн получил новый импульс. Мо-

лодой турецкий национализм, в свою очередь, дал толчок греческому, армянскому, арабскому и курдскому национализму и похоронил идею многонационального государства турок, курдов, армян и греков в Анатолии и Восточной Фракии. Вместе с тем возникла опасность отделения не только Греции с западной частью Малой Азии, но и Армении или Курдистана. Если бы османско-турецкое господство над Восточной Анатолией прекратило свое существование, то армяне-христиане и курды-мусульмане стали бы конкурентами, претендующими на образование национального государства. Из-за симпатий многих российских и османских армян к военному союзу России и западных держав опасность отделения Армении была гораздо более серьезной, чем отделение курдов, поэтому турки могли их легко использовать против армян, к чему систематически прибегал султан Абдул Хамид II во время армянских погромов. Как раз во время его правления один из министров сказал, что решить армянский вопрос проще всего было бы, стерев армян с лица земли. Однако отдельные высказывания об искоренении народа еще не означают его реальное исполнение.

В Первой мировой войне Россия и западные державы использовали армянский и греческий национализм в своих имперских целях, как это делали Османская империя и ее союзники, играя на национализме мусульманских народов (азербайджанцев, татар и др.), проживавших в России, Великобритании и других странах. В свою очередь, националисты – представители малочисленных народов стремились использовать великие державы в своих интересах. Когда в начале 1915 г. британцы начали наступление на город Гелиболу, расположенный рядом с проливом Дарданеллы, а российские войска преодолели Кавказский хребет и продвинулись далеко на юго-восток, опасность отделения Восточной Анатолии в качестве армянского национального государства была реальной. Изложенная выше взаимосвязь между имперской политикой держав и образованием национальных государств служит историческим контекстом геноцида армян.

Представители небольшого армянского народа (4,5 млн человек) составляют практически одну седьмую часть всех погибших в Первой мировой войне. Однако эти жертвы надо разделить на четыре группы: 1) солдаты и другие вооруженные бойцы, погибшие в сражениях между государствами или во время армянских восстаний; 2) мирные жители и военнопленные, находившиеся вблизи линии фронта и убитые непосредственно в ходе военных действий (обычное военное преступление); 3) жители деревень и депортированные, погибшие в результате государственной дезорганизации, как и многие турки и даже солдаты османской армии, поскольку государственные

органы не были в состоянии как следует позаботиться о некоторых категориях населения и депортированных армянах; 4) гражданское население и политические заключенные, которые систематически уничтожались на основании официальных приказов (расстрелы, избивание до смерти, утопление, сожжение), передавались в руки негосударственных преступных группировок или их оставляли умирать от голода, жажды и болезней. Здесь особенно отличилась подчинявшаяся военному министерству группа особого назначения Тешкилят-и Махсуса, состоявшая из 30 000 человек, среди которых были лица, совершившие особо тяжкие преступления. В насилии над армянами участвовала также полиция и в некоторой степени отдельные войсковые части. Некоторые чиновники выступали против преследования армян и были за это жестоко наказаны. К смерти были приговорены также отдельные лица, проявившие излишнюю жестокость.

Только четвертую группу армян можно считать жертвами геноцида. По разным оценкам их численность составляет примерно 650 000 человек плюс-минус 200 000–300 000 человек. Какая бы из этих цифр ни была наиболее достоверной, это не подвергает сомнению сам факт геноцида сотен тысяч армян, в основном организованного государственными органами, прикрывавшимися мировой войной и угрозой распада Османской империи.

Определенную роль в споре вокруг истребления армян сыграли судебные процессы, начатые Османской империей, послевоенное правительство которой пыталось убедить держав-победительниц сохранить империю и ее правительство, и поэтому в 1919–1920 гг. заставило предстать перед судом несколько человек, ответственных за убийство армян. Однако эти убийства были представлены не как следствие действий правительства и государства, а как дело рук партии «Иттихад ве теракки» и пронемецки настроенных министров (военного министра Энвер-паши, морского министра Кемаль-паши и министра внутренних дел Таалата-паши). Тогда официально говорили об убийстве 800 000 армян. Было вынесено 17 смертных приговоров, большинство заочно, так как зачинщики массовых убийств вовремя бежали, в основном в Веймарскую республику. В 1921 г. в Берлине Таалат-паша был убит армянином, который в результате показательного судебного процесса все же был оправдан. В Османской империи были приведены в исполнение три смертных приговора, позже этим троим поставили памятники как национальным героям.

Державы-победительницы остались равнодушными к пожеланиям османского правительства и потребовали от него подписать 10 августа 1920 г. Севрский договор, предусматривавший не только отторжение от Османской империи последних нетурецких террито-

рий, но и разделение Анатолии и даже территории, населенной турками. Это дало толчок национально-революционному движению, возглавляемому Мустафой Кемалем и армией. Целью движения было свержение османского господства, установление республики Турция и возвращение в ее состав Анатолии. Кемаль, который позже получил почетный титул Ататюрк*, сначала полностью осуждал геноцид армян, но затем, когда военные и политические лидеры иттихадистов, требовавшие, чтобы перед судом предстало как послевоенное правительство, так и британцы, перебежали на сторону национально-революционного движения, критиковать геноцид, имевший место при османском правительстве, было уже неразумным. Более того, с тех пор отрицание или даже оправдание массовых убийств как героической национальной самообороны служит защитой против требований вернуть отобранную собственность, выдвигаемых родственниками жертв геноцида. Роковая связь между разделением Анатолии и наказанием геноцида, утверждаемая политикой держав-победительниц, наоборот, привела к тому, что сохранение территориального единства Турции стало ассоциироваться с отрицанием геноцида. Великобритания для суда над лидерами иттихадистов планировала сначала учредить международный трибунал по военным преступлениям, но Франция этому воспрепятствовала. План заставить иттихадистов предстать перед британским судом также провалился после того, как революционеры-националисты захватили в заложники большое количество британцев. Державы, бывшие союзниками Османской империи и Турции (Германия и Австро-Венгрия), затем некоторое время – Советский Союз, с 1923 г. – Германия и Франция, а с 1945 г. и США считали свои интересы в сотрудничестве с влиятельной в данном регионе Турцией более важными, чем интересы маленького народа, численность которого к тому же в результате геноцида резко сократилась, а значительная часть его представителей была изгнана из Восточной Анатолии и попала под советское господство.

4. Риски международного политического давления в целях признания Турцией факта османского геноцида армян

Парламенты многих стран одобрили законы, согласно которым отрицание иттихадистско-османского геноцида армян подлежит наказанию, в Турции же, наоборот, упоминание этого геноцида часто

* Отец турок (*турецк.*) (*Прим. ред.*)

наказывается арестом и угрозами убийства, исходящими от объединений националистов. 28 сентября 2005 г. Европейский парламент объявил о том, что признание Турцией геноцида – условие ее принятия в ЕС.

Законы, направленные на вынужденное признание исторических преступлений, крайне сомнительны. Насаждение определенного восприятия истории и игра на страхе перед уголовным наказанием вместо того, чтобы просвещать население, хоть и не порождает, но усиливает склонность некоторых государств поддерживать в сознании народа отрицание преступлений, используя уголовное наказание. И то, и другое усиливает тенденцию опускать историческую науку и историков до статуса «поставщиков» государственной и национальной идеологии и распространителей нужного власти понимания истории, которое навязывается под угрозой наказания. Можно ожидать, что со временем накопится определенное количество законодательно утвержденных, но не согласованных с другими странами национальных представлений об истории, формирование которых будет определяться соотношением политических сил и международной обстановкой. Официальные, навязанные с помощью правовых средств картины истории гораздо сложнее подвергнуть пересмотру, чем распространенные в обществе и отличающиеся стереотипностью представления о прошлом, которые способны изменяться в результате политического переосмысления и распространения новых или устоявшихся научных знаний. Правда, которую принимают только под страхом наказания, не имеет особой ценности и во имя свободы мнения может быть заменена легендами. Тогда эти легенды становятся символом свободы и чести нации и вносят свой вклад в формирование государственной идеологии и осложняют международные отношения, тем самым препятствуя процессам переосмысления. Если пересмотр официального взгляда на историю будет происходить под давлением влиятельных государств и государственных объединений, то возникнет опасность того, что правительства, которые это делают, в глазах общественного большинства станут предателями.

Признание геноцида в истории своего государства или государства-предшественника не может остаться без последствий. В будущем это может существенно улучшить отношения с народом, пережившим геноцид, и к тому же привлечь внимание политиков к современным геноцидам и побудить к выступлению против них. Однако в результате признания геноцида обострятся внутривнутриполитические противоречия между апологетами геноцида и сторонниками исторической правды, а также изменится внутривнутриполитическое соотношение сил. От столкновения с исторической правдой пострадает репутация некоторых покойных политиков, чиновников и военных, а также их семей. Не-

которые мифы о героях будут развеяны. В связи со всем вышеперечисленным признание или отрицание геноцида в Турции неизбежно является инструментом внутренней политики.

Признание геноцида – это в первую очередь важный моральный и политический поступок. Оно может стать основанием для требования пострадавшего народа вернуть ему территорию, потерянную в результате геноцида, а в крайних случаях – основанием для пересмотра государственных границ, за исключением тех случаев, когда народ, переживший геноцид, официально отказывается от подобных требований, что, в свою очередь, облегчает государству, совершившему геноцид (или его преемнику), задачу признания факта преступления.

Совсем другой вопрос, последует ли за признанием геноцида согласие вернуть награбленную или принудительно проданную частную собственность, либо выплатить компенсации частным лицам, организациям или государству, народ которого стал жертвой геноцида. Это, конечно же, вопрос, в котором крайне трудно прийти к соглашению. В некоторых случаях будет достаточно символической компенсации в виде учреждения памятного дня или возведения мемориала жертвам геноцида. Иногда признание геноцида может быть связано с ограничениями во внутренней и внешней политике, которые, однако, не затрагивают другие государства. Но и этот вид компенсации не обязательно будет потребован жертвами геноцида, в таких вопросах существует возможность поторговаться.

В случае отношений между Турцией и Арменией можно предположить, что признание Турцией факта геноцида ограничится нормализацией дипломатических, экономических и общественных отношений между этими двумя странами, их ориентацией и по возможности интеграцией в ЕС, а также некоторыми морально-политическими жестами. Все это будет отличаться от отношения Германии и немцев к убийству евреев национал-социалистами. Это можно рассматривать не только как признак разного политического веса Турции и Армении и их союзников, но и как проявление различной природы убийства армян и евреев. Проведение различий между разными геноцидами необходимо не только с точки зрения науки, но и политики.

5. Научное и общественное обсуждение геноцида без политического принуждения

Разумной альтернативой политическому или правовому принуждению к признанию того или иного геноцида, которую выбирают или не выбирают в зависимости от политической выгоды и расста-

новки политических сил, будет научное и общественное обсуждение геноцидов без политического принуждения, но при политической поддержке научной и публицистической деятельности, а также с помощью организации памятных мероприятий. Медленная либерализация Турции и годы, отделяющие нас от геноцида 1915–1916 гг., усиление научных и общественных контактов между Турцией и остальным миром уже вызвали осторожные изменения в освещении одной из самых темных страниц в истории Турецкой республики и ее государства-предшественника в науке, литературе и публицистике. Эти тенденции следует настойчиво, но и осторожно развивать. Стоит откликнуться на предложение Турции открыть архивы для общих армяно-турецких исследовательских проектов, даже несмотря на то что, как известно, многие документы, обличавшие османское правительство и государственные учреждения, а также протоколы судебного процесса 1919–1920 гг. исчезли и, по всей видимости, были уничтожены. В то время как западные архивные материалы уже были тщательно изучены, архивы бывшего Советского Союза еще могут содержать документы, которые прольют свет на события, происходившие во время русского наступления на Восточную Анатолию и последовавшего продвижения вперед османских войск после Октябрьской революции.

6. Опасность использования османского геноцида как инструмента в споре о вступлении Турции в ЕС

Кроме уже упомянутых возможных общих последствий признания геноцида армян для внутренней турецкой политики, использование геноцида, произошедшего в Османской империи как инструмента в споре о вступлении Турции в Европейский союз имеет несколько дурной тон. До тех пор пока вступление Турции в ЕС казалось делом отдаленного будущего, геноцид армян не был особо значимой темой. Растущий интерес к этой проблеме гораздо больше объясняется возросшим международным вниманием к геноцидам вообще, чем влиянием армянского лобби во Франции и в США. Только с конца 1960-х гг. Холокост стал темой широких общественных обсуждений, геноциды в Руанде, Югославии и в колониях европейских держав, а также в других странах привлекли внимание к геноциду армян в прошлом. Это новое обостренное внимание по отношению к геноцидам вызвало у многих европейцев искреннее сомнение, можно ли принять в ЕС страну, которая отрицает важный этап своей предыстории. В связи с этим нельзя не поддаться впечатлению, что отрицание

Турцией геноцида часто используется с тех пор, как иные аргументы против вступления Турции в ЕС более не являются убедительными (угроза утраты Евросоюзом своей природы как союза христианских государств; нерешенный кипрский и курдский вопросы; социально-экономическая и государственно-правовая отсталость; массовая иммиграция турок в Европейский союз; усиление угрозы, исходящей от деятельности исламистов). Стоит опасаться того, что самое позднее при голосованиях в парламенте и во время референдумов по вопросу о вступлении Турции в ЕС в некоторых европейских странах геноцид армян будет использоваться как весьма важный политический инструмент.

Этого можно будет избежать, только если турецкие либеральные демократы и разбирающаяся в этой проблеме европейская интеллигенция как можно раньше – осторожно, но настойчиво – и в дальнейшем пойдут по пути открытого прояснения ужасных событий, произошедших в Османской империи в годы Первой мировой войны, не связывая при этом признание геноцида армян с вступлением Турции в ЕС. В ходе процедуры принятия Турции в ЕС независимо от того, будет она принята или нет, должны применяться те же критерии, что и для всех других кандидатов.

ЕВРЕЙСКО-АРАБСКИЙ КОНФЛИКТ ВОКРУГ ОБРАЗОВАНИЯ И УПРОЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Краткое содержание

С о времен распада Османской империи в 1917–1923 гг. на Ближнем Востоке начался процесс образования национальных государств, который до сих пор еще не завершился. Временное британское и французское колониальное господство, раздробленность стремящихся к гегемонии арабских государств, а также заселение Палестины евреями обусловили возникновение различных государственных образований с часто меняющимися границами, а также не меньшего количества разновидностей арабского и еврейского национализма, носители которых вели борьбу не только за сферы влияния и государственные границы, но и в связи с переселением или изгнанием того или иного этноса с определенной территории. В XX в. после долгой кровопролитной борьбы национально-государственная структура региона более или менее устоялась. На сегодняшний день попытки создания великих арабских держав, кажется, уже эволюционировали в сторону не только партикулярных государств, но и служащего их основой партикулярного национализма. Распад османской провинции Палестина на два арабских (Иордания и Палестина) и одно еврейское государство (Израиль) сейчас уже представляется только вопросом времени.

Стремления к созданию «Великого Израиля» и «Великой Палестины», как и прежде, очень сильны, а вопрос об окончательном месте жительства бежавших и изгнанных из Израиля арабов не урегулирован. Еще не решена судьба оккупированных и аннексированных Израилем, но, согласно международному праву, принадлежащих Сирии Голанских высот; принадлежащих Сирии и оккупированных Израилем Ферм Шеба и еврейских поселений в Западной Иордании, на которые претендует Ливан; аннексированного Израилем Восточного Иерусалима. Помимо решения проблем, касающихся территорий, международного статуса государств, а также беженцев, в отно-

шениях между Израилем, арабскими государствами и палестинской территорией необходимо решение вопросов внутренней и внешней безопасности и водоснабжения, а также международной экономической помощи арабской Палестине.

Несмотря на то что за последние пятнадцать лет в мире и в данном регионе выросла степень готовности принять вариант решения конфликта, согласно которому будут существовать два государства (Израиль и Палестина), и уже имеется известный конкретный план пересмотра установленной в 1967 г. границы между Израилем и Палестиной («Женевская инициатива», 2003), многие детали процесса создания и признания двух государств и последовательность шагов при реализации плана еще остаются предметом спора. Прорыва в открытых и тайных переговорах о мире можно ожидать лишь в случае значительных изменений в международной политике, особенно в американской политике на Ближнем и Среднем Востоке.

1. Условия существования государства Палестина как соседа Израиля и последовательность шагов на пути к взаимному признанию арабского и израильского государств

Наряду с западной Сахарой и Антарктидой Палестина остается единственной территорией на Земле, где нет государства. С тех пор как в 1917–1918 гг. закончилось османское господство над большей частью арабского мира, в процессе многочисленных кровавых конфликтов и заключения международных договоров сложилась новая структура национальных государств. Процесс образования национальных государств на настоящий момент еще не завершился, особенно на западном берегу реки Иордан, который с 1967 г., согласно наиболее распространенной на международной арене точке зрения, считается поделенным на две части: государство Израиль и обе палестинские территории. Площадь Израиля составляет около 21 000 кв. км (то есть по площади примерно равна федеральной земле Гессен), в 2008 г. его население насчитывало 7,4 миллиона человек, преимущественно евреев, из них 1,46 миллиона (то есть почти 20 % граждан Израиля) составляло арабское меньшинство. Западный берег реки Иордан и Восточный Иерусалим вместе занимают площадь 5700 кв. км (то есть более чем вдвое крупнее федеральной земли Саар), в 2008 г. их населяло 2,4 миллиона человек, из них – 450 000 евреев, проживающих в постоянно расширяющихся еврейских районах поселения. Маленький эксclave Сектор Газа с площадью 365 кв. км (то есть меньше, чем площадь некогда бывшего эксclaveм Западного Берлина) и

с 1,4 миллиона жителей заселен крайне плотно. В августе 2005 г. израильское правительство, несмотря на сильное сопротивление населения, приказало очистить в Секторе Газа двадцать один еврейский населенный пункт (8500 жителей), а также четыре небольших поселения на Западном берегу реки Иордан с населением 700 человек. С момента заключения в 1993 г. соглашения «Газа – Иерихон» Сектор Газа и часть Западного берега реки Иордан находятся под контролем Палестинской национальной администрации, руководство которой выбирается в ходе парламентских и президентских выборов. Когда на выборах в январе 2006 г. большинство мандатов получила основанная в 1986 г. партия ХАМАС (Исламское движение сопротивления – араб.), между ней и существующим с 1959 г. движением ФАТХ (победа, завоевание – араб.) разгорелся кровопролитный конфликт, который в июне привел к политическому расколу между Западным берегом реки Иордан под руководством правительства ФАТХ и Махмуда Аббаса и Сектором Газа, находившимся под контролем движения ХАМАС, возглавляемого Исмаилом Хания. В 1980 г. Израиль аннексировал Восточный Иерусалим; это не было признано на международной арене, так что результаты аннексии могут быть пересмотрены. Из-за большого числа еврейских (в основном незаконных) поселений Западный берег реки Иордан напоминает лоскутное одеяло.

Со времени обеих интифадов (восстание араб.), на Западном берегу реки Иордан и в Секторе Газа, в незначительной степени среди израильтян арабского происхождения в 1987–1993 гг., а также в 2000–2005 гг. во всем мире, среди израильтян, арабов и палестинцев возросла готовность способствовать образованию государства Палестина на территории Западного берега реки Иордан и Сектора Газа. На пути к этому до сих пор стоит несколько преград. Все еще остается неясным будущее еврейских поселений на этих территориях, поскольку они заняты в основном незаконно, а большинство их еврейских жителей не желают становиться гражданами Палестины. В документе под названием «Женевская инициатива», разработанном известными палестинскими и израильскими политиками в декабре 2003 г., предлагается изменение границ, благодаря чему некоторую территорию Палестины, населенную евреями, можно было бы обменять на области Израиля, где проживают арабы. Остается нерешенным также вопрос о будущем арабов, которые бежали или были изгнаны после 1948 г. в ходе войн между Израилем и арабскими государствами, в то время как евреи, бежавшие с арабских территорий, уже полностью интегрировались в израильском обществе и других государствах. Согласно резолюциям ООН, право на возвращение в бывшие места про-

живания и на возвращение имущества имеют только около 750 000 бежавших и изгнанных в 1948 г. из Израиля арабов, а также их потомки. Израиль категорически отказывается признавать это право, несмотря на то что его признание было условием принятия страны в ООН. Примерно 250 000–300 000 арабов, бежавших в 1967 г. с Западного берега реки Иордан, из Сектора Газа и с Голанских высот, не являются беженцами в понимании ООН. Уровень рождаемости среди беженцев достаточно высок.

В 2002 г. было насчитано примерно пять миллионов палестинских беженцев, из них 3,9 миллиона были зарегистрированы БАПОР (Ближневосточное агентство ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ). Треть этих людей до сих пор живет в лагерях для беженцев на обеих палестинских территориях и в соседних арабских государствах. В Секторе Газа они составляют 78 % населения, в Западной Иордании – почти 30 %, а в Иордании, аннексированной Западной Иорданием до 1988 г., свыше 30 %. Более многочисленные группы беженцев проживают в Ливане и Сирии, до ирано-иракской войны и войны в Персидском заливе они жили также в Кувейте. Только в Иордании беженцы стали равноправными гражданами, а некоторые даже полностью интегрировались в общество.

С вопросом о статусе Палестины связана не только проблема границ и беженцев, но и вопросы международно-правовой и военной безопасности, полиции, водного законодательства, а также общие проблемы экономического и социального развития Палестины. Международное признание государства Палестина неразрывно связано с признанием государства Израиль политическими представителями палестинцев и арабскими странами. Что касается военной политики, то речь идет не только о будущей военной структуре Палестины, но и о безопасности Израиля, возможности угрозы ему со стороны соседних арабских государств. В связи с этим для Голанских высот, которые в 1967 г. были оккупированы и в 1981 г. аннексированы Израилем, но, согласно международному праву, принадлежат Сирии, существуют определенные положения, поскольку ранее располагавшаяся там сирийская артиллерия легко могла обстреливать еврейские поселения. Что касается полицейской политики, то речь идет о пресечении деятельности арабских террористов в Палестине и соседних арабских государствах. Необходимо также урегулировать вопрос о будущей государственной принадлежности Ферм Шеба, в настоящее время оккупированных Израилем и охватывающих территорию 28 кв. км. На эту область претендует также Ливан, так как до 1967 г. ею пользовались ливанские крестьяне, однако, по мнению

ООН, она все еще принадлежит Сирии, управлявшей ею до 1967 г., хотя в 1951 г. последняя пообещала передать эту небольшую территорию Ливану.

2. Окончание насилия как предпосылка или следствие политического соглашения по поводу основания государства Палестина и признания арабами государства Израиль

Прежде Израиль в качестве условия начала переговоров по поводу создания государства Палестина всегда требовал признания себя суверенным государством в его существующих границах, а также прекращения насильственных и террористических действий со стороны Палестинской национальной администрации и влиятельных палестинских политических партий. Эти требования всегда особенно поддерживались США и остальными тремя членами Квартета по ближневосточному урегулированию (ЕС, Россией и ООН). В сентябре 2002 г. Квартет по ближневосточному урегулированию разработал детальный план, состоящий из трех фаз действий для окончания конфликта на Ближнем Востоке. В апреле 2003 г. Квартет представил его сторонам конфликта. Согласно этому плану все три фазы действий должны были быть пройдены до конца 2005 г. Проект предусматривал не только прекращение насилия со стороны палестинских властей, но и требовал демократизации Палестины, кроме того, во второй фазе предполагалось образование государства – сначала с временными границами.

В свою очередь, Лига арабских государств (объединение 21 арабского государства и властей Палестины) в марте 2002 г. на саммите в Бейруте потребовала вывода израильских войск с оккупированных в 1967 г. территорий и образования государства Палестина с Восточным Иерусалимом в качестве столицы как условия установления мира на Ближнем Востоке и признания Израйля всеми арабскими государствами. Лига арабских государств всегда оправдывала насилие со стороны палестинцев их сопротивлением израильской оккупационной политике.

Тем не менее, как и прежде, как палестинская, так и израильская сторона конфликта испытывают влияние политических сил, выдвигающих максималистские требования. Экстремистски настроенные евреи до сих пор стремятся к расширению Израйля и мест расселения евреев на всю или на большую часть Палестины или даже Синайского полуострова, Южного Ливана и Иордании с целью изгнания всех или многих арабов из «Великого Израйля». Арабы, настроенные еще более радикально, требуют ликвидации государства Израиль и

изгнания из «Великой Палестины» всех или большинства евреев, а также возвращения палестинских беженцев на свою родину, которую они покинули в 1948 и 1967 г. Из-за радикальности поставленных целей сомнительной оказывается, с одной стороны, концепция образования государства Палестина на небольшой территории с временными границами, поскольку они в итоге должны стать постоянными границами не слишком жизнеспособного палестинского государства. С другой стороны, под сомнением оказывается концепция образования Палестины в границах 1967 г., потому что это станет предварительным этапом борьбы Израиля за существование. Непримируемость частичных решений и ступенчатого плана говорит о том, что на международных переговорах между Израилем, палестинцами, Квartetом по ближневосточному урегулированию и влиятельными арабскими государствами (особенно Сирией и Ливаном, а также Египтом и Саудовской Аравией) при решении арабо-израильского конфликта необходимо учитывать не только территориальные, но и все остальные проблемы.

3. Основание Израиля Организацией Объединенных Наций без согласия арабов и медленное признание арабами и евреями Израиля в границах 1967 г.

Конфликт вокруг создания еврейского и арабских национальных государств возник в конце XIX в. с зарождением арабского и еврейского национализма, целью которых было основание на территории бывшей Османской империи одного или нескольких арабских национальных государств и одного еврейского. Этот конфликт осложнился поздней колониальной конкуренцией Великобритании и Франции за наследство Османской империи (1917–1948), проводимой в Германии национал-социалистами политикой уничтожения европейских евреев, а также обострением в 1947 г. конфликта Восток–Запад между тремя западными державами и СССР. Современные светские программы образования национальных государств часто переплетались со старыми религиозно-политическими представлениями, этнорелигиозным пониманием истории и мифами, служившими и до сих пор служащими для легитимации и поддержки современных национальных притязаний на крупные территории и места, считающиеся святыми в иудаизме, христианстве и исламе. Это привело к тому, что при образовании государства решающей часто считалась не современная идея права народа выбирать своих правителей, правительство и свою государственную принадлежность, а возвращение к определенной ре-

альной или фиктивной ситуации, а также к расчетам и расстановке сил между великими и региональными державами Ближнего и Среднего Востока в прошлом.

В I в. н. э. большинству еврейского народа пришлось покинуть Палестину. В VII в. арабы завоевали Ближний Восток и заселили значительную часть его территории. За время крестовых походов христиане несколько раз овладевали «священной землей», что до сих пор глубоко закреплено в сознании многих народов. В 1517 г. османы ликвидировали арабское господство на Ближнем Востоке, а Арабский халифат на четыре столетия стал частью Османской империи, вплоть до ее распада в 1924 г.

В последней трети XIX в. почти во всей Европе получил распространение современный, светский, опирающийся на этнические и расовые предрассудки антисемитизм, частично сменивший традиционный христианский антииудаизм. Еврейские погромы (то есть кратковременные, иногда спонтанные, иногда организованные государственными органами и общественными объединениями акты насилия, в результате которых погибает много человек) в 1882 г. вызвали первую волну эмиграции евреев (около 30 000 человек) в провинции Османской империи Бейрут и Дамаск, находившиеся на исторической территории Палестины.

Однако идея современного еврейского национального государства родилась позже. Толчком к ней стал небольшой, опубликованный в 1896 г. трактат «Еврейское государство. Попытка современного решения еврейского вопроса». Его автор уроженец Будапешта Теодор Герцль (1860–1904) был парижским корреспондентом известной венской ежедневной газеты. В 1870-е гг. он стал свидетелем зарождавшегося в Австро-Венгрии антисемитизма, а осенью 1894 г. большое впечатление на него произвело дело Дрейфуса – судебный процесс над капитаном Альфредом Альбусом Дрейфусом (1859–1935), эльзасцем еврейского происхождения, на волне антисемитских настроений необоснованно подозревавшегося и обвиненного в передаче военных тайн Германии. Процесс вызвал широкую антисемитскую кампанию. Начавшееся позже общественное движение, в котором большую роль сыграло открытое письмо Эмиля Золя «J'accuse»*, способствовало реабилитации Дрейфуса. Теодор Герцль предложил основать в Аргентине или Палестине еврейское государство, безопасность которого будет гарантировать какое-нибудь крупное государство, причем организовать иммиграцию евреев в их новое националь-

* «Я обвиняю» (франц.).

ное государство и обретение ими земельной собственности и средств производства должны были две еврейские организации. Герцль делал ставку на мечту многих евреев вести достойную человеческую жизнь без преследований и ущемления прав на этнической и религиозной почве, и рассчитывал на то, что европейский антисемитизм заставит сначала бедных, затем зажиточных и, наконец, богатых евреев, если они не смогут успешно ассимилироваться в странах, где проживают, задуматься об идее еврейского национального государства и эмиграции.

В августе 1897 г., спустя год после публикации трактата Герцля, в Базеле собрался первый Всемирный сионистский конгресс, выбравший Палестину в качестве «обеспеченного законом убежища» евреев и позже всегда отвергавший предложение иных территорий (были предложены Уганда и Синайский полуостров, позже Советский Союз предложил Биробиджан-на-Амуре, а национал-социалисты – Мадагаскар). Под родиной понималась прежде всего область расселения евреев, однако это было также завуалированным политическим требованием создания государства. В то время как Герцль исходил из того, что языком будущего еврейского государства должен стать немецкий, так как он является литературной нормой идиша, в 1930-е гг. предполагалось, что еврейским государственным языком станет как раз идиш, поскольку на нем говорит большинство эмигрантов из Восточной Европы. После Холокоста из-за сходства идиша и немецкого языка претендентом на звание государственного языка стал иврит (новоеврейский язык), до XX в. использовавшийся практически только в религиозной сфере. Иврит был возрожден и распространен Элиэзером Бен-Иегудой (1858–1922), родившимся недалеко от Вильнюса на территории современной Белоруссии и в 1881 г. эмигрировавшим в Палестину. Сегодня почти 60 % населения Израиля говорит на иврите.

По современным оценкам, в начале XIX в. на территории Палестины проживало 300 000 человек, из них 7000–10 000 евреи. Спустя сотню лет население увеличилось до 500 000 человек, из них евреи составляли менее 10 %. Несмотря на второе переселение евреев, в результате которого иммигрировали 40 000 человек, после Первой мировой войны доля евреев среди населения Палестины уменьшилась до 8 %.

Независимо от имеющего целью обретение родины еврейского национализма в XIX в. начал развиваться арабский национализм. Он получил развитие после того, как в Османской империи потерпели неудачу попытки утвердить в качестве официальной идеологии сначала османизм (равноправие всех подданных империи и прекращение ущемления прав немусульманского населения, или зимми),

затем панисламизм. После этого в 1908 г. среди руководства Османской империи распространился тюркизм «младотурков», который ущемлял интересы арабов и курдов. Когда Османская империя вступила в Первую мировую войну на стороне Германии, в 1915–1916 гг. Великобритания подтолкнула арабов к восстанию против османского господства, пообещав им создание арабского государства. В соглашении Сайкса – Пико, заключенном 16 мая 1916 г., оговаривалось разграничение сфер интересов Великобритании и Франции на Ближнем Востоке. Только некоторое время спустя, 2 ноября 1917 г., незадолго до завоевания продвинувшимися с помощью арабов из Египта британскими войсками Иерусалима, в Декларации Бальфура Великобритания пообещала евреям создание «национального очага» в Палестине, в которую тогда включили территорию современного Израиля, Палестины и Иордании. При этом «гражданские и религиозные права существующих в Палестине нееврейских общин» (подразумевались арабы мусульмане и арабы-христиане) не должны были быть нарушены. Противоречивость британской политики в Палестине в то время и в последующие десятилетия объясняется различными течениями внутри правительства, а также сознательно расплывчатой позицией по отношению к арабской и израильской стороне переговоров.

В то время как многие сионисты не проявляли интереса к образованию государства до тех пор, пока евреи не станут в Палестине большинством населения, многие арабы считали, что после Первой мировой войны немедленно должно быть создано арабское государство. Питаемые еще в 1916 г. надежды на создание «Королевства арабских стран», которым должна была править хашимитская династия Хусейна, ведущего свое происхождение от Мухаммеда шерифа Мекки и позже эмира Хиджаза, очень быстро развеялись. Хусейн хотел объединить арабские земли в Восточном Египте и возродить Арабский халифат. Точно так же неудачу позже потерпел более скромный проект «Объединенного королевства Сирия», в которое должны были входить Ливан и Палестина. Этот проект обнародовал в марте 1920 г. эмир Фейсал ибн Хусейн, сын Хусейна. Конец мечтам о едином великом арабском государстве положили военное вмешательство Франции и последующий раздел колоний на разные подмандатные территории: французскую (Сирия и Ливан), британскую (Месопотамия, из которой в 1932 г. выделилось государство Ирак) и территорию, находящуюся под контролем Лиги Наций, но в 1922 г. переданную Великобритании.

Британский мандат в Палестине вступил в силу в 1923 г. после заключения Лозаннского мирного договора между державами-победительницами и Турцией и включал в себя декларацию Бальфура.

Ранее, в марте 1921 г., на одной из конференций в Каире Великобритания под давлением арабов заявила, что действие декларации Бальфура ограничится только территорией Палестины, находящейся на западном берегу Иордана. В 1923 г. это заявление было подтверждено тем, что восточная часть подмандатной территории была превращена в автономный эмират Трансиордания, возглавляемый вторым сыном Хусейна. Изгнанного французами Фейсала британцы сделали эмиром Ирака, в то время как Хиджаз в 1926 г. вошел в состав Саудовской Аравии, что окончательно похоронило идею Хусейна о возрождении Арабского халифата. Британцы, а позднее и другие внешние политические силы позаботились о том, чтобы побережье Аравийского полуострова осталось поделенным между независимыми арабскими государственными образованиями. Франция разделила свою подмандатную территорию на большой Ливан и маленькую Сирию. Таким образом, арабские территории восточнее Египта уже спустя несколько лет после окончания Первой мировой войны оказались раздробленными на множество псевдогосударственных образований, которые лишь спустя годы и десятилетия постепенно смогли обрести независимость. Стремление представителей арабской элиты к власти лишь закрепило унаследованную от колониальной эпохи тенденцию к формированию отдельных арабских национальных государств, несмотря на то что после Второй мировой войны неоднократно предпринимались попытки добровольного или принудительного объединения арабских государств. Самым показательным было объединение Египта и Сирии в Объединенную Арабскую Республику, просуществовавшую с 1958 по 1961 г. и образовавшую конфедерацию с Северным Йеменом.

С 1920 г. арабы начали бороться против иммиграции евреев в Палестину, частично эта борьба выражалась в актах насилия. Еще в январе 1919 г. Фейсал, по договоренности с Хаимом Вейцманом, согласился принять Декларацию Бальфура, поскольку предполагал, что евреи довольствуются лишь несколькими автономными областями расселения на территории независимого арабского государства Сирия, которое включало в себя Ливан и Палестину. Благодаря иммиграции 90 000 евреев их доля среди населения в 1929 г. выросла до 15 %. После прихода в Германии к власти национал-социалистов количество иммигрантов резко увеличилось: с 4000 в 1931 до 60 000 в 1935 г. В начале Второй мировой войны британцы решили не допустить того, чтобы арабы стали союзниками Германии и запретили дальнейшую иммиграцию евреев в Палестину, однако сионистам удалось организовать нелегальный въезд в Палестину примерно 100 000 евреев. Во время британского господства неоднократно про-

исходили кровавые столкновения арабов и евреев, а также тех и других с британскими властями. После 1945 г. США отказались принять евреев, спасшихся от Холокоста и погромов и бежавших в американскую оккупационную зону Германии, и заставили Великобританию разрешить въезд на территорию Палестины для 100 000 евреев. В 1947 г. в Палестине проживало свыше 0,6 миллиона евреев и 1,4 миллиона арабов, то есть евреи составляли примерно 30 % населения этой территории. После покушений сионистов на представителей британских властей и вооруженных арабо-еврейских столкновений Великобритания (вместе с предоставлением независимости Индии) объявила об отказе от своего мандата в Палестине, предоставленного ей Лигой Наций. Находясь под впечатлением от Холокоста, большинство Генеральной Ассамблеи ООН (против проголосовало только пять арабских и мусульманских государств, Великобритания и еще несколько стран воздержались) рекомендовало область западнее реки Иордан поделить на еврейское (56 % территории включая пустыню Негев) и арабское (43 % территории) государства, а Иерусалим отдать под международный контроль (инициатива Ватикана и католических стран Латинской Америки). Важно то, что Советский Союз тогда считал арабов приспешниками британского империализма, а создание Израиля, наоборот, проектом, который поможет ослабить Британскую империю, к тому же еврейские кибуцы воспринимались СССР как земельные коллективы, являющиеся зачатками израильского социализма.

Даже в таком, исподволь запланированном, еврейском государстве евреи, по всей очевидности, оставались этническим меньшинством. 15 мая 1948 г., в день окончания британского мандата и провозглашения государства Израиль, сразу же признанного США и СССР, армии Египта, Трансиордании, Сирии, Ирака и Ливана напали на Израиль. Решающий вклад в создание вооруженных сил Израиля и исход войны внесли поставки оружия и прибытие военных инструкторов из Чехословакии, начавшиеся после коммунистического переворота в 1948 г. После окончания войны и заключения мира территория Израиля значительно увеличилась, около 750 000 арабов бежали или были изгнаны и по меньшей мере 600 000 евреев бежали из арабских стран в Израиль. Только тогда евреи наконец-то стали в стране этническим большинством. Трансиордания аннексировала Западный берег реки Иордан и с тех пор стала называться Иорданией, Египет оккупировал Сектор Газа, но не аннексировал его.

В последующие годы арабский национализм был обращен преимущественно против Великобритании и Франции, поэтому арабские государства были заинтересованы в политическом сотрудни-

честве с СССР. Сначала интерес к партнерству проявил Египет под руководством Гамалы Абделя Насера (президент Египта в 1954–1970 гг.), затем Ирак и Сирия, с 1963 г. находившиеся под руководством Партии арабского социалистического возрождения (Баас), и наконец Южный Йемен, Алжир и Ливия. Почти сразу после образования Израиля в СССР распространился воинствующий антисионизм, в некоторой степени даже антисемитизм, поэтому образование государства Израиль при посредничестве Организации Объединенных Наций оказалось возможным только во время небольшой паузы на ранней стадии конфликта Восток–Запад, продлившейся несколько лет, или даже несколько месяцев.

Следующий этап арабо-израильских отношений наряду с многочисленными войнами ознаменовали прежде всего основание в 1964 г. по инициативе Насера Организации освобождения Палестины (ООП); формирование сепаратистского палестинского национального самосознания после того как в 1967 г. палестинские арабы во время Шестидневной войны посчитали, что арабские государства бросили их на произвол судьбы; а также особо кровопролитный «Черный сентябрь» 1970 г. в Иордании, во время которого погибли тысячи палестинцев. После всех этих событий идея великой арабской Палестины была похоронена. В июле 1988 г. Иордания отказалась от Западного берега реки Иордан, из-за чего получилось так, что вслед за Сектором Газа все остальные палестинские территории перестали принадлежать какому-либо государству. Израильтяне и многие евреи еще долгое время возлагали ответственность за судьбу арабских беженцев на «арабов» и отрицали существование арабско-палестинской нации, претендующей на свое государство. Только интифады создали как в Израиле, так и на Западе политическую и психологическую почву для создания палестинского государства и политической программы «территории в обмен на мир».

Многочисленные военные поражения арабских государств и упорная и жесткая реакция Израиля на совершаемые палестинцами террористические акты, постоянная поддержка Израиля Соединенными Штатами и распад Советского Союза, в результате чего арабские государства потеряли политического союзника, заставили их признать Израиль как государство. Египет, где во внешней политике произошел поворот в отношении к СССР и США, первым, еще в марте 1979 г., заключил с Израилем мирный договор. За ним последовала Иордания, подписавшая мирный договор в октябре 1994 г., а в 2002 г. Саудовская Аравия и Лига арабских государств выразили согласие с концепцией существования израильского и палестинского государств. Надежды международного, сильного еврейского и слабо-

го палестинского пацифизма на создание на территории Палестины общего еврейско-арабского государства были утеряны еще ранее, поэтому с начала 1990-х гг. концепция существования двух этнонациональных государств вытеснила все прежние варианты создания единого еврейского, арабского или общего для двух этносов государства.

Первым робким шагом на пути к созданию двух государств стали так называемые соглашения в Осло (1993–2000). Хотя это был довольно скромный успех, но теперь обе стороны конфликта, даже несмотря на периодическое обострение ситуации на Ближнем Востоке, не могут больше сойти с пути, ведущего к созданию двух государств. После свержения режима Саддама Хусейна США и их союзниками многие ожидали не только демократизации Ирака, но и появления новых импульсов к установлению мира между Израилем и Палестиной. Сейчас ослабление позиций США на Ближнем Востоке, наоборот, кажется поводом для заключения компромисса с Ливаном и Сирией, может быть, даже с Ираном, а также для установления мира между Израилем и правительством Палестины, которое возглавляет то ХАМАС, то ООП. К тому же в Израиле после недавней войны с Ливаном возрастает обеспокоенность тем, что страна в своем стремлении одерживать победы дорогой ценой уничтожит себя, в то время как среди палестинцев и ливанцев скорее всего получит распространение мнение, что максималистские политические требования будут только усугублять бедственное экономическое и социальное положение жителей страны.

4. Различные риски, которые могут быть вызваны продолжающимся насилием, если не будет создано государство Палестина

Никакая государственная власть не в состоянии, скажем так, за одну ночь подготовиться к превентивным мерам против масштабного политического акта насилия. Чем реальнее становится подписание мирных договоров между Израилем и Палестинской национальной администрацией, Сирией, Ливаном и Ираком, тем реальнее для всех сторон конфликта опасность национального раскола, а на международном уровне – применения насилия радикально настроенными политическими силами в отношении умеренных и готовых пойти на компромисс сторонников установления мира, особенно тех, кто перешел от конфронтации к кооперации и имеет политическое влияние. Примерами могут послужить убийства Анвара ас-Садата в 1981 и Ицхака Рабина в 1995 г. Однако государственная власть мо-

жет пресечь организованное и одобряемое государством насилие, но при насильственных конфликтах, если инициатива исходит только от одной стороны, это редко реализуемо и, как правило, зависит от того, придут ли стороны конфликта к соглашению.

Традиция Израиля крайне жестко реагировать на акты насилия со стороны палестинцев служила для последних, в свою очередь, оправданием новых террористических актов против Израиля и до настоящего момента всегда вызывала новые витки насилия, чередовавшиеся фазами усталости обеих сторон, частичной потерей доверия населения к властям и инициативами по восстановлению мира. Учреждение Палестинской национальной администрации с подконтрольными ей полицейскими подразделениями, одной из задач которой было пресечение организованного гражданскими лицами насилия, оказалось палкой о двух концах. Израиль стал питать, по меньшей мере, подозрения, что палестинское правительство или некоторые представители органов управления продолжают покровительственно относиться к организациям, готовым совершать насилие, подстрекать их или даже им содействовать. Израильская политика мести за насилие, в свою очередь, производила впечатление, что действия израильских властей направлены на систематическое уничтожение Палестинской национальной администрации и тем самым снижают авторитет последней в глазах палестинского населения, и что Израиль, косвенно провоцируя террор со стороны палестинцев, хочет оправдать свою жесткую непримиримость по отношению к своим гражданам, в тени которой еврейская политика экспансии на палестинские территории может спокойно продолжаться дальше.

Еврейская политика территориальной экспансии и жестокая месть Израиля за теракты все больше ослабляли позиции умеренных и готовых на компромисс палестинских политиков и служили оправданием актам насилия как мести с палестинской стороны. Антагонистская кооперация непримиримо настроенных радикальных израильских и палестинских политических групп, а также смена настроений у населения обеих областей, которая постоянно толкает обе стороны на насилие, вряд ли могут быть преодолены по инициативе только одной стороны. История не раз показывала, что хотя к первому шагу на пути к окончанию взаимного насилия может подтолкнуть пацифизм, сделать этот шаг могут только политики, которые прежде были готовы защищать интересы своей стороны конфликта с помощью силы.

Факт создания палестинской полиции и других государственных органов имеет противоречивые последствия для Израиля. С одной стороны, это снижает шансы Израиля на прямое вооруженное и гражданское вмешательство в дела Палестины. Некоторые палестинцы рассматривают Палестинскую национальную администрацию только

как промежуточный этап и политическое средство, необходимое для освобождения всей Палестины от государственной власти Израиля, и для того, чтобы на этой территории арабы снова стали составлять этническое большинство. Также нельзя не учесть, что палестинское правительство и его аппарат управления даже при всем желании не будут в силах препятствовать террористической деятельности отдельных лиц или небольших групп. К тому же парламентские выборы, прошедшие в Палестине в январе 2006 г., в очередной раз показали, что на демократических выборах не обязательно победят демократические и желающие установления мира партии, и таким образом иногда даже может быть узаконена политика насилия.

С другой стороны, учреждение палестинских государственных органов способствует тому, что государственные служащие и все население начинают ожидать от государства определенных достижений; носители государственной власти не могут долго игнорировать эти ожидания. Это ведет к определению государственных интересов, а также установлению контроля над осуществлением политической власти как внутри, так и за пределами страны, особенно если государственный бюджет зависит от помощи других государств. Итак, многие факты свидетельствуют о том, что, хотя становление и укрепление палестинского государственного управленческого аппарата снижает контроль Израиля над насилием со стороны Палестины, его создание способствует тому, что Палестина становится все более заинтересованной в самостоятельном контроле над насилием, исходящим с ее территории, особенно если заграничные арабские и западные спонсоры создадут эффективные механизмы контроля над предусмотренным договорами использованием их финансовой помощи.

5. Политическое согласие по поводу отношений между Израилем и будущим государством Палестина как способ облегчить окончание насилия и сделать еврейских и арабских максималистов общественным меньшинством

Основные черты устойчивого мирного порядка на Ближнем Востоке уже сегодня предсказуемы и на международном уровне практически не оспариваются. В принципе большинство представителей конфликтующих сторон сможет их принять, если их реализация будет сопровождаться особой социальной программой. В настоящее время прежде всего необходимо решить проблемы, связанные с территорией и статусом государств. Сейчас одновременное создание независимого и жизнеспособного государства Палестина и признание государства Израиль не является спорным вопросом, но оба государства хотят

вернуть свои границы 1967 г., что не исключает небольшого обмена территориями для того, чтобы подогнуть границы государств под этнический ландшафт. Соответствующий подробный план действий представляет собой «Женевская инициатива». Согласно ей Восточный Иерусалим может стать признанной на международной арене столицей Палестины, а Западный Иерусалим – столицей Израиля. Уровень вооружения Палестины может быть закреплен в международном договоре. Голанские высоты вернутся Сирии, но их демилитаризация должна быть гарантирована на международном уровне. Использование водных ресурсов Голанских высот должно быть урегулировано договором. По решению третейского суда, Фермы Шеба должны перейти либо Сирии, либо Ливану. Нерешенный конфликт вокруг Палестины до настоящего момента был существенным стимулом для развития панарабизма. Создание арабского государства Палестина стабилизировало бы всю систему арабских государств и способствовало бы безопасности Израиля.

Действия ООН по сохранению и укреплению мира в таком случае должны быть направлены на решение двух задач. Во-первых, это помощь международных военных, полицейских и гражданских представителей при формировании системы государственных институтов и общественных организаций, которые должны обеспечить внутреннюю и внешнюю безопасность Палестины, предотвратить нападение арабских государств на Израиль, способствовать экономическому и социальному развитию Палестины, а также становлению ее гражданского общества. Подобная международная помощь должна быть ограничена временными рамками. Во-вторых, должна быть разработана специальная программа для укрепления мира, в рамках которой будут возможны финансирование и организация компенсаций за утраченное в Израиле имущество, а также компенсация затрат, связанных с гражданско-правовой, социальной и экономической интеграцией палестинских беженцев в их нынешних странах проживания или в других государствах, которые готовы принять определенное число беженцев. Расходы на Палестину и палестинских беженцев, вызванные подобными действиями ООН, будут необычайно высоки, но относительно скромны, если сравнить их с той ценой, в которую обошлись все предыдущие войны на Ближнем Востоке, военные и полицейские мероприятия, направленные на поддержание безопасности и ликвидацию военных и террористических угроз, количество которых через несколько лет должно резко снизиться. Организация Объединенных Наций, с 1948 г. несущая ответственность за разделение Палестины, должна распределить расходы, по возможности следуя своему обычному плану распределения затрат. Кроме того, западные и арабские государства, а также частные общественные ор-

ганизации могли бы, руководствуясь примером иммиграции евреев в Палестину, выделить средства на экономическую интеграцию палестинцев в их новых странах или местах проживания.

6. Ослабление доминирования США на Ближнем и Среднем Востоке как благоприятное условие для заключения компромисса между евреями и арабами

В Израиле и палестинских областях на сегодняшний момент доминируют политические силы, малоготовые пойти на компромисс, однако за последние месяцы ситуация несколько изменилась. Из-за многочисленных поражений в Ираке американская Республиканская партия и Джордж Буш потерпели серьезное поражение на выборах в конгресс и парламент, демократы стремятся начать новую инициативу по восстановлению мира на Ближнем и Среднем Востоке, что может укрепить авторитет и интересы США в арабо-мусульманском мире. Несмотря на военные победы, война с Ливаном из-за человеческих жертв, политической и моральной поддержки Ливаном Хезболлы и недостижения официальных военных целей, привела в ослаблению позиций израильского правительства.

В Палестине движение ХАМАС страдает от последствий резкого сокращения финансовой поддержки Палестинской национальной администрации западными странами и вынуждено идти на компромисс с ФАТХ. Слабые позиции всех трех правительств заставляют их осторожно идти на новые переговоры друг с другом, Сирией и Ливаном, при участии Европейского союза, Саудовской Аравии и Лиги арабских государств, однако за этими устремлениями не стоит ни желание установления мира, ни четкие представления о том, каким будет новый мирный порядок. Ослабление террористической активности палестинцев в Израиле объясняется преимущественно строительством разделительного барьера, отделяющего его от Западного берега реки Иордан, то есть его твердой и непримиримой позицией, что в настоящее время не способствует смене политического курса. Вместе с тем выход израильских поселенцев из Сектора Газа и израильской армии из Ливана говорит о готовности Израиля отказаться от защиты своей территориальной целостности и границ. Введя в Ливан Временный контингент сил ООН (ЮНИФИЛ), европейские государства взяли на себя ответственность за стабилизацию политической обстановки в Ливане, а значит, за безопасность Израиля. На данный момент мало что говорит о новом обострении силового противостояния в виде войны или интенсивной террористической деятельности, однако не так много свидетельств и окончания перманентного

насилия и угроз применения силы. Расходы Израиля на обеспечение безопасности остаются огромными, а бедственное положение населения палестинских территорий и Ливана после многочисленных войн, кажется, только усугубилось. По всей видимости, непосредственные участники конфликта (Сирия, Ливан и Хезболла, Палестинская национальная администрация и ХАМАС) политически слишком слабы, чтобы в обозримом будущем разработать последовательную мирную политику, поэтому решающие импульсы к установлению мира и давление в этих целях могут исходить только от внешних политических акторов. Как и прежде, ведущая роль отводится США, которые при Б. Обаме хотя более не поддерживают бескомпромиссную израильскую политику экспансии, но, кажется, уделяют больше внимания их новой политике. Заинтересованность в восстановлении авторитета США в арабско-мусульманском мире должна быть согласована с обязательством по обеспечению безопасности Израиля.

ЕС может способствовать смене политического курса США, возглавляемых Бараком Обамой, посредством политических инициатив и предложений экономической помощи, при случае к ЕС может присоединиться Россия, которая хотела бы продемонстрировать свое влияние на арабские страны. Сотрудничая с Египтом, Саудовской Аравией и Иорданией, а также привлекая Сирию и Иран, возглавляемый США Квартет по ближневосточному урегулированию может выработать общую концепцию установления мира на Ближнем Востоке, которую можно было бы сделать привлекательной для большинства непосредственных сторон конфликта, если правильно сочетать политико-экономические стимулы и средства давления. Недостаток «Женевской инициативы» 2003 г. заключается в том, что она оставляет цель переговоров неясной, что было выгодно более сильной израильской стороне. Общая концепция должна учитывать общеизвестные главные цели всех конфликтующих сторон, тогда ослабнут подозрения, что временные компромиссы, при которых конфликтующие стороны отказываются от мощных политических рычагов, могут стать нежелательными долгосрочными мерами. Преодоление сопротивления и скептического отношения общественных меньшинств в Израиле и влиятельных меньшинств в Палестине и некоторых мусульманских странах становится лишь вопросом времени, в течение которого мирный правопорядок должен доказать свою устойчивость. Хотя некоторые отточенные концепции урегулирования конфликта, разработанные США и их партнерами или ООН (например, для Кипра), провалились, во многих других случаях мягкий международный нажим оказался вполне успешным.

ВСЕМИРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРМАНЕНТНОГО ИРАКСКОГО КРИЗИСА

Краткое содержание

С момента распада Османской империи в результате Первой мировой войны Ирак является ключевой проблемой в развитии переживающего перманентный кризис Ближнего и Центрального Востока, а также в установлении нового порядка. На протяжении десятилетий Великобритания и Франция пытались установить свою гегемонию над этим регионом, отчасти чтобы использовать его ресурсы, отчасти чтобы противостоять панарабизму и отдельным видам арабского национализма. В 1950-е гг. США безуспешно пытались сделать Ирак звеном в охватывающей весь мир цепи стран с целью изоляции СССР (Багдадский пакт). Однако США вместе с обеими бывшими колониальными державами удалось поделить между собой сферы влияния на две нации, переживающие трудный процесс формирования, и воспрепятствовать образованию региональной державы благодаря ограничению боеспособности государств этих наций и периодического политического и военного вмешательства. Например, в 1980-е гг. агрессия Ирака против Ирана была поддержана, но победить ему не позволили. После захвата Кувейта Ираком в августе 1990 г. США, поддерживаемые почти всеми странами мира, смогли реставрировать недемократическую монархию в этой богатой нефтью стране, но ни им, ни ООН не удалось установить продолжительный мир в регионе.

Воглавляемое Джорджем Бушем американское правительство в конце концов попыталось убедить мир в том, что Ирак, управляемый Саддамом Хусейном, владеет атомным и химическим оружием массового поражения; а также, что он якобы выступает оплотом международного терроризма. Тем не менее США не удалось добиться одобрения военной интервенции Советом Безопасности ООН, поэтому они в союзе с 35-ю другими государствами решили свергнуть режим Саддама Хусейна с помощью интервенционной войны, что удалось осуществить весной 2003 г. всего за несколько недель. Победа ин-

тервенционных войск над регулярными военными формированиями Ирака весной 2003 г. привела только к локальной террористической войне, унесшей много жизней. Последовавшие затем выборы узаконили перераспределение власти среди этнорелигиозных групп в пользу арабских шиитов и курдов, но до выхода последних американских военных частей из Ирака в августе 2010 г. государство оставалось нестабильным – проблемы федерализма и демократии решены не были, не удалось установить и мир в регионе. Основными направлениями политики западных государств на Ближнем и Среднем Востоке остались: а) воспрепятствование образованию региональной державы и б) появлению у нее потенциальных арсеналов оружия массового поражения; в) восстановление западной гегемонии в добыче нефти в этом регионе; г) сдерживание исламо-арабского терроризма; д) стабилизация государственного порядка; е) достаточная либерализация и «демократизация» политического режима в регионе.

1. Обвинения против Ирака, возглавляемого Саддамом Хусейном: политика агрессии, пролиферация оружия массового поражения, оплот международного терроризма, тирания

19 августа 2010 г. последние формирования американских войск покинули Ирак. Тем не менее до конца 2011 г. 50 000 человек оставались в Ираке для защиты временных органов власти, учрежденных США, и обучения иранских вооруженных сил, кроме того, оставались несколько отрядов солдат-контрактников. До этого войска партнеров США одни за другими покидали страну, первыми в апреле 2004 г. из Ирака ушли вооруженные силы Испании.

Изначально в оккупации Ирака приняли участие 35 государств. По данным правительства Буша, в начале войны с Ираком (20 марта 2003) политику США в отношении Ирака и вооруженную интервенцию в эту страну поддержали 49 государств, то есть всего лишь почти четверть всех государств мира. Не только такие державы, как Россия и КНР, но и многие члены НАТО, особенно Франция и Германия, резко критиковали США и их союзников и выступали против легитимации войны Советом Безопасности ООН. Большинство специалистов посчитали войну противоречащей международному праву и Уставу ООН.

1 мая 2003 г. президент Буш объявил войну завершённой. К тому моменту она унесла жизни 171 американского и британского солдата и тысяч иракских. Однако массовая гибель военных началась после окончания регулярной войны с началом до сих пор продолжающейся

локальной войны, сопровождающейся терактами против оккупационных войск и представителей нового режима, а также вооруженными столкновениями между разными этнорелигиозными группами (арабов – суннитов и шиитов, а также курдов). Жертвами войны стали как малочисленные религиозные группы, так и христианские религиозные общины. В этой локальной войне до конца сентября погибли 4723 солдата США и их партнеров по коалиции, 9733 иракских солдата и полицейских, 468 солдат-контрактников и, возможно, более 100 000 мирных жителей.

Новый режим, установившийся после свержения диктатора Хусейна и его приближенных (в основном суннитов) и запрета партии Баас и пытающийся себя узаконить посредством свободных выборов, до сих пор нестабилен. Он основывается на хрупком равновесии между большинством, представляемым арабами-шиитами, с одной стороны, а также арабами-суннитами и курдами – с другой. В политике это равновесие проявляется в том, что существует Президентский Совет, в который на данный момент входит президент-курд (Джалаль Талабани) и два вице-президента, принадлежащих к двум остальным этнорелигиозным группам, при этом пост премьер-министра занимает шиит, а правящая коалиция состоит из партий, представляющих все три группы населения.

Принятая 15 октября 2005 г. конституция провозглашает Ирак многонациональным, многоконфессиональным и мультикультурным государством, а также демократической, федеративной и представительной республикой. Три северных провинции (всего их 18) образуют автономный регион Курдистан. До сих пор не удалось создать на юге страны шиитский регион Шумер, а выделение отдельного суннитского региона, по всей видимости, даже не планируется. Федерализация страны, провозглашенная целью новой власти, еще не завершена; парламент состоит только из одной палаты. Однако провинции имеют собственные выборные органы самоуправления.

До настоящего момента, в рамках многопартийной системы, в Ираке трижды проходили конкурентные, достаточно свободные выборы в парламент. Многопартийность здесь ориентирована на деление общества на три этнорелигиозные группы. Тем не менее одна светская партия, поддерживаемая в основном шиитами, смогла добиться популярности и среди остальных двух этнорелигиозных групп. Это была возглавляемая Иядом Аллави партия Иракский национальный список, которая под названием «Иракское национальное движение Иракия» победила на третьих выборах в парламент (7 марта 2010) и получила 91 из 275 мест, в то время как в декабре 2005 г. она получила только 25 мест. Как и после двух предыдущих

выборов в парламент, прошедших в 2005 г., в 2010 г. формирование правительства растянулось на месяцы, причем 11 ноября 2010 г. снова образовалась коалиция из всех крупных партий, представляющих три основные этнорелигиозные группы. Премьер-министром опять стал Нури Аль-Малики, представляющий шиитскую Коалицию правого государства (ранее – Объединенный иракский альянс), которая на этих выборах потерпела серьезное поражение (89 депутатов вместо предыдущих 128). Ияд Аллави возглавил «Совет по стратегической политике», который должен нести ответственность за политику безопасности. По сравнению с 2005 г., суннитский Национальный иракский альянс в 2010 г. добился на выборах лучших результатов (70 депутатов вместо 44). Демократический патриотический альянс Курдистана, напротив, потерял много голосов (43 депутата вместо 53), которые приобрела новая курдская партия «Движение за изменение».

Многие наблюдатели предполагали, что после окончательного вывода американских войск из Ирака он может распасться на три части, что чревато страшной гражданской войной, поскольку не существует общепризнанных и точно установленных границ между курдским и обоими арабскими (шиитским и суннитским) регионами, хотя в некоторых областях страны вооруженное противостояние, теракты, изгнания и бегство жителей уже привели к определенной этнорелигиозной гомогенизации населения.

В данной лекции речь пойдет не только о сложных отношениях и иногда крайне жестокой борьбе между тремя крупными и несколькими маленькими этнорелигиозными группами, но и внутри них. Мы будем говорить о международных аспектах перманентного иракского кризиса, который, по сути, начался во времена распада Османской империи после Первой мировой войны и периодически то обостряется, то снова на время утихает. С тех пор продолжают споры по вопросу, в какой мере другие государства, как мировые державы, так и соседние страны, используя какие средства, и особенно, с какой целью должны и могут вмешиваться во внутренние дела Ирака, а также какие территориальные границы и пределы политического влияния и военной мощи Ирака эти страны могут устанавливать. При этом политическое самоопределение самих иракцев до настоящего момента не играло никакой роли.

Корни настоящего кризиса уходят в короткую войну (2 августа 1990) саддамовского Ирака с целью захвата и аннексии маленького Кувейта, а также в последовавшую вскоре войну в Персидском заливе (17 января – 12 апреля 1991), в которой главным противником Ирака были США. Эта война была одобрена Советом Безопасности

ООН, и в ее результате была восстановлена независимость Кувейта. Целью войны была исключительно смена политического курса, а не смена режима. ООН наложила на правительство Саддама Хусейна ощутимые санкции, такие как установление двух бесполетных зон на севере и юге страны для защиты курдов и шиитов, а также контроль над военными установками Ирака. Обе бесполетных зоны находились под контролем США и Великобритании.

В последующие годы между режимом Саддама Хусейна и обеими мировыми державами постоянно имели место столкновения по поводу соблюдения Ираком предписаний ООН. В международной политике также существовали разногласия по поводу жесткого контроля США и Великобритании над режимом Хусейна. В это время сформировались четыре главных претензии к режиму Саддама Хусейна: 1) неизменно агрессивная политика Ирака по отношению к своим соседям и Израилю, причем начатая Ираком ирано-иракская война 1980–1988 гг. стала представлять в новом свете; 2) тайное владение, разработка и производство оружия массового поражения; 3) активная материально-техническая поддержка международного терроризма; 4) использование особо жестокой и бесчеловечной тирании для порабощения собственного народа, особенно курдов и шиитов.

2. Военное принуждение вместо способствования смене политического курса и самой системы

Несмотря на то что в западном обществе решение о войне в Персидском заливе (особенно стиль ее ведения союзными войсками) было встречено критически – как левыми с их антикапиталистической риторикой, так и пацифистами, большая часть международного сообщества выступала за реализацию принципа коллективной безопасности, то есть за вооруженное противодействие захвату и военно-политическому уничтожению государства-члена ООН, если возникла такая необходимость. После 1945 г. аннексия Ираком Кувейта была первым случаем, когда государство насильственно стирали с карты мира, многие считали, что при определенных условиях это могло стать прецедентом. После мгновенной оккупации Кувейта правительство Саддама Хусейна не удовлетворилось сменой политического режима в этой стране, часть завоеванной территории стала частью провинции Басра, а часть была включена в состав Ирака и превращена в новую, девятнадцатую, провинцию. Политическое меньшинство, критиковавшее интервенционную войну, указывало на то, что политическая система Кувейта представляла собой монар-

хию и автократию и нарушала важные права человека, что ведущую роль в войне играет не ООН, а США и 21 союзное ему государство, а также на то, что главным мотивом войны была заинтересованность западных концернов в нефти, а не забота о правах человека.

В 1990-е гг., когда Ирак вернулся в свои международно признанные границы, взгляды мировой общественности на отношение США и Великобритании к Ираку и его режиму разделились. Во время подготовки и проведения в 2003 г. Иракской войны этот раскол превратился в пропасть, которая затем все же снова сузилась, так как послевоенному режиму, установленному США и их партнерами по коалиции, было мало альтернатив, а ООН признала новый временный иракский режим и ответственность оккупировавших Ирак стран за восстановление его суверенитета.

Перед иракской войной в международной политике и общественном мнении доминировали две противоположные точки зрения. Первая, которой придерживались правительства США и Великобритании, а также большинство американцев, заключалась в том, что после нескольких лет безуспешных попыток контролировать режим Саддама Хусейна мирными средствами и препятствовать обретению Ираком химического и ядерного оружия массового уничтожения, а также его подготовке к новой агрессивной войне и материальной поддержке международного терроризма можно только с использованием военной силы. Противоположное мнение, разделяемое правительствами Франции, Германии, России и Китая, большинством жителей западных стран и всего мира, сводилось к тому, что использование мирных, в основном экономических, средств давления, особенно упорное настаивание на международном контроле Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) над иракскими промышленными комплексами, может привести к смене политического курса Саддама Хусейна (отказа от оружия массового уничтожения, территориальной экспансии и поддержки террористической деятельности). Этих трех целей можно было бы достичь и при существующем недемократическом режиме. В принципе, не обязательно должна была существовать связь между диктатурой (или тиранией), с одной стороны, и агрессивной политикой, разработкой оружия массового поражения и поддержкой международного терроризма – с другой. Кроме того, диктатуру можно победить путем мирной смены политической системы, чему можно способствовать, применяя соответствующие внешнеполитические средства. Упомянутые выше точки зрения до сегодняшнего дня распространяются не только на Ирак, но и Сирию, Иран и другие страны, как на Ближнем Востоке, так и за его пределами.

3. Борьба за Ирак как за сердце Среднего Востока

С конца Первой мировой войны Ирак – сердце Среднего и всего бывшего Ближнего Востока, во-первых, из-за своего геополитического положения, во-вторых, благодаря богатым запасам нефти, в-третьих, из-за крайне важной роли Тигра и Евфрата в водоснабжении значительной части региона. Хотя площадь страны составляет 438 000 кв. км, что значительно превышает площадь Германии, ее население насчитывает всего 29 миллионов человек. Преобладающую часть Ирака занимает слабозаселенная пустыня. Наиболее плотно заселен район исторической области Месопотамии – территории между Тигром и Евфратом и по их берегам. Ирак относится к тем немногим мусульманским странам, где большинство образуют арабы-шииты. В Ираке они составляют около 60 % населения и проживают в основном на юге страны. Арабы-сунниты насчитывают почти 20 %, а курды-сунниты, проживающие на северо-востоке страны, – примерно 15 %. Государственными языками являются арабский и курдский. В остальные 5 % населения входят туркмены-сунниты, говорящие на родственном азербайджанскому тюркском языке, исповедующие ислам ассирийцы, говорящие на арамейских языках и к настоящему моменту в основном бежавшие из страны, а также иные малочисленные этнические группы. Страна обладает богатыми нефтяными запасами, которые, однако, расположены почти исключительно в шиитских и курдских регионах, поэтому сунниты крайне заинтересованы в единстве и централизованном управлении государством. Традиционно сунниты составляли правящую элиту.

Современный иракский кризис необходимо рассматривать в более широком контексте. Хотя нельзя утверждать, что иракский кризис длится сотни лет, тем не менее можно говорить о периодических обострениях перманентного иракского конфликта, возникшего после распада Османской империи в результате Первой мировой войны и политической фрагментации Ближнего и Среднего Востока. Результатом этой войны стал конец «религиозного халифата», что до сих пор негативно сказывается на политическом самосознании многих мусульман. С 1534 г. Месопотамия входила в Османскую империю и была поделена на три провинции: Мосул, Багдад и Басра. В 1920 г. изначально предполагалось, что провинция Мосул станет независимым государством Курдистан в Восточной Анатолии. В конце концов победил проект Великобритании, которая стремилась сохранить контроль над богатыми запасами нефти в Северной Месопотамии и для этого провинцию Мосул, населенную преимущественно курдами, присоединить к арабским провинциям Багдад и Басра и распростра-

нить на них действие мандата, предоставленного Великобританией Лигой Наций. Турции и Франции было обещано по 20 % добываемой нефти.

Из-за того что Великобритания и Франция поделили между собой североарабские области, надежды арабов на создание «Королевства арабских стран», управляемого хашимитской династией Хусейна, не оправдались. Хусейн был шерифом Мекки и считал, что ведет свое происхождение от пророка Мухаммеда. Он хотел объединить арабские области на востоке Египта и возродить Арабский халифат. Позже Хусейн стал королем Хиджаза, части сегодняшней Саудовской Аравии, не попавшей под османское и британское господство. Во время Первой мировой войны британцы поддерживали планы арабов на создание независимого арабского государства, чтобы подтолкнуть их к восстанию против Османской империи и препятствовать строительству Германией ответвления Багдадской железной дороги до Мекки. По окончании войны Великобритания свое обещание не сдержала. В марте 1920 г. сын Хусейна Фейсал объявил о скромном проекте по созданию «Объединенного королевства Сирии», в которое должны были входить Месопотамия, Ливан и Палестина (включая территорию нынешних Иордании и Израиля). Однако эти планы сорвало военное вмешательство Франции. Сирия и Ливан подпали под французский мандат, Месопотамия – под британский, а Палестина – под мандат Лиги Наций, затем переданный Великобритании. После восстания арабов в Месопотамии в 1921 г. французы сделали Фейсала королем, а в 1932 г. разрешили независимому Королевству Ирак вступить в Лигу Наций. Права на добываемую в Ираке нефть распределялись следующим образом: по 23,75 % получали Великобритания, Франция, Нидерланды и США, 5 % – частные предприятия, причем само иракское государство получало минимальную прибыль.

Во Второй мировой войне Средний Восток не стал театром военных действий, но германский Вермахт мог прорваться к Суэцкому каналу с запада. Только после войны Ближний и Средний Восток снова стали регионом, за который в международной политике шла ожесточенная борьба. Поворотным пунктом стал 1956 г., когда США и СССР не дали Великобритании и Франции удержать контроль над Суэцким каналом, то есть фактически над всем Ближним Востоком. Для Франции и Великобритании потеря контроля над этим регионом обернулась ослаблением позиций в Южной и Юго-Восточной Азии, их роль частично стали играть США. США и Великобритания еще в 1955 г. попытались на основе Багдадского пакта создать против Советского Союза и КНР военный союз с Ираком как центром объединения, включая Турцию, Иран и Пакистан. Багдадский пакт

должен был объединить европейские страны, входившие в основанную в 1949 г. НАТО, и южно-азиатские страны – СЕАТО (1954) – с Пакистаном, Таиландом, Филиппинами, Новой Зеландией и Австралией, куда входили также США, Великобритания и Франция. Целью было окружение стран коммунистического блока.

Этот союз все же вскоре развалился из-за подъема национальных и социалистических революционных движений – сначала в арабском мире, затем в Южной и Юго-Восточной Азии. После того как в созданном Лигой Наций новом мировом порядке арабы остались в невыгодном положении, что повторилось и при образовании ООН, Вторая мировая война, появление социалистических государств и образование государства Израиль дали еще один мощный толчок развитию партикулярных арабских национальных движений, а также панарабизма. В некоторых странах арабские национальные движения привели к свержению монархии (в 1952 г. в Египте, в 1958 г. в Ираке, в 1969 г. в Ливии) и приходу к власти своеобразных, крайне неоднородных социалистических партий и правительств в Египте, Ираке, Сирии, Южном Йемене, Алжире, Ливии и некоторых других странах. Социализм в арабских странах, опиравшийся в основном на офицеров как на представителей народа, с одной стороны, был строго антикоммунистическим и ни в коем случае не собирался ликвидировать частную собственность на средства производства, с другой стороны, предполагал национализацию энергетических ресурсов и производства, то есть выступал против гегемонии западных сырьевых концернов и поддерживавших их западных индустриальных государств – как против колониальных держав Великобритании и Франции, так и антиколониальной державы США. Арабские социалистические режимы стали заметными представителями этих направленных против Запада революционных устремлений. Иногда – из стратегических соображений – они стремились заключить союз с СССР.

Хотя идея единой арабской нации и создания единого арабского государства до сих пор жива в сознании многих арабов и то и дело всплывает в выступлениях отдельных арабских политиков, хотя с 1945 г. существует Лига арабских государств, включающая в себя 22 члена (21 арабское государство и Палестинская национальная администрация), ее политическое влияние достаточно слабо и неустойчиво и оценить его сложно. В качестве образца для объединения арабских государств часто приводят Германский союз, в который в 1815–1817 гг. входили 39 государств и который в 1871 г. превратился в немецкое национальное государство. При этом часто остается незамеченным тот факт, что объединение Германии, как и Италии, происходило не в результате национальных революций, а по инициативе

доминировавшего государства, использовавшего настроения населения для в некоторой степени насильственного объединения. Однако в арабском мире на роль арабского Пьемонта или Пруссии постоянно претендовало несколько государств, даже в рамках регионально ограниченного панарабизма, например, страны Магриба в Северной Африке, в число которых не входит Египет, или объединения арабских стран на Ближнем и Среднем Востоке. Объединенная Арабская Республика, созданная Египтом и Сирией в 1958–1961 гг. и объединившаяся с Северным Йеменом в конфедерацию, и повторно, в 1963 г., с Египтом, Сирией и Ираком, просуществовала недолго. Сильные партикулярные национальные интересы и значительные социально-политические различия между отдельными арабскими странами скорее всего и далее будут препятствием на пути к их объединению. По той же причине панисламизм, направленный на преодоление раздробленности арабского, а вместе с тем и всего мусульманского мира, хотя и будет приводить к консолидации в политике, вряд ли станет силой, способной дать импульс к образованию единого государства.

Надо отметить, что страны, соседствующие с арабским миром, прежде всего Турция и Иран, а также мировые державы совершенно не заинтересованы в появлении мощного национального арабского государства. В связи с этим использование и провоцирование противоречий между арабскими государствами и их общественно-политическими движениями является константой международной политики. Мировые державы стараются препятствовать усилению политического влияния отдельных государств с помощью территориальной экспансии и, если возможно, то следующего за ней захвата энергетических ресурсов, а зачастую посредством надления того или иного государства оружием массового поражения, однако в то же время они выступают за сохранение территориального статус-кво и не поддерживают национальный, этнический или религиозно обоснованный сепаратизм. Однако нельзя упускать из виду, что иракская политика, для которой характерен панарабизм, ставящий под вопрос территориальный статус-кво Ирака, имеет для мировых держав совсем иное значение, чем иранская и турецкая политики. Если Турция вмешивается в дела северного Ирака, то ее намерением является не экспансия, а интервенция, цель которой не только защититься от влияния Рабочей партии Курдистана, но и препятствовать созданию на севере Ирака независимого курдского государства, уже одно продолжительное существование которого может поставить под вопрос территориальную целостность Турции.

Если в 1950-е гг. инициаторами объединения арабов были в основном Египет и Сирия, то в 1980-е гг. эту функцию взял на себя Ирак.

Аннексия Кувейта, обладавшего богатыми запасами нефти, могла интерпретироваться как первый шаг Ирака в его продвижении в направлении Иордании, Саудовский Аравии и стран Персидского залива. Соответственно, многие палестинцы приветствовали действия Ирака как начало освобождения всей Палестины от еврейского господства.

Иракскую войну надо рассматривать в контексте региональной политики; объяснение ее только экономическими и энергетическими интересами США и Великобритании слишком поверхностно. Никогда не существовало опасности, что иракская и кувейтская нефть исчезнет с западного рынка, или что Япония и Китай перестанут ее получать. Расширивший свою территорию Ирак не стал бы поднимать мировые цены на нефть так, чтобы это нанесло ущерб Западу. По всей видимости, интервентов беспокоило главным образом то, что возросшая прибыль, приносимая добычей нефти, стала бы использоваться Ираком для превращения в региональную державу. Точнее мы будем знать только тогда, когда реальные намерения и мотивы Джорджа Буша, Энтони Блэра, а также их советников нам будут более ясны, чем сегодня. Хотя они знали, что сначала довольно успешно вводили мировую общественность в заблуждение, когда внушали ей, что Ирак уже владеет химическим оружием массового уничтожения и собирается разработать атомное, а кроме того, поддерживает международный терроризм, возможно, они действительно верили, что в будущем Ирак Саддама Хусейна может стать угрозой для мира в регионе.

4. Интервенционная война или новая региональная система утрашения

В некотором отношении Иракская война была достаточно успешной, несмотря на то что в итоге важные цели не были достигнуты, а некоторые опасности только возросли. Много говорит о том, что иракская политика и общество пока что оставили свои планы по превращению страны в региональную державу, владеющую оружием массового поражения и настроенную на территориальную экспансию. Как и прежде, в стране нет государственной поддержки международного терроризма. С другой стороны, Ирак сам стал мишенью для международной террористической активности. Однако прежде всего иракская война дала международному терроризму моральный и политический импульс и обеспечила его многочисленными сторонниками, в том числе и в Ираке. Нет никаких признаков того, что вызванный войной повседневный терроризм внутри Ирака, каждый ме-

сяц уносящий жизни многих людей, скоро закончится. Очевидно, что в настоящее время существуют политически разнородные и враждующие между собой политические группы, готовые совершать классические теракты и организовывать подрывы смертников: сторонники свергнутого режима Саддама Хусейна, преимущественно суннитской террористической организации Аль-Кайеда, а также шиитских и отдельных курдских военных формирований. Этот многообразный, исходящий не от государства, но допускаемый или поощряемый отдельными должностными лицами терроризм, несомненно, носит иной характер и имеет иные политические и общественные последствия, чем длившийся десятилетия террор при Саддаме Хусейне, унесший жизни сотен тысяч человек. Вообще удивительно, что иракская террористическая активность мало переместилась в другие страны. Конечно, это связано с тем, что с сентября 2001 г. западные государства стали прилагать во много раз больше усилий на борьбу с терроризмом и его предотвращение. Когда оккупационные войска покинут территорию Ирака, террор, направленный против них, потеряет смысл. По всей видимости, внутренний террор борющихся друг с другом политических группировок будет продолжаться в Ираке еще долго.

Вдобавок ко всему, государственное единство еще долго будет оставаться нестабильным. Иракские вооруженные силы и полиция вряд ли смогут добиться государственной монополии на власть. Отдельные влиятельные курдские, шиитские и суннитские вооруженные формирования в дальнейшем будут определять как минимум ход политического процесса, а может быть, и в самом деле поставят единство Ирака под вопрос. Ни в коем случае нельзя исключать начала гражданской войны после ухода из страны иностранных войск. Свержение Саддама Хусейна, несомненно, сделало политическую систему Ирака крайне нестабильной и превратило ее в ежедневную вооруженную борьбу. Провозглашенная цель – замена диктатуры партии Баас и Саддама Хусейна плюралистической демократией с развитым правовым обществом – вряд ли будет достигнута, даже несмотря на то что в настоящее время нет такой политической силы, которая была бы в состоянии снова установить авторитарный режим в масштабе всего государства, поскольку конкуренция между непримиримыми группировками, стремящимися к установлению автократии, слишком остра. Это, а также готовность партий из тактических соображений пойти на компромисс, вероятно, поможет избежать разрушительной гражданской войны, но такое состояние политической системы еще долго будет порождать не плюралистическую и либеральную демократию, а только мозаику отдельных автократических структур.

Альтернативный сценарий развития событий в Ираке, если бы не было интервенции США и их союзников, как и все гипотетические варианты хода истории (чем больше мы отдаляемся от того момента, когда было принято решение начать войну), основывается только на смутных предположениях о перспективах режима Саддама Хусейна. Даже если Ирак (что сейчас уже нам точно известно) больше не располагал оружием массового поражения (в 1980-е гг. он еще применял газовое оружие), то до сих пор остается непонятным, почему он так упорно старался ускользнуть от контроля МАГАТЭ и ООН. Не было никаких серьезных поводов для предположения, что Ирак собирается стать стабильным мирным автократическим государством, не претендующим на обладание оружием массового поражения и территориальную экспансию, а также препятствующим превращению своей территории в общественную и материально-техническую базу международного терроризма, как многие другие автократические режимы мира, часть которых является союзниками Запада. Таким образом, альтернативой интервенционной войне в любом случае была бы только стратегия сдерживания и запугивания. Сомнительно, что такие демократы, как Альберт Гор, Джон Керри или Барак Обама, стали бы проводить внешнюю политику и политику безопасности, которые принципиально отличалась бы от действий республиканского президента Джорджа Буша. Однако это не исключает возможность явных и важных различий в их действиях на международной арене.

Серьезная проблема – как поступать с государствами, которые могут стать владельцами оружия массового поражения в будущем, – остается нерешенной и после катастрофы иракской войны, не важно, идет ли речь об Ираке или другом государстве. Эта проблема теперь касается не Ирака, а Ирана и Северной Кореи. Если в дальнейшем исключить интервенционную войну как политическое средство, то в распоряжении остается только политическое убеждение, в некоторых случаях – экономическое и политико-психологическое давление, в особых обстоятельствах – блеф с угрозой военной интервенции. Если блеф окажется неудачным, то это нанесет удар по политическому авторитету державы, которая окажется неспособной при необходимости начать войну, которой она угрожала. Франция и Германия, для того чтобы сделать Ирак более сговорчивым, напрасно используют сомнительное средство: они заявляют, что более не смогут сопротивляться военным планам США, не присоединившись к военным угрозам.

Однако что бы произошло, если бы ни одна держава более не хотела совершать военную интервенцию в малые и средние государства, собирающиеся тем или иным способом заполучить оружие массового

поражения и ракеты для их быстрой транспортировки? Возможной реакцией стали бы более или менее резкие символические протесты, например, в случае Индии и Пакистана, а также примирение с новой ядерной системой устрашения регионального или мирового радиуса действия. Если это вызовет сомнения в способности систем устрашения или готовности мировых держав защищать своих партнеров по объединениям или нейтральные государства, то рано или поздно это приведет к появлению нескольких новых ядерных держав. Многие страны, у которых есть экономические и технические возможности производить или получать оружие массового поражения, но которые, полагаясь на открыто обещанные или подразумеваемые гарантии безопасности, данные прежде всего США, в прошлом отказались от практического использования этих возможностей, несмотря на то, что они далеко продвинулись в своих планах по вооружению, могут посчитать, что пора пересмотреть свою политику безопасности. Такими странами могут оказаться, например, Бразилия, ЮАР, Египет, Швейцария и, наконец, Германия.

На примере Югославии при Слободане Милошевиче и Ирака при Саддаме Хусейне мы можем сделать вывод, что государства, собирающиеся завоевать своих соседей, в итоге понимают, что они должны владеть оружием массового поражения, чтобы отпугнуть США и иных потенциальных интервентов. К счастью, в наш атомный век ни одна ядерная держава еще не пыталась расширить свою территорию. Но так может оставаться не всегда. Запугивание ядерным оружием до настоящего времени всегда было средством защиты, а не завоеваний.

5. Консолидирующая стратегия отступления под руководством Организации Объединенных наций

Альтернативой интервенционной войне, начатой США и их союзниками, могло бы стать последовательное применение скоординированных лучше, чем ранее, экономических и морально-политических средств давления на режим Саддама Хусейна почти всеми членами ООН, чтобы Ирак стал открытым для эффективного наблюдения за его промышленными корпусами и военными объектами. В крайнем случае эта политика свелась бы к тому, что Ирак беспрепятственно обладал бы оружием массового поражения, несмотря на серьезные протесты и применение болезненных экономических санкций, которые, однако, скорее всего не вызвали бы поворота в иракской политике. Надо признать, что это привело бы к появлению новой региональной системы устрашения на Ближнем и Среднем Востоке. Тогда

западным или другим ядерным державам пришлось бы дать гарантии безопасности соседям Ирака, на случай его агрессии; либо факт обладания Ираком ядерным, химическим или даже биологическим оружием привел бы к тому, что не только Израиль, но и Иран, Саудовская Аравия и Турция, а возможно, еще и Сирия, также захотели бы обезопасить себя подобным оружием. Однако большинство противников интервенционной войны не были готовы взглянуть в глаза возможным последствиям категорического отказа от нее. Подобная ситуация может иметь место в случае нового обострения иранского кризиса, речь о котором пойдет в следующей лекции. Лично я посоветовал бы не начинать интервенционную войну и предложил бы смириться с появлением новой региональной системы устрашения, обладающей оружием массового поражения, так как интервенционная война может поколебать существующую на сегодняшний момент международную систему безопасности, в которую входит не так много ядерных держав, и ей придется резко измениться, если она не хочет смириться с опасностью распространения ядерного оружия.

*Post festum** интервенцию неоднократно оправдывали необходимостью свержения особо жестокой тирании Саддама Хусейна и планируемой демократизацией Ирака, которая вызовет в соседних государствах эффект домино. Это объясняли тем, что процессы, имевшие место в Германии и Японии после 1945 г., то есть демократизация не только политической системы, но и общества, якобы возможны также в арабских и мусульманских странах. При проведении подобной аналогии не были учтены не только существенные различия между этими обществами, но и тот факт, что немецкая и японская автократии скомпрометировали себя в глазах населения ведением агрессивных войн.

Однако далеко не все иракцы считали себя освобожденными от авторитарного режима, большая часть жителей видела себя жертвами агрессии (сунниты, шииты и курды в разной степени), поскольку режим Саддама Хусейна воспринимался не как общеиракский, а как преимущественно арабско-суннитский. Ни одна из трех этнорелигиозных групп не хочет установления долговременной диктатуры, направленной на демократическое воспитание общества, и иностранного господства. Установление Организацией Объединенных Наций временной системы управления было бы лучшим решением, чем установление фактически только американцами временного режима, сопровождающегося выделением британской и польской оккупаци-

* После праздника (*лат.*).

онных зон. Тем не менее установление временного правления ООН было нереальным, не только потому, что США хотели сохранить контроль над результатами интервенционной войны, достигнутыми ценой огромных финансовых расходов и человеческих потерь, но и потому, что Германия, Франция, Россия, Китай и большинство других членов ООН не были готовы задействовать свои политические, людские и финансовые ресурсы для установления над Ираком временного контроля ООН. Даже Европейский союз оказался неспособен разработать единую политику в отношении Ирака, как до, так и после войны. Если бы ЕС был готов, согласно нормам Ниццкого и более позднего Лиссабонского договоров, принять четкую позицию за или против войны, то сформировалось бы большинство, выступающее за или против. Даже после того как войска некоторых стран ЕС разместились в Ираке, Евросоюз не смог выработать единой политики оккупации и вывода войск. Вместо этого каждое государство независимо приняло решение о выводе своих войск из Ирака (первой, как уже было упомянуто, стала Испания), без договоренности и учета интересов других партнеров по ЕС и США.

Разумный вывод, который мы можем сделать, звучит следующим образом: ни Европа, ни страны всего мира не в состоянии вырабатывать общую политику мира, кроме исключительных случаев. Это недостаток не только правительств, как любят утверждать многие активисты пацифистского движения, но и общества и даже международного пацифизма, который способен лишь протестовать против начала той или иной спланированной войны. Непосредственно перед нападением американских войск на Багдад миллионы людей по всему миру вышли на демонстрации против предстоящей войны, как это было и перед любой другой войной, однако после военных действий не было предпринято ни малейшей попытки разработать общую политику мира в отношении оккупированного Ирака. Решение этой проблемы оказалось предоставленным державам-победительницам.

6. Тенденция к этнорелигиозной, сопровождаемой террором гражданской войне с международным участием

Какое развитие событий наиболее вероятно? Во-первых, нет заметной политической силы, которая действительно могла бы сплотить Ирак. Партийная система, по сути, основана на этнорелигиозном делении общества. Нет ни одной общеиракской партии, среди членов и избирателей которой были бы представлены жители всех регионов страны и общественных групп. Только светская, популяр-

ная более всего среди шиитов партия «Иракское национальное движение Иракия», возглавляемая Иядом Аллави, смогла привлечь на свою сторону как арабов-шиитов, так и арабов-суннитов, но лишь немногих курдов. Тем не менее противостояние трех крупных этнорелигиозных групп выражается в противостоянии партикулярных партий не так остро, как в Боснии и Герцеговине или в других странах. Размеры этнорелигиозных групп создают условия для образования нескольких конкурирующих между собой партий, которые представляют интересы и отражают мировоззрение различных социальных групп. Несовпадение этнорелигиозных и политических «линий разлома» в долгосрочной перспективе открывает возможности для образования всевозможных коалиций при формировании правительства. На настоящие момент все же преобладает определенная, изначально навязанная странами-оккупантами склонность к своего рода консенсусной демократии, то есть к постоянному участию в управлении страной всех крупных партий, представляющих три основных этнорелигиозных группы. Внешнему наблюдателю сложно сказать, окажется ли этот вынужденный консенсус продолжительным или однажды равновесие нарушится в пользу арабских партий в противовес курдским или в пользу шиитских партий по отношению к суннитским (то есть арабским и курдским).

Совершенно невозможно предсказать, чем закончится спор между арабами, курдами и туркменами за обладание и заселение богатой нефтью провинции Эт-Тамим и города Киркук, борьба за окончательную форму и степень федерализации, а также формирование центральных органов государственного управления. Это включает в себя вопрос о распределении прибыли от добычи нефти между шиитскими и курдскими провинциями. Все это дает достаточно поводов для будущих политических противостояний, на которые США и их союзники после вывода войск из Ирака не смогут больше оказывать влияние. Ни в коем случае не может быть исключена вероятность обострения подобной конфронтации до состояния гражданской войны, в которую, по крайней мере косвенно, преследуя различные интересы, точно будут вмешиваться Иран, Турция и скорее всего другие арабские страны. Крайне сложно предположить, каким образом в подобную «международную» гражданскую войну будут вмешиваться американское и некоторые европейские правительства; вряд ли они станут просто наблюдать за событиями и реагировать на них исключительно дипломатическими протестами и призывами к восстановлению мира, даже несмотря на то что американская общественность после предсказуемого вывода войск из Афганистана и весьма ощутимых людских потерь должна быть уставшей от интервенционных

войн. Также крайне сложно делать прогноз о влиянии новых, более масштабных терактов в Северной Америке и Европе на политику Западных держав на Ближнем и Среднем Востоке.

С большей или меньшей долей уверенности можно сказать только то, что до следующего обострения иракского кризиса европейцы вряд ли смогут и будут желать разработки общей политики в отношении Ближнего и Среднего Востока. Для этого не хватает открытых общеевропейских дискуссий по данному вопросу. Пацифизм к тому моменту также вряд ли будет способен на что-то большее, чем на слабые акции протеста, не подкрепленные политическим концептом.

ИРАНСКАЯ АТОМНАЯ ПРОГРАММА – ВЫЗОВ ДЛЯ РАЗМЕЩЕНИЯ ПРОТИВОРАКЕТ В ЕВРОПЕ ИЛИ ДЛЯ НОВОЙ ВОЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ США?*

Краткое содержание

Еще в 2007 г. президент Франции Николя Саркози предупреждал Ираном о возможной катастрофической дилемме: допустить разработку Ираном атомной бомбы или же бомбардировать Иран, то есть начать интервенционную войну в целях уничтожения иранских ядерных установок с помощью обычных бомб. Сам Иран продолжает утверждать, что его атомная программа по обогащению урана служит исключительно для обеспечения страны энергией. До сих пор предпринимаются попытки заставить Иран либо отказаться от программы по обогащению урана, продукты которого могут использоваться в военных целях, либо разрешить установление над ним международного контроля. По оценкам американских экспертов, Иран может разработать атомную бомбу уже через несколько лет, по мнению французских, она должна была существовать еще в 2007 г. Есть сведения, что уже прошли успешные испытания иранских ракет средней дальности с боеголовками, которые могли бы поразить Израиль, а более новые модели смогут достичь и Европы. Предполагается, что Ираном запланировано производство и межконтинентальных ракет, способных поразить цели в США.

В отличие от разработок атомных бомб в Индии, Пакистане и Северной Корее, иранскую атомную программу нужно рассматривать в контексте регионально-политических и исламо-теократических

* С декабря 2010 г., когда была прочитана лекция, ситуация неоднократно менялась, однако ключевые проблемы, затронутые в этой статье, решены не были. Важно то, что со времени вступления в должность президента Хасана Роухани (14 июня 2013), Иран стал проводить гораздо более дружественную внешнюю и атомную политику, поэтому напряженность в международных отношениях значительно снизилась. (*Прим. автора.*)

устремлений и действий в Ираке и Ливане, а также угроз иранского президента Махмуда Ахмадинежада стереть Израиль с лица земли.

Изначально предусмотренная для размещения в Польше и Чехии американская система ПРО, которая должна была быть направлена только против Ирана, была воспринята Россией как угроза. Тем самым иранская атомная программа могла вызвать новый виток гонки вооружений между Западом и Россией. После своего вступления в должность президента Барак Обама сначала приостановил проект, однако теперь его разработкой должна заняться НАТО при участии России.

В то время как США и особенно Израиль как вариант решения проблемы иногда открыто рассматривают возможность военных действий против Ирана, в том числе иранских ядерных установок, ЕС, Россия и Китай пытаются найти мирное решение ядерного конфликта, комбинируя стимулы для интеграции Ирана в мировую экономику, попытки установления мира в регионе и наложения отдельных санкций. Однако хотя жесткие санкции могут значительно ослабить экономику Ирана, вряд ли это отобьет у всей нации желание заполучить атомное оружие, к тому же, кажется, они только стабилизируют существующий режим. В худшем случае новой интервенционной войне, пожалуй, будет лучше предпочесть создание еще одной региональной атомной системы устрашения.

1. Иранская бомба или бомбардировки Ирана

Еще в 2007 г. президент Франции Николя Саркози предсказал одну катастрофическую дилемму: допустить разработку Ираном атомной бомбы или же бомбардировать Иран. Саркози предупреждал о вероятности начала интервенционной войны в целях уничтожения иранских ядерных установок с помощью обычных бомб. Несмотря на то что на сегодняшний день возможные варианты действий не сводятся только к такой альтернативе, нельзя не заметить тенденцию в направлении подобного исхода.

Если в худшем случае возможность действовать сократится до двух данных вариантов, то либо весь мир должен будет научиться жить с мыслью о том, что у Ирана есть атомная бомба и за ним вскоре могут последовать другие государства (подобным образом миру уже пришлось смириться с тем, что, кроме пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН, атомным оружием обладают теперь Индия, Пакистан, Израиль, а с недавних пор еще и Северная Корея), либо государствам придется поддержать решение США или Израиля, под-

страховываемого США, о бомбардировке иранских ядерных установок, размещенных в Натанзе, может быть, также в Исфахане, Араке, Бушере и других местах.

Что касается Северной Кореи, то, как представляется, за последние годы удалось заставить ее прекратить дальнейшее производство ядерного оружия (сейчас она владеет примерно шестью боеголовками) и закрыть ядерные установки. За это Корея получает широкую экономическую помощь. Менее вероятно, что, используя подобные мощные экономические и политические стимулы и мягкое селективное давление, получится заставить Иран свернуть свою атомную программу. Вместе с тем во многих странах мира иранская атомная программа воспринимается как более опасная, чем северокорейская.

Сам Иран продолжает утверждать, что его программа по обогащению урана служит исключительно для обеспечения страны энергией. Он никогда не заявлял ни о желании производить ядерное оружие, ни о том, что более не будет соблюдать договор о его нераспространении, хотя иранские политики неоднократно угрожали разрывом договора. Однако Иран всегда уклонялся от контроля МАГАТЭ, совет управляющих которого, в конце концов, в феврале 2006 г. доложил Совету Безопасности ООН, что Иран на протяжении восемнадцати лет неоднократно нарушал свои правовые обязательства по отношению к МАГАТЭ и вел «политику утаивания» своей атомной программы. После этого Иран возобновил работы по обогащению урана, приостановленные в ноябре 2004 г. на основании договора, заключенного с тремя государствами ЕС (Великобритания, Франция и Германия). Вдобавок к этому Иран запретил МАГАТЭ проводить на своей территории неожиданные проверки. В апреле 2006 г. президент Ахмадинежад заявил, что в Натанзе успешно прошло обогащение урана с помощью 3000 центрифуг, и что отныне Иран – ядерная держава. В сентябре 2009 г. Иран сообщил о запуске в Фордо следующей станции по обогащению урана, имеющей также 3000 центрифуг, однако на Западе возникло сильное сомнение в том, что Иран обладает центрифугами. В 2007 г. США рассчитывали, что для производства атомной бомбы Ирану понадобится еще около пяти лет. Во Франции же было распространено мнение, что Ирану на это хватит и года. В декабре 2007 г. донесения американской разведки доказали беспочвенность тревожных сообщений, когда стало известно, что иранское правительство не планирует создавать арсенал ядерного оружия и сможет изготовить ядерную боеголовку в лучшем случае в 2015 г. Эти прогнозы были еще раз подтверждены в марте 2009 г.

Право Ирана строить атомные электростанции никто не оспаривает. В июле 2010 г. в 30 странах мира работало 438 атомных электро-

станций (если точнее, энергоблоков). В легководных реакторах, как правило, используются урановые топливные стержни, содержащие 3–4 % обогащенного урана (U-235). В природном уране доля изотопа U-235 обычно достигает 0,7 %, поэтому он должен быть обогащен с помощью технически крайне сложной процедуры, для которой сегодня используются преимущественно газовые центрифуги. Слабо обогащенный уран не годится для производства ядерного оружия, для этого его необходимо обогатить более чем на 90 %. При сгорании топливных стержней образуется плутоний, который, как и обогащенный уран, может быть использован для производства ядерного оружия. Продуктом переработки топливных стержней опять же является подходящий для производства оружия плутоний.

Иран заявил о своем стремлении добиться осуществления полного ядерного топливного цикла, это значит, что в Центральном Иране будут добывать уран, в Натанзе и Араке перерабатывать топливные стержни, а обогащение урана станет осуществляться в промышленных масштабах. Речь идет о 50 000 газовых центрифуг, однако стабильной работы 3000 центрифуг достаточно, чтобы спустя месяцы произвести ядерное оружие.

Страны, заключившие в 1968 г. Договор о нераспространении ядерного оружия (вступивший в силу в 1970 г.), обязались разрешить МАГАТЭ проверять свои промышленные объекты на предмет того, что они используются только в гражданских целях. В дополнительном протоколе (1998), который подписан и ратифицирован еще не всеми странами, заключившими Договор о нераспространении ядерного оружия, в том числе и Ираном, МАГАТЭ разрешается устраивать неожиданные проверки предприятий.

В декабре 2002 г. США впервые высказали подозрение, что Иран тайно запустил работу двух предприятий по производству пригодного для ядерного оружия плутония. С тех пор началась эскалация конфликта вокруг тайной атомной программы Ирана и его сопротивления контролю МАГАТЭ.

Из всех стран наибольшую опасность для себя чувствует Израиль, не только из-за иранской атомной программы, но и из-за того, что избранный в июне 2005 г. президент Махмуд Ахмадинежад неоднократно открыто ставил под вопрос право Израиля на существование и проживание евреев в Палестине, кроме того, из-за активной поддержки Ираном палестинского движения ХАМАС и ливанской Хезболлы финансами и оружием. Суннитские арабские государства, такие как Саудовская Аравия, Египет, Иордания и Сирия, с большим недоверием относятся к стремлению шиитского Ирана политически доминировать в регионе и заполучить атомное оружие. Обладание

Ираном атомной бомбы может подогреть в остальных арабах желание, ранее спровоцированное ядерным вооружением Израиля, иметь собственный военный атомный арсенал.

Потенциальное ядерное вооружение Ирана будет иметь значение не только для региона, но и для мировой политики, например, приведет к тому, что многие другие государства разработают ядерное оружие; стимулирует развитие ядерных и ракетных программ современных ядерных держав; вызовет конфликт вокруг американской программы ПРО в Европе, изначально размещенной в Польше и Чехии и спровоцировавшей Россию на угрозы разорвать ныне существующие соглашения о контроле над вооружением, касающиеся ракет средней дальности и обычных войск. В ноябре 2007 г. такого рода угрозы со стороны России заметно усилились. Сразу после визита президента Путина в Тегеран на состоявшейся 17 октября в Белом доме пресс-конференции Джордж Буш предупредил политических лидеров всего мира о необходимости воспрепятствовать Ирану в разработке ядерного оружия, если они «заинтересованы в том, чтобы избежать третьей мировой войны». В ответ на это 26 октября на саммите «ЕС – Россия» Путин сравнил ситуацию вокруг американской программы размещения ПРО в Польше и Чехии с Карибским кризисом 1962 г., когда мир действительно стоял на пороге мировой войны. Вскоре после этого благодаря новым данным американской разведки ситуация снова успокоилась.

2. Право на мирную и военную атомную политику или интервенция в целях предупреждения атомного вооружения

Обсуждению подлежат четыре основные точки зрения, представленные в мировой политике: 1) стимуляция реинтеграции Ирана в мировую экономическую систему, расширение его возможностей использования атомной энергии в мирных целях энергообеспечения, включение Ирана в региональную систему безопасности Ближнего и Среднего Востока в сочетании с селективными санкциями, накладываемыми на радикальное крыло иранской политической элиты; 2) военная интервенция, направленная на уничтожение ядерных установок Ирана, которые могут быть использованы в военных целях; 3) примирение с фактом обладания Ираном атомным вооружением и установлением новой региональной ядерной системы утрашения – системы ПРО, а также создание новой западной системы ПРО, в которой будут задействованы Запад и Израиль, а также, возможно, и Россия; 4) предположение, что Иран намеревается использовать

ядерную энергию только в мирных целях и препятствует контролю МАГАТЭ исключительно из национальной гордости.

Позицию «стимулы в сочетании с селективными санкциями» разделяют прежде всего Россия, Китай и многие политики и эксперты (ирановеды, исследователи мира и конфликтов, специалисты по международным отношениям, журналисты), крайне критически относящиеся к политике военной интервенции. Сторонники этой позиции хотят предложить Ирану вступление в ВТО, снятие с Ирана Соединенными Штатами многолетнего эмбарго, а также отмену других антииранских санкций, наложенных Советом Безопасности ООН 23 декабря 2006 г. (резолюция № 1737), а затем в несколько более строгом варианте 24 марта 2007 г. (резолюция № 1747). Последовавшие резолюции ужесточили санкции еще больше (резолюция № 1803 от 3 марта 2008 г., резолюция № 1929 от 9 июня 2010 г.) и включают в себя запрет на поставки Ирану танков, военных вертолетов и кораблей, а также ракетных систем. Те, кто придерживается этой точки зрения, исходят из того, что большинство населения космополитично и принципиально заинтересовано в реформах, и хотят укрепить позиции внутри политической элиты разных реформистов, сплоченных вокруг бывшего президента Саида Мухаммада Хатами и Али Акбара Хашеми Рафсанджани, по отношению к политическим радикалам шиитского толка. Сторонники данной точки зрения делают ставку на изменение политической системы Ирана в долгосрочной перспективе, о возможности которого свидетельствовали прошедшие после президентских выборов в июне 2009 г. массовые демонстрации против режима. Добиться изменения системы предполагается с помощью международной политики сближения и интеграции, особенно посредством привлечения Ирана к участию в конструктивном решении проблем в Ираке, Ливии, Палестине и, по возможности, в Афганистане.

Хотя ни одно правительство открыто не угрожает военной интервенцией для уничтожения иранских ядерных комплексов, которые могут использоваться для производства атомного оружия, США и Израиль этот вариант не исключают. Кажется, после американской интервенции в Ирак иранское правительство считает США не готовыми начать еще одну интервенционную войну. Если после молниеносной победы над войсками Саддама Хусейна весной 2003 г. (войска интервентов понесли лишь незначительные потери) высказывались предположения о последующей сухопутной войне США против Сирии или Ирана, то на сегодняшний день – в условиях продолжающихся террористических актов, вооруженного противостояния и выхода союзных войск из Ирака – речь может идти только о воздушной

войне. В случае интервенции Иран грозит жесткой реакцией, которая будет включать как военные и террористические действия, так и экономические санкции, которые могут сильно навредить мировой экономике. В целом в случае американской или израильской (при фактической поддержке США) бомбардировке Ирана можно рассчитывать на солидарность большинства иранского населения с настоящим правительством, хотя в результате интервенционной войны условия жизни в Иране резко ухудшатся. Как мы видим, угрозы интервенции не дадут эффекта устрашения и не отпугнут Иран от продолжения атомной программы.

Несмотря на дипломатическую сдержанность, сложно не заметить, что отдельные политики и консультанты республиканцев по внешней политике, а также некоторые неоконсерваторы считают политику «кнута и пряника» иллюзорной. Некоторые открыто говорят о политике умиротворения и даже используют выражение «Мюнхенский сговор», служащее для обозначения защиты жесткой и непримиримой воинственной политики. Уничтожения военными силами иранских атомных комплексов требуют прежде всего представители израильской и еврейско-американской интеллектуальной элиты. Перед последними президентскими выборами в США Норман Подгорец, один из внешнеполитических советников кандидата в президенты от республиканцев и бывшего мэра Нью-Йорка Рудольфа Гвиглиани, высказался о необходимости войны против «исламофашизма». Он заявил: «Если мы начнем бомбардировки Ирана, – я надеюсь и молюсь, что мы это сделаем, – это вызовет волну антиамериканизма, по сравнению с которой антиамериканизм, с которым мы до сегодняшнего дня мирились, покажется праздником любви». Еще в ноябре 2006 г. известный профессор Гарвардского университета Даниэль Гольдхаген сказал в интервью, данном интернет-порталу *Spiegel Online*: «Если Иран будет стоять на пороге создания атомной бомбы, то было бы безответственно не уничтожить его атомную программу. Вспомните о 1981 г. Разрушение иракского атомного реактора стало для человечества после Второй мировой войны важнейшей военной операцией». Следует отметить, что после избрания Барака Обамы президентом правительство США перестало использовать угрозы войны в своей политике.

Приверженцы третьей точки зрения (примирение с тем, что Иран может иметь ядерное оружие) хотя и соглашаются с упомянутыми выше сторонниками политики кооперации и умеренных санкций, в отношении ее успеха настроены скептически. Они, как и защитники второй позиции, учитывают вероятность провала попыток заставить Иран отказаться от его возможных планов по ядерному вооруже-

нию. Однако они отвергают превентивную интервенционную войну, во-первых, из принципиальных международно-политических соображений, во-вторых, из-за разрушительных последствий подобного шага для мировой экономики и желания обезопасить западный мир от дополнительных терактов исламистов. Они исходят из того, что американский и израильский атомные арсеналы способны отпугнуть Иран от использования своего атомного оружия. Даже обладающему атомным оружием Ирану, как и всем новым ядерным державам, после некоторого периода протестов и бесполезных санкций придется вступить в международные отношения кооперации. Правительства и политики не всегда могут открыто защищать эту третью точку зрения, чтобы не уменьшать еще имеющуюся возможность сорвать планы Ирана начать производство атомного оружия. Прямые высказывания об исключении варианта интервенционной войны против Ирана свидетельствуют о скептической и реалистической точке зрения, принимающей во внимание ядерное вооружение Ирана. Данную позицию, кажется, разделяет подавляющая часть правительств стран ЕС, а также Россия и Китай, причем первые больше склоняются к угрожающим жестам.

Четвертая позиция основана на мнении, что в реальности Иран стремится к использованию ядерной энергии лишь в мирных целях. С этой точки зрения отказ Ирана обнародовать свою атомную программу объясняется исключительно национальной гордостью и оскорблением чувства национального достоинства иранцев на протяжении долгого периода истории страны. Ирак при Саддаме Хусейне, очевидно, тоже не разрабатывал ядерное оружие, но объявил себя не готовым разрешить МАГАТЭ беспрепятственно контролировать свои промышленные комплексы. Возможно, Иран тоже недооценивает готовность США начать интервенцию, поэтому война может стать последствием того, что обе стороны друг друга недооценили. Россия и более сдержанно Китай заявили, что, по их мнению, на данный момент ядерное вооружение Ирана опасности не представляет.

Право Ирана на контролируемое международным сообществом использование атомной энергии в мирных целях не оспаривается. Хотя Иран занимает четвертое место в мире по запасам нефти и второе – по запасам газа и экспортирует значительную их часть, его нефтеперерабатывающие заводы пользуются устаревшей технологией и их слишком мало, поэтому Иран вынужден импортировать бензин в больших количествах. Невозможно отрицать существующую потребность Ирана в ядерной энергии, поэтому атомная программа как таковая не может быть доказательством военных намерений, как считают некоторые обозреватели. Хотя США и ЕС требуют от Ирана полной остановки обогащения урана, оно вовсе не противоречит нормам

международного права, если происходит под контролем МАГАТЭ и предусматривает незначительное обогащение урана, которого недостаточно для производства атомного оружия. Предложение России производить обогащение урана на ее территории Иран отклонил.

Несмотря на то что большинство государств хотят препятствовать появлению новых ядерных держав, кроме пяти официально признанных на международном уровне (пять постоянных членов Совета Безопасности ООН) или девяти неофициальных (если считать Израиль, Индию, Пакистан и Северную Корею), в принципе каждое государство имеет право подписать Договор о нераспространении ядерного оружия и разрабатывать его, но только в целях обороны. Агрессивная политическая программа иранского президента и поддерживающих его представителей политической элиты, предусматривающая стирание члена ООН Израиля с карты и связанная с фактической поддержкой политических движений в Палестине и Ливане, имеющих целью уничтожение государства Израиль и выселение евреев с этой территории, а также с предполагаемым созданием ядерного оружия, представляют собой реальную угрозу миру. Однако для того чтобы подобная оценка ситуации оправдывала международное вмешательство, согласно международному праву, необходимо соответствующее решение Совета Безопасности ООН, который также должен определить способ вмешательства.

3. Угрозы и страх перед этими угрозами в истории Ирана, а также возвращение к проблеме ракет средней дальности и ПРО

История иранской атомной программы имеет два аспекта: технический и политический. Еще в 1974 г. компания *Siemens* начала строительство атомного реактора в Бушере на берегу Персидского залива. Незадолго до окончания работ строительство пришлось прекратить из-за того, что Ирак начал против Ирана войну, длившуюся с 1980 по 1988 г. В этой войне Ирак применил оружие массового уничтожения, а именно газовое оружие. В 1995 г. строительство АЭС было продолжено и завершено, на этот раз российскими фирмами, однако сдача в эксплуатацию по разным причинам затянулась до августа 2010 г.

Кажется, иранская атомная программа крайне популярна как символ национального суверенитета и безопасности, а также национального престижа. Ее поддерживают даже представители политической оппозиции. Однако если бы некоторые представители политической элиты, учитывая свои интересы на международной арене и риски для Ирана, и были готовы прекратить реализацию атомной программы, им вряд ли хватило бы мужества открыто заявить о своем отказе от

нее. Правда, неизвестно, касается ли единодушное согласие политического руководства и населения только официальных компонентов программы, включающих в себя мирные цели, или также военные. По всей видимости, существуют подозрения, что интенсивный контроль МАГАТЭ служит преимущественно американским и израильским интересам. Президент Ахмадинежад выражает достаточно распространенную в Иране точку зрения, когда возмущается, что Запад не критикует ядерное вооружение Израиля, а США, как и прочие ядерные державы, даже не думают выполнять обещания, закрепленные в Договоре о нераспространении ядерного оружия. И наоборот, резкая критика Ираном израильского, американского и британского атомного вооружения (русское, китайское и французское прямо не критикуются) позволяет предположить, что за подобной аргументацией скрывается желание Ирана обосновать свое право на обладание ядерным оружием.

На Западе временами раздаются голоса левых и либералов, следующих этому ходу мысли, однако не с целью поддержать разработку Ираном атомного оружия, а, напротив, дать импульсы к ядерному разоружению Израиля и ядерных держав. Заклиная иранским, а затем и арабским ядерным вооружением, они хотят добиться, по меньшей мере, создания на Ближнем и Среднем Востоке безъядерной зоны. Доктрину, согласно которой только либеральные демократии могут обладать ядерным оружием, но никак не авторитарные и диктаторские режимы, сторонники этой точки зрения признают не только противоречащей международному праву, но и лицемерной, поскольку Запад допускает, что Россия, Китай и Пакистан владеют атомным оружием. Эти левые и либералы отрицают существование различий между обычными диктатурами и особо опасными «государствами-изгоями», к которым сегодня чаще всего причисляют только Иран, после того как Северная Корея, Ливия и Сирия показали, что они готовы к более интенсивной военной и политико-экономической кооперации с США.

В коллективном политическом сознании большинства иранцев значительную роль играют унижения со стороны Великобритании и США, которые Ирану пришлось пережить на протяжении своей истории, хотя есть много иранцев, оправдывающих западные державы тем, что в 1945–1946 гг. и в 1954 г. они спасли страну от советского и коммунистического господства. В 1945–1946 гг. в Иранском Азербайджане господствовала созданная СССР частично коммунистическая, частично либерально-националистическая Народная партия Ирана. В апреле 1951 г. правительство Мохаммеда Мосаддыка, поддерживаемое парламентским большинством, Народной партией Ирана, высшим духовенством и аятоллой Кашани, национализирова-

ло англо-иранскую нефтяную компанию, позднее переименованную в *British Petroleum* (BP), которая до того момента получала 80 % прибыли от продажи нефти. После этого Великобритания блокировала экспорт нефти Ираном, что вызвало в стране серьезный экономический кризис. В этих условиях премьер-министру Моссадыку были предоставлены особые полномочия, которые он использовал для отстранения от власти шаха Мохаммеда Реза Пехлеви и проведения радикальной земельной реформы, в результате которой возникли земледельческие кооперативы и государственные предприятия. США опасались растущего влияния Народной партии Ирана и Советского Союза и с помощью ЦРУ способствовали организации военного путча, в результате которого Моссадык был свергнут, и к власти вернулся Пехлеви.

В январе 1979 г. исламистское национальное движение окончательно свергло шаха Мохаммеда Пехлеви и установило Исламскую Республику, возглавляемую аятоллой Рухоллой Хомейни. Отказ американского правительства выдать бежавшего шаха был использован как предлог для унижительного многомесячного удержания в заложниках 51 сотрудника американского посольства в Иране, которое с тех пор поддерживало в США чувство, что режим мулл угрожает стране. Постыдный провал попытки освободить заложников с помощью военных сил нанес большой урон престижу США. Несколько месяцев спустя Соединенные Штаты стали политически и поставками оружия поддерживать Ирак, находившийся под режимом Саддама Хусейна, в его агрессивной войне против Ирана, продлившейся с 1980 по 1988 г. и унесшей примерно миллион человеческих жизней. В 1995 г. из-за поддержки Ираном террористической деятельности на Ближнем Востоке и во многих других странах США наложили на Исламскую Республику торговое и финансовое эмбарго.

С тех пор как Иран стал постоянно отказываться подчиниться требованию МАГАТЭ дать ему доступ к иранским ядерным объектам, США настаивают на принятии Советом Безопасности ООН жестких санкций против Ирана, но из-за сопротивления России и Китая к настоящему моменту США добились лишь одобрения относительно умеренных санкций. Тогда они решили принять несколько односторонних санкций, касавшихся фирм третьих стран, активно поддерживающих экономические контакты с Ираном; под давлением США оказались в первую очередь крупные европейские банки и фирмы. Однако длительное и полное эмбарго против Ирана установить сложно, так как Индия и Китай заинтересованы в иранской нефти и газе, а Россия – в товарообмене с Ираном. Тем не менее, если эмбарго будет наложено не только со стороны США, то иранская экономика сильно пострадает, а Иран, в свою очередь, может поднять на

мировом рынке цены на нефть. Однако эксперты считают, что даже серьезный кризис иранской экономики вряд ли подтолкнет Иран к пересмотру своей атомной программы или приведет к смене режима, скорее наоборот, существующий и не идущий на компромиссы режим только окрепнет.

Израиль уже несколько лет с обеспокоенностью наблюдает за развитием Ирана. Президент Ахмадинежад продолжил традицию аятолы Хомейни и в октябре 2005 г. потребовал стереть Израиль с карты мира. В мае 2007 г. он предостерег Израиль от нового нападения на Ливан, так как в противном случае «океан наций ближневосточного региона разозлится и вырвет с корнем режим сионистов». В начале июня 2007 г. он заявил: «С Божьей помощью сыны Ливана и Палестины начнут обратный отсчет до уничтожения сионистского режима». Он неоднократно заявлял, что нет доказательств систематического уничтожения евреев при нацизме, однако если бы они имелись, то, как считает Ахмадинежад, еврейское государство в любом случае должно было быть основано в Германии или Австрии, но никак не в арабско-мусульманской Палестине. В конечном счете обеспокоенность не только Израйля, но также США и ЕС вызвана также оказываемой иранским режимом широкой финансовой и материально-технической поддержкой движения ХАМАС в Палестине, шиитской Хезболлы в Ливане и «Шиитской милиции» в Ираке. Израильские политики требуют исключения Ирана из ООН и открыто призывают к бомбардировке иранских атомных объектов, как это уже было 7 июня 1981 г., когда израильтяне бомбардировали почти готовый атомный реактор в восточном Ираке. Неизвестно, Израиль ли в сентябре 2007 г. бомбардировал строившийся в Сирии атомный реактор, доставленный из Северной Кореи, или это было предупреждение Ирану со стороны Израйля.

Россия, Китай, Пакистан и Индия не считают иранскую атомную программу особо опасной. Россия и Китай постоянно сопротивляются требованиям США и Западной Европы к Совету Безопасности наложить на Иран строгие карательные санкции, но все же согласились на применение мягких экономических и политических санкций.

4. Интервенционная война или возможное атомное устрашение

В сложившейся ситуации шансы на успех дипломатических усилий, направленных на то, чтобы Иран остановил свою атомную программу или открыл свои промышленные комплексы для контроля МАГАТЭ, кажутся скорее ничтожными. Однако это не повод оста-

навливаться. Все же можно рассчитывать, что тогда Совет Безопасности ООН или (если Россия и Китай и дальше будут игнорировать опасность иранского ядерного вооружения) только США, Запад и Израиль будут стоять перед альтернативой: или в качестве превентивной меры начать бомбардировки иранских атомных объектов или развернуть новую систему устарения, которая будет включать в себя ПРО в Европе и Израиле. Конфликт с Россией по поводу подобной программы размещения системы ПРО при настоящем раскладе можно было бы решить по обоюдному согласию, если сделать Россию участником этой программы, при определенных обстоятельствах можно было бы задействовать российские радиолокационные установки, размещенные на территории Азербайджана в г. Габала. Альтернативой данному решению могла бы стать полная доступность западных систем ПРО для российских проверок. Размещение систем ПРО на основе только двустороннего соглашения США с Чехией и Польшей, несомненно, значительно ослабило бы НАТО, а страны ЕС, вероятно, встали бы перед выбором: либо потерять свое влияние в НАТО и таким образом сорвать планы ЕС на проведение политики безопасности, либо в большей или меньшей степени присоединиться к соглашениям, заключенным США, Польшей и Чехией. Президент Обама разрешил эту трудную ситуацию.

Бомбардировка иранских атомных комплексов имела бы непредсказуемые последствия. С уверенностью можно сказать только то, что исламский мир проявил бы солидарность с Ираном, и террористическая деятельность исламистов стала бы более интенсивной. Почти точно можно было бы ожидать резкого повышения цен на нефть и газ, что вызвало бы волнения на мировом рынке. Неизвестно, решит ли Иран после бомбардировок, в свою очередь, разрушить нефтяные вышки государств Персидского залива, являющихся ближайшими союзниками США, что может привести к военным действиям на море и на суше. Война в Ираке уже унесла жизни многих тысяч человек, война с Ираном и спровоцированные ею террористические акты вряд ли будут менее кровавыми. Кроме того, гражданские свободы были бы ограничены и в демократических государствах.

Выполнение иранской атомной программы и, как следствие, обретение Ираном ядерного оружия и расширение его ракетных войск, если все мировые державы это допустят, естественно, будет иметь серьезные последствия для мировой политики. Хотя вряд ли можно предполагать, что Иран начнет ядерную войну, все же это даст новые импульсы к вооружению во всем мире. Если Россия и США не придут к соглашению по поводу общей и скоординированной программы ПРО, есть опасность, что Россия разорвет заключенное в 1997 г.

соглашение о ликвидации ядерных ракет средней дальности, и тогда начнется новая гонка вооружений между Россией и Западом, что может подавить ростки демократизации в России и сильно навредить внутриевропейским отношениям сотрудничества.

Кроме всего прочего, новая воинственно настроенная ядерная держава даст повод многим другим государствам задуматься о собственном атомном вооружении, особенно если эта держава проводит территориальную или общественно-политическую внешнюю политику экспансии. Ядерному вооружению таких крупных государств, как Индия (1,1 млрд жителей) и Пакистан (162 млн), нельзя было воспрепятствовать. Появление ядерной державы средних масштабов, но с большим экономическим потенциалом, такой как Иран (71 млн жителей), которая в отличие от Пакистана не вовлечена в региональную ядерную систему устрашения, может дать гораздо более существенный стимул для ядерного вооружения других держав среднего масштаба и более крупных государств, чем это было в особых случаях с Израилем и Северной Кореей. Тем не менее за последние десятилетия удалось ликвидировать вооружение Украины, Казахстана, Белоруссии и ЮАР, а также убедить многие другие государства (Бразилию, Аргентину, Египет, Ливию, Алжир, Румынию, Польшу, Югославию, Австралию, Швецию и Швейцарию) отказаться – или на неопределенное время отложить – от планов превращения своих стран в ядерные державы. В прочих странах, например, в Турции или Японии, призывы к созданию атомного оружия зазвучат гораздо громче, если Иран и другие арабские государства будут иметь свой ядерный арсенал.

5. Стимулы для появления на Ближнем и Среднем Востоке безъядерной зоны или региональной ядерной системы устрашения

Какую международную политику можно посоветовать в отношении иранской атомной программы? На настоящий момент еще остается разумной стратегия переговоров с Ираном, в ходе которых включение его в мировую экономику и принятие в ВТО, а также привлечение к решению регионального конфликта будет комбинироваться с давлением, чтобы он открыл свои ядерные комплексы для контроля МАГАТЭ. Для значительной части иранской политической элиты и населения предложение о поставке легководного реактора для выработки энергии и запасных частей для самолетов гражданской авиации, о зарубежных инвестициях в модернизацию устаревших способов добычи и переработки нефти и газа, о включении Ирана в

международную газотранспортную систему, о прекращении поддержки противников режима, готовых к восстанию, а также гарантия того, что западные страны не пойдут на военную интервенцию, могут показаться настолько привлекательными, что Иран откажется от ядерного вооружения и подчинится требованиям МАГАТЭ. Однако отклонение подобного предложения о сотрудничестве тоже нельзя исключить. Возможно, Иран действительно пытается создать ядерное оружие и разместить его на ракетах дальнего действия.

В таком случае превентивной интервенционной войне с целью разрушения ядерных комплексов незадолго до окончания разработок атомной бомбы было бы лучше предпочесть создание ядерной системы устрашения, каким бы риском это не было. США или даже НАТО могли бы формально закрепить фактически данные Израилю гарантии защитить его в случае ядерной угрозы и при необходимости создать систему ПРО, лучше всего – в сотрудничестве с Россией. Уже забытые планы по созданию американской системы ПРО с радаром на территории Чехии и установкой для запуска ракет в Польше на основе двусторонних соглашений вредили как целостности НАТО, так и отношениям между Западом и Россией. Кроме того, это стало бы для Ирана знаком, что Запад не верит в успех переговоров и не собирается срывать иранские планы по вооружению. Совету Россия – НАТО можно было бы порекомендовать принятие двойного решения, предусматривающего расширение общей для НАТО и России системы ПРО, которая должна включить в себя также размещенную в Азербайджане расширенную систему радаров российских вооруженных сил, только в случае непосредственно предстоящего производства и дислокации иранских ракет с ядерными боеголовками или газового оружия. При отказе от военной интервенции с целью препятствования наращиванию иранского ядерного военного потенциала надо смириться с риском, что арабские страны и государства средних размеров также могут начать разработку атомного оружия, если США не дадут им гарантии безопасности, как европейским странам, Турции и Японии.

В настоящее время невозможно представить, что Израиль откажется от своего ядерного вооружения. Международная политика все же могла бы поставить перед собой цель создания на Ближнем и Среднем Востоке безъядерной зоны. Это кажется достижимым, если Израиль будет находиться в более безопасном состоянии, то есть, возможно, через несколько десятилетий, когда страны этого региона и их население уже точно признают существование Израиля как государства. Установка международного сообщества на достижение в долгосрочной перспективе подобной цели может совпадать с желанием Ирана и Ирака достичь паритета с Израилем.

Крайне необходимо оживление пацифизма. Ему всегда было трудно разработать двустороннюю политику мира, поэтому она в основном концентрировалась на критике вооружения и военной политики правительств своих стран, поскольку кажется, что в условиях демократии на них легче повлиять. Критики политики чужих стран, не являющихся союзниками, часто избегали из опасения, что это даст толчок правительству своей страны к вооружению и конфронтации. Пацифизм не способен разработать на длительный срок двустороннюю политику мира. В нашем случае было бы необходимо пропагандировать следующие цели: 1) направление всех усилий на решение проблемы ядерного вооружения Ирана; 2) установление неограниченного контроля МАГАТЭ над атомными комплексами, предназначенными для производства энергии в мирных целях; 3) остановка приготовлений США, Израиля и других стран к бомбардировке Ирана; 4) вовлечение Ирана в переговоры по поводу совместного урегулирования конфликта и экономического развития Ближнего и Среднего Востока.

6. Реальная опасность начала интервенционной войны Израилем или США

В настоящее время нельзя исключить того, что иранское руководство, как в свое время Саддам Хусейн, недооценивает готовность США начать интервенционную войну, так как оно переоценивает значение провалившейся политики США в Ираке, антивоенные настроения американского населения и военный потенциал Ирана (71 млн человек) по сравнению с Ираком, население которого насчитывает всего 29 миллионов. Казалось, что влиятельные члены израильского и американского правительств в последние месяцы президентства Джорджа Буша настаивали на бомбардировке иранских ядерных объектов, прежде чем американская разведка развеяла эти подозрения. При этом существовало несколько возможных сценариев развития событий: 1) нападение на Иран американских самолетов и крылатых ракет, обоснованное несоблюдением Ираном резолюций Совета Безопасности ООН и МАГАТЭ, а также его участием в террористической деятельности на территории Ирака; 2) нападение на Иран израильских самолетов по договоренности с правительством США и при его материально-технической поддержке, обоснованное неоднократными угрозами Ирана в адрес Израиля; 3) нападение на Иран израильских самолетов по инициативе израильского правительства и без договоренности с американским правительством, но с

фактического согласия некоторых представителей американской государственной администрации с тем, чтобы принудить американское правительство к солидарным действиям. Однако после избрания президентом Барака Обамы этот вариант кажется уже менее вероятным. В любом случае наряду с тем, что Иран не выполняет решения, принятые Советом Безопасности ООН и МАГАТЭ, согласно ст. 51 Устава ООН вооруженная интервенция в Иран будет оправдана как превентивная война и как реализация права на коллективную самооборону, что большей частью мировой общественности будет воспринято с пониманием, особенно в случае военных действий Израиля, если иранское правительство и дальше будет угрожать Израилю, может, даже более активно, чем раньше.

Даже если международное право позволяет совершить в целях защиты военное нападение непосредственно до начала агрессивной войны, направленной на ограничение или ликвидацию суверенитета того или иного государства, это не предусматривает развязывания превентивной войны, которая должна предупредить возможную агрессию за несколько месяцев или лет до ее практического осуществления и в ходе которой будет свергнут агрессивный диктаторский режим, а его потенциал для производства оружия массового поражения – уничтожен. Тем не менее можно ожидать, что влиятельные группировки в американском и израильском правительствах могут выдвинуть моральные и политические обоснования права на превентивные меры, среди прочего ссылаясь на исторический опыт завоевательной политики и политики уничтожения, проводимой национал-социалистами.

Важно, чтобы построенный Россией атомный реактор в Бушере не был уничтожен в результате военных действий, и реакция России на военные действия сводилась лишь к символическим акциям протеста. Также важно, чтобы США и далее при обсуждении вопроса о размещении систем ПРО в Европе демонстрировали готовность учитывать интересы России и либо затянуть переговоры по размещению системы ПРО, что было бы вполне вероятно в случае бомбардировок иранских атомных комплексов, либо создавать эту систему совместно с Россией, чтобы удержать от производства ракет и оружия массового уничтожения не только Иран, но и другие государства. В декабре 2010 г. Россия заявила о своей готовности к сотрудничеству с НАТО в этом вопросе. Тем не менее, несмотря на до сих пор непоясненный вопрос о технической возможности использования противоракет, если Россия все-таки будет принимать участие в создании евроатлантической системы ПРО, еще останется много деталей, по поводу которых между Россией и США может разгореться спор.

ЭСКАЛАЦИЯ КОРЕЙСКОГО КОНФЛИКТА С ПОМОЩЬЮ ЯДЕРНЫХ ВООРУЖЕНИЙ? ИЛИ ПЕРСПЕКТИВЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОССОЕДИНЕНИЯ?

Краткое содержание

После того как разрушительная корейская война 1950–1953 гг. стала апогеем противоборства Северной и Южной Кореи и их союзников, корейский конфликт временами обостряется и грозит снова перейти в войну. Поводы для обострения бывают весьма разнообразными: вооруженные столкновения на демаркационной линии или в море, перемещение беженцев, ядерное вооружение Северной Кореи и испытание ракет дальнего поражения, которые могут иметь ядерные боеголовки. Помимо этого, сообщения о массовом голоде или предположения о кризисе режима после давно ожидавшегося ухода из жизни Ким Чен Ира снова создали опасность распада коммунистической системы и массового бегства населения из Северной Кореи в Южную. Боязнь перегрузки экономики и социально-политической системы Южной Кореи в случае объединения страны несколько приглушает надежду и готовность к восстановлению единства страны, разделенной в 1945 г.

В отличие от Европы и Германии, в Восточной Азии с 1960-х гг. не было периода разрядки в отношениях между задействованными в конфликте политическими системами. Причины раскола Кореи, ранее бывшей японской колонией, отличны от причин разделения Германии, развязавшей Вторую мировую войну. Южную Корею долгое время отличал сотрудничавший с Западом диктаторский режим, а северокорейская коммунистическая диктатура пыталась развиваться своим особым путем и добилась определенной независимости от Советского Союза и Китая. Мотивом ядерного и ракетного вооружения Северной Кореи является скорее защита, чем нападение. Известно, можно ли в результате переговоров добиться замораживания ядерной программы Пхеньяна в обмен на международные гарантии безопасности и экономическую поддержку.

Действия в отношении Северной Кореи зависят от общего вопроса: станут ли США при поддержке других государств и воздержании России и Китая с помощью интервенционных войск препятствовать появлению атомного вооружения у малых и средних диктаторских государств (то есть это не касается Пакистана, Индии и Израиля), несмотря на то что международное право признает законным отказ от подписания или дальнейшего соблюдения Договора о нераспространении ядерного оружия, или создадут новую ядерную систему устрашения, которая будет включать в себя обширные системы ПРО и подтолкнет к возобновлению гонки вооружений. Что касается воссоединения страны, то Корея пытается опираться на опыт Германии и разработать такую стратегию постепенного объединения, чтобы оно не стало бременем для экономики страны.

1. Неоднократная эскалация корейского конфликта

Время от времени происходит обострение корейского конфликта, иногда грозящее превратиться в войну. Такое обострение случилось, например, после того как в марте 2010 г. затонул южнокорейский корвет «Чхонан», а в ноябре 2010 г. Северная Корея произвела артиллерийский обстрел южнокорейского острова Ёнпхёндо, в результате которого погибли 46 человек (по другим данным – 4). В марте 2013 г. также поговаривали о том, что скоро начнется война. Суть конфликта – разделение Кореи на два государства, между которыми на широте примерно 38° с. ш. проходит демилитаризованная зона, по сей день не признанная ни той, ни другой стороной, несмотря на то что и Северная и Южная Корея с 1991 г. входят в ООН, то есть являются суверенными государствами, признанными во всем мире.

Положение Германии и Кореи после Второй мировой войны часто было предметом для сравнений. Обе страны являются средними по масштабу. Объединенная Германия занимает площадь 357 000 кв. км, ее население насчитывает 82 миллиона человек. Площадь обоих корейских государств составляет 222 000 кв. км, их населяет 73 миллиона человек. Разделение обеих стран в 1945 г. фактически было обусловлено характером политических и военных отношений между державами-победительницами и в целом – глобальным конфликтом Восток–Запад, причем в Корею, в отличие от Германии, Великобритании и Франции особой роли не играли. В обеих странах наблюдалось массовое присутствие вооруженных сил, и именно в них после Берлинского кризиса 1948–1949 гг. и корейской войны 1950–1953 гг. противостояние Восток–Запад неоднократно обострялось как

общественно-политический и межгосударственный конфликт, что создавало опасность начала третьей мировой войны. Что касается национальных и международных политических предпосылок разделения этих стран – Кореи и Германии – то они различны. Несмотря на взаимосвязанность политики мировых держав, развитие конфликта между обеими частями каждого их государств и держав, влиявших на них и дававших им военную защиту, соответственно, протекало неодинаково.

Германия сама погубила себя как державу, проводя в 1939–1945 гг. политику завоевания и уничтожения. Морально взяв на себя вину за национал-социалистское прошлое, ФРГ сильно заглушила стремление к объединению Германии в границах 1937 г., что помогло смириться с потерей восточных областей Германии и перейти к решительной политике разрядки в конце 1960-х гг., подразумевавшей признание факта разделения государства на неопределенный срок. В то же время это способствовало демократизации Западной Германии.

Корея же, напротив, была не главным преступником, а жертвой политики мировых держав, проводившейся во время Второй мировой войны, за десятки лет и, по сути, за столетия до разделения страны в 1945 г. К тому же в Корее, в отличие от Германии, в XIX и XX вв. не появились первые ростки демократии. Очевидно, что в подобных условиях стремление к национальному единству в Корее было и остается более сильным, чем в Германии, поэтому оно не могло быть подавлено ни официальными средствами (как в ГДР с 1974 г.), ни замалчиванием этой темы (как до 1989 г. в ФРГ). Парадоксально, но именно это стало фактором углубления пропасти между двумя Кореями, потому что ни коммунистический северокорейский, ни западный автократический (а затем демократический) южнокорейский режим не хотел отказываться от претензии на единоличное представительство Кореи в мире. Помимо этого, в Южной Корее возникло оппозиционное национальное движение, которое никогда не было и не является полностью демократическим и критикует прозападную политику южнокорейского правительства. Некоторые его представители, по всей видимости, могут увидеть в северокорейском национал-коммунизме много положительных сторон, поскольку он дистанцируется как от Китая с Россией, так и от США. Эти особенности части идейно-политической оппозиции в Южной Корее, в свою очередь, осложняют проведение либеральной политики в отношении попыток некоторых южных корейцев путем установления личных контактов сблизиться с Северной Кореей. Частные поездки южных корейцев в северную часть расколотой страны часто наказывались длительным арестом.

В Западной Германии со времен социально-либеральной политики разрядки доминировала вера в превосходство демократии (включая ее крайние социалистическо-антиутопические варианты), которая могла распространиться при активном, пусть даже и ограниченном, контакте миллионов западных и восточных немцев. Поэтому в Германии изменение посредством сближения преимущественно означало изменение восточной части страны через сближение правительств и населения ФРГ и ГДР. В Южной Корее, как мы видим, вера в то, что межличностные контакты северных и южных корейцев могут быть ей на руку, гораздо более слаба, поэтому государственное регулирование и ограничение контактов между обоими корейскими государствами исходит от обеих сторон.

После первых попыток в 1953–1957 гг. восстановить мирные отношения и после Карибского кризиса 1962 г., который отчетливо продемонстрировал миру опасность третьей мировой (атомной) войны, в Европе в отношениях Восток–Запад в конце концов установилась политика разрядки. Восточные договоры, заключенные социально-либеральной коалицией в 1970–1973 гг., были шагом на пути к принятию в 1975 г. Заключительного акта совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, влияние которого поддерживалось продолжительным общеевропейским процессом СБСЕ, связанным с мировой политикой. Несмотря на то что введение в 1979 г. советских войск в Афганистан, политический кризис в 1980 г. в Польше и разногласия по поводу размещения в Европе ракет средней дальности сильно ухудшили отношения между Востоком и Западом, это не привело к второй холодной войне, которая создавала бы вероятность начала в Европе ядерной войны.

В Восточной Азии не было похожего процесса разрядки, хотя изменения политического климата в отношениях между США и СССР сказывались и на этом регионе. Попытки СССР созвать Конференцию по безопасности и сотрудничеству в Азии каждый раз заканчивались провалом. Проведение политики разрядки в Восточной Азии постоянно осложнялось общественно-политическим противостоянием Восток–Запад, в результате которого погибло много людей. Сначала до 1949 г. это была гражданская война в Китае и ставшие ее последствием военные столкновения Китайской Народной Республики и Тайваньской Республики Китай, позднее – «международная» корейская война, длившаяся с июля 1950 по июль 1951 г. (окончательно военные действия были прекращены после подписания соглашения о перемирии только в июле 1953 г. после смерти Сталина), жертвами которой стали сотни тысяч человек. Затем последовала война в Индокитае, затянувшаяся вплоть до 1990-х гг. По сравнению с Кореей,

Европу войны обошли стороной, если не считать кровавой гражданской войны в Греции, начавшейся непосредственно после Второй мировой войны, и событий в Венгрии в 1956 г.

В коллективном сознании корейцев прочно укоренилась память об обоюдном насилии в 1950–1951 гг., военном превосходстве коммунистического Севера над союзным Западу Югом, решившая исход борьбы военная интервенция США и в несколько меньшей степени – Китая. Осторожные и робкие попытки способствовать разрядке в отношениях между Северной и Южной Кореей постоянно прерывались кризисами, во время которых дело доходило до военных угроз, исходивших в том числе от США как военного покровителя Южной Кореи. Из-за проведения совместных южнокорейских и американских военных учений время от времени КНДР объявляет соглашение о перемирии от 1953 г. недействительным, но сама все же военных действий не начинает.

2. Военная интервенция в Северную Корею или внешняя стабилизация коммунистического режима

При обсуждении проблемы корейского кризиса как возможный вариант решения США часто предлагают вооруженное вмешательство, иногда даже с применением ядерного оружия. В начале корейской войны войска Северной Кореи захватили почти всю южную часть страны, пока войска ООН под командованием США не отвоевали ее вкуче с почти всей территорией Северной Кореи вплоть до ее границы с Китаем. После этого в войну вступили китайские добровольцы и оттеснили союзные Южной Корее войска обратно, до параллели 38° с. ш., где в итоге в июле 1951 г. был прекращен огонь, а два года спустя военные действия прекратились окончательно. После вступления в войну Китая главнокомандующий возглавляемых США войск ООН генерал Дуэглэс Макэртур предложил применить против него ядерное оружие, зэ что был смещен с должности.

В конфликте вокруг северокорейской атомной и ракетной программы 1993–1994 гг. администрация Билла Клинтона предложила и разработала план бомбардировки северокорейских ядерных объектов. В принятой 28 сентября 2002 г. «Стратегии национальной безопасности США» США угрожают «государствам-изгоям», к которым причисляется Северная Корея, якобы преэмптивными (которые не противоречили бы международному праву), но в реальности превентивными (незаконными) бомбардировками, чтобы предупре-

доть нападение этих стран на Южную Корею. Со времени окончания войны США и их союзников против иракских войск (весна 2003) высказываются предположения о возможных военных действиях США против Ирана и Северной Кореи, особенно часто это было во время неоднократных обострений отношений между США и Северной Кореей при президенте Джордже Буше.

Нерешенным и спорным остается вопрос, действительно ли Северная Корея уже на протяжении десятилетий стремится стать военной державой, обладающей атомным оружием и ракетами дальнего радиуса действия, или же она использует атомную и ракетную программы только как повод для переговоров, особенно чтобы добиться от США и Южной Кореи гарантий безопасности, АЭС, энергетических поставок и экономической помощи для стабилизации коммунистического режима. По крайней мере Северная Корея неоднократно заявляла, что на таких условиях она может остановить свое ядерное вооружение. Возможно, так оно остается и сейчас, после того как Северная Корея в январе 2005 г. объявила себя ядерной державой и, вероятно, уже располагает 4–6 атомными бомбами. В принципе США и Южная Корея готовы пойти на такую политическую сделку. Благодаря ей Южная Корея смогла бы укрепить свою безопасность. Более всего она боится полного экономического и политического развала Северной Кореи, так как он может привести к массовому бегству жителей на юг, если северокорейские границы под общественным давлением будут открыты, либо он приведет к внезапному объединению страны, что для Южной Кореи будет иметь плачевные последствия. Судьба перестройки в СССР как реформирования коммунизма, а также объединение ФРГ и ГДР продемонстрировали северокорейскому коммунистическому режиму риски далеко идущей политики разрядки и открытия страны. Эти события также показали Южной Корее, как дорого обойдется интеграция бывшей коммунистической части страны в экономическом, социальном и политическом плане. При этом необходимо учитывать, что в случае с Германией жители бывшей ГДР составляли всего примерно одну пятую (21,3 % по состоянию на 1988 г.) от общей численности населения объединенной Германии, но в Корее при объединении страны доля северокорейского населения составляла бы почти одну треть (32,4 %). Несмотря на некоторую отсталость, экономика ГДР была самой развитой из всех стран социалистического лагеря, в то время как в Северной Корее в последние годы несколько миллионов людей, по всей видимости, голодали. Так что Южная Корея крайне заинтересована в том, чтобы экономическое положение Северной Кореи улучшилось, ее политический режим пе-

режил изменения, а страна постепенно стала ориентироваться на вариант мирного объединения. Южная Корея не хочет ни военного, ни внезапного мирного, но катастрофического объединения. Абсолютно неизвестно, в каком духовно-идеологическом состоянии находится северокорейский народ после десятилетий массивной индоктринации и информационной изоляции, которые сейчас несколько ослабли. Жители ГДР, благодаря доступу к западногерманскому теле- и радиовещанию, а также многочисленным межличностным контактам с западными немцами, хоть сколько-то были подготовлены к западным условиям жизни.

Заклучение пакта о ненападении с Северной Кореей, а также оказание ей экономической помощи для США будут намного выгоднее, чем риски, которые может вызвать военная атака ядерных объектов, которая, в свою очередь, может подтолкнуть КНДР к применению ядерного оружия в отношении Южной Кореи или даже США. До настоящего момента обе стороны не могли прийти к соглашению по поводу порядка мероприятий, которые должны быть ими приняты, а также методов проверки ликвидации значимых для военной промышленности атомных комплексов.

Если правительство Северной Кореи использует переговоры исключительно с целью выигрыша во времени для пополнения своего атомного арсенала, то (как в случае с Ираком, Ираном и ранее, в ином ракурсе, Ливией) возникает основной вопрос мировой политики, актуальный не только для США и Совета Безопасности ООН, но и для мировой общественности и всех государств, подписавших или желающих подписать Договор о нераспространении ядерного оружия, то есть для всего «сообщества государств». Это вопрос, нужно ли допускать дальнейшее ядерное вооружение других государств. Альтернативным решением была бы интервенционная война США и других государств с целью приостановки разработок или ликвидации ядерного, химического и биологического оружия в таких государствах, как Северная Корея, Иран, ранее – Ирак и Ливия. Остальные государства одобрили бы, поддержали или, по меньшей мере, после протестов смирились с ней, но никто бы ей не воспрепятствовал. В случае ядерного вооружения Индии и Пакистана Запад обошелся робкими и мирными санкциями, в то время как Россия и Китай не особо желанное ими официальное расширение круга ядерных держав просто приняли как факт. Непризнанное ядерное вооружение Израиля, в свою очередь, тоже не встретило особого сопротивления.

Согласно международно-правовым нормам, каждое государство имеет право отказаться от подписания Договора о нераспростране-

нии ядерного оружия, а также разорвать его после подписания. Кроме того, в международном праве нет таких норм, которые запрещали бы какому-либо государству разрабатывать вооружение для защиты своих границ. То, что мировым державам и демократическим государствам принадлежит по праву, средним и малым диктаторским государствам может быть разрешено или запрещено. Таким образом, иногда только воля политического большинства, а не международное право стоит за решением пресечь с помощью интервенционной войны обретение изолированными на международной арене малыми или средними диктаторскими государствами оружия массового поражения. Решение Совета Безопасности ООН о том, что атомное оружие, находящееся в руках определенных диктаторов, может создавать угрозу миру и потому вынуждает Совет Безопасности к действию, а в руках демократических и даже недемократических правительств официальных ядерных держав, напротив, может служить только для законной обороны, с точки зрения международного права было бы, по меньшей мере, крайне сомнительным, поскольку Совет Безопасности не имеет права произвольно интерпретировать нормы международного права, хотя и может это делать безнаказанно.

Военная интервенция в тот момент, когда производство оружия массового уничтожения еще только предстоит или когда еще не создан внушительный военный и ракетный арсенал, оправдывается тем, что превентивная ликвидация военного потенциала, который в будущем может быть использован агрессором, унесет гораздо меньше жизней, чем защита от мощного врага. В этом контексте как печальный пример роковой политики умиротворения и удовлетворения агрессора часто упоминается «Мюнхенский сговор». Вынужденное отторжение Судетской области от Чехословакии и присоединение ее к Германии, допущенное Великобританией, Францией и Италией, до сих пор цитируется как образец роковых уступок диктаторскому государству-агрессору, которые не ведут к установлению мира.

Напрашивающаяся противоположная позиция, не всегда достаточно аргументированная, гласит, что появлению новых стран, располагающих оружием массового уничтожения, нужно препятствовать исключительно с использованием мирных политических и экономических стимулов или средств давления, но никак не путем интервенционной войны для предотвращения производства такого оружия. Эта позиция подразумевает, что если не будет мирного международного сопротивления появлению новой, оцениваемой как потенциально агрессивной, ядерной державы, располагающей оружием массового уничтожения, необходимо ее запугивать применением ядерного

оружия. Сторонники данной позиции считают необходимым – если понадобится – осуществить модернизацию военных arsenалов уже давно признанных ядерных держав, то есть начать новую гонку вооружения с предполагаемым государством-агрессором и подспудно – также между мировыми державами. Таким образом, за отказ от интервенции, вероятно, тоже придется платить высокую цену.

3. Отказ от политики разрядки в Восточной Азии

Нерегулярное, но достаточно частое обострение корейского конфликта можно объяснить развитием ситуации внутри Кореи и политикой мировых держав в Восточной Азии. Несмотря на то что очень часто складывались предпосылки для разрядки в отношениях между двумя частями страны, опасность начала новой войны не исчезала никогда.

Корея, на протяжении столетий находившаяся под господством Китая, в 1905–1945 гг. сначала находилась под протекторатом Японии, затем была японским генерал-губернаторством и, наконец, даже японской провинцией. Еще в декабре 1943 г. США, Великобритания и СССР на встрече в Каире пообещали Корее восстановление ее независимости и подтвердили это обещание на Потсдамской конференции в июле 1945 г. Согласно решению, принятому ООН в ноябре 1947 г., после победы над Японией в Корее должны были пройти выборы под контролем ООН. Однако с момента капитуляции японских войск в сентябре 1945 г. страна была фактически разделена на американскую и советскую части демаркационной линией, проходящей по параллели 38° с. ш. Этому предшествовало решение, принятое тремя странами-союзниками на Тегеранской конференции в ноябре–декабре 1943 г. Советский Союз взял на себя обязательство через три месяца после капитуляции Германии, несмотря на советско-японский пакт о ненападении 1939 г., объявить войну Японии, что он и сделал 8 августа 1945 г. В ходе войны советские войска оттеснили японцев в Маньчжурию и Корею.

Чтобы предотвратить оккупацию Японии Советским Союзом, 6 августа 1945 г. (то есть за два дня до объявления СССР войны Японии), США сбросили атомную бомбу на Хиросиму. Предполагалось, что это ускорит капитуляцию Японии, но это не помешало советским войскам принять участие в оккупации Кореи до 38° с. ш. Если не брать в расчет отторжение восточных областей Германии, включенных в состав Польши, и изгнание с этой территории немцев, Советский Союз

получил в Германии оккупационную зону не меньшую, чем в Корее. Северная Корея по площади превосходила Южную (123 000 кв. км против 99 000 кв. км). Советская оккупационная зона в Германии занимала площадь 108 000 кв. км, западная оккупационная зона – 249 000 кв. км. Тем не менее на сегодняшний момент население Южной Кореи более чем вдвое превышает население КНДР (49 млн человек против 24 млн).

Разделившая Корею демаркационная линия, установленная державами-победительницами, впоследствии стала государственной и общественно-политической границей, как это было во Вьетнаме, Германии, а позже и в Китае. Находившаяся в ссылке в Северной Корее «Иркутская группа» корейских коммунистов под предводительством Ким Ир Сена захватила власть, бойкотировала проходившие 10 мая 1948 г. выборы (таким образом, они состоялись только в Южной Корее) и в сентябре объявила об образовании Корейской Народной Демократической Республики – через месяц после того, как в южной части страны была провозглашена Республика Корея. В КНДР установился своеобразный жесткий политический и идеологический режим сталинизма, а в 1960 г. страна успешно избежала вмешательства в советско-китайский конфликт. Решение о том, кто станет наследником умершего в 1994 г. Ким Ир Сена растянулось на три года, в итоге генеральным секретарем коммунистической партии был выбран его сын Ким Чен Ир. Это был первый случай установления династии в социалистическом государстве. В декабре 2011 г. Ким Чен Ира сменил его сын Ким Чен Ын. В Южной Республике Корея сначала установилась президентская диктатура Ли Сын Мана (1948–1960), за которой после просуществовавшей девять месяцев Второй Республики в 1961–1987 гг. появилась военная диктатура Пак Чон Хи и затем Чон Ду Хвана (1961–1987 гг.). После этого оппозиция благодаря отчаянному противостоянию способствовала постепенной демократизации Кореи.

Первыми заметными ростками политики разрядки внутри Кореи в 1971 г. стали переговоры по поводу воссоединения семей. В 1972 г. успешно прошли тайные переговоры об отказе от провокаций и о проведении горячей линии между Сеулом и Пхеньяном. Тогда же был учрежден комитет по координации между обоими корейскими государствами. Однако уже в 1973 г. диалог между Севером и Югом прекратился. В 1979 г. оба правительства вновь осторожно пошли на сближение. Однако первая встреча глав обоих правительств состоялась только в 1990 г. в Сеуле после начала демократизации Южной Кореи. Переговоры по поводу воссоединения страны прошли безуспешно.

В 1985 г. Северная Корея подписала Договор о нераспространении ядерного оружия, однако не разрешила МАГАТЭ осуществлять проверки своих атомных объектов, так как США отказывались вывезти из Южной Кореи свои ядерные установки. Важной основой для будущей разрядки в отношениях между обоими корейскими государствами стало принятие их в сентябре 1991 г. в ООН. В декабре того же года они подписали соглашение о примирении и ненападении.

В марте 1993 г. после совместных американских и южнокорейских военных учений Северная Корея заявила, что расторгнет Договор о нераспространении ядерного оружия. В 1994 г. США все же удалось заключить соглашение о приостановке северокорейской атомной программы. Оно предусматривало остановку двух северокорейских атомных реакторов, подходивших для производства плутония, и осуществление над КНДР контроля МАГАТЭ. К тому моменту Северная Корея уже имела 8000 использованных топливных стержней, переработки которых хватило бы для изготовления 4–6 бомб. Для возмещения работы обоих реакторов и прекращения использования топливных стержней Северная Корея должна была получить два легководных атомных реактора, которые должны были быть установлены международной Организацией по развитию энергетики Корейского полуострова (KEDO, Korean Peninsula Energy Development Organization), 70 % финансирования которой лежало на Южной Корее. Предполагалось, что до окончания строительства Северная Корея должна была ежегодно получать 500 000 тонн нефти.

В 1997 г. в Женеве начались предварительные переговоры между Северной и Южной Кореей, США и КНР по поводу отмены соглашения о перемирии (1953) и замены его мирным договором. Северная Корея хотела заключения мирного договора только между обоими корейскими государствами и вывода американских войск с территории Южной Кореи.

Новые импульсы для политики разрядки в отношениях между корейскими государствами появились после избрания в феврале 1998 г. президентом Республики Корея Ким Дэ Чжунга, представителя долгое время подавляемой демократической оппозиции. Он взял курс на осторожное сближение с Северной Кореей (т. н. «политика солнечного тепла»). Эта политика получила крайне неоднозначную оценку в Южной Корее, но вызвала широкий международный резонанс. Лишь позже стало известно, что Ким Дэ Чжунг добился расположения Ким Чен Ира благодаря тому, что тайно заплатил ему 500 млн долларов. Этот факт и замешанность обоих сыновей Ким Дэ Чжунга в коррупции помешали ему в январе 2003 г. снова выставить свою

кандидатуру на пост президента. Впервые главы обоих корейских государств встретились в августе 2000 г. в Пхеньяне и провели переговоры по поводу состоявшейся из четырех пунктов программы новой эры сотрудничества и понимания.

Шагами на пути к примирению и воссоединению должны были стать воссоединение семей, экономическое и культурное сотрудничество и начало работы пограничных пунктов, закрытых в 1996 г. Массштабы воссоединения семей оказались, однако, крайне скромными. Сначала сотне северных и южных корейцев было разрешено совершить четырехдневную поездку в Сеул и Пхеньян. Подобные небольшие встречи иногда проходили вплоть до нового обострения межкорейских отношений в 2009 г. При этом надо учесть, что 1,2 миллиона северных корейцев из-за войны бежали в Южную Корею. В 2000 г. началось восстановление железной дороги между Севером и Югом, которая была торжественно открыта в 2003 г., как и первое дорожное сообщение, затем было также установлено туристическое воздушное сообщение. В расположенном недалеко от границы городе Кэсон по инициативе фирмы «Hyundai» была учреждена особая северокорейская экономическая зона. На Олимпийских играх в Сиднее (2000) и в Афинах (2004) обе корейские команды вышли на стадион под общей табличкой «Корея», но в 2008 г. в Пекине они снова разделились. Евросоюз поддержал процесс разрядки тем, что многие европейские правительства установили дипломатические отношения с Северной Кореей. Награждение Ким Дэ Чжунга в 2001 г. Нобелевской премией мира необходимо понимать в этом контексте.

В тот же период резко ухудшились отношения между Северной Кореей и США. Это произошло после того, как в 1998 г. Северная Корея запустила в Тихий океан ракеты, пролетевшие над Японией, и тем самым продемонстрировала, что способна производить ракеты дальнего радиуса действия, которые могут представлять угрозу Японии и США. После согласия США на поставки в Северную Корею продуктов питания, крайне важных для населения Северной Кореи и сохранения ее режима, в сентябре 1999 г. КНДР ввела ядерный мораторий. В 1999 г. северокорейское правительство впервые публично объявило, что в стране за последние три года от голода скончались 220 000 человек; по оценкам американских и северокорейских экспертов к этому моменту в Северной Корее жертвами массового голода стали почти три миллиона человек. Кроме противоречий вокруг северокорейской атомной и ракетной программы, на политике разрядки заметно отразились частые боевые стычки между северо- и южнокорейскими военными кораблями в Желтом и Японском морях

(поскольку морские границы между КНДР и Республикой Корея четко не определены), а также разоблачение и уничтожение шпионских кораблей Северной Кореи в южнокорейских водах. Только в мае 2004 г. между морскими силами обоих государств была установлена «горячая линия» с тем, чтобы избежать подобных инцидентов. Тем не менее во время кризисов Северная Корея не раз ее обрывала. Затонувший южнокорейский корвет «Чхонан», а также артиллерийский обстрел южнокорейского острова Ёнпхёндо снова вызвали международную напряженность.

После вступления в должность президента Джорджа Буша, обвинявшего своего предшественника Билла Клинтона в *appeasement** Северной Кореи, отношения между США и КНДР резко ухудшились. В марте 2001 г. Дж. Буш потребовал проведения более жесткой политики в отношении Северной Кореи, которая после этого прервала диалог с Южной Кореей. В октябре 2001 г. КНДР признала, что уже два года осуществляет программу по обогащению урана. Несмотря на то что Пхеньян осудил теракт 11 сентября 2001 г., в январе 2002 г. Буш причислил Северную Корею к странам «оси зла», кроме того, ее официально признали «страной-изгоем» и «оплотом тирании». Некоторые высказывания, например, заявление бывшего вице-президента США Ричарда Чейни («Президент уполномочил меня убедиться в том, что в этом мире не будут вестись переговоры ни с одной тиранией. Мы не ведем переговоры со злом, мы его побеждаем») были восприняты Северной Кореей как объявление Соединенными Штатами агрессивной войны и стимулировали развитие северокорейской атомной и ракетной программы. Такой же эффект имело дипломатическое «принуждение» к заключению договора, в котором США при поддержке Китая и России давали бы Северной Корее гарантии безопасности в ответ на замораживание ее программы вооружения. США же, наоборот, требовали приостановить эту программу и ликвидировать уже существующий, пригодный для производства оружия ядерный потенциал как условие предоставления гарантий безопасности и оказания экономической помощи. В октябре 2002 г. Северная Корея еще раз подтвердила, что осуществляет незаконное обогащение урана. После того как США вслед за этим остановили поставки в КНДР нефти, последняя признала соглашение 1994 г. недействительным. В декабре 2002 г. было объявлено о возобновлении работы атомных реакторов, инспекторы от МАГАТЭ были выставлены с ядерных объ-

* Умиротворение (англ.).

ектов. Очевидно, что Северная Корея использовала иракский кризис для выражения угроз применить свое ядерное оружие. В январе 2003 г. КНДР заявила о том, что более не будет участником Договора о нераспространении ядерного оружия, однако была готова отложить свой выход из договора и участвовать в переговорах по поводу пакта о ненападении и уважении суверенитета Северной Кореи, а также принять экономическую и энергетическую помощь.

США отреагировали достаточно сдержанно: они укрепили свое военное присутствие в Северо-Восточной Азии. После этого Северная Корея объявила о своей готовности нанести превентивный удар и расторгнуть договор о перемирии от 1953 г. В конце февраля вновь заработал реактор в Йонбёне. Китай и Россия высказались против осуждения выхода КНДР из договора о нераспространении, чтобы способствовать переговорам между США и Северной Кореей. В конце концов удалось договориться, что в августе 2003 г. в Пекине пройдут переговоры между США, Японией, Северной и Южной Кореей, Россией и Китаем. Эти переговоры «шестерки» неоднократно прерывались на долгое время. Ситуация осложнилась в августе 2004 г., когда Южная Корея сообщила МАГАТЭ о лабораторных испытаниях по химическому обогащению урана и производству плутония. Она заявила, что с 1982 по 2000 г. проводились эксперименты по разработке атомного оружия и производству незначительного количества материала, подходящего для производства атомного оружия, якобы исключительно слишком усердными учеными. Правительство Республики Корея объявило, что не заинтересовано в производстве и владении атомным оружием.

Дальнейшая эскалация конфликта была вызвана тем, что 10 февраля 2005 г. Северная Корея официально объявила себя ядерной державой, а 2 марта стала угрожать возобновлением испытаний ракет дальнего действия. Однако в июле она вновь выразила готовность принять участие в переговорах «шестерки». После осложнения ситуации в Ираке, противоречий с Ираном и внутривосточных проблем, вызванных наводнением в Новом Орлеане, США на некоторое время снова стали более мягкими в отношении Северной Кореи. В рамках глобального преобразования американских вооруженных сил и войны в Ираке 12 500 из 38 000 американских солдат покинули Южную Корею, в итоге там осталось 28 500 человек. Южная Корея хотела затянуть вывод американских войск и до конца 2008 г. отправила в Ирак большой военный контингент, третий по величине из всех стран, пославших туда свои вооруженные силы. В сентябре 2005 г. в результате переговоров «шестерки» было достигнуто согла-

шение, что КНДР остановит реализацию своей атомной программы и в качестве компенсации получит от США и их союзников гарантии безопасности и экономическую помощь. В 2007 г. Северная Корея действительно взорвала атомный реактор в Йонбёне и охладительную башню. Спустя несколько месяцев международные отношения опять ухудшились, когда президентом Южной Кореи был избран консерватор Ли Мён Бак. Северная Корея возобновила разработки атомного оружия и 25 мая 2009 г. второй раз провела подземные испытания атомной бомбы, мощностью примерно соответствующей бомбе, сброшенной на Хиросиму. За месяц до этого был осуществлен запуск ракеты дальнего действия, что стало причиной срыва переговоров «шестерки». 12 февраля 2013 г. Пхеньян провел третьи испытания, а за два месяца до этого Северная Корея отправила в космос ракету и тем самым продемонстрировала, что располагает ракетами с ядерными боеголовками, которые могут достичь западного побережья США. После этого Совет Безопасности ООН и Евросоюз ужесточили санкции, на которые КНДР ответила разрывом Договора о ненападении, заключенного с Южной Кореей в 1991 г., введением военного положения, одобрением ядерной атаки на США и закрытием особой экономической зоны Кэсон. В мае 2013 г. обстановка все же несколько разрядилась.

4. Опасность ядерной войны или продолжительный раскол Кореи

Какие последствия могут повлечь за собой оба варианта действий США? Не исключено, что в случае бомбардировки северокорейских ядерных объектов КНДР будет в состоянии применить атомное оружие против дислоцированных на территории Южной Кореи вооруженных сил США или против самих США, что может вызвать ответное применение Штатами ядерного оружия в качестве мести. Но даже если Северная Корея не располагает атомным оружием, все равно можно ожидать массированного нападения на Южную Корею, которое способно вылиться в затяжную войну. Это может вызвать значительную напряженность в отношениях с Россией, Китаем и некоторыми другими государствами. Даже если в обоих случаях дело не дойдет до мировой войны, обычная региональная война или ядерная война с незначительным применением атомного оружия могут иметь для мировой политики катастрофические последствия. Авторитету США как мировой державы, возможно, будет нанесен непоправимый урон, даже в глазах их союзников. Обычная воен-

ная держава не может вызывать уважения на международной арене или удерживать его надолго. Антиамериканский терроризм может получить значительный импульс к усилению, даже если действия США отпугнут остальные государства от более или менее открытого стремления обрести статус державы, владеющей оружием массового поражения.

Гарантии безопасности от военной интервенции, а также широкая экономическая помощь вполне могут на некоторое время стабилизировать северокорейский режим. Представители северокорейской власти еще менее, чем раньше, будут ожидать заметной международной реакции на то, что они угнетают свой собственный народ. Возможно, будут иметь место только весьма скромные по масштабам реформы в рамках существующего режима или мирная смена политической системы.

По всей видимости, снабжение КНДР энергией из-за рубежа и прочая экономическая помощь недолго смогут компенсировать отсталость промышленных объектов и отсутствие модернизации экономики и поддерживать существующий режим. В подобном случае можно ожидать тяжелых катастрофических последствий внутри страны, которые при неблагоприятном стечении обстоятельств могут привести к войне с Южной Кореей, к масштабному экономическому кризису на Юге или к политике отграничения от терпящего бедствие Севера.

5. Ядерное устрашение и сотрудничество

Какая национальная и международная политика может быть рекомендована в отношении Кореи в контексте обрисованных выше обстоятельств? Цена, которую, возможно, придется заплатить за политику военной интервенции, во многих отношениях слишком высока: для жителей обоих корейских государств, для региональной безопасности и для международного положения США как мировой державы. Даже если принимать во внимание всю критику разных элементов внутренней и внешней политики США, полная потеря ими авторитета нежелательна, поскольку остальные государства пока еще не способны разработать совместную мировую политику и нести за нее ответственность. Во время президентства Джорджа Буша политический, моральный и экономический престиж США в мире резко упал. Дипломатический стиль Барака Обамы, демонстрирующего большую готовность к международному сотрудничеству, укрепил ав-

торитет США, но пока незаметно, чтобы это сказалось на корейском конфликте.

Цена отказа от военной интервенции или от угроз ею тоже, конечно, высока, но, по всей вероятности, она ниже, чем цена вооруженного вмешательства. Политическая и моральная вина неизбежно лежит на интервенте, поскольку никогда нельзя быть уверенным, что некое государство намеревается совершить агрессию, чему есть многочисленные доказательства. При проведении политики непровоцирования КНДР и отказа от интервенции следует учитывать, что диктатуры не вечны, могут рухнуть в любой момент, или в этих странах даже может произойти мирный переворот до того, как дело дойдет до агрессивной войны. Осторожная и умелая поддержка выступающей за разоружение оппозиции внутри диктаторского государства вполне может быть частью политики военного невмешательства и ограничения числа государств, владеющих оружием массового уничтожения. Примерами такой политики ограничения распространения ядерного потенциала в недавнее время стали разоружение Украины, Казахстана и Белоруссии, а также отказ ЮАР от реализации своих планов по ядерному вооружению. Мирная политика ограничения числа ядерных государств может вызывать доверие только тогда, когда ядерные державы обязуются отказаться от права нанесения первого ядерного удара и привлекут другие государства к защите с помощью ядерного устрашения, поскольку полное разоружение на необозримое будущее пока остается маловероятным.

6. Системный кризис в Северной Корее и опасность войны

В настоящее время нет реальной опасности того, что США совершат атаку на северокорейские ядерные объекты. Во-первых, из-за обстоятельств на Среднем Востоке приоритетом для США является иранская атомная программа, чтобы воспрепятствовать появлению еще одной ядерной державы. Во-вторых, Северная Корея может удачно использовать войну в Ираке и затяжной иракский кризис для создания ядерного оружия, поэтому бомбардировка северокорейских ядерных объектов может вызвать локальную ядерную войну, то есть нападение на Северную Корею связано с большими рисками, чем интервенция в Иран. В-третьих, гибель многих американских солдат и провал американской политики в Ираке и Афганистане привели к снижению популярности политики военной интервенции и администрации Джорджа Буша среди американского населения, поэтому

сомнительно, что Буш будет в дальнейшем вести интервенционные войны. Хотя вряд ли можно было рассчитывать на смену Бушем политического курса, руководству Республиканской партии следовало иметь в виду свои возможности в управлении страной после завершения эры Джорджа Буша и ухода с поста преемника российского президента Владимира Путина, сменившего последнего в 2008 г. В этих обстоятельствах американская политика угроз Северной Корее не должна была возыметь действия. Так, в 2007 г., еще до вступления в должность Барака Обамы, был заключен компромисс, согласно которому оба государства отказывались от своих максимальных требований, больше касавшихся последовательности действий сторон договора, чем их сути. Однако новое консервативное правительство Южной Кореи под руководством Ли Мён Бака в 2008 г. прервало сотрудничество с КНДР, возобновившей после этого обогащение урана. С тех пор ситуация обострилась из-за второго испытания северокорейской атомной бомбы в 2009 г. и военных столкновений в марте и сентябре 2010 г.

Внутриполитические волнения в Северной Корее полностью непредсказуемы. Массовый голод, по всей видимости, не способен их вызвать. К нему должна добавиться борьба за власть внутри узкого круга коммунистической партийной элиты, которая скорее всего произойдет в случае тяжелой болезни или смерти нынешнего лидера партии Ким Чен Ира*. Но пока ничего не известно о движении за реформирование коммунизма, а также о том, чтобы в истории коммунистических партий имели место внутренние бунты против партийного руководства.

У Южной Кореи есть всего лишь несколько возможностей проведения осторожной политики разрядки и кооперации с КНДР без поддержки США. Она должна расширять особую экономическую зону в Кэсоне и когда-нибудь попытаться восстановить спорадические и строго контролируемые семейные встречи. Поставки продовольствия и иная экономическая помощь могут в некоторой степени помочь разрядке в отношениях между северным и южным корейскими государствами. Однако Южная Корея остается зависимой от присутствия американских войск, непопулярных в стране из-за нападений на местное население. Южная Корея должна подготовить план действий на случай внезапного объединения страны, с которым ей придется столкнуться в случае падения северного коммунистическо-

* Ким Чен Ир умер в 17 декабря 2011 г., его преемником стал его сын Ким Чин Ён. (*Прим. пер.*)

го режима или больших потоков беженцев, которые нельзя будет перенаправить, ни остановить. Мгновенного объединения экономической и валютной систем после отпугивающего примера Германии политически избежать будет очень сложно. На настоящий момент публичное обсуждение сценариев объединения Кореи представляется невозможным, даже несмотря на то что их разработкой занимаются лучшие умы Южной Кореи, а также, возможно, и США. Этим вопросом стоит заняться и ЕС.

Научное издание

Ян Эгберт

**Спорные политические вопросы
с точки зрения современной истории**

Перевод с нем.

Марии Алексеевны Елизарьевой

Ведущий редактор *Н. А. Волынчик*

Редактор *В. Т. Веденева*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *А.Ю. Никулин*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*

Компьютерная верстка *С. В. Ветрова*

Корректурa *Т. Г. Суворова*

Л. Р. № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 16.10.2014.

Формат 60x90/16. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 22,5.

Тираж 1500 экз. Заказ №

Издательство «Политическая энциклопедия»

127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1

Тел.: 8(499) 685-15-75 (общий, факс), 8(499)709-72-95 (отдел реализации)